

**Александр Владимирович Тюрин Сергей Анисимов Андрей
Уланов Андрей Мартьянов Людмила и Александр Белаш
Алла Гореликова Виктор Павлович Точинов Владимир
Кантровский Вадим Шарапов Дмитрий Токарев
Ядерное лето 39-го (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
«Ядерное лето 39-го (сборник)»: Яуза, Эксмо, ; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32265-7

Аннотация

Если верить братьям Стругацким, в следующем веке будет создан Институт экспериментальной истории. Но пока история еще не стала точной наукой вроде физики или химии, мысленные эксперименты ставят писатели, работающие в популярном жанре альтернативной фантастики. Как изменился бы наш мир, если бы Сталину удалось форсировать ядерные исследования и первая атомная бомба была испытана «ядерным летом» 1939 года, в ходе боев на Халкин-Голе? А если бы план «Барбаросса» увенчался полным успехом и Гитлер одержал победу во Второй мировой? А если бы Кубинский кризис перерос в полномасштабную ядерную войну? А что, если уже завтра войска НАТО начнут прямое вторжение в Россию – как скоро американские танки дойдут до Москвы? Ведущие отечественные фантасты – Андрей Уланов и Сергей Анисимов, Андрей Мартьянов и Александр Тюрин, Людмила и Александр Белаш и др. – экспериментируют с историей, переписывая прошлое, переигрывая настоящее и будущее.

**А. Уланов, С. Анисимов, А. Гореликова, М.Шевляков, Л.
Белаш, А. Белаш, Д. Токарев, А. Тюрин, В. Кантровский, В.
Точинов**

Ядерное лето 39-го

Александр Тюрин
Царства казака Сенцова

1

С привала снялись быстро, словно воробьи, наклевавшиеся крошек – Никитка Келарев притиснул вдруг свое оттопыренное ухо к земле, послушал недолго и проговорил скучным голосом:

– Скачут со стороны холма, скоро здесь будут.

Я, как сидел, так и подскочил над невысокой выжженной травой. А на высотке меж деревьев-палочек уже мелькает десятка два темных пятнышек. Это Зегерс с отрядом интернационалистов имени Парвуса. А я-то рассчитывал, что после переправы выиграем день, чтобы раствориться в горах. Да и была надежда – не сунется он на афганский берег.

– Никита, снимай недоузки. Сивого не навьючивать, и так уж хромает, бедолага. Двинем к ущелью Кызылбаш.

И вот горная дорога снова вьется подо мной, а порывистый ветер рвано свистит, врываясь в уши. Я посреди цепочки, впереди – Келарев с Иловайским, замыкают Пантелеев и ротмистр Суздальцев на храпящем жеребце.

А ведь предал нас тот аксакал, которого мы повстречали за переправой через Пяндж. Келарев предлагал тут же перекрестить его шашкой, а я чего-то пожалел, старик уж совсем как каменный «баба» застыл. Сентиментальность, похоже, боком выходит.

Интернационалистов нельзя ближе, чем на полверсты, подпускать, иначе посрезают нас из винтов, у них амуниции раз в десять больше, чем у нас. В ущелье Кызылбаш мы тропки заранее проведали, быстро пройдем, пока Зегерс со своими латышами и эстляндцами будет за кручи цепляться.

Но сможем ли еще до ущелья оторваться от преследователей? Хоть и отдыхали мы с полудня, однако у вражьей силы лошадки посвежее. Наши-то, считай, от самого Иргиза в походе, под чепраками шкура чуть ли не до крови вытерта.

Дорога под копытами валиком крутиться, а я как будто на одном месте застыл в самой середине вселенной. Но вот громыхнул первый выстрел, и сразу зябь прошла между лопаток.

– Разделиться надо, Вашбродь, – крикнул вахмистр Пантелеев.

Кличка тут у меня Вашбродь, поскольку на «ваше благородие» не слишком смахиваю. А командовать отрядом должен по уставу драгунский ротмистр Суздальцев. Но он еще под Астраханью заговариваться стал. Построит отряд – и вместо грозного окрика: «Разговорчики в строю!» может сказать: «Поцелуйчики в строю». А на Иргизе ему духи начали являться, поодиночке и коллективно.

– Вашбродь, ну-тко отправляйтесь прямо по тропе вместе с ротмистром и Келаревым, а я с Иловайским от вас приотстану. Мы к скале Зулькарнайн поедem, и латыши, как пить дать, за нами. Мы там как-нибудь по спуску проковыляем, а интернисты эти все ноги переломают на камнях. Вы за Кызылбашем поворачивайте к югу. У кишлака Маверан, бог даст, и встретимся.

Вместе нам теперь ехать только до сухого русла. От реки осталась лишь скучная серая рытвина, а за ней бывший высокий берег, ныне каменная стена яра. Пантелеев с Иловайским вдоль стены налево понеслись, на виду у латышей, а мы скрылись в разломе, оставшемся от какого-то исчезнувшего притока, и через каких-нибудь полчаса достигли ущелья Кызылбаш.

С севера послышался треск выстрелов, значит, ввязались наши товарищи в бой. А мы въехали в ущелье, и стало так тихо-тихо.

Лошади перешли на шаг, пусть остынут. Где-то с час мы двигались в проходе меж скал, извилистом и длинном, как кишка барана, почти задремали, и вдруг наш придворный безумец Суздальцев встрепенулся и махнул рукой вперед.

– Там ОНИ.

– Никого не замечаю, господин ротмистр, – вежливо сообщил я.

– Вот же ОНИ, сотник. Кони вороные, мрачные, вышагивают на длинных, словно тростниковых ногах, а голоvenки мелкие, невместительные; всадники же бледно-зеленые, облепленные паутиной, она всех их связывает, а над воинством хвостатая фигура летит.

Тяжело, когда товарищ свихнулся, а доказать ему это невозможно... И в самом деле послышался топот конский.

– Всем спешиться. Господин ротмистр, отыщите какую-нибудь нишу между скал, уведите туда коней и протрите-ка их травкой, чтоб не простудились. Келарев, давай вверх по склону, займи позицию для ведения огня и примкни взгляд вон к тому повороту. Надеюсь на твой кругозор.

Мы стали резво карабкаться по осыпающимся камням, а потом попрятались за глыбами повнушительнее: Келарев в нескольких саженьях выше меня. Едва схоронились, как зацокал конный отряд. Но не интернационалисты-латыши, а магометане с крашеными хной бородами и черными очами. Впереди, как и принято, самые важные, пускают пыль в глаза. Халаты парчовые, тюрбаны белые; сбруи конские, ножны и эфесы сабель изукрашенные. Так блестят на солнце, что глазам больно. Следом едут люди чуть менее важные, но опять приятно посмотреть: маленькие круглые щиты, большие кривые сабли и даже стальные нагрудники, отделанные чернью и зернью. Про английские карабины тоже не забыто. Это, скорее всего, бадахшанские афганцы пожаловали.

– Вашбродь, я тут расселину, а может, всамделишный проход приметил, – прошипел Келарев. – Может, юркнем?

– А ротмистра, значит, бросим на съедение этим? Ах ты, каналья!

– Виноват, ваше благородие, я думал, что от свихнутого-повернутого нам мало толку, но после ваших слов сразу понял, что ошибался.

– Ты не думай, а то много ошибаться будешь.

И вдруг навстречу магометанам выехал отряд Зегерса – вернее, где-то половина его. Афганцы на какое-то мгновение застыли, но своевременно грохнуло два выстрела, а затем пошло тарахтенье. Я даже не сразу сообразил, что это Келарев для почину пару раз пальнул. Один раз по магометанам, а другой – по интернационалистам, и те принялись ответно садить друг в друга. Наконец те из латышей, что живы остались, двинули врассыпную. Одни, на конях, вскачь обратно по ущелью, однако магометане их догоняли и рубили. А другие интернационалисты вверх по склону стали карабкаться, быстро так, и прямо на нас. Пока я раздумывал, стрелять или не стрелять, рядом появился Зегерс – белоглазый мужчина крупного калибра. Он ухватил мою винтовку за дуло и рванул в сторону, так что выстрел бесполезным получился. Зегерс тут же замахнулся свободной рукой, а в руке у него германский широкий тесак. Я едва успел ухватить его руку пониже локтя. Но белоглазый прибалтиец – жилистый как зверь, и дыхание в нем гуляет, словно ветер в бочке. Стал он меня пережимать. Нужно мне меры предпринимать экстраординарные, иначе убьет. Пнул его коленом в живот, а он стоит как столб и в ответ потчует меня локтем в физиономию, так что мои мозги поворачиваются набекрень. Приготовился уже Зегерс чикнуть меня своим тесаком, как вдруг голова его резко дернулась, глаза закатились, и весь он назад рухнул. А позади него оказался хорунжий Келарев, опускающий приклад своей винтовки.

– Хорошо я его угостил, – говорит.

А там и мне пришлось ухватить винтовку, точно дубину, и отделать двух интернационалистов. Прежде чем получить по кочану, нехристи эти вопили: «Verdammtе Scheisse!»¹ Наконец латыши куда-то исчезали, а неподалеку появился ротмистр Суздальцев. Он с бодростью горного барана торопился вверх по склону, а за ним цепью, но поотстав шагов на пятьдесят, шли спешившиеся афганцы. Они постреливали, но вяло, будто

¹ «Проклятое дерьмо!» (нем.)

хотели взять его живым.

– Сюда, ротмистр.

Суздальцев нас заметил, афганцы тоже – стали стрелять не на шутку, я видел облачка каменной трухи там, где пули лупили по скалам. А нам и ответить нечем: у Келарева два патрона, у меня один.

Все-таки пожалел местный Аллах бедного больного ротмистра – Суздальцев допрыгал до нас, и мы втиснулись в расселину. Не зря Келарев назвал эту дыру проходом. Поддувает приличный сквознячок – значит, имеется где-то вторая дыра. Лишь бы годилась по размеру для выхода.

Сгустилась тьма, шли мы на ощупь, а кварц своими острыми гранями пытался раскровянить нам пальцы. Похоже, афганцы не решились нас догонять, сочтя, что мы отправились в гости к шайтану.

Ротмистр Суздальцев в этом подземелье опередил меня. Бодрости ему не занимать – спереди доносилось его чуть хриплое пыхтение.

А потом руки перестали прощупывать узкие стены тоннеля, ветерок поменял направление, и стал поддувать откуда-то сверху. Вдобавок ко всему этому добавился шум падающей воды.

– У меня немного спирта осталось, – сказал напряженным горлом Келарев. В два приема он сообразил небольшой факелок и осветил подземелье. Открылись тут такие виды удивительные – хотя за годы войны, казалось, повидал я все, и все успело мне наскучить.

Попали мы в пещерный зал с высоченным сводом, а стены у него из разноцветного кварца и горного хрусталя. Откуда-то из-под самого свода, саженей с тридцати, извергался поток. Он наполнял озерко, а поскольку вода не залила до сих пор всю пещеру, куда-то она и вытекала.

Ко мне подошел радостный Суздальцев.

– Красота-то какая, – выдохнул он. – Но ОНИ рядом.

– Кто ОНИ?

– Зегерс и его латыши.

– Да он уже – верный труп. Ему Келарев башку расколол. Зегерс теперь может только в роли призрака фигурировать, как папаша Гамлета.

– Он жив и здоров, – сказал с упорством Суздальцев. – Он был убит ТАМ, но не здесь.

– Там, но не здесь?

– Представьте, что мы принадлежим сразу нескольким мирам – я, вы, Келарев, Зегерс с латышами.

Хорунжий Келарев в ответ на такие слова ротмистра выразительно постучал себя пальцем по лбу. Получилось довольно громко.

– Вы, господин ротмистр, кажется, учились в Петербургском университете? – уточнил я.

– Да-с, изучал физику с математикой. И хотя на действительной военной службе с мая пятнадцатого года – за плечами и Луцкий прорыв, – но с достижениями науки знаком.

– И достижения науки, позвольте спросить, имеют какое-то отношение к вашим словам насчет «многих миров»?

– Имеют, господин сотник. Например, теория множеств.

– «Множеств». Где-то я уже слышал это слово.

– Посудите сами, господин сотник, – стал с готовностью объяснять ротмистр. – Если один из миров пришел к концу, к термодинамической смерти, то вся вселенная, конечно же, не должна погибнуть вместе с ним. Из этого следует, что миров должно быть много. Каждый мир, в свою очередь, это множество объектов. Можно предположить, что может существовать множество объектов, которое принадлежит сразу нескольким мирам. Хотя бы потому, что природа экономна.

Я хотел было отмахнуться от нашего «мудреца», предложив ему вычислить объем и площадь поверхности пещеры, как вдруг из прохода, ведущего к пещере, послышался скрип

сапог.

– Это ОНИ идут, – спокойно сказал Суздальцев. – Скоро мы найдем выход из этой пещеры, но еще раньше ОНИ найдут нас.

ОНИ или не они, а потревожиться надо. Я еще раз оглядел пещеру. Выше наших голов саженной на пять пещерная стена имела изъяс, небольшой выступ. Сужаясь, он продолжался над озерком, а за ним втягивался куда-то в темноту, в расщелину, которая расколола кварцевую стену.

– Похоже, там есть выход, господа.

Первым вскарабкался Никита Келарев, ловко используя ногами любой выступ в скале, потом Суздальцев. Келарев протянул ему руку и втянул на «мостик». Я получше приладил винтовку и собрался было проявить ловкость необыкновенную, как вдруг из прохода вышел Зегерс – с кровью в уголках рта, но вполне дееспособный и с красным отсветом в белых чудских глазах. Вместе со своим командиром появилось еще пять латышей с факелами.

Я стрельнул, но смазал – и полез наверх, надеясь только на мрак. До выступа добрался в мгновение ока—страх будто приделал мне перья – и, как мадам Кшесинская на пуантах, двинулся в сторону расщелины. Балет едва не закончился, когда латыши пристрелялись по мне. На мое счастье, пещерная стена образовывала здесь изгиб вроде контрфорса – и он охотно прикрыл меня. Однако и латыши стали с обезьяньей ловкостью карабкаться вслед за мной; мне даже показалось, что их ноги оснащены когтями. Нет, от таких летучих обезьян мне не удрать.

Я замер за «контрфорсом», чтоб не стать легким трофеем, и слушал, как приближаются интернационалисты. Они-то были спокойны, словно хищные звери. А у меня сердце колотится, как у суслика, стыдно даже.

Вот из-за «контрфорса» неосторожно высунулось винтовочное дуло, да еще со штыком. Я – хват рукой, веду его вниз и дергаю вбок; латыш шумно падает в пещерное озеро. Следующего преследователя награждаю зубодробительным ударом, попутно отклоняя в сторону длиннющий маузер. Но тут за меня взялся интернационалист Зегерс.

Силен белоглазый дьявол – взял меня за горло, давит, а я, как ни потчую его боксерскими ударами, отвадить не могу. Делаю руками замок, пытаюсь разомкнуть его захват поворотом вбок. И в итоге мы оба вместе в воду летим. Студеная, мерзлая она, а Зегерс все еще держит меня, словно Прометей прикованный, и тянет, как болванка, вниз. Молочу я руками и ногами, призываю силы небесные на помощь – а они не торопятся. Может, у них чай или полдник. Через десять минут закончат и придут на помощь. Только мне сейчас дышать хочется!

Под руку попадается какой-то камень, я что есть сил прикладываю его к голове Зегерса, а он меня все равно не пускает. И уже ни сил, ни воздуха в запасе. В груди, под гимнастеркой, дрожит остаток моей жизни. Он похож на клубок, из которого лезут нитки – один, другой, третий конец. Клубок разматывается и разматывается...

2

Кажется, я ухватился за одну из этих нитей. А это уже не что-то тонкое и узкое. Играет свет и тень, и вот уже готов коридор из мощных лучей. Лучи окружены ореолами, которые рождают новые пучки лучей. Свет несет меня быстрее, чем ураганный ветер осенние листья и былинки. С полминуты ничего не видно, кроме сияния. Наконец оно стало спадать...

Я лежал на берегу узкой горной речушки, плещущейся и булькающей в каменной теснине. Живой я, живой и даже довольный. Есть за меня заступники и молеельники, оттого и бог миловал. Сел я, а окрестности плывут перед глазами, словно танцуют. Не сразу угомонилось и утряслось мое «мировоззрение». Наконец эти танцы прекратились, и тогда я, пошатываясь, попытался встать на ноги. А это еще что за маскарад?

Я был облачен во вполне приличную, хотя и мокрую гимнастерку странной пятнистой окраски. Шаровары совсем не похожи на те лохмотья, что прикрывали меня прежде. И

сапоги новые хромовые – совсем не те чувяки, что еще пять минут назад отчаянно просили каши на моих ногах. И в теле какая-то сила, даже сытость, которой я давным-давно не ощущал. Мои собственные плечи притянули внимание своим золотым отсветом, глаз стал косить на погоны – как, я уже ЕСАУЛ? Впрочем, это чудо меня вполне устраивает...

Я, видимо, сильно ударился головой о что-то твердое. Давай-ка вспомню самое главное. Родился я в 1896 году от Рождества Христова в станице Кисловской Оренбургского казачьего войска. Так? Так. Когда мне было десять – не стало маменьки. Отец был тогда на воинских сборах, а мать ушла косить сено и не вернулась – наверное, звери разорвали. Есть у меня братишка и сестренка. Отучился я в Оренбургском юнкерском казачьем училище. А дальше что? Дальше как будто сквозь закопченное стекло смотрю. Началась война с немцами? Было это или нет? Три года тяжелой войны, где нас секли пулеметы и рвала картечь. А уронили ли кадеты российский скипетр и державу, издавали ли Троцкий с Лениным свои декреты, соблазнившие простонародье? Было то или не было? Расстреляли ли моего батьку красные в счет неуплаченной станичниками контрибуции? Наступал ли я на Астрахань и Царицын под началом атамана Дутова? Видел ли на снегу порубленных и раздетых казаков, болтались ли на веревках продотрядовцы? Удирал ли я от интернационалистов через весь Туркестан, словно вор последний? БЫЛА ЛИ Манечка, Мариам, которая прятала меня в сарае, когда красные искали наших на улицах Бухары?

Или нет? Ничего этого не было. Какие революции, какие большевики, что за фантазии декадентские? Я набрался таких ужасов у какого-нибудь петербургского литератора, у Андрея Белого, например; они мастера на это дело, ети их налево. Начитался на ночь, потом выпил водки и увидел страшный сон.

Я родился в 1896 году от Рождества Христова, но только не в Оренбуржье... а в станице Чистоозерной Сибирского казачьего войска. Матушка моя жива до сих пор. Хотя ее однажды украли немирные киргиз-кайсаки, но потом отбил казачий разъезд. Учился в Омском казачьем училище. И никакой мировой войны с германцами не случилось. В конце-то концов, чего нам с ними делить, если наши императоры в родстве состоят? Не Балканы же? Балканы – наши уже пятьсот лет, с тех пор как Русь и Византию счастливо соединила уния. Русские полки в славном 1453 году помогли кесарю Палеологу загнать османов обратно в пустыню. А византийский флот помог удушить кровопийное крымское ханство. И потянулись русские крестьяне с холодного междуречья Оки и Волги в Малую Азию, виноград выращивать. И поплыли флотилии, возглавляемые знаменитым кормчим Афанасием Никитиным, на славный своими богатствами Восток. Так ведь написано в учебнике истории.

А вот у немцев с французами другое дело, глубокая неприязнь. Немцы в 1914 году крепко вломили с помощью своей «вращающейся двери»² и французам, и британцам заодно. У побитой Франции забрали Фландрию и этот самый, как его, Франш-Конте, а у англичан – Южную Африку, Судан и Египет впридачу. Во Франции после такого позорища пришли к власти «новые галлы», истинно национальное движение. Они сколотили крупные военно-промышленные тресты, потихоньку от немцев вооружили до зубов армию, выгнали всех евреев. Германия сейчас дрожит перед Францией, ждет расправы. А в потерпевшей унизительное поражение Британии победили на выборах социалисты-трудовики. Они повесили короля за преступления династии Виндзоров – за голодную смерть миллионов ирландских крестьян и все такое прочее. Еще конфисковали имущество английской буржуазии – за разграбление Индии, приведшей к гибели 36 миллионов тружеников Индостана. Ну и в 1922 году создали Союз Британских Советских Республик на месте Британской империи – говорят, не без помощи нью-йоркских банкиров, которые таким образом устранили британских конкурентов.

Сейчас столица Советско-Британского Союза в Бомбее, потому что англосаксонские

² Так немецкие офицеры именовали стратегический план Мольтке-и-Шлиффена.

графства, которые не хотели платить народам Африки за преступления английских работорговцев, воссоединились с Германским рейхом. А правит брито-индийскими пролетариями генеральный секретарь Всесоюзной трудовой партии, председатель Верховного совета махатм, самый главный махатма – Ганди. Под знаменем пролетарского интернационализма гандисты принесли революцию в Китай. Сейчас там народная демократия.

Зато в Российской восточно-римской империи, в Великой, Белой, Малой, Червонной Руси, в балканских и малоазийских владениях России не случилось никаких бунтов и революций. Купцы пользуются господством русского флота на морях—Балтийском, Черном и Средиземном. Крестьяне осваивают месопотамскую целину. Дворяне превратили свои земли, унаследованные от воинственных отцов, в образцовые хозяйства. Кесарь Николай, восстановив древнемосковский Земский Собор, почил в бозе в восемнадцатом году и упокоился, как и его венценосные предки, в соборе святой Софии в столице нашей – первопрестольном Константинополе. Сейчас счастливо правит его сын Алексей. Мы снабжаем зерном всю полуголодную Европу и даже Америку, российские автомобили с рижских автозаводов завоевали кошельки и сердца обывателей по всему миру. Между прочим, в правительстве есть даже один еврей, министр финансов Лев Давидович Бронштейн. Министр он, конечно, не ахти, рубль уж не так свободно обменивается на золото, но никто нас не может теперь попрекнуть антисемитизмом.

Я, втянув вечерний воздух словно бы до живота, вобрал в себя заодно весь оком – бледно-розовые тона небосвода, зубастый оскал горной гряды, сочную зелень горных лугов, посматривающих на небо голубыми глазками васильков. Красотища-то какая!

И вдруг грохнуло, надо мной пролетел трассирующий снаряд, который разорвался где-то за высотами на юго-востоке.

Елки, так мы же воюем с Союзом Британских Советских Республик, с брито-индийцами, с гандистами этими! И с их союзником—Народным Китаем. Российская восточно-римская империя бьется на огромном фронте, проходящем через Месопотамию, Персию, Афганистан, Северо-Западную Индию, киргиз-кайсацкие степи, Монголию, Приамурье. Тысячи километров фронта. Плюс еще гандисты произвели возмущения среди наших татар и башкирцев, а китайцы науськали на южносибирское пограничье не только киргиз-кайсаков, но и бухарцев. Но это нам, конечно, нипочем – русские в серьезном деле еще никому не поддавались, да и к тому же во главе войска стоит лично Его Святое Величество кесарь Алексей. Хотя достойно жалости, что мы в свое время, увлекшись освоением Балкан, Малой Азии и Месопотамии, отдали китайцам киргиз-кайсацкие степи и Фергану, куда наши предки отважно проникали еще в восемнадцатом веке.

Над долиною, где я предавался приятным и неприятным воспоминаниям, резанули воздух еще несколько снарядов. Они бубухнули за юго-восточными высотами. Потом я заметил вспышки пламени и на самих возвышенностях – это ответили располагавшиеся там батареи. Надо мною разворачивалась артиллерийская дуэль, и обе стороны по нарастающей потчевали друг друга фугасами. Рассудив, что наши войска должны находиться где-то в северо-западной стороне, я двинулся туда. Раз так, пришлось взбираться по заросшему кустарником и жесткой травой склону внушительной крутизны. Запыхался изрядно и уже не хотел никуда идти, и тут—остановка по вполне естественным причинам. Прямо в мой пуп уткнулся со всей внезапностью винтовочный ствол. Осталось только поднять глаза и руки. Передо мной стоял казак с как будто знакомым лицом и в выпцветшей гимнастерке, а рядом еще несколько русских воинов. Видимо, напоролся я на передовой пост.

– Ты с винтовкой осторожнее, они ж стреляют иногда, – предупредил я.

– А ты пароль говори, – строго и даже обиженно отозвался казак.

Какой пароль? Я должен знать пароль?

– Братцы, а может, меня контузило?

Братцы не посочувствовали и снова потребовали пароль, обильно снабжая речь нотой «мля».

Сейчас-сейчас. Надо ухватиться за какую-то цепочку воспоминаний. После окончания Омского казачьего училища меня послали на Кулундинское пограничье. Так? Тогда как раз в Китае победила пробританская «желтая революция», и пошли одна за другой провокации со стрельбой на границе. Ключнула и меня пуля возле Кучукского озера. Потом служил я во второй казачьей дивизии, усмирявшей башкирцев, которых взъерепенили гандисты. Далее тянул лямку в казачьем полку кавалерийской кавказской дивизии, что воевала под Ведено против немирных ичкерийцев, опять-таки снабженных брито-индийским оружием. Там получил отметину от пули из браунинга. И вот уже год, как я в казачьем полку второй гвардейской кавалерийской дивизии. В составе группы армий «Юг» она прошла с боями из Семипалатинска до Пянджа и сейчас пробивается через Бадахшан в брито-индийский Кафиристан, нацеливаясь на центральную Индию с севера. Сегодня я в разведку ходил. Но, если я ходил в разведку, то где тогда мои товарищи, где оружие?

– Ну-ка, руки исправно вверх держи и не балуй тут, – сказал стоящий передо мной казак. – Господин урядник, кажись, шпиена поймал.

Ага, вспомнил пароль. Был он означен в том самом пакете, где задание лежало. «Афанасий Никитин».

– Афанасий Никитин. Говорил же, что меня контузило. Урядник, смягчившись, велел казаку, державшему меня под прицелом:

– Пантелеев, сопроводи господина есаула до штаба. Ему и в самом деле что-то на голову упало.

Вот и конец блужданиям. Я с сопроводителем поднялся на вершину холма и стал спускаться в соседнюю долину. На склонах и в низине везде располагались войска. Я быстро узнавал их. Отборное воинство империи: первый корпус группы армий «Юг».

На склонах стояли бивуаки гренадерских полков, ниже конногвардейцы седлали своих холеных коней. Еще ниже белыми цветами раскинулись шатры второй гвардейской пехотной дивизии. А дальше полоскались на ветру штандарты финляндского батальона, далеко же занесло от родных шхер крепышей-чухонцев. Рядом с ними—лейб-гвардии атаманский полк, вон примечаю бунчук, а рядом гарцуют мощные караковые и буланые кони. Не сразу и поверишь, что атаманцы забрались в эту пустынь. Чуть выше располагалась гренадерская артиллерийская бригада, ее гаубицы и вели сейчас обстрел. Вот у них разорвался вражеский снаряд, принесся злосчастье. Было видно, как подбегают сноровистые санитары к раскиданным возле воронки телам. Тянется на высоту конно-горная батарея. Поднимаются по тропам, скапливаются на вершине егеря и донские казаки. Кажется, готовится наступление корпуса через соседнюю долину – на ту самую господствующую кручу, с которой ведут обстрел гандисты.

Казак Пантелеев довел меня до штабной палатки.

– Дальше вы, ваше благородие, сами. Голова-то ничего теперича?

– Теперича это не голова, а чугунный котел. Ему – ничего. В палатке меня ждал войсковой старшина.

– Ну, наконец-то, и вы, есаул. Вахмистр Келарев и хорунжий Иловайский давно уже вернулись.

– Они живы... то есть здоровы?

– Не извольте волноваться, живы-здоровы, только вот переживали, что потеряли вас на западном склоне. Так, что вам угодно сообщить?

– Я хотел доложить... что на западном склоне есть проход, сквозной. Мы могли бы атаковать противника с неожиданной стороны.

– Позвольте усомниться. Вы что, там действительно прошли?

Как же ответить? Это было в другой жизни.

– Мне кажется, необходимо повторить разведку, господин войсковой старшина.

– А у нас на это времени нет, ставка требует начала наступления. У них свои расчеты. Так что возвращайтесь в свою сотню.

Когда я вернулся к своим, у меня и пары минут не было, чтобы пообщаться с

Келаревым и Иловайским. По телефону поступил приказ из штаба: «По коням».

Противник нас заметил, когда мы еще переваливали через высоту, поэтому стал «привечать» шрапнелью, правда с недолетом. А в долине нас ждали пулеметы. Когда до врага осталось с полверсты, кони пошли рысью, однако разрывы снарядов и пулеметные плети всю уже секли и драли нас.

Я уже вижу усы и бороды вражеских артиллеристов, значит, пора.

– Взводными колоннами – марш.

А когда перестали прикрывать нас хилые деревца, то клинком показал, чтобы сотня рассыпалась.

– Пики к бою, шашки вон, в атаку – марш.

И конная лава пошла наметом. Ветер словно раздувал меня и исторгался назад ревом ярости. Я видел, что стальной ветер кромсает кавалерию, слышал, как вопит сам воздух, рассекаемый пулями и шашками. Не знаю, сколько наших уцелело, когда мы доскакали до вражеских линий, но ярости накопилось в нас предостаточно. Рубанул я с длинным потягом – и клинок развалил кости пулеметчика. Еще раз опустил клинок и раскупорил чей-то шлем вместе с черепом. И пошла жатва, казаки начали рубить вражескую пехоту, бросившуюся бежать из неглубоких окопов.

В уши ворвался нарастающий визг. На нас, вниз по склону, неслась брито-индийская кавалерия под знаменами со свастикой, тьма-тьмущая.

Их передняя цепь ощерилась пиками, одно острие направилось прямо мне в грудь – едва успел отклонить древко ударом клинка. Вражеский кавалерист сикх отбросил пику, быстро развернул коня и снова наехал на меня. Я сделал ложное движение, как будто для удара сверху, но закрутил клинок и кольнул неприятеля под черную бороду. Из пробитого горла хлестнул прямо в меня фонтанчик крови.

А потом напало на меня еще двое в красных тюрбанах. Одного я ссадил выстрелом в лоб, другой сам ударил в меня из длинноствольного револьвера. Конь мой взвился на дыбы и заслонил от пули, но затем рухнул вместе со мной. Заслонил он меня и второй раз, когда я стрелял по второму вражескому кавалеристу – тюрбан был хорошей мишенью.

С трудом я освободился от стремян и мертвой конской туши, еле встал на ноги... и вовремя обернулся. Еще один! Оскаленный рот хрипит, а глаза белые... как у Зегерса. Свистит его кривой клинок, который я пытаюсь отбить своей шашкой. От стали летят осколки, отдача ударяет в грудь. Хватаю противника за запястье опустившейся руки и дергаю вниз. Он не падает, но склоняется достаточно низко, чтобы я мог ударить его кинжалом, добытым когда-то в Ичкерии.

Конь уволакивает тело врага – нога его запуталась в стремях. И более никого вокруг. Не видать ни своих, ни чужих. Только дым, сгущенный пылью, стелется над землей. Надо отступать, или же мы заняли позицию? Не замечаю ни одного живого человека, ни русского, ни гандиста поблизости, лишь мечутся и храпят осиротевшие кони без седоков.

Затем земля вздыбилась рядом со мной, но звук не успел достичь моих ушей. Что-то важное и непонятное произошло раньше. Жизнь моя вновь превратилась в клубок пульсирующих нитей. Я ухватился за одну из них, а потом свет подхватил меня и понес к зареву нового мира.

3

Накрапывал мелкий дождик. Набирал силу ветерок, зябь кралась по спине. Я оперся на руки, потом с тяжким кряхтением поднялся на колени, покачиваясь, словно пьяный. И наконец встал в полный рост. Вокруг была все та же долина, затерявшаяся среди гор Бадахшана. Только ни храпящих очумевших лошадей, ни разбитых орудий, ни трупов в разодранных и окровавленных гимнастерках. Не слышно ни орудийного грохота, ни пулеметного тарахтения. Под низким набрякшим небом не свистит шрапнель. Долина показалась мне более зеленой и ровной, чем раньше – словно и не было здесь

артиллерийской пахоты.

Сколько же я пролежал и куда ушли войска? Что-то непривычно давило на горло. На мне был длинный высоко застегивающийся халат. На голове – круглая шапочка, ноги вдеты в войлочные сапоги. Это что за азиатский наряд? Подобную одежду я видел только на важных монголах, которые проезжали через нашу губернию в сторону Москвы... Куда же ушли войска, где моя сотня, почему не работает артиллерия?

А на какие улусы делилась империя монголов после кончины хана Чингиса? Хорошо, буду ставить себе нелепые вопросы и неправильно на них отвечать – иногда это полезно для снятия напряжения. Вот иду и задаю себе дурацкие вопросы. Иду на восток, потому что все равно не знаю, куда идти, а великие путешественники всегда шли на восток.

Хубилаев улус в Китае и Монголии, улус Чагатай в Центральной Азии, улус Хулагу в Азии Передней и улус Джучи, простиравшийся на южную Сибирь и часть Руси. А Батый – у него что, не было даже своего улуса? Бедный неприкаянный Батый. И куда он пошел с Субудаем и Бурундаем после разорения Руси? Кажется, еще разбил европейское рыцарство на границе Польши и Германии, а потом ему надоело побеждать, и он вернулся к своей бабушке в Каракорум.

Уже версту я одолел, а все меня Батый не отпускает. Почему он после погрома Руси не отправился дальше, вглубь Европы, коли никто ему всерьез противостоять не мог? Почему все только нам, русакам – и монгольские набеги, и татарские баскаки, и Неврюева рать, и Дюденево разорение.³

За большой черной глыбой нашел я сивую выючную лошадь с фуражными торбами по бокам и большим туго набитым мешком, прихваченным ремнями к ее спине. Надобно посмотреть. Отвязав мешок, уронил его на землю – а он как завопит! Никак человек внутри, и глотка у него луженая.

Человек оказался женщиной слабого телосложения, да еще со связанными руками. Выудил я из-за пояса кривой нож и перерезал веревку, ожидая благодарствия за избавление от пут.

Освободившимися руками женщина слабого телосложения сразу ударила меня по физиономии, едва глаз не вышибла. Вот так благодарствие – второй раз не надо. Пока я в чувство приходил, она куда-то бросилась, между камней петляя, подобно напуганному зайцу.

Ну, сейчас тебя! Срезал путь, перемахнувши через каменную кучу, догнал. Пришлось и кулаком даму гвоздануть, чтоб не вонзила острую свою коленку мне в чресла. Отведав моего кулака, упала бедная ничком, а я ремень приготовил, чтобы снова ей руки связать. И тут молвит она голосом тихим и мирным:

– Полно, не сбегу я от вас, господин.

Одежда азиатская, но чертами лица – уроженка Запада, а говорит на языке... Тартара. В голове у меня словно вскипело все, и я стал вспоминать.

В 6750 году от сотворения мира перенес лютый хан Батый свое становище на развалины города Парижа и назвал оное – Сарай. Кочевые же айлы разбрелись по полям Прованса, Лангедока и лугам прирейнским. Была Европа да кончилась, стал вместо нее Тартар, и жители ее теперь были тартары.

Минуло сто лет, и потомок батыев Булат, прославленный как Синяя Борода, не признавши власть Великого Хана Монголов, что сидел в Каракоруме, объявил себя владыкою Тартара. Триста лет еще Тартар служил местом кочевий, ибо тартары поля затапывали, городовые стены срывали, деревни и замки ровняли с землей, леса выжигали, обращая в степь, всех непокорных мужеского рода убивали нещадно, а женский род умыкали в свои кибитки. Но умножились тартары в числе, и земли уже не хватало для

³ Герой вспоминает походы татаро-монголов на Русь 1252 и 1293 годов.

пастбищ. Мурзы и беки сажать стали «карасу»⁴ на свою землю, чтобы утруждались те земледелием, платя ясак и прочие подати. Тартар разбился на множество улусов, ханств, эмиратов и султанатов, среди которых засиял Франгыстан.

И воспользовалось усобицей в Тартаре прежде неприметное Московское княжество, единственное место на всем свете белом, где сохранилась, просиянна, Вера Христова, и где по сей день пребывают святые престолы папы римского и патриарха константинопольского. Княжество, укрываясь за лесами от тартаров и монголов, стало преуспевать и земли свои ширить, покоряя мечом ханства и эмираты окрест себя.

Но родился под кровавой звездой в сердцевине Тартара султан Виллизад, злочестивый и жестокий. Оный правитель стал править во Франгыстане, скрепил под своей мощной рукой все западные улусы и начал приготавливаться к великому походу на княжество Московское. Попутно сей Виллизад запросил помощи у Монголистана, чтобы ударил оный со своей стороны на Москву. И за то султан собрался одарить Великого Хана Монгов, поскольку без подарков богатых на Востоке ничто не делается. Должен был прислать султан и злата, и серебра, и изделий искусных. И прелестниц светлоглазых обещал он прислать сластолюбивому Великому Хану и его воинам.

Тогда замыслил мудрый московский князь сравнить султана с Монголистаном. Потому пошел на хитрость: послал человека к Великому Хану – отвезти ему подложную грамоту-ясу султана. А в той грамоте черным по белому было писано, что хочет Виллизад взять рукой мощной все земли мира и распространить Тартар от одного великого океана до другого великого океана, понеже он есть самый прямой потомок Чингиса, Бодончара и Небесного света, а в прочих ханах течет собачья кровь.

Подложная грамота смотрелась яко настоящая, потому что скреплялась она подлинной печатью Виллизادا, что была выкрадена московским лазутчиком из султанского дворца.

А еще велел князь московский своему лазутчику похитить в Тартаре упыря женского пола и также доставить к великому хану, дабы знал тот, каковых «прелестниц» подарит ему и его воинам султан Виллизад, коварно втираясь в дружбу.

Погоди. Это же я – казак Сенцов, лазутчик, должен доставить Великому Хану подложную грамоту и упыря. А назовусь я ему мурзой Ахматом из Тартара. С грамотой как будто все в порядке, только найти ее еще надобно, она же в седельной суме, а сума на лошадке Каурке, а Каурка черт те знает где. Но что с девкой-то из мешка делать? Упырь ли она всамделишный или недоразумение случилось?..

– Так что за расправу кулачную прости, – говорю я ей, – но постарайся быть послушной и радивой, тогда и будет тебе хорошо. А сперва нам с тобой лошадей собрать надо. За вьючной вернуться и ездовую сыскать.

Встала она и пошла следом, послушная и радивая, только вот вопрос каверзный задала:

– А почто, тать ты окаянный, выкрал деву благородную?

– Не вижу благородной девы.

– Я, Гюль де Шуазель – дочь эмира Саламбека де Шуазеля.

– Было известие, что в женской башне у эмира Саламбека живет ведьма, исчадие шайтана Иблиса. Ее я и выкрал. Однако и ошибка могла случиться... ну, поскольку темно было в башне, тьма кромешная.

– Ошибка случилась! И ты молвишь это так спокойно? – голос Гюль стал визгливо-птичьим. – И где я оказалась из-за твоей «ошибки»?

– Мы на высотах Бадахшана, что неподалеку от Индийских земель.

– Индийских земель? Где под ногами лежат яхонты и обитают песьеголовые люди?

– Ты еще забыла про людей совсем без головы.

Она прилежно зарыдала, прижавши щеку к мрачному граниту скалы. Вьючная лошадка с удивлением скосила свой сиреневый глаз.

⁴ «Черная кость», рядовые кочевники.

Каурка лишь к полудню нашелся, когда солнце вовсю напекло камни, среди коих пытался он вкусить травинки. Перво-наперво проверил я, на месте ли подложная грамота в седельной суме. Потом выючную лошадь оседлал для пленницы, дабы облегчить ей тяготы пути. Едва затянул подпругу, как девица взлетела в седло Сивки и схватила камчу. Да только поводья уже лежали в моих руках, со мной не выйдет шутить. Привязал я Сивку к седлу Каурки и повел их в гору.

– А я туда не желаю, – сказала плаксиво Гюль.

– И я не желаю туда. Мы все не желаем.

Однако, покорив Индийскую землю, идет Великий Хан походом на север. И мне надо во что бы то ни стало остановить его, подумал я.

Путь наш пролегал теперь по самому краю ущелья. Вдруг толкнул меня Сивка, сшибся камень под моей ногой, я и вздохнуть не успел, как повис над глубоким обрывом, держась за поводья. А лошаденка хлипкая, давно силы порастратившая, и копыта у нее скользят на щебне. Как сверзится Сивка, так и Каурка не выдержит, упадет вместе с девкой.

– Живи как-нибудь, – крикнул я ей и отпустил поводья. Не слетел отвесно вниз навстречу дну, а заскользил по склону. Но таково лишь мучительнее было. Острые камни кромсали халат, бешмет и рубаху, добираясь до незащищенного тела. Только чахлое деревцо, проросшее между глыб, задержало меня, прежде чем стряхнуть вниз.

Дно ущелья густо заросло жестколистными смоквами, их ветви смягчили мое падение.

Когда вынул лицо из сухой листвы, то перво-наперво увидел копыта нетерпеливо переступающей лошади. И так она ногами перебирает, что сразу видно – не усталая. Какая же сбруя у нее богатая, самоцветами и позолоченными бляшками украшенная! Чепрак расшит серебром и золотом, стремяна серебром окованы, грудь оборонена броней с узорчатой насечкой. Всадник, сидящий на лошади, изряден телом и облачен в красивый доспех из подвижных пластин, именуемый «четыре зеркала».

Иного оружия, кроме осыпанного драгоценностями кинжала и небольшой булавы, у всадника нет, будто полагается на какую-то иную защиту. А личина шлема у него поднята, отчего виден нос с хищно вырезанными ноздрями и большие раскосые глаза. И нет благолепия на челе его, чем он разнится весьма с моим князем.

Знатен был сей всадник, и окружала его большая вельможная свита. Вся в богатых доспехах с золотой насечкой и шишаках с красными яловцами наверху. За свитой стояла дружина конных латников с длинными пиками.

Отчего-то взбрело мне сейчас в голову слово «пулемет». Хоть и забыл я, что оно означает, однако почувствовал полезность этого пулемета при встрече с таковой силищей.

– Что-то пало на землю перед носом моего коня. Наверное, слива, – молвил знатный всадник.

Кто-то из свиты крикнул мне:

– Перед тобой нойон Джебе, темник, правая рука и младший брат Великого Хана, да хранит его Небесная Сила и милость Аллаха.

– Аллах все милостивый, сохрани владыку Джебе, дай здоровья его жилам и членам, пусть украшает Монголистан во веки веков, яко яркая звезда. Да примет великий владыка то, что я доставил ему издалека.

– И что же ты доставил мне издалека? Сундук, набитый брильянтам, яхонтами и другими драгоценными камнями?

– У раба Твоего Могущества есть многозначительные сведения о тайных желаниях и намерениях султана Франгыстана. Господин, прошу, выслушай меня с благоволением. Султан Виллизад, ложно прося союза, подлинно готовит нападение на Великого Хана и объявляет себя единственным наследником Чингиса и Бодончара. Да сгорит мой дед в могиле, коли я солгал.

Нойон Джебе сразу помрачнел, и из глаз его выглянула смерть.

– Я сейчас велю рассечь тебя, аспид, на сто равных частей. – сказал нойон.

Сто частей, почему так много? И можно не сомневаться, что будут они действительно

равными – палачи в восточных улусах знают свое дело.

– Что ты, червь, можешь показать в подтверждение своих дерзких слов?

– Прости меня, великодушный владыка, но сейчас ничего. Мне нужно найти своего коня, а в его седельной суме лежит яса султана Виллизада. Еще потерялась ведьма, дочь Иблиса, одна из тех, коими владыка Франгыстана хочет прельстить ваших нукеров.

– А парочка джиннов у тебя не потерялась? – по мясистому лицу нойона, как ящерица, поползла усмешка.

– Повели, господин, обыскать местность над этим ущельем.

– Ты мне приказываешь, собачий кал? Значит, это я теперь недостойный раб, а ты мой господин?

Ближний к нойону воин потянул кривой широкий клинок из ножен. Уже окрылилась душа моя, готовясь отлететь – молитесь за нее, святые заступники. А я ведь с самой Пасхи не исповедался, не постился, ел пищу срамную...

Булатный клинок охотно вышел из устья ножен. Нукер улыбнулся, показывая, чтоб я не боялся – он убьет меня быстро.

– Вы, восточные монголы, заносчивые и высокомерные нравом. Никогда вам не совладать с султаном Виллизадом, – дерзко заговорил я, понимая, что, скорее всего, обрекаю себя на страшные пытки: медленное раздавливание камнями, скармливание крысам или раздиранье железными крючьями.

Джебе-нойон раздул ноздри.

– Что ты хочешь сказать, червь?

– И самый приближенный к тебе воин, о могучий повелитель, не выстоит в бою против меня, простого ратника из западных улусов.

Нойон куснул губу, видимо, от избытка гнева, и что-то приказал воину, уже обнажившему клинок. Тот покинул седло своего рослого коня и встал на землю, играя могучими мышцами.

– Осилишь моего батыра в поединке – значит, Аллах благоволит тебе. Тогда велю я обыскать здесь каждую щель и рытвинку, – сказал нойон. – А не осилишь – мои воины сдерут с тебя кожу: вначале с рук, потом с ног, потом со спины и так далее. Понял, да?

– Чем же мне сражаться, господин?

– Коли ты простой ратник, так бейся дубиной.

И мне швырнули в руки ствол тощенького деревца, какое только что срубили секирой.

– Тебе жить не больше того времени, что потребуется птичке погадать, – шепнула мне какая-то ехидна из числа свиты.

Уже первые удары неприятеля показали руку опытного бойца, твердую и сноровистую. Бились мы подле самой стены ущелья. Воин монгольский рычал как пардус голодный и пытался загнать меня к крутояру, чтобы не смог я махать своей жердью. Я же, милостью божьей, несколько раз проскакивал у него под рукой. Если бы не смех свитских, наверное, подождал бы воин, пока ослабею я.

Но поторопился монгол и, резко шагнув вперед, нанес прямой удар. Отклонил я его клинок, и оказался он столь близко, что горячая его слюна брызнула мне на лицо. Ухватил я его за выставленную вперед правую руку, дернул к себе. Отчаянно так дернул и, подставив бедро, приемом горицкой борьбы оторвал монгола от земли да и направил в скалу. Батыр, ударившись о камень, словно птица с лету, стал тихим и безвредным.

– Удачлив ты в бою, – сказал недовольный нойон, – но только знаешь ли ты, что на каждого вашего воина приходится по двое наших? Ведь в восточных улусах мужчины нетерпеливы, как козлы, а женщины плодовиты, будто кошки.

Джебе махнул рукой, и всадники разъехались в стороны, открыв путь огромному пешему воину с секирой. В белых нездешних глазах гиганта читалось желание изрубить меня на малые кусочки. Он выставил одну ногу вперед – толста та была настолько, что похожа на ствол древесный – засим отклонил широкое туловище чуть назад, и яростная секира рассекла воздух справа налево и слева направо. Затрепетало тут мое сердце, убоюсь я

и зашатался от страха.

– Ты проживешь не больше того времени, что требуется собаке пролаять, – опять шепнула ехидна из числа свитских вельмож.

Неожиданно раздался шум и топот конских копыт. Несколько монгольских всадников, видимо, из дозорного разъезда, подскакали к нойону, а с собой вели они двух моих лошадей. Через луку седла у одного нукера была перекинута Гюль де Шуазель.

Я подскочил к Каурке и выхватил из седельной сумки грамоту, чтобы немедленно вручить ее нойону. Он прочел ее сам, без помощи слуг, и губы его почти не шевелились при чтении.

– Сочтем, что ты оказал нам услугу великую, – сказал Джебе, оторвав глаза от свитка, и поискал взглядом девицу. – Ну-ка, покажите ее.

Один из нукеров тотчас сбросил Гюль на землю, другой поставил на ноги.

Губы нойона скривились, показывая пренебрежение к чахлым прелестям Гюль.

– Нехороша и противна. Чем прельщать-то будет? Пусть покажет нам сейчас свое злое искусство.

– О, милостивый господин, силы зла просыпаются в ней только с приходом тьмы.

– Тогда разделит ночь вот с ним. – Джебе ткнул пальцем, украшенном многими перстнями, в воина-гиганта. – Славен он подвигами ратными на поле, пусть теперь на ложе посражается. Коли все случится сообразно твоим словам, отпущу я тебя, а ее казнь злой смертью, разорву конями на части. Если не случится – подохнешь вместе с ней.

– Господин, когда правдивость моя подтверждение получит, вели отпустить ее со мной вместе.

– Ай, какой добрый, – причмокнул нойон. – Хорошо, ты станешь пищей для упыря.

А у девицы очи ясные, невинные, словно бы укоряющие, и лик будто ангельский. Ну какой из нее упырь?

– Сейчас садись, посланец, на свежего коня. А воин, которого ты посрамил, следом побежит, как собака, – велел нойон. – Девицу же возьмет тот, кто проведет с ней ночь жаркую и битву любовную.

Вслед за свитой нойона выехал я из зеленого ущелья на каменистую равнину, знойную и скучную. Здесь бодрые кони пошли рысью. Солнце было еще высоко, когда серая пустыня неожиданно расцветилась разной пестротой. Как будто зверь огромный перевернулся на лысую спину и показал клочковатый живот. Не сразу и поймешь, что это шатры, юрты, кибитки, стоит здесь станом войско великое. Когда подъехали ближе, уже за вечерело, и весь стан озарился огнями кострищ и факелов, а некоторые шатры оказались высокие и просторные, как терема.

Более я Гюль в тот день не видел – ее забрал ее в свою юрту гигант с секирой.

А меня два воина взяли за руки и сбросили в яму глубокую, в земле посидеть. Никто яму не сторожил, впрочем, и выбраться из нее не было возможным.

Ближе к утру холод схватил меня за каждую жилку, за каждую косточку, и всякая внутренность будто заледенела. Но с зарею в яму опустился сыromятный ремень, и по нему выполз я наружу. За краем поджидало меня несколько нукеров с лицами, выражающими пока неведомую мне волю властелина. Не знал я, что мне сейчас уготовано, останется ли моя голова сидеть на плечах, ино покатится горемычная – окроплять кровью бесплодные камни.

Мимо затухающих костров и спящих еще воинов проведен я был до края стана, где стоял зоркий дозор. Там били копытами и махали хвостами мои лошади, отдохнувшие и сытые – на Сивке сидела девица де Шуазель. Узнал я ее по хрупким плечам, хотя лицо было закрыто тканью. Поскорее взобрался я в седло своего верного Каурки.

– Дочь Иблиса высосала из батыра все соки. После умертвия стал он похож на дохлую ящерицу, зеленый и сморщенный, – сказал с уважением в голосе один из воинов. – Наши старухи растирали его мазями и поливали снадобьями, но дух жизни уже не вернулся в его жилы и члены. Не смогли они сыскать и отверстия, через которые дочь Иблиса нашла вход в тело батыра. Неужели в западных улусах все девы и женщины подобны ей?

– Остальные девы и жены еще хуже – их злые свойства не дремлют даже при свете дня. Воины сопроводили нас до края долины, а дальше, через ущелье, мы отправились одни. Спутница была молчалива и лишь иногда поворачивала голову в мою сторону.

Наконец Гюль открыла лицо и сказала:

– Устроим же привал, и я залатаю твою одежду, витязь в драном халате.

Кони еще свежие, отъехали мы от ханского стана недалеко, но и в драном халате ехать мурзе неприлично.

– Ты убила его? – спросил я Гюль.

– Я защитила свое целомудрие, – сказала девица, вправляя нить в большую костяную иглу. – Когда-то нукеры Бату-хана спалили и разрушили Париж, Орлеан, Нант, Бордо и Лион, они истребляли всех франков мужеского пола, но предпочитали франкских жен всадникам-тартаркам. И если от всего народа остаются одни женщины, то какое вооружение у них будет, какие средства борьбы?

Гюль де Шуазель придвинулась ко мне теснее.

– Они рожали и растили детей. Учили их старому франкскому языку и старой вере, учили притворяться, скрывать язык и веру. Если же муж-тартар заподозривал неладное, то как ты думаешь, что происходило? Он умирал, потому что пищу ему готовил враг и делил с ним ложе тоже враг.

Гюль приткнулась ко мне.

Стало покойно, потом хорошо, сладко, а затем... как будто в меня вошла ее игла, пронзила до самого сердца. Распростерся я на земле, а из сердца вытекала моя жизнь. Опустилась холодная тьма.

– Жертва должна быть принесена, таков наш договор с владыками судеб. Скоро погибнет султан Виллизад. Франгыстана больше нет. Есть только Belle France. Vive la France!⁵

Мгла уничтожила звуки и краски. Осталась лишь одна светоносная ниточка...

4

Я проснулся от стужи. И сразу взбрыкнул зубами. Ни халата, ни бешмета, ни даже шароваров – все уперла проклятая девка.

По щебенистой земле поземка вьется. Ледяная крупа в лицо бьет, я губы поджимаю, чтобы не рассекло до крови. Полмира прошел, а теперь пропадаю ни за грош. И ведь знал правду про эту Гюль, а чарам поддался.

Тридцать шагов сделал из упорства и все, ноги заостенели, не несут меня, уронили в ледяную крошку. В последнем усилии отжался я от мерзлой земли и понял – не встать уже.

И хоть помирать пора, а смотрю – на руках какой-то серый налет. Не изморозь, более на плесень похоже. Батюшки, да эта плесень на все тело простерлась!

Попытался я ее на запястье отскоблить. Ничего не вышло, да только потеплело враз, просто жаром меня обдало, как из печки. И тут слова вспомнились – «квазиживой биополимерный комбинезон». Странные слова. Но от ледяной смерти я избавился, поэтому стал мечтать о еде, вкусной и невкусной, любой. Когда я уже весь истомился от голодных мечтаний, прямо перед моими глазами слова возникли огненные: *«Первый виртуальный экран. Приоритетное сообщение: содержание глюкозы ниже нормы, катаболиты в крови – превышены пороговые значения»*. Что это? Бесы зловредные? А на мне и креста нет.

«Первый виртуальный экран. Приоритетное сообщение: сигнал бедствия передан, сигнал принят с подтверждением через 0,3 секунды. Время прибытия спасательного средства в диапазоне пятнадцать минут. Для облегчения поиска по маяку оставайтесь на месте».

⁵ Прекрасная Франция. Да здравствует Франция! (фр.)

Из-за скалы выплыло темное пятно. Оно повисло над моей головой и вдруг меня накрыл ослепительный конус света, потом сверху упал хобот, с клейкими лепестками на конце. Пятно уцепило меня этим «хоботом» и резко потянуло вверх, да так, что мои потроха чуть внизу не остались.

И вот я внутри пятна. Стало быть не пятно это, а воздушный корабль. Вокруг с полдесятка мужиков, покрытых той же самой «квазиживой» плесенью, что и я, только зеленой. А помимо плесени на них были еще зеленые береты.

Тот, что с тремя крупными звездами на берете, – видимо, главный.

– Я – командир корабля капитан-лейтенант Келарев, – говорит он. – Судя по параметрам сигнала с вашего маяка, вы имеет отношение к нашей военной разведке. Остальное неясно. Начнем с начала. Ваша фамилия, звание, воинская часть?

Люди тут серьезные и отвечать надо серьезно. А у меня в голове царит кавардак. Перед внутренним взором появляется то перестрелка с интернационалистами на Бадахшане, то прорыв в тыл брито-индийских войск у Пешавара, то ледовое побоище на Чудском озере, когда западные тартары были разбиты нашими ратниками. Еще как будто припоминаю наступление отрядов атамана Дутова на Астрахань, переход гвардейского казачьего полка через Гиндукуш и погоню московской конницы за монголами – они уводили полоняников по рязанскому шляху...

– Меня зовут Сенцов, – отозвался я.

– Тестирующая система, проверить поступивший живой объект на заражение, – распорядился командир. – Лейтенант Пантелеев, займитесь анализом данных.

Ко мне подкатился цилиндр и, раскрывшись, словно цветок, образовал кресло с подлокотниками и подголовником. Я не заметил никаких движущихся частей, соединений, стыков, отдельных деталей. Цилиндр, превратившийся в кресло, состоял из одного куска изменчивого вещества. Делать нечего, уселся я в это чертово кресло, ожидая, что сейчас оно меня схватит и начнет выдавливать признательные показания. Ничего такого не случилось. Кресло лишь выпустило несколько «щупальцев», которые стали исполнять возле моих висков змеиный танец.

Ну, попляшите, милые, а я пока посплю часок... В голову вдруг какая-то ясность пришла. А потом хлынул поток воспоминаний, быстрый, неудержимый – словно из полной бочки выбили пробку. Так я познакомился с событиями собственной жизни.

Я родился в старинном городе Тьмутаракань. Сразу после рождения был записан в национальную казачью гвардию, поскольку предки мои вместе с атаманом Дежневым осваивали Аляску и Калифорнию.

Ученые тогда говорили, что России крупно повезло в историческом плане. В то время как Западная Европа была на задворках, через нашу страну проходил балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути. Мы всего лишь раз попали под мощный удар – когда в тринадцатом веке явился из глубины степей хан Батый со своей ордой. Но князь Александр Ярославич, собрав в кулак доселе разрозненные силы русских, разгромил монголов под городом Козельском и сжег их осадные орудия греческим огнем. Мы снова восстановили контроль над важнейшими торговыми путями и раньше всех европейцев проникли в Китай и Индию. Ресурсы Востока способствовали нашей индустриальной революции. Когда в Индию и Китай приплыли корабли английской ост-индской компании, там их ждали наши казаки – торгуй, но не балуй. Когда британец приплыл в Африку за рабами для американских плантаций, там уже ждал его казачий урядник: не трожь, не твое, а полезешь – запорю.

У нас на сто лет раньше, чем в Европе, появились паровые машины и механические сеялки, на пятьдесят раньше – электродвигатели и унитазы, на двадцать пять – автомобили и компьютеры. Мы первыми создали квазиживые биополимерные материалы и дальше всех ушли в области молекулярной и кристаллической механики. Этому способствовало наше умение концентрироваться на важнейших направлениях и мобилизовывать свои силы в нужный момент. Благодаря нашему техническому превосходству весь остальной мир охотно

превратился в Российское содружество наций, отринув власть транснациональных финансовых воротил.

Но пару десятилетий назад что-то разладилось в оркестре. В нашей стране, как и во всем Содружестве, появилась масса людей, которая упрямо отвергала дисциплину и какой-либо труд. Чтобы не «помогать властям», эти «героические женщины и мужчины» принципиально жили только на социальные пособия, называя себя «борцами за свободу». Но поскольку таких борцов становилось все больше, пособия начали таять. Тогда борцы за свободу занялись изучением нелегального рынка психоделиков и выбросили на него принципиально новый товар. Это были нейроконнекторы и нейрософт – средства прямого подключения к мозгу. Их вводили в организм человека в дисперсном виде, как порошок или коллоидный раствор – применялась и инъекции непосредственно в мозг, через микроиглу. Там эти средства образовывали диффузные структуры, которые распространялись в нервной ткани и внедрялись в нервные центры.

За этими криминальными новациями стояли те самые транснациональные финансовые воротилы, которые были сокрушены Российским содружеством наций.

А потом борцы за свободу совершили то, что привело к падению нашего общества. Они применили дисперсный нейрософт, распыляемый в воздухе. Средства прямого воздействия на мозг распространялись воздушно-капельным путем, словно бубонная чума и грипп-испанка. Проникая в кровь, эти средства вели себя как вирусы, реплицируясь и распространяясь, и в итоге образуя диффузные структуры в мозгу. Как вирусы, воздушно-капельным путем, передавались они от человека к человеку. У «борцов» это называлось «эпидемией свободы».

«Заражение свободой» я изучил на собственной шкуре. И это было похуже, чем получить финку в живот, пулю или осколок.

Человек, вдохнувший дисперсный нейрософт, сперва начинал видеть особые сны. Эти сны были слепками с реальности, только в них человек становился хладнокровной рептилией. А когда он просыпался, то был уже не такой, как прежде. Исчезали все прежние привязанности, к родителям, к детям, к родине, чувство долга, понимание, что можно, и что нельзя. Теперь человек чувствовал только обиду – ему не дали всего, что ему положено.

Наши враги называли это состояние «духовной свободой». А на самом деле диффузный нейрософт, поразивший мозг, возбуждал затылочные его доли, доставшиеся нам от времени динозавров. Проснувшись в человеке рептилия хотела только удовлетворения своих желаний. Главным словом теперь было «хочу».

После заражения дисперсным нейрософтом у вас имелась лишь одна неделя, чтобы избавиться от него при помощи интракорпоральных «чистильщиков». Я решился на эту болезненную процедуру, и армия микромашин прошла по моему мозгу, уничтожая своими мечами-энзимами элементы нейрософта. Но я скорее оказался исключением.

Рептилией быть хорошо и приятно – так показалось очень многим.

Они называли себя красиво – «инакомыслящие», «свободные люди». Ну, а мы их – Ящерами, чтобы не забывать о сути.

Ящеры шастали по домам в роли бродячих проповедников, вещая о приходе новой реальности и закате старого мира, заодно проверяя, кто из обывателей уже заражен нейрософтом и готов к восприятию «свежих идей».

Если вы спускали Ящера с лестницы, то на следующую ночь дома вас могли ждать большие неприятности. Например, ядовитые пиявки, снабженные примитивным нейрософтом для выполнения одной-единственной программы – кусать. Так что при виде проповедников в любом случае у вас на лице появлялась заискивающая улыбка.

Ящеры мало-помалу захватывали городские кварталы, подземные коммуникации, подвалы и чердаки. Полицейские и военные операции против Ящеров редко приводили к успеху, ведь у них везде были агенты – люди, вольно или невольно подвергшиеся нейропрограммированию. С ними оказалась повязана куча свободолюбцев, требовавших «прекращения репрессий». Жесткая борьба против Ящеров вызывала осуждающий вой в

прессе и склоки в политической верхушке. А потом пришел день, когда вдруг рухнула мировая финансовая система, потому что банкиры и клерки всего мира оказались заражены нейрософтом. Когда эта система заработала снова – мир уже подчинился Ящерам...

Ящерам не надо было собираться толпой, они и так всегда были вместе – соединенные нейрософтом и коммуникационными сетями, что базировались на пылевых носителях.

Каждую неделю у Ящеров менялся «тренд». Вместе с ним они меняли партнеров, виды полового удовлетворения, наружность, расположение гениталий, стиль одежды и мебели – хотя мне они запомнились по стилю японской «манги».

Их тела стали биоконструкторами. Геночипы превратили их в гермафродитов. Таких гермафродитов не придумал не один фантаст. Экс-женщины были снабжены яйцекладом, с помощью которого они могли извергать оплодотворенные и неоплодотворенные яйцеклетки в брюшную полость экс-мужчин, где из утолщения толстого кишечника была образована матка...

Под Ящеров подстраивались СМИ, называя это «политкор-ректностью». Ученые переписали под них историю, которая стала теперь историей борьбы свободолюбивых Ящеров против тирании. Все фабрики и заводы мира работали на Ящеров – у них ведь был такой разнообразный, обширный, платежоспособный спрос. Банки выдавали им любые кредиты. Любой политик, от махараджи до премьер-министра, делал только то, что хотели Ящеры. Литературные негры писали от их имени романы и сценарии, режиссеры чутко улавливали в этих сценариях «дух перемен».

Тот, кто не хотел работать на Ящеров, просто исчезал – абсолютно бесследно, будто проваливался в преисподнюю, словно ему не было места на этом свете.

А когда Ящеров стало слишком много, и мир уже не мог удовлетворить все их желания, начали исчезать и они.

Закрывались заводы и университеты, поля зарастали сорняками, на месте супермаркетов оставались только тлеющие груды бесполезных вещей. Мир обезлюдел. На место людей, самолетов, автомобилей приходили странные объекты. Они были известны человечеству уже много тысячелетий. Раньше их называли летающими змеями и драконами, позднее – летающими тарелками и НЛО. Люди исчезали, падало поголовье Ящеров, а число странных объектов увеличилось на порядки и продолжало расти и множиться.

Уцелеть можно было только в самых заброшенных уголках мира на Тянь-Шане, в Андах и Гималаях, в Бадахшане... Ученые, продолжавшие работать в горных кишлаках, дали странным объектам другое название – «дырки». Согласно «теории дырок» любой высокоорганизованный объект принадлежит сразу нескольким мирам. Это наиболее выгодная схема существования сложной материи – с точки зрения устойчивости. Такая схема гарантирует, что энергия, потраченная на превращение примитивной материи в сложную, не была израсходована напрасно. Но если какой-то мир уже не поддерживает устойчивость высокоорганизованного объекта, этот объект перестает ему принадлежать. Сразу, рывком. На его месте образуется «дырка»...

– Капитан, с вероятностью 0,91 можно утверждать, что этот живой объект заражен. Анализ электрической активности мозга показал следы диффузного нейрософта, – объявил Пантелеев.

– Значит, Ящер. Мне этот тип сразу не понравился, – задумчиво произнес капитан-лейтенант. Наверное, он решал – пристрелить меня или выбросить за борт.

– Проверьте своих людей, – сказал я.

– Что? – командир подошел ко мне вплотную. Я подумал, что капитан-лейтенант сейчас меня ударит, но он только спросил:

– Как я должен их проверить?

– Проверьте их точно так же, как и меня. Командир корабля неожиданно согласился.

– Это естественная мысль...

– Обнаружены низколетящие цели!. Азимут двести восемьдесят, угол двадцать, дистанция сорок, – доложила система слежения мягким девичьим голосом. Рубка сразу

заполнилась людьми, а система визуализации создала десятки виртуальных экранов. «Низколетящие цели» были показаны на них во всех ракурсах. Плоские, похожие на голову кобры, с цилиндрическим утолщением посередине.

Эти «кобры» перемещались как будто бессмысленно, но при этом быстро приближаясь к нам.

Кто-то из экипажа спросил густым тревожным голосом:

– Командир, почему мы не атакуем? Давайте жажнем ракетами левого борта.

Капитан-лейтенант Келарев отозвался лишь невнятным хмыканьем, но я все уловил. Цели—типичные «странные объекты», стрелять по которым – лишь бездарно расходовать боезапас.

На дистанции в двадцать километров все «кобры» исчезли.

– Вы не забыли про тестирование? – напомнил я командиру корабля.

– Я забываю только то, что нужно забыть, – отозвался капитан-лейтенант, но вызвал тестирующую систему.

– Лейтенант Пантелеев, вы – первый.

Через несколько минут лейтенант посерел. Может, он еще и обделался от страха (этому имелись косвенные признаки). Дотошная тестирующая система показала присутствие у него в мозгу диффузного нейрософта.

– Мне жаль, – рука командира потянулась к кобуре.

– Лучше куда-нибудь заprite Ящера номер два и продолжайте банкет, – торопливо вмешался я. – Главное – уловить тенденцию.

Пантелееву всадили парализующий луч из сквизера и в обмякшем виде отправили в пустой ящик из-под боеприпасов.

Проверка доставила большие неприятности еще двум сержантам, рядовому стрелку и офицеру-штурману, показав у них диффузный нейрософт. Все они были парализованы и загружены в оружейные и боеприпасные ящики.

– Теперь ваша очередь, господин капитан-лейтенант, – сказал я, с трудом удерживая лицевые мышцы от улыбки. – Передайте, пожалуйста, сквизер первому пилоту.

Командир, чувствовалось, что занервничал, хотя и сохранял бронзовую невозмутимость лица.

Суровый тестер показал наличие нейрософта и в его мозгу. Бледность поплыла по щекам капитана-лейтенанта.

– Кто вы? – вдруг спросил он меня.

– Сотник Сенцов. Я не подчиняюсь ни командованию седьмого мобильного дивизиона, ни штабу второй эскадры. Дальнейшие сведения вы можете получить, только связавшись с абонентом 2348 в управлении стратегической разведки.

– Мы не можем связаться с абонентом в управлении стратегической разведки, потому что находимся на боевом патрулировании, – отрезал капитан-лейтенант. – Хорошо, я передам командование кораблем первому пилоту. Пусть он меня парализует, а еще лучше – просто уничтожит.

– В этот момент зрители начинают плакать. Не торопитесь, первый пилот может быть также заражен. А что, если ваша тестирующая система функционирует неправильно? По простому говоря, криво фурычит.

Капитан-лейтенант вместо того, чтобы ухватиться за эту спасительную мысль, еще и запротестовал:

– Не верю. У тестирующей системы многократное дублирование всех схем и программного обеспечения.

– Я имею в виду, что тестирующая система не может понять состояния нашего мозга и считает, что причина этому – диффузный нейрософт. А давайте представим, что в мозгу у меня и у вас есть эти самые «дырки» – зоны, выключенные из нашей реальности, принадлежащие уже другому миру.

– Вы хотите сказать, что мы обречены?

– Я хочу сказать, что всегда есть надежда. Возвращайтесь на базу, командир.

Виртуальные экраны показывали, как корабль стелется над горами, а пилот вместе с бортовым компьютером прокладывает курс по звездам и другим естественным ориентирам – ведь «странные объекты» уничтожили как искусственные спутники Земли, так и наземные навигационные системы. Корабль вдруг устремился прямо к одной из горных вершин Бадахшана, еще секунда – и он врежется в сплошную скальную стену. Я зажмурил глаза, но раскрылся шлюз, мы промчались по тоннелю и опустились на палубу в ангаре размером с три футбольных поля.

Через час вместе с директором стратегической разведки полковником Суздальцевым и другими высокопоставленными персонами я находился в кабинете председателя Российского содружества наций, господина Иловайского.

Обладатель пышного звания расхаживал по дубовому паркету и думал вслух, ожидая подсказок подчиненных.

– Итак, сотник Сенцов, вы уверяете, что проникли в три вполне настоящие реальности, где наши приятели-Ящеры еще ничего не испортили.

– Именно так, господин председатель.

– Я все-таки не понимаю физики этого дела, – пожаловался высокий руководитель. – Чем отличаются другие реальности от нашей? За что нам весь этот геморрой?

– Я не думаю, что есть смысл долго и нудно излагать теорию физических множеств, – сказал глава научного совета, главнаучс. – Любая реальность – это множество материальных элементов. Две или несколько реальностей могут иметь общее множество материальных элементов. И это энергетически выгодно для сложной высокоорганизованной материи, это просто необходимо ей для противостояния энтропии. Но если какая-то реальность перестает поддерживать устойчивость высокоорганизованных объектов, она их теряет. Увы, это полностью наш случай. Сегодня наш мир теряет объекты, и на их месте возникают «дырки». Эти «дырки» могут быть где угодно, в том числе в нас самих.

– Если б мы вовремя уничтожили Ящеров, ничего бы этого не было. Никаких дырок в мозгах, – не выдержал министр обороны.

– Послушайте, сейчас речь не об этом, – сказал главнаучс, мимикой продемонстрировав свое отношение к солдафону.

– Как не об этом? Вы сами, милейший, часами говорили про «антропный фактор», тот, который дает энергию высокоорганизованной материи. А Ящеры, загадив мозги населению, этот самый «антропный фактор» уничтожили. Вешать их надо было, а не сопли по пиджакам распускать. Петлю Ящеру на шею, и еще за ноги подергать для надежности. Как вешали татей окаянных наши предки.

– Сотник Сенцов проник в три совершенно самостоятельные реальности, – сменил тему разговора директор разведки. – Проник и вернулся. Его антропный фактор может открыть нам ворота в другую реальность.

– Но ведь мы и так попадем в эту другую реальность, если все объекты мало-помалу захватываются ей, – заметил Иловайский – Человек – слишком сложно организованная система, он не может переходить из реальности в реальность по кускам, заполняясь «дырками».

– А что у нас с гиперкомпьютером? – спросил Иловайский.

– Он сейчас решает задачу, есть ли в нем «дырки», – отозвался главнаучс.

– Пусть прервется. Вложите в этот черный ящик сведения Сенцова и получите координаты «ворот» в другие реальности.

– Но... – главнаучс хотел, наверное, рассказать о тонкостях вычислений на квантовом гиперкомпьютере.

– Никаких «но», только «да».

Через сутки в сторону предполагаемой границы реальностей вылетела эскадра. На флагманском корабле находился я вместе с директором разведки полковником Суздальцевым, здесь же был председатель Иловайский и главнаучс в виде своего цифрового

двойника. Впереди летел разведывательный корабль под командованием капитан-лейтенанта Келарева.

Под нами проносились снежные вершины и серые каменистые склоны. Гиперкомпьютер, который был распределен по кораблям эскадры, определял наши истинные координаты и курс.

То, что мы приближаемся к нужной точке, стало понятно, когда локаторы засекли «хвост» из «странных объектов».

– Они хорошо подставились, – обрадовался военный министр. – Сейчас дадим залп мегаваттными импульсниками с флагмана.

– Антропный фактор должен проявляться не так, – заметил дигитальный главнаучс, а гиперкомпьютер сообщил, что мы уже в «воротах», которые распахнулись шире, чем показывали расчеты. Гипер еще стал доказывать, что имел право на ошибку...

Мы вышли из реальности сразу, рывком. Для тех кораблей, что еще не влетели в «ворота», мы наверняка предстали в виде странного объекта, то есть «дырки».

Во мгле, испещренной светящимися точками, я пытался найти нужный мне выход.

Пусть я и «высокоорганизованная материя», обладающая «антропным фактором», но каждая реальность хочет приспособить меня к себе, чтобы не потерять устойчивость.

Можно легко стать гандистом, интернационалистом, капиталистом, Ящером, животным или растением. Вместе с растениями очаровывать насекомых и всасывать солнечное сияние. Вместе с волками чувствовать трепещущую кровь добычи и мощь стаи. Вместе с интернационалистами чаять всемирного братства пролетариев. Вместе с гандистами жаждать пробуждения спящей Азии. Вместе с западными тартарами и восточными монголами вести своих коней до самых далеких рек и морей. Вместе с Ящерами желать все и вся.

5

К ночи сражение за высоту между российскими и брито-индийскими войсками закончилось, гандисты принуждены были отступить с конфузией. Однако усталые русские воины наблюдали чудную игру огней в темном небе, а также вспышки и множество искр, как будто в высотах ратоборствовали ангелы, слуги божьего престола, и бесы, исчадия адские. Несколько военных священников вознесли молитвы, желая скорой победы светлому небесному воинству и поражения мерзким посланцам бездны.

Незадолго перед зарею небо вдруг окрасилось в розовые тона и наверху возникли контуры неведомой страны с горами, городами, реками и озерами, а потом все вновь заволкло тьмой. Наблюдатели застыли в молчаливом недоумении, надеясь на божественный источник знамения.

Ближе к полудню русские войска, закрепившиеся на высоте, подверглись атаке брито-индов сразу с трех сторон. Сперва позиции были перетряхнуты тяжелой артиллерией врага, а затем густыми цепями в лоб пошла бенгальская дивизия. Со стороны перевала, сокрушив слабые егерские заграждения, хлынули красные шотландские стрелки. А с юго-западной неожиданной стороны, прямо с горной вершины, посыпались, как горох, отчаянные гурки.

Первая линия обороны русских войск была смята, и через окопы, ставшие братскими могилами, проползли танки; бенгальской пехоте даже не понадобилось вступать в ближний бой. Вторая линия обороны хлестнула наступающих плотным пулеметным огнем, да и танкам все сложнее было подниматься вверх по склону. Однако русские солдаты слышали канонаду у себя на флангах и даже в тылу, поэтому неуверенность приходила на смену упорству. И вправду, находившиеся на флангах гренадеры едва сдерживали натиск шотландских стрелков, плохо заметных в «зеленке», и гурков, едва мелькающих среди камней.

Подкрепления запаздывали. Командование корпуса тщилося принять правильное решение: бросить ли в бой резервы и попытаться отстоять высоту или же, отступив, очистить

сомнительной ценности выступ фронта. Растерянность расплзалась по штабным головам.

Неожиданно в штабе корпуса появился офицер в чине есаула и доложил, что готов переправить пластунов через проход в западном скальном массиве, дабы вывести их в тыл наступающим гуркам. Командующему корпуса уже не приходилось выбирать – он усилил пластунский батальон спешившимися казаками-гвардейцам, и сел ждать, мрачно вперившись в стену палатки. Через час с запада послышалась стрельба, а наступающие гурки вдруг пришли в смятение. Вскоре контратака молодцов-гренадеров превратила их в бегущее стадо. Некоторое время спустя гренадеры соединились с пластунами и ударили по оголенному левому флангу брито-индийских войск. Гандисты дрогнули, ослабли и покатались назад.

После победного боя была установлена фамилия есаула для предоставления его к Георгию. Однако сам есаул Сенцов, к прискорбию командования и сослуживцев, пропал без вести.

Джебе-нойон, как и все его верные нукеры, наблюдал за мельканием на небе пятен разного окраса и размера. В душе его подобное мельтешение не пробуждало никаких чувств, поелику никогда еще небо не вмешивалось в дела земли. Аллах потакал сильным или делал сильным того, кому желал потакать. Старые монгольские духи неба – тенгри – также любили неукротимых воинов. Пробуждала беспокойство у владетеля лишь одна мысль – как бы не упало нечто тяжелое с неба на его стан. Впрочем, едва властитель убедился, что небесные игрища никоим образом не грозят ему и его воинству, он утратил к ним всякое любопытство.

А где-то, не слишком далеко, в вечерний воздух взмыли птицы и чуть заметно задрожала земля. Потом и топот конский донесся до ушей москвитянина. Казак Ерема Сенцов спешился и спрятал своего Сивого между глыб, сам же взобрался на утес, высившийся темным шеломом над тропой.

Вскоре на тропе показалось пятеро всадников. По одежде, черным панцирям и долетавшим словам можно было признать в них слуг султана Виллизада. При них была и Гюль де Шуазель, привязанная к задней луке седла одной из лошадей. Коли доберутся посланцы Виллизада до Джебе-нойона, то все лукавое предприятие, затеянное во спасение Святой Веры и града Москвы, может погореть. Столкнуть на нукеров Виллизада большой камень? Инда придавишь одного, а остальные утыкают тебя стрелами, пущенными со своих роговых луков. И вовремя вспомнулось про мешочек с пороховым зельем, которое недавно составил для него один монах Сергиевой обители.

Едва Сенцов успел сыпануть из мешочка и провести пороховую стежку, как поблизости зацокали копыта. Высек он искру кремнем – побежал по стежке красный петушок, немедля полыхнуло и пороховое пятно на дороге. Первые лошади, захрапев, поднялись на дыбы; одна, совместно со всадником, ухнула с обрыва, другая же уронила тартара на горящую землю.

Стрелой, пущенной из своего лука, Сенцов пробил панцирь третьего нукера. А потом, выскочив на дорогу, рубанул саблей тартара, который с визжанием плясал по земле в горящем халате. Оставшиеся двое всадников наехали на москвитянина, однако же их перепуганные лошади дурно слушались повода и плетей. Вскочил Сенцов на уступ скалы и, прыгнув на одного из нукеров, свалил его с лету на землю, а там ударил кривым ножом.

Внезапно удавка аркана стянула руки москвитянина и победно закричал слуга Виллизада. Тартарский конь, послушав хозяина, прынул с места, веревка сорвала Сенцова с ног и потащила вниз по горной дороге, по камням острым. Однако Гюль де Шуазель, что болталась на луке седла у этого всадника, освободила руку и выхватила сагайдачный нож. Ударил девичья рука ножом под шлем тартара и пал он на землю, орошая густой кровью бесплодные камни. Гюль де Шуазель развернула коня, но петля аркана была уже пуста. Сгинул казак Сенцов, сгинул бесследно – будто гора распахнулась и поглотила его.

Сотник Сенцов тонул в пещерном озере. Хоть и колотил-молотил Зегерса кулаками и пинал ногами, толку от этого не было. Уже растекалось по телу изнеможение, темные пятна, все разрастаясь, кружились в пухнувшей голове, а латыш по-прежнему был цепок, как бульдог, и тяжел, как мешок с картошкой. Сенцов уже прощался с жизнью и, словно через

окно, видел золотые ризы встречающих его святых отцов – те приветливо махали коричневыми руками и улыбались светлыми ликами. Когда сотник уже стал приближаться к окну, вдруг ослабела вражеская хватка. Сенцов, натужив последние силы, отпихнул сапогом недруга. И мешок-Зегерс стал безвредно удаляться от сотника, который, в свою очередь, начал всплывать. И вот в легкие, сдавленные удушьем, ворвался воздух. Ротмистр Суздальцев протянул сотнику руку и помог выбраться из воды.

В глубине пещерного омута виднелись чьи-то ноги в хороших хромовых сапогах, подметками кверху, оттуда розовым пятном поднималась кровь.

– Зегерс это, – пояснил Суздальцев. – Я его шашкой подколол. Шашка и в воде неплохо действует. Извините, что задержался, но мне немного помешали, – он показал на тела латышей, разбросанные по пещере. – А теперь в путь, – ротмистр поднял факел, выпавший из руки интернационалиста.

Когда факелы почти уже угасли, они вышли из горы в долину. Здесь свежий ветерок с гор не давал застояться зною, а близкое солнце не позволяло сползти стуже с горных вершин. Долина радовалась жизни и была застелена цветочным ковром.

– Это – рай? – спросил бесхитростный Келарев.

– Посмотрим, – ответил Сенцов.

Они пошли через долину, один за другим, стараясь не давить цветы тяжелыми кавалерийскими сапогами. Луга плавно перетекали в сады. За ними была невысокая каменная ограда, а дальше возвышались легкие строения с розовыми стрельчатыми стенами, крышами-луковицами и резными колоннами по фасаду.

У ворот путников встретил молчаливый слуга. Склонившись в вежливом поклоне, он сделал знак страже, чтобы пропустила непрошенных гостей. По дорожке, выложенной мраморной плиткой, слуга провел трех русских воинов мимо легких беседок и заросших лилиями прудов к двери самого высокого здания.

Сразу за позолоченными створками дверей обнаружился зал, который полнился гомоном пирующих и пестрыми красками цветочных ожерелий. Танцы живота, однообразная (на вкус вновь прибывших) музыка, сладкоголосые песни, ломящийся от яств стол на коротеньких ножках. Непонятно было гостям – то ли это обычный обед, то ли второй завтрак, то ли торжественный пир.

Гостей подвели к старцу, находившемуся во главе длинного стола, затем усадили неподалеку от него на парчовые подушки. Отличался седоусый хозяин той благородной наружностью, которая свойственна некоторым бадахшанским таджикам. За спиной его сидело несколько женщин, чьи лица были скрыты темными накидками. Шейх предложил гостям есть и пить. Сенцов и Келарев немедленно подкрепились пловом, а ротмистр Суздальцев тщетно старался найти вилку. Затем старец на неплохом французском попросил поведать о том, что приключилось с путниками. Сотник Сенцов, глянув на мрачных воинов, стоящих в углах зала, и на ласковые глаза шейха, решил быть честным...

– Очень поучительная история, хотя и полна странного, – сказал старец, прилежно выслушав сотника. – Умные люди Запада любят объяснять счастье и несчастье человека тем, какое воспитание он получил, какое богатство унаследовал, какие идеи разделяет – будто это может изменить его вечную неизменную сущность. Она же не зависит ни от воспитания, ни от учений и идеологий, она одинакова во всех мирах. Мы, зоро-астрийцы, зовем ее «фраваш». Но какой из всех этих миров вы бы выбрали сами?

«Тот, где она, потому что она оставила нерастраченной мою любовь и благодарность», – хотел сказать Сенцов, но промолчал.

Покрывало соскользнуло с головы одной из женщин, и сотник увидел Мариам. Она сидела, потупив взор, но румянец посетил ее щеки-персики.

– Я мог бы казнить мою жену за побег в Бухару, но она вернулась, преисполненная раскаяния, и будет украшать мою старость, насколько та продлится, – с удовольствием произнес шейх.

1995, 2008

Андрей Мартьянов Операция «Бранденбург»

Смоленск, 13 марта 1943 года

– Я решительно не понимаю генерал-фельдмаршала, – развел руками высокий лейтенант в очках. – Сказав «А», надо говорить и «Б». Ключе прекрасно понимает, что мы ходим по лезвию бритвы и одновременно рассуждает о кодексе чести: видите ли, убивать человека за обедом – недостойно офицера.

– Но ведь это действительно плохо вяжется с традиционными представлениями, – пожал плечами генерал-майор Хеннинг фон Тресков – хозяин обширного кабинета на втором этаже самого охраняемого здания в центре Смоленска: здесь располагались некоторые отделы штаба группы армий «Центр». – И успех вовсе не был гарантирован. Я разговаривал с шеф-адъютантом фюрера Шмундтом, он сказал, что Гитлер во время поездок на фронт обычно носит легкий бронежилет и фуражку с металлическими вставками. В последнее я готов поверить, поскольку лично держал ее в руках. Фуражка необычно тяжелая...

– Кроме того, господин лейтенант, из-за беспорядочной стрельбы во время банкета могли пострадать офицеры штаба фельдмаршала, – поддержал фон Трескова усевшийся на подоконник господин в штатском. – Представляете последствия? Знаменитая фраза Игнатия Лойолы о цели и средствах в данном случае неприменима – мы не вправе обезглавить фронт, а большинству сотрудников Ключе не так-то просто подыскать замену. Особенно в нынешних обстоятельствах. Придется действовать по резервному плану.

– У вас в Абвере слово «план» обожествлено, – огрызнулся лейтенант. – А сакрализация любого понятия только вредит делу! Меньше планов, больше действий.

На несколько мгновений в кабинете установилась мрачная тишина – только тикали огромные напольные часы. Стрелки показывали четверть десятого утра.

Увы, но тщательно спланированный заговор группы генерала Трескова фактически провалился. Через два часа рейхсканцлер и верховный главнокомандующий Вермахта Адольф Гитлер вылетит из Смоленска в Восточную Пруссию и вновь станет недосягаем – организовать покушение непосредственно в Ставке невозможно чисто с технической точки зрения...

Случай же подвернулся уникальный: после поражения под Сталинградом фюрер выезжал на фронт все реже и реже, предпочитая затворничество в Раценбурге или в берлинской рейхсканцелярии. Когда стало известно, что Гитлер собирается посетить Смоленск, Хеннинг фон Тресков и близкие к нему офицеры поняли, что нельзя упускать столь удобный шанс покончить с человеком, ведущим Германию к катастрофе.

Недовольство фюрером в офицерском корпусе Вермахта спонтанно нарастало после начала кампании на Востоке – один из заговорщиков, барон Рудольф фон Герсдорф, после поездки на фронт в начале декабря 1941 года прямо говорил Трескову: «У меня создалось впечатление, что расстрелы евреев, военнопленных и комиссаров осуждаются офицерским корпусом повсеместно... Расстрелы рассматриваются как позорящие честь германской армии, в особенности ее офицерского корпуса. Виновен в этом только один человек – и вы отлично знаете кто, господин генерал-майор...»

Уже больше года фон Тресков подбирал в штабе группы армий людей, резко недовольных происходящем как на Восточном фронте, так и в Германии вообще. Велись осторожные разговоры, сводившиеся к одной простой мысли: надо что-то менять, и чем быстрее, тем лучше. Менять радикально.

Национал-социалистическое правительство должно быть заменено трезвомыслящими людьми – разумеется, военными, которые сумеют вывести Германию из войны с наименьшими потерями. Никто не хотел повторения 1918 года и нового Версаля – а если дела пойдут так и дальше, то по сравнению с грядущим поражением Версаль покажется

детским лепетом: русские и западные союзники ясно дали понять, что их целью является полное уничтожение Германии...

Безусловно, в офицерском корпусе хватало фанатиков, слепо верящих в гений фюрера, на этих даже Сталинградская трагедия не произвела особого впечатления. Но Тресков и его приближенные в январе нынешнего года окончательно поняли: гибель Шестой армии в заснеженных приволжских степях является знаком того, что фюрер утратил контроль над ситуацией. Если бы вовремя был отдан приказ об отступлении, если бы успел Манштейн... Если бы!

Гитлер категорически заявил: «Я не уйду с Волги!». Последствия этого решения налицо – катастрофа.

Тихий ропот в среде старших офицеров и создал почву для обширного заговора, в который оказались вовлечены десятки людей – от адъютанта Трескова лейтенанта Фабиана Шлабрендорфа до высших чинов Абвера. В план покушения посвятили фельдмаршала Ганса фон Клюге, командующего группой армий – и тот, молча согласившись, задал вопрос, ответ на который беспокоил всех:

– А что дальше, господин генерал-майор? Вы понимаете, что вслед за... гм... за этой акцией должно последовать полное изменения государственного устройства? Причем во время тяжелейшей войны. Что дальше, Тресков?

– Вы имеете в виду – кто возглавит правительство и страну?

– И это тоже.

– Люди, не запятнавшие себя тесной связью с режимом. Те, с кем Запад сможет вступить в переговоры.

– Слишком расплывчато. Вы понимаете, что верхушку НСДАП надо убирать полностью? Всех до единого, за редкими исключениями... И прежде всего Гимmlера с его шайкой.

– Безусловно. Пост рейхспрезидента должен занять военный старой школы. Месяц назад я беседовал с генералом Гальдером, он... Он не выдвинул обоснованных возражений. Фон Вицлебен тоже.

– Гальдер или Вицлебен? – Клюге вздернул брови. – Ну хорошо, допустим. А канцлер?

– Альберт Шпеер – талантливый управленец, он сумеет удержать экономику от краха в условиях военного времени. Разумеется, действовать новый канцлер будет под тщательным присмотром армейского руководства.

– Шпеер – близкий друг фюрера. Вы не забыли об этом?

– Нет. Не забыл. Я встречался с рейхсминистром зимой, когда был в Берлине.

– И что же? Впрочем, я догадываюсь, иначе вы не назвали бы его имя. И помните: любая серьезная дестабилизация государства может вызвать обрушение фронтов. Результат окажется фатальным.

– Я знаю, господин генерал-фельдмаршал. Но альтернативы никакой: мы обязаны положить конец этому безумию, иначе Германия погибнет...

* * *

Фон Тресков знал, что в обычное время Гитлер был приветливым и вежливым человеком. Ходили разговоры о его вспышках ярости, но свидетелем таковых генерал ни разу не оказывался, хотя и бывал в Ставке по штабным делам сравнительно часто. Однако прилетевший вчера из Винницы фюрер выглядел мрачно, не улыбочиво и настороженно.

...О неслыханной удачливости рейхсканцлера ходили легенды. Гитлер счастливо избежал более чем десятка покушений – по крайней мере тех, о которых было достоверно известно. Он за минуту до взрыва уходил из помещения, где была заложена бомба, пистолеты давали осечки, а лучшие английские агенты, отправленные в Рейх, чтобы убить фюрера, бездарно проваливались там, где и отстающий школьник не смог бы допустить ошибки. В этом было нечто мистическое – одним чутьем на опасность такое не объяснишь.

Утром 12 марта на смоленском военном аэродроме приземлились сразу шесть самолетов: охрана и техническое обеспечение, от связистов до личных поваров. На тяжелом военном транспорте привезли даже автомобиль. Спустя сорок минут в ясном весеннем небе показался четырехмоторный Fw.200 «Кондор»; он шел один, без сопровождения истребителей – в этом районе опасаться авиации противника не приходилось.

Самолет коснулся полосы. Тресков покосился на адъютанта – Шлабрендорф выглядел абсолютно невозмутимо. По договоренности с фельдмаршалом они должны были посадить важного гостя в свою машину: лейтенант за рулем, на соседнем переднем сиденье, как всегда, непременно устроится камердинер и телохранитель рейхсканцлера Гейнц Линге. Тресков с Гитлером – позади. Было условлено, что выстрелы будут произведены одновременно, сразу после поворота с аэродрома на Смоленск. Шлабрендорф устраняет Линге, а генерал-майор в упор расстреливает фюрера – на столь близком расстоянии никакой бронезилет не спасет. Затем автомобиль изнутри подрывается двумя гранатами: Тресков и лейтенант отлично знали, что их ожидает в случае, если они останутся живы – никаких сомнений, следователи выбьют из заговорщиков имена всех причастных к покушению, и жертв будет стократ больше.

– Черт... – прошептал Шлабрендорф. – Боюсь, ничего не выйдет...

Фюрер и генерал Йодль спустились по трапу на бетон аэродрома, быстро переговорили с встречавшим их Клюге, после чего к самолету подошли бронированный «Хорьх» с проверенным Эрихом Кемпкой за рулем. Ехать в армейской машине Гитлер категорически отказался – неужели что-то заподозрил?

Кортеж направился в сторону города.

– Вечером, – сказал Тресков лейтенанту. – До четырех пополудни совещание в штабе группы армий, с восьми – обед в офицерском казино. Мне необходимо как можно быстрее переговорить с фельдмаршалом. Предупредите фон Герсдорфа и полковника Штрахвитца, они должны быть готовы.

Второй вариант операции предусматривал покушение во время торжественного банкета, который устраивал Клюге в честь Гитлера, и этот план всеми без исключения был признан наиболее рискованным. Стрелять должны были сразу девять офицеров – уже упомянутые Тресковым начальник разведки штаба Герсдорф, сотрудник оперативного отдела Штрахвитц, братья Георг и Филипп фон Безелагер и еще несколько военных.

– ...Вы устроите бойню, – резко сказал генерал-майору Клюге, зайдя в кабинет Трескова перед совещанием. – На банкете будет присутствовать сто двадцать человек, весь мой штаб!

– Следует рассадить их так, чтобы никто не попал на линию огня, – возразил Тресков. – Вы сядете напротив Гитлера, по другую сторону стола. Как только начнется стрельба, падайте на пол, Шлабрендорф вас прикроет.

– А остальные? О них вы подумали? Лишить фронт управления! Кроме того, как согласуется с офицерской честью убийство гостя за обедом? Я вам приказываю, Тресков: акцию отменить. Вернее, перенести. Изменить план. Вспомните о подарке Канариса!

Действительно, неделю назад Смоленск посетил шеф Абвера, посвященный в заговор. «Подарком», о котором говорил Клюге, являлись несколько килограммов новейшей английской взрывчатки – ее сбрасывали с самолетов во Франции для диверсионных групп голлистов и британской агентуры, значительная часть «посылок» оседала на складах разведки. Офицер Абвера Ганс фон Донаньи передал группе Трескова подробные инструкции по обращению с веществом, похожим на пластилин или замазку, а также оставил химические детонаторы. Бомбы они изготовили вместе с лейтенантом Шлабрендорфом, теперь оставалось придумать, каким образом эффективно применить адские машины...

День прошел напряженно – вначале совещание с генералитетом, затем Гитлер со свитой отправился в кратковременную инспекцию по частям, расквартированным в Смоленске. Фюрер был постоянно окружен охраной – не подберешься. Тресков передал Герсдорфу и остальным категоричное распоряжение фельдмаршала: покушения на банкете

не устраивать, слишком рискованно.

Поздний обед прошел безмятежно. Гитлер был весел, много шутил, еще больше рассуждал о предстоящей летней кампании, во время которой следовало перехватить у русских инициативу и нанести решающий удар в направлении Москвы – новейшие тяжелые танки уже начали поступать в войска, в жилы Панцерваффе вливается новая кровь. Продолжался банкет три с половиной часа, фюрер говорил, почти не прерываясь.

Возвращение в Растенбург было назначено на завтра. Самолет должен вылететь в одиннадцать утра, провожать фюрера будет все командование фронта.

Тресков назначил Шлабрендорфу и фон Донаньи встречу на половину восьмого, у себя в кабинете. Времени почти не оставалось.

* * *

– Вы договорились с подполковником Брандтом? – Донаньи взглянул на генерал-майора. – Посылка готова.

Абверовец расстегнул портфель и поставил на стол перед Тресковым две бутылки мутного темного стекла с золотисто-белыми этикетками ликера «Куантро». От обычных бутылок они отличались разве что пробками – более крупными, заклеенными черной фольгой.

– Уверены, что сработает? – хмуро поинтересовался Шлабрендорф.

– В случае с Гитлером ни в чем нельзя быть уверенным, – парировал фон Донаньи. – Надо проткнуть шилом обе пробки и привести в действие кислотный взрыватель с замедлителем, он рассчитан на полчаса. Авиакоридор на Растенбург проходит по линии Смоленск-Орша-Молодечно-Вильно и далее на Восточную Пруссию, «Кондор» летит без сопровождения, на высоте около пяти километров. Это должно выглядеть как несчастный случай, авиационная катастрофа – по моим расчетам, взрыв произойдет северо-западнее Минска, над болотами. Искать самолет будут не меньше суток.

– Весьма оптимистичные расчеты, – буркнул Тресков. – Когда «Кондор» должен прибыть в Растенбург?

– В два по поясному времени Смоленска, общее время в полете два часа пятьдесят минут.

– Та-ак... Армейские средства ПВО в Белоруссии будут его отслеживать?

– Разумеется. Но «слепой участок» находится как раз за Минском, вплоть до зоны ответственности виленской противовоздушной обороны. Это только нам на руку. Если к половине третьего из Ставки не придет подтверждение о приземлении, можно звонить в Берлин.

В случае удачи диверсии Хеннинг фон Тресков должен был соединиться со столицей и передать состоящему при штабе ОКВ капитану Людвигу Гере кодовое слово «Бранденбург», запускавшее механизм подготовленного военного путча: гарнизон Берлина поднимается по тревоге, армия нейтрализует части СС, захватывает правительственные учреждения и верхушку НСДАП; временное управление Берлинским округом берет на себя адмирал Вильгельм Канарис, и он же представляет народу новых рейхспрезидента и канцлера – все согласовано и спланировано с точностью до минуты. Взятие власти займет минимальное время, к вечеру страной должны править военные и их ставленники...

– Пора, – Тресков взглянул на часы. – Донаньи, оставайтесь здесь. Господин лейтенант, берите посылку.

Шлабрендорф завернул наполненные взрывчаткой бутылки в газету и аккуратно поставил их в портфель. Защелкнуть замочек следовало уже на аэродроме: без ключа его не откроешь.

Автоколонна из тридцати машин промчалась через Смоленск и вышла на загородное шоссе. Погода стояла сумрачная, за ночь нанесло облаков, шел сухой колючий снежок – обычное явление для здешней ранней весны.

Пилоты «Кондора» завели двигатели, самолет фюрера отправлялся третьим в очереди: часть охраны уже вылетела в Восточную Пруссию, остальные транспорты будут взлетать с промежутком в десять минут. Отлично, значит, в зоне прямой видимости других бортов «Кондор» не окажется – это серьезно затруднит грядущие поиски обломков.

– ...жду вас седьмого апреля в Ставке, – услышал Тресков слова Гитлера, обращенные к фельдмаршалу. – Благодарю за прием, Ключе.

– Хайль, мой фюрер!

Генерал-майор шагнул чуть вперед и влево, закрывая собой Шлабрендорфа. Лейтенант мгновенным движением открыл портфель, прижал его левой рукой к груди, зажатой в правой ладони шилом быстро проткнул обе пробки «Куант-ро». Клацнул металлический замок. Шлабрендорф подергал крышку портфеля – убедиться, что посылку никто не откроет – и передал портфель фон Трескову.

Гитлер уже поднялся в самолет.

– Брандт, подождите! – Тресков стремительно подошел к трапу и придержал за рукав подполковника ОКВ Гейнца Брандта. – Извините бога ради, едва не забыл! Помните, вчера я просил вас передать подарок в Берлин?

– Конечно же, господин генерал-майор! – обернулся Брандт. – Что еще может послать на день рождения другу фронтовик, кроме хорошего спиртного? Давайте. Уверяю, через два дня посылка будет в Берлине, и мы с полковником Штиффом выпьем за ваше здоровье.

– Большое спасибо, – выдавил неискреннюю улыбку Тресков. – Не знаю, что бы я без вас делал...

Дверь самолета захлопнулась, «Кондор» начал выруливать на полосу. Самолет остановился, взревели моторы, и через полминуты Fw.200 поднялся к серым негостеприимным небесам, оставляя за собой едва различимую полосу выхлопов. Тресков, Шлабрендорф и Ганс фон Ключе проводили его ничего не выражающими взглядами.

– Возвращаемся, – махнул рукой адъютанту фельдмаршал, мельком взглянув на Трескова. Генерал-майор едва заметно кивнул. Дело сделано. Теперь остается лишь надеяться.

* * *

– Перенести портфель в багажное отделение, господин подполковник? – обратился к Брандту унтерштурмфюрер Вольф из числа obsługi рейхсканцлера.

Брандт устроился в кресле в самом хвосте самолета. Передний салон «Кондора» занимали Гитлер, Йодль и несколько наиболее приближенных сотрудников Ставки.

– Конечно, – согласился подполковник и вдруг передумал: – А впрочем, он мне ничуть не мешает, поставлю в ногах. В багажном отсеке дикий холод, а ликер холода боится.

– Да, на высоте температуры минусовые, – согласился Вольф. – Как будет угодно.

На столике перед креслами лежали еженедельные журналы, Брандт взялся за последний выпуск «Вермахта», пролистал, потом уставился в прямоугольный иллюминатор. Самолет чуть потряхивало, он проходил через полосу облаков. Наконец слева по борту засияло солнце – «Кондор» набрал высоту и уверенно лег на курс.

Фюреру подали травяной чай, остальным кофе. Генерал-лейтенанту Альфреду Йодлю внезапно отчаянно хотелось закурить, но это было невозможно – Гитлер категорически запрещал курить в своем присутствии, особенно в самолете.

Личный пилот рейхсканцлера, штандартенфюрер СС и командир правительственной авиаэскадрильи Ганс Баур связался с ПВО Минска и запросил сводку погоды. Движущийся на восток облачный фронт простирался вплоть до Орши и Борисова, укрывая половину Белоруссии; западнее погода резко улучшалась – над Литвой и Восточной Пруссией ясное небо. Активности самолетов противника в тылу германских войск за последние сутки не отмечено. Точка поворота – двадцать седьмой градус восточной долготы, затем «номер первый» на двадцать минут выйдет из зоны наблюдения Минск-Борисов и будет передан

ПВО Вильно. В случае непредвиденной опасности истребители поднимутся в воздух в любой момент, экипажи в полной готовности.

– Отбой, – сообщил Баур и щелкнул тумблером рации.

«Кондор» занял эшелон на высоте пять тысяч сто метров и набрал крейсерскую скорость в триста сорок пять километров в час. Штандартенфюрер отлично знал, как вести себя в случае чрезвычайной ситуации – при любой, самой минимальной угрозе, будь то случайное появление вражеской авиации или техническая неисправность, следовало на форсаже уходить к ближайшему военному аэродрому и незамедлительно садить самолет.

Над Белоруссией изредка летают русские транспорты, сбрасывающие грузы партизанам; далеко не каждый из них фиксируется противовоздушной обороной и перехватывается. Но используемые Советами американские «Дугласы» С-47 слабо вооружены и слишком тихоходны, чтобы угнаться за Fw.200, а ждать появления на таком расстоянии от линии фронта боевых машин не приходится. Однако идет война, может произойти все, что угодно, поэтому Ганс Баур изучил маршрут Винница-Смоленск-Растенбург досконально и проложил воздушную трассу над самыми крупными центрами – любой аэродром Люфтваффе в зоне десятиминутной досягаемости, за исключением «слепого пятна» между Молодечно и Шальчининкаем. Именно туда и следовало бы вызвать эскадрилью истребителей прикрытия, но...

Но зачем? Это глубокий тыл. Тем более, что первые два самолета уже благополучно преодолели Виленский район ПВО и сейчас находятся над Восточной Пруссией.

Подполковник Брандт передвинул портфель с посылкой господину Штиффу из-под кресла к борту, прямоком под иллюминатор. Мимоходом отметил то, на что не обратил внимания в Смоленске – подарок тяжеловат, две бутылки с ликером чересчур увесисты.

Шла сорок пятая минута полета. Судя по всему, Донаньи ошибся, и взрыватель не сработал...

– В чем дело? – громко сказал Брандт, разбудив задремавшего в соседнем кресле советника имперского управления вооружений Штрауба. Наклонился. Послышалось неприятное шипение, из портфеля выбивался сизый дымок, пахнувший какой-то откровенно химической гадостью. – Что...

Брандт и господин советник погибли мгновенно – в последний момент подполковник еще успел заметить ослепительную синевато-белую вспышку. Штрауба поразило осколками и вышвырнуло в полутораметровую дыру, образовавшуюся в фюзеляже.

* * *

Ожидаемого заговорщиками эффекта бомба не произвела – предполагалось, что самолет будет полностью уничтожен в воздухе, но сдетонировала лишь малая часть взрывчатки, и конструкция машины выдержала. «Кондор» резко пошел вниз и влево.

– Держи, держи! – заорал Баур второму пилоту. У него создалось впечатление, что самолет поражен зенитным снарядом. – Гидравлика отказывает! Рация! Черпррт!

«Кондор» стремительно терял высоту – четыре с половиной тысячи, четыре, три восемьсот, три триста пятьдесят... Перегрузки были огромные: если бы пилоты, скрупулезно следовавшие инструкциям, не были пристегнуты, их выбросило бы из кресел.

Сигнал бедствия подать не успели, да и некогда было – машина с трудом выровнялась, но тотчас отказали второй и четвертый двигатели, два оставшихся теряли мощность.

– Аварийная посадка! – Баур, не потерявший самообладания, видел внизу покрытые снегом болотистые равнины и черно-зеленые перелески – местность безлюдная и диковая.

Замелькали голубые искры, электронику закоротило. Кабина наполнилась запахом жженой изоляции.

– Руге, садимся!

Дотянуть до ровного, покрытого тающим снегом поля не вышло – «Кондор» на скорости в триста километров в час врезался в ельник, сразу отвалилось правое крыло, один

из двигателей левого сорвался с креплений и с ревом прорубил в подлеске сорокаметровую просеку. Топливо не воспламенилось только чудом.

* * *

В партизанском отряде «Сталинское знамя» с комиссара Шмулевича сильно удивлялись. Нет, вовсе не «не любили», и тем более не «ненавидели», но относились к Шмулевичу странно: каждый понимал, что обойтись без него решительно невозможно, человек он дельный и полезнейший, но очень уж удивительный. Решительно не такой, как все. Достаточно упомянуть, что обращались к нему всегда по имени и отчеству, не «товарищ комиссар» и не «товарищ Шмулевич», а непременно «Семен Эфраимович». На этом он сам настоял, мягко, однако непреклонно, еще летом 1941 года, когда в отряде и было-то всего-навсего четырнадцать человек.

Обитал единоличник Шмулевич в собственном блиндаже, пускай и маленьком, одевался всегда очень чисто и аккуратно, трофейными немецкими шмотками брезговал, иногда предпочитал гражданское (вообразите только – в лесу он вполне мог надеть пиджак с галстуком и светлой рубашкой!), но чаще носил форму майора НКВД, каковым и был в действительности. Разговаривал тихо и вежливо, никто ни разу не слышал, чтобы комиссар повышал голос. К каждому обращался на «вы». В блиндаже содержал массу книг, от классиков марксизма (должность обязывала) до старорежимных изданий Льва Толстого с «ятями» и «ерами».

Роста Семен Эфраимович был среднего, возрастом—чуть за сорок, всегда носил круглые очки в тонкой золотой оправе. Маленькие «гитлеровские» усики под носом были устоявшейся частью облика, прочей растительности на лице не имелось: комиссар аккуратно брился два раза в день и непременно с горячей водой. Все это делало Шмулевича белой вороной и объектом тихих (в основном доброжелательных) насмешек, причем только за глаза – все знали, что с комиссаром шутки плохи. Тихий-то он тихий, но человек абсолютно безжалостный и невероятно умный.

Командовал «Сталинским знаменем» бывший учитель алгебры из третьей средней школы Молодечно Петр Заславский – парень молодой, не военный, до войны лишь дважды бывавший на сборах, но внезапно открывший в себе немалый талант тактика. За два с половиной года действий в глубоком тылу немцев, невзирая на карательные рейды и вдумчивую охоту за партизанами, развернутую противником минувшим летом в Белоруссии, отряд уцелел, значительно пополнился и активно безобразничал на коммуникациях в треугольнике Глубокое-Поставы-Докшицы, доставляя немало головной боли немецкому коменданту Молодечно, ответственному за этот район северной Белоруссии.

Основную базу (опять же по выбору успешного хорошо ознакомиться с округой Шмулевича) создали в Свенцянских грядах, на островах почти непроходимого болота, откуда берут исток Березина и Сервечь. Впрочем, болото оказалось «непроходимым» исключительно для непосвященных, то есть для немцев – орлы товарища Заславского по осени даже ухитрились притащить сюда угнанное у немцев самоходное артиллерийское орудие «Мардер-II» с почти полным боекомплектom, каковое торжественно доставили в расположение отряда. Для этого пришлось попотеть и положить через топь километровую гать (ее затем сразу же разобрали), зато теперь у «Знамени» имелась собственная артиллерия. Комиссар оценил машину, молча развернулся и ушел к себе – писать представления на награждение отчаянных сорвиголов, тем же вечером отправленные по радию в Москву.

Свенцянские гряды – укрытие надежное, другим отрядам, действующим южнее и западнее, повезло значительно меньше. Неподалеку проходит единственное шоссе Вильно-Полоцк, узкоколейка от Швенчениса на Друю, а вокруг—леса, незамерзающие зимой болота да речушки с топкими берегами. Не зная троп, не подберешься. И напротив, немецкие гарнизоны в Бегомле, Вилейке, Сморгони и других городках находятся в прямой досягаемости; если действовать в меру нагло, до определенной степени осторожно и

наносить удары там, где не ждут, можно добиться немалых успехов.

Обладавший хорошей памятью Шмулевич знал в лицо и по имени каждого из восьмидесяти двух партизан отряда—работа с кадрами находилась в его ведении. Большинство – белорусы в возрасте от четырнадцати до шестидесяти лет, двадцать девять кадровых военных из числа окруженцев 1941 года, шесть женщин, работающих в «госпитале» и по хозяйству, да еще агентура в близлежащих городках и деревнях. Не много, но и отнюдь не мало, все люди проверенные – этим Шмулевич занимался лично, каждый новичок в отряде отправлялся на длительную беседу к товарищу комиссару.

Заславский знал о Шмулевиче мало – тот был скрытен и не любил рассказывать о своей персоне. С двадцатых годов комиссар работал в НКВД, уголовным следователем в самом Ленинграде. Поздней осенью 1938 года был арестован, но через два месяца выпущен и восстановлен в звании и должности, однако в 1939-м от греха подальше переведен из Ленинграда в провинциальный Молодечно.

Как сказал сам Шмулевич, «органы разобрались, ничего особенного». Какое обвинение? Бросьте, чепуха – ну посмотрите внимательно мне в лицо, в каком это месте я немецкий шпион? Повторяю: разобрались. Будь я шпионом, где бы я сейчас был, здесь или там?

Эвакуировавшуюся в июне 1941 года из Молодечно автоколонну с документацией местного управления НКВД уничтожили с воздуха штурмовики, немцы отрезали дорогу на восток, ничего не оставалось делать, как уходить в лес и либо пробираться к своим через фронт, либо оставаться и организовывать сопротивление. После встречи с Заславским товарищ майор НКВД и показал свои немалые способности. Думаете, это легко сплотить, вооружить и заставить слаженно действовать совершенно разных людей, от гражданских беженцев из Вильно до спасшихся из разбомбленного эшелона доктора с семьей и военинженера из разбитой танковой части? Это очень и очень нелегко! А в довершение попробуйте обеспечить всем необходимым на болотных островах Свенцян – медикаменты, продовольствие, теплые землянки. Кому этим заниматься, кроме Шмулевича? Да никому.

– Вас наркомом ставить надо, – сказал Заславский комиссару уже в ноябре первого года войны. – Как вы все успеваете, Семен Эфраимович? Вы хоть иногда спите?

– Трех-четырёх часов в сутки вполне хватает, – комиссар убавил огонь на немецкой спиртовке и обмакнул помазок в помятую кастрюльку с кипяченой водой. – Вот что я думаю, товарищ Заславский: нужна устойчивая связь. Хорошая рация, причем очень хорошая. Трофейная. Я знаю, где взять. Выделите мне десять человек помоложе и пособообразительнее, придется прогуляться в Будслав...

Рацию добыли через два дня. Потерь во время операции не было.

– Связисты у них неплохо живут, – сказал вечером Шмулевич опешившему командиру. Выложил на стол пухлый бумажник. – Вот, посмотрите – кажется, немцы получили денежное довольствие, я счел нужным позаимствовать. Пятьсот двадцать рейхсмарок, а не оккупационные фантики.

– Зачем нам здесь деньги?

– Что-нибудь купим.

– У кого??

– У немцев. Или у спекулянтов. В коммерческих магазинах Молодечно достаточно иностранных товаров – немецкий аспирин или шоколад нам очень пригодятся... Передайте деньги Соловью, у него безупречные документы, и он вне подозрений, все-таки полицай. Список я составлю через час.

И так всегда.

Шмулевич умудрялся совмещать нахальные и стремительные атаки на вражеские объекты с непринужденной экспроприацией всего «полезного».

– Я слишком много общался до войны с настоящими бандитами, – пояснил комиссар. – И знаю, как правильно организовать классический налет. Почему бы не попробовать самому? Скажу вам честно, товарищ Заславский, получается неплохо, пускай и с

небольшими помарками. Обещаю исправиться.

* * *

Тем утром Шмулевич привычно поднялся в семь, зажег трофейную спиртовку и согрел чай – немецкие брикеты ничем не хуже чая английского. Распорядок дня традиционный: сперва в блиндаж к радистам, за сводкой и сообщениями из Центра. Потом на «штаб» к Заславскому, где собираются все командиры взводов – в отряде все как в армии. Политзанятия – тоже святое. Разумеется, обычная ежедневная хозяйственная инспекция: обеспечение еще важнее политучебы, голодным или больным в бой не пойдешь, в этой сфере должен поддерживаться идеальный порядок.

Руководство отряда, связь и госпиталь расположили на самом крупном острове, двести на четыреста метров. Почва здесь каменистая, пологая возвышенность покрыта купами сосен и берез. Западнее на много километров тянется сплошное болото с чахлыми кривыми березками и чернеющими пятнами гиблых омутов. Прочие острова выстроены в изогнутую линию на северо-восток, еще дальше – полоса бурелома и дремучие дебри до самой Двины. Подходов к базе всего четыре, с разных направлений – возможность немедленной эвакуации и отступления отряда на одну из запасных стоянок предусматривалась в обязательном порядке, тут вам война, а не шуточки в деревенском шинке. То, что немцы отроду не появлялись на Свенцянских болотах, еще ничего не значит: если очень захотят – придут, и вот тогда рассуждать будет поздно.

Что сообщают с Большой земли? На фронтах затишье. Неудивительно – медленно, но верно подступает весенняя распутица. Позиционные бои «местного значения», освобождены два населенных пункта, заявление Народного комиссара иностранных дел... В общем, ничего интересного.

Позавтракали в штабной землянке: пшено с неприятно пахнущим топленым жиром, каждому по ломтику немецкой колбасы из жестяных банок вермахтовского пайка. Сырой серый хлеб – и счастье еще, что такой есть, по весне всегда голодно. Снова жидковатый чай с таблетками сахара. Жить можно.

По большому счету ничто не предвещало экстраординарных событий, грянувших после полудня и ввергших в легкую оторопь даже вечно невозмутимого комиссара Шмулевича.

Посты по периметру базы выставлялись в обязательном порядке, особое внимание наблюдатели уделяли угрожаяемым направлениям – тропки противнику, скорее всего, неизвестны, однако гарантий никто дать не может: неожиданный визит эсэсовской зондеркоманды, поддерживаемой фельджандармами и тыловыми частями, ничуть не исключен, сколько раз другие нарывались! Последствия всегда были тяжелыми – большие потери или полное уничтожение отряда. Бдительность и еще раз бдительность!

Без четверти двенадцать комиссара насторожил чересчур громкий гул авиационных двигателей, но это явно был не разведчик – «Шторх» гудит совсем иначе, звук высокий, дрожащий. Значит, ничего опасного, здесь частенько летают самолеты из Вильно или Кенигсберга на Минск. Странный грохот, смахивавший на отдаленный оружейный выстрел, Шмулевича не заинтересовал – если прислушиваться к каждому непонятному звуку, никаких нервов не хватит...

А через полчаса примчался раскрасневшийся и взмокший Степка, пацан пятнадцати лет, возглавлявший в отряде службу вестовых – возраст ничего не значил, Степка уже честно заработал «Отечественную войну» второй степени. Выпалил задыхающейся скороговоркой на деревенской смеси русского, белорусского и коверканного польского:

- Таварыш ком... Тыфу ты, Сямен Эфраимович! Тамка...
- Степа, вытрите лицо снегом. Что у вас? Более связно, пожалуйста.
- Самолет! Упал! Вялизарны!
- Где конкретно?
- Дык, километра чатыры... с половой. За Свидельской топью...

– Сами видели?
– Так! Сам! Не выбухнуу гэты зараза, зверзисуся у лес – только дрэвы у щэпы!
– Степа, не тараторьте... Учитесь докладывать спокойно. Что значит «большой»? Транспортный «Юнкерс»?

– Да не, Сямен Эфраимович! Ци я «Юнкерсов» николи не бачыу? Зусим други! Чатыры маторы!

– Вы близко подходили?
– Гарэленка як забачыу, дык дазор вакол паставиу, а мяне сюды, до вас!
– Самолет... – вполголоса протянул Шмулевич. – И не взорвался. Очень, очень интересно. Быстро доложите командиру отряда. Капитана Бутаева и доктора Раппопорта ко мне мигом!

Степка ринулся со всех ног.

Комиссар оценил ситуацию мгновенно. Вариантов два по два: это или грузовик, или тяжелый бомбардировщик. Немецкий – или, соответственно, советский, союзникам в небе над Белоруссией делать решительно нечего. Логика подсказывает, что бомбардировщиком одиночный самолет быть не может – очень далеко от линии фронта, почти тысяча километров, да и на девяносто процентов принадлежит он германским ВВС.

Итак, немецкий транспортный борт. Остается взглянуть на груз – возможно, он не слишком сильно поврежден. Оружие, продовольствие? Все зависит от того, шел самолет с запада или востока, этого Степка не заметил...

Если что-то полезное падает с неба – грех не воспользоваться.

Павел Бутаев, капитан-пограничник, чудом уцелевший в июне 1941 и в одиночку добравшийся на своих двоих до Свенцяна аж из-под Гродно, возглавлял взвод, полусерьезно называемый отряда «Особым отделом». Но если в регулярной армии Особые отделы занимались известно чем – контрразведка и борьба со скрытым врагом в рядах РККА, – то Бутаев начальствовал над дюжиной лучших диверсантов «Сталинского знамени», каждого отбирал сам. Во взводе всегда и постоянно было только тринадцать человек – если погибал один, на его место капитан в тот же день находил замену. Отказников не было, ходить в числе «чертовой дюжины» почиталось за честь. Недавно угнанный «Мардер» числился на совести Бутаева и его подчиненных. Между прочим, капитан был единственным, кто именовал Шмулевича не по устоявшейся в отряде традиции, а «товарищ комиссар» и никак иначе:

– Соберите ребят, – тихо сказал Шмулевич Бутаеву. – В полном составе. Слышали уже?
– Степка успел растрепать... Идем проверять?
– А вы как думали, Павел Никифорович? Может быть, кто-то остался жив, зачем рисковать?
– Так вот зачем вам доктор?... Надеетесь «языка» взять?
– Обычная предусмотрительность, – пожал плечами комиссар. – Перебдим. В игры мы с вами до войны наигрались, теперь все всерьез.
– Ясное дело, – прогудел здоровяк-капитан, легко согласившись и не заметив оттенка язвительности в словах Шмулевича, все-таки оба принадлежали к одному ведомству. – Одного боюсь: как бы они самолет искать не начали.
– Упал далеко от нашей базы, обойдется. Дороги развезло, комендантская рота из Молодечно появится не раньше, чем к вечеру. Если появится. И все же поторопимся.

* * *

– Вусь тамка вон, бачыце, – Степка вытянул руку. – Наскрозь праз ельник прайшоу, зараза.

– Первое отделение налево, второе со мной, – скомандовал Бутаев. – Смотреть в оба! Без надобности огонь не открывать. И потише давайте...

Спустя пять минут комиссару стало ясно: глазастый Степка оказался совершенно прав,

никакой это не «Юнкерс-52». Хвостовая часть большого самолета отвалилась при ударе и валяется в полусотне метров от фюзеляжа, носовая часть сильно изуродована, стекла кабины разбиты. Вокруг много обломков – куски обшивки крыльев; лопасть одного из винтов вошла в покосившуюся столетнюю ель больше чем наполовину. Оповестительные знаки на киле – германские.

– Гражданский, что ли? – спросил капитан.

– С ума сошли, немедленно затушите папиросу! – проворчал Шмулевич. – Чувствуете, бензином несет за десять верст! Прикажите остальным не подходить, вы – за мной.

– Можно з вами? – заикнулся недисциплинированный Степа.

– Извините, Степа, нельзя. Потом посмотрите.

В комиссаре проснулся следователь: ничто не должно быть тронут до осмотра места... Нет, не преступления. Места аварии. Добрались через завалы из еловых веток до хвостовой части.

– Весьма забавно, – Шмулевич снял очки, вытащил из кармана шинели фланелевую тряпочку (шинель у него была обычная, пехотная, без знаков различия), протер стекла, вернул очки на место. – Товарищ капитан, ничего необычного не замечаете?

– Тут из обшивки будто кусок вырван, – указал Бутаев. – Кресел по левому борту нет, а справа сохранились. Гляньте, мертвяк в снегу. Кажись армейский полковник. Ого! Вот повезло... Разрешите обыскать?

– Не разрешаю. Успеется. Идем дальше. А вы не ошиблись, капитан – это пассажирский самолет. Кажется, никто не выжил... Может, и к лучшему. Меньше забот.

Вот и корпус. У наблюдательного Шмулевича не осталось сомнений: в небе над Свенцями произошло нечто очень и очень странное – достаточно сравнить повреждения на линии разлома фюзеляжа и хвоста, был взрыв. Это никакая не зенитка, листы обшивки выгнуты наружу – вырван целый сегмент!

– Вот это номер! – выдержка комиссару изменила, когда он осмотрел задний отсек самолета, отделенный от носовой части перегородкой с деревянной дверцей. Много трупов, все в чине от полковника и выше. Три эсэсовца. Несколько в момент катастрофы выбросило из салона, придется откапывать из подтаивающих сугробов. Портфели, папки, разбросаны печатные листы с какими-то документами. – Боже ж мой... Бутаев, вы понимаете что с неба упало?

– Звезда героя, – хмыкнул капитан. – И, думаю, не одна. Самолетик-то штабной. Кликнуть ребят?

– Подождите... Дверь заклинило. Надо посмотреть, что в переднем салоне.

– Дайте сюда. Сейчас.

Перекосившуюся дверцу удалось вскрыть с четвертого раза.

– Идите, посмотрите в кабину, я пока огляжусь. Ступайте осторожнее, видите, какое тут месиво...

Шмулевич присел на корточки и тихо присвистнул. Первая мысль: надо немедленно, как можно быстрее, еще до заката эвакуировать отряд на резервную базу. ТАКОЙ самолет будут искать, и искать самым тщательным образом, с привлечением больших сил!

У ног комиссара лежал мертвый генерал-лейтенант, сразу за ним – эсэсовский обергруппенфюрер.

Что еще? Две девушки в обычных темных платьях и белых передничках – обслуга, вероятно. Четверо гражданских, еще два военных. Разлетевшиеся бумаги и карты. Брызги крови на бежевой внутренней обшивке, разбитые фарфоровые чашки.

– Пилоты погибли, – Шмулевич вздрогнул, услышав голос Бутаева, выбравшегося из искореженной кабины. – Планшет вот прихватил. Товарищ комиссар? Семен Эфраимович? Вы чего? Да что стряслось-то?

– Вы меня называли по имени и отчеству, – выдохнул Шмулевич и вытер ладонью холодный пот со лба. – День сегодня и впрямь необычный. Начинаем работать. И чтоб ни одной бумажки не пропало! Головой отвечаете!

– Так точно, отвечаю... Глядите, а вот этот, в коричневом френче, живой. И генерал тоже. Пар изо рта!

Справа, у самого борта, лежал пожилой человек с полностью залитым кровью лицом – ударился лбом о металлическую кромку столика, кожа и волосы над лбом содраны. Правая рука явно сломана – кисть вывернута неестественно. У генерал-майора ВВС разодран китель, на груди кровь – ребра, что ли, переломал?

– Доктора сюда, – решительно сказал комиссар. – Один гражданский и один генерал Люфтваффе, это лучше, чем совсем ничего. Что вы стоите столбом?! Давайте же!

* * *

Хеннинг фон Тресков ждал до без четверти три пополудни – требовалось подтверждение из Растенбурга. И только когда генералу позвонил находившийся в Ставке майор генштаба Кун и сообщил, что объявлена тревога и в воздух поднят истребительный полк, базировавшийся в Кенигсберге, Тресков поднял трубку и попросил соединить его с Берлином.

– Капитан Гере? Добрый день, это Тресков. Как ваша поездка в... в Бранденбург? Надеюсь успешно?

– В Бранденбург? – сквозь треск помех донесся ошеломленный голос Гере. – Я собирался вечером в Потсдам...

Это было второе кодовое слово, означавшее, что операция провалена.

– Вы ошиблись, именно Бранденбург, – генерал-майор выделил голосом последнее слово. – Отправляйтесь как можно быстрее.

Связь прервалась.

– Шлабрендорф! Машину немедленно!

Штабной городок группы армий располагался на окраине Смоленска. «Опель» Трескова миновал КПП, генерала встретил адъютант фельдмаршала Ключе.

– Подождите несколько минут. У шефа срочный разговор с Растенбургом – Кейтель...

«Значит, уже начался тихий переполох, – понял фон Тресков. Бить надо, пока они растеряны и не знают, что предпринять!»

– Началось, – коротко подтвердил Ключе, едва генерал-майор переступил порог кабинета. – В данный момент мы ничего не можем сделать, только наблюдать и ждать. Я получил сообщения из штаба Люфтваффе, активные поиски над территорией Литвы ведутся больше часа. Прочтите...

Фельдмаршал передал Трескову бумагу с грифом особой секретности: командующий армией резерва генерал-полковник Фромм вводил в действие план «Валькирия» и уведомлял об этом высшее руководство Вермахта.

Телеграмму отправили из Берлина сорок две минуты назад. Переворот начался.

«Валькирию» начали разрабатывать еще два года назад с полного одобрения фюрера: план предусматривал схему действий на случай возникновения внутренних беспорядков или высадки вражеского десанта на территорию Рейха. Более чем двухмиллионная армия резерва по поступлению приказа немедленно формирует боеспособные части, они вооружаются со складов и поступают в распоряжение командующих округов, обязанных обеспечить безопасность жизненно важных объектов – транспортных узлов, предприятий и линий связи. Именно армия резерва должна поддерживать условия «военного чрезвычайного положения» в стране.

– ...Но ведь генерал Фромм не хотел поддержать нас, – покачал головой Тресков. – Если он начнет действовать на стороне нацистского руководства, ничего не получится.

– Не начнет, – холодно бросил Ключе. – А в случае реального противодействия Фромма устранят и заменят Ольбрихтом или Гепнером. Повторяю, господин генерал-майор, нам остается только ждать. Обстановка прояснится не раньше, чем к вечеру. Отправляйтесь к себе и выполняйте свои прямые обязанности: не забудьте, война пока не окончена.

* * *

Рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер прилетел из Рура под утро – пришлось лично осматривать разрушения на заводах фирмы «Рейнметалл», сильно пострадавших после вчерашнего налета англо-американских бомбардировщиков. С берлинского аэродрома Темпльхоф Шпеер сразу отправился домой – глаза слипались, не спал министр больше суток.

Правительственный «Хорьх» и машина сопровождения миновали район Целендорф и вышли на шоссе ведущее к Шлахтензее – маленькая вилла Шпеера, построенная по его собственному проекту еще в 1935 году, располагалась в тихом зеленом пригороде, на берегу озера Хафель.

Вернуться в министерство можно будет ближе к вечеру, сначала необходимо отдохнуть хотя бы пять-шесть часов – сменив погибшего доктора Тодта, Шпеер уже больше года работал на износ, отвечая за снабжение воюющей армии всем необходимым от пистолетных пуль до танков и самолетов.

В доме было тихо, жена и дети еще не проснулись, прислуга должна прийти на работу только к семи утра. Отлично, в столовой оставлен холодный завтрак. Маргарете всегда была заботлива – идеал немецкой женщины, а главное, она предпочитает семью общественной деятельности, чем выгодно отличается от фрау Магды Геббельс. Впрочем, Магда – жена министра пропаганды, ей сам бог велел...

Теперь – спать.

– Альберт, проснись, – его сильно трясли за плечо. Жена. – Альберт, пожалуйста!

– Что? – Шпеер поднялся на локте. – Телефон? Передай, я сейчас спущусь.

– Нет-нет, в час дня звонил твой секретарь, но ничего срочного, попросил не будить... Сейчас уже половина третьего.

– Что случилось? – выглядела Маргарете крайне обеспокоено. – Да говори же!

– Военные. Окружили дом. Пока не входят. У въезда в сад броневедомитель... И фельджандармы.

– Черт... Где мой халат?

Шпеер подошел к окну, слегка отодвинул штору. Точно – на улице стоит броневедомитель, солдаты, не меньше трех взводов. Два черных «Опеля».

– ...По радио передают только военные марши и Вагнера, – полушепотом продолжала Маргарете. – Я хотела в три послушать новости, но диктор только сказал, что через два часа будут передавать сообщение чрезвычайной важности и обращение верховного главнокомандующего Вермахта к нации.

– Как? – Шпеер резко развернулся. – Не «фюрера и верховного главнокомандующего», а просто «главнокомандующего»? Ты точно запомнила?

– Да... Альберт, я боюсь за детей. Что происходит?

– Успокойся и возьми себя в руки. Если... Если произойдет что-нибудь совсем непредвиденное, забирай малышей и немедленно отправляйся к родителям в Гейдельберг. Деньги во втором сейфе, в гостиной – там много... Я не знаю, что происходит. Пойдем вниз, звонок. Повторяю: будь абсолютно спокойна!

Домоправительница фрау Кох с перепуганным видом стояла у распахнутой двери.

– Капитан Штельцер, адъютант начальника гарнизона Берлина генерала фон Корцфляйша, – отковырял военный. За его спиной стояли трое: лейтенант и два ефрейтора вооруженные автоматами. – Это вы Бертольд Конрад Герман Альберт Шпеер?

– Да, это я, господин капитан. Чем обязан визитом?

– Могу я попросить ваши документы, удостоверяющие личность?

– Вы спятили, капитан! Я министр правительства! В чем...

– Документы, пожалуйста, – вежливо, но непреклонно потребовал Штельцер.

– Маргарете, удостоверение рейхсминистерства у меня во френче, будь добра

принести. Фрау Кох, найдите в кабинете мой общегражданский паспорт, он в верхнем ящике стола слева, там не заперто... Возмутительно! Капитан, вы понимаете, что я вынужден сообщить о ваших действиях в управление имперской безопасности? Вы позволите позвонить?

– Через пять минут вы сможете звонить куда угодно. Удостоверение и паспорт переключали в руки Штельцера. Изучил. Вернул с коротким кивком.

– Господин Шпеер, – чеканя каждое слово, произнес капитан, – я обязан доставить вас на Вильгельмштрассе для представления его превосходительству рейхспрезиденту Германской империи генерал-полковнику Францу Гальдеру. Я же отвечаю за вашу личную безопасность.

– О, господи... – только и выдавила Маргарете. Шпеер подавил эмоции с трудом: загадка разрешилась.

Итак, невозможное стало возможным. Они это сделали. Остается открытым вопрос – насколько успешно.

– Вы позволите одеться, капитан?

– Разумеется. Убедительно прошу вас поторопиться. Обстановка в столице сложная.

– Э-э... Понимаете ли капитан, у меня семья... Маленькие дети.

– Это предусмотрено приказом коменданта. Ваш дом останется под охраной двух взводов и военной полиции, в случае необходимости фрау Шпеер и детей перевезут в рейхсканцелярию.

– Полагаю, для... для предстоящей встречи с господином Гальдером больше подойдет штатский костюм, – полувопросительно, полуутвердительно сказал министр уже несуществующего правительства. – Как думаете?

– Не вправе советовать, – нейтрально ответил капитан. Маленькая автоколонна направилась к центру Берлина – впереди броневик, за ним «Хорьх» и два «Опеля». Ехать до Вильгельмштрассе не более двадцати минут. За руль автомобиля Шпеера сел лично Штельцер.

– ...Скорее всего – авиакатастрофа. Примерно в полдень по берлинскому времени вылетевший из Смоленска самолет фюрера исчез, его до сих пор не нашли. Войска гарнизона подняты по тревоге, введены в действие все директивы плана «Валькирия», – пояснял капитан по дороге. – Правительственный район оцеплен, охранный батальон захватил министерство пропаганды и арестовал доктора Геббельса, здание РСХА прямо сейчас штурмуют курсанты фанен-юнкерского и унтер-офицерского училищ, выдвинувшиеся из Потсдама. Рейхсфюрер Генрих Гиммлер захвачен у себя на квартире два часа назад и расстрелян...

– Боже мой, танки... – машины повернули к Тиргартену, и кортеж вынужден был остановиться: улицу перегораживали два Pz.IV, принадлежавшие танковому училищу в Крампнице.

Штельцер выскочил из автомобиля, подбежал к майору-танкисту, быстро показал какие-то бумаги и сразу же вернулся.

– Все в порядке, проезжаем... Хорошо, смогли избежать неразберихи! Слышите стрельбу? Кажется, это возле радиоцентра на Мазурен-аллее... Большинство эсэсовских и партийных объектов взяты без боя, но кое-где армии оказывают очень серьезное сопротивление. К счастью, у нас значительный перевес в силах. Арестованных пока свозят на берлинский стадион... Больше никаких подробностей не знаю.

Просторный двор рейхсканцелярии был заполнен военными и техникой. Обычная охрана в черной форме СС сгинула, посты заняли солдаты берлинского гарнизона и юнкера артиллерийской школы Ютерборга. Гражданских почти совсем не видно – два-три человека. Один из них был Шпееру знаком:

– Альберт, наконец-то... – к «Хорьху» быстро подошел граф Вернер фон дер Шуленбург. – Вы задержались больше, чем мы рассчитывали. Идемте, Гальдер очень за вас беспокоился – обратиться к народу по радио должны вы оба.

– Значит, все-таки...

– Да. Поздравляю с назначением, господин рейхсканцлер.

– Стало известно, что с Гитлером?

– Поиски расширяются, вот и все. Прошло около пяти часов, никаких сомнений – самолет разбился на территории России или Литвы. Кстати, в Каринхалле только что арестовали Геринга, командование Люфтваффе временно взял на себя Мильх.

– Что в Растенбурге?

– Связь со Ставкой блокирована, командующий Первого Кенигсбергского военного округа действует по плану «Валькирия» – следовательно, Растенбург мы возьмем под контроль в ближайшее время.

– Неужели получается? – Шпеер искоса взглянул на фон Шуленбурга. – Так быстро?

– Убран стержень, на котором все держалось, Альберт. Карточный домик посыпался. Слухи о гибели фюрера распространились с невероятной быстротой.

– Хорошо, если под «карточным домиком» вы не подразумеваете Рейх, дорогой граф.

– Все в ваших руках, господин имперский канцлер, – сказал Шуленбург. – Или вы предпочтете – «мой фюрер»?

– Фюрер только один, – твердо ответил Шпеер. – Шутку полагаю неуместной. И молитесь богу, граф, чтобы «Кондор» не сбился с курса и не приземлился где-нибудь в Швеции или Финляндии. Иначе нас ждет пренеприятнейший сюрприз. И как его последствие – виселица.

Они прошли по мраморной парадной зале рейхсканцелярии в сопровождении вооруженных офицеров, миновали приемную и вошли в огромный кабинет, до этого дня принадлежавший «только одному».

Начиналась новая эпоха.

* * *

– Товарищ Сталин, срочное...

Поскребышев аккуратно положил на стол черную папку. Застыл, ожидая.

– Крайне срочное, товарищ Сталин... – Поскребышев знал, когда и как надо быть настойчивым. Днем Иосиф Виссарионович быстро уставал, его время – ночь. Вот и в пепельнице окурки папирос – когда он вымотан, нет времени на трубку. Только папиросы, так проще и быстрее.

Поскребышев не знал, что за документы содержались в папке темной кожи. Бумаги такой степени секретности доставлялись спецкурьером ГРУ и предназначались только для взгляда Верховного. Только для него.

Сталин потянулся, зевнул, будто кот – сейчас он выглядел самым обычным человеком, каких сотни и тысячи, – бросил недовольный взгляд на Поскребышева, зачем-то коснулся пальцами левой руки серебряного подстаканника, стоявшего прямо на листах плотной желтоватой бумаги с неразборчивыми записями, открыл папку и быстро пробежал взглядом по отпечатанному на машинке тексту.

– ...Доигрался, мерзавец, – лицо Верховного не изменилось. – Вот что... Берия, Молотова и Маленкова позови сюда. Сейчас. Еще Василевского и Антонова... А теперь иди, работай.

– Слушаюсь, товарищ Сталин. Дверь закрылась.

– Доигрался, – тихо повторил Верховный, пройдясь по кабинету. – Сука...

Сталин заново взял в руки депешу. Вновь прочитал. Усмехнулся. Швырнул листок на стол. Очень хотелось курить.

Сталин подошел к столу, взял из коробки папиросу, раскрыл одну. Табак высыпался на стол. Поморщился, смахнул ладонью крошку на пол.

Взял еще две папиросы, аккуратнейшим образом набил трубку. Зажег трубку спичкой. Прошелся по кабинету вперед-назад.

– Разрешите, товарищ Сталин?

Поскребышев открыл дверь. Первым явился Антонов – неудивительно, он и должен быть здесь, в Кремле. Василевский подъедет минут через двадцать.

– Товарищ Сталин?

Справа за спиной Антонова – Берия. Молодец. У этого человека уникальный нюх на события. Лаврентий Павлович вроде сегодня должен отдыхать...

Антонова остался безмолвен, Берия сделал шаг вперед.

– Товарищ Сталин, разрешите доложить?

– Докладывайте.

– По сообщениям агентуры из Германии...

– Он умер? – перебил Верховный, лишь чуть приподняв брови. – Лаврентий, почему ты мне сообщал вчерашние новости?

– Я знаю, кто преемник, – не смутился нарком.

– Садитесь, – Верховный поморщился. Глянул на маячившего в дверях Поскребышева: – Чай, крепкий чай... Сам знаешь. Товарищ Берия, когда это случилось?

– Шесть... – нарком НКВД машинально глянул на наручные часы, – точнее шесть часов сорок минут назад. Белоруссия. Подтверждения из Берлина пришли. Он мертв.

Сталин пыхнул трубкой, взял ее в левую руку, пальцами правой провел по сукну стола. Отвернулся.

– И что теперь вы сможете предложить, товарищи? Берия запнулся. Он не понял смысл вопроса. Генерал-лейтенант Антонов наоборот, вытянулся, будто штопор проглотил:

– Товарищ Сталин, это возможность...

– Какая? – поднял взгляд Верховный.

– Быстро закончить войну с немцами.

– Быстро? – нахмурился Сталин. – Быстро не получится.

– Получится, товарищ Сталин. Гитлер умер. А это главное.

– Вашими бы устами, товарищ Антонов... Что конкретно вы предлагаете?

– Убить Сталина, Иосиф Виссарионович.

– Хорошее предложение, – усмехнулся Верховный. Берия откровенно фыркнул. – Объясните, товарищ Антонов.

– Наверное, я был некорректен, неверное сравнение привел. Извините, товарищ Сталин. Представьте, что произойдет, если вас убьют прямо сейчас. Что подумает советский народ? Как воспримет? Что случится потом? Каковы окажутся последствия? Сейчас, во время тяжелой войны? И самое важное: кто заменит Сталина и как начнет действовать?

– Я понял, – мгновенно кивнул Верховный. – Лаврентий?

– Согласен с товарищем Антоновым, – невозмутимо ответил нарком НКВД. – Борьба за преемника.

– Преемник, – медленно повторил товарищ Сталин. – Борьба. Очень хорошие, правильные слова. Замечательные. Кто этим займется?

* * *

– Не нравится мне это, – комиссар Шмулевич опустил бинокль. – Не нравится до крайности, товарищ Заславский. Пока они слишком далеко и кружат за озером Нарочь... Однако скоро стемнеет, немцы вернут авиацию на аэродромы. А завтра?

– Завтра они вернутся, – буркнул командир отряда. – Ничего не скажешь, повезло нам...

– А вы не расстраивайтесь. Ведь действительно повезло? С темнотой уходим на «точку два», оставаться на островах нельзя. Жаль бросать базу, но жизнь дороже.

– Что ж это за самолетик такой? Генштабовский?

– Очень вероятно. Я бегло просмотрел некоторые документы – на всех аббревиатура «OKW», Верховное командование Вермахта. Да, Заславский, вы правы. Это генштаб или

нечто весьма близкое – командование армии, к примеру. Несколько генералов... – комиссар выдержал паузу и повторил: – Повезло. Прикажите людям собираться, до заката всего два часа. Чем дальше уйдем, тем лучше.

Самолеты начали летать во второй половине дня: звук моторов доносился с запада и северо-запада, то приближаясь, то почти совсем исчезая. Из отряда, действовавшего под Сморгонью, по радиии кратко сообщили – кружат над лесами, идут тройками, будто прочесывают. Гарнизон в самой Сморгони подняли по тревоге, больше ничего не известно. Похоже, у немцев случилось что-то серьезное.

– Серьезнее некуда, – проворчал Шмулевич, получив от связистов радиограмму. – У нас за такую потерю командование ВВС под трибунал бы пошло. С вытекающими.

На месте катастрофы трудились не покладая рук полтора часа: как и приказал комиссар, не должно было пропасть ни единой бумажки! Обыскали трупы, документы складывали в мешки. Двоих тяжелораненых – гражданского с разбитой головой и генерал-майора на волокушах переправили в «госпитальный» блиндаж с указанием доктору Раппопорту и его помощникам сделать все возможное: ценность этих пленных сложно преувеличить.

Шмулевич составил шифровку для Минского подпольного обкома и первого секретаря ЦК КП(б)Б Пономаренко: захвачены важнейшие документы противника, любой ценой требуется переправить их на Большую землю. Как – вам решать. Обстоятельства «захвата» комиссар не уточнил – все потом.

Ответ пришел вскоре – принято, поддерживайте связь. О принятом решении будет сообщено.

Одна беда: принять самолет с Большой земли в районе Свен-цяи невозможно, мешки с неслыханными трофеями придется переправлять в отряд «Большевик», базирующийся сотней километров западнее, под Лепелем. Далековато, но не беда – походы за Березину не были для подчиненных товарища Заславского чем-то из ряда вон выходящим. Бутаев со своими ходил зимой – и ничего, вернулся жив-здоров.

– ...Этот совсем плох, – объяснил комиссару доктор, указав на пожилого мужчину, первым доставленного в лазарет. – Теменная и лобные кости раздроблены, правый зрачок увеличен, поднимается температура.

– И что? – наклонил голову Шмулевич.

– Кровоизлияние в мозг, Семен Эфраимович. Он не выживет. Даже если бы у меня была возможность сделать трепанацию в таких... кхм... неудобных условиях, это не помогло бы.

– Разрешите взглянуть?

– Конечно.

Этому человеку было лет за пятьдесят. Коротко постриженные седые волосы, кровь отмыли небрежно, что искажало черты лица. Одет в черные брюки и бежево-коричневый френч с четырьмя пуговицами и накладными карманами. На правом нагрудном кармане единственный железный крест, дата – 1914 год. Значит, воевал еще в империалистическую. Выше – золотистый значок со свастикой.

– Обыскали? – повернулся комиссар к доктору.

– Оружия и документов нет. Только письмо на немецком языке, написано от руки. Несколько безделушек, ручка с золотым пером – она сломалась напополам, – и две пастилки в фольге. По-моему, лекарство. Посмотрите на столе... Кстати, обратите внимание, усы у него как у Гитлера.

– У меня такие же, – криво усмехнулся Шмулевич. – Не сомневаюсь, это какой-то гражданский чиновник из Пруссии, не из крупных. В лучшем случае снабженец, интендант; знаки различия отсутствуют, одет – скромнее не придумаешь. Меня больше интересует генерал-летчик.

– Тяжелое сотрясение мозга и пять ребер справа, – уверенно сказал доктор. – Придет в себя.

– Присматривайте в оба глаза. Я пришлю двоих бойцов Бутаева.

Комиссар подошел к столу, застеленному сероватым льном, перебрал пальцами найденные у пожилого вещицы и забрал только письмо: иногда личные послания куда интереснее для разведки, чем штабные документы. Мельком глянул на подпись:

«...IhreEve. Berhtesgaden, 10. Marz 1943».

Выходит, отправлено третьего дня. Кто она, эта Ева?... Впрочем, сейчас это совершенно неважно.

* * *

«Точка два» была одной из запасных баз отряда – в сорока километрах на северо-восток, в лесах за речкой Дисна. Такая глухомань, что Свенцяны покажутся едва ли центром мироздания. Погода к вечеру начала портиться, пошел снежок – это хорошо, немцам будет труднее напасть на след. Отряд пойдет пятью группами по разным тропам, такие предосторожности обязательны: не повезет одним, выберутся другие. Через два дня все должны собраться в новом лагере.

– Может, зря мы?... – неуверенно сказал Заславский комиссару. – А если самолет не найдут?

– Этот—найдут, – отрубил Шмулевич. – Поверьте, чувство опасности меня пока не подводило, а сейчас в груди щемит очень уж нехорошо. Мы сейчас не отступать должны, а ноги уносить. Так, чтобы пятки сверкали. Кому будут нужны наши трофеи, если завтра немцы обложат Свенцяны со всех сторон и начнут выкуривать нас артиллерией? Предпочитаю рассчитывать на худшее.

– Так я разве спорю? Глядишь, ночью и проскользнем.

– Пленного генерал-майора беречь как зеницу ока, себе в хлебе отказывать, а его кормить. Не представляю, как мы его доставим в расположение «Большевика» в Лепель, однако что-нибудь придумаем...

– А второй?

– Умер час назад.

– Бросим здесь?

– Зачем оставлять лишние следы? Приказал Степке и его вестовым забрать труп из лазарета и оттащить к Свидельской топи. Набили карманы камнями – и в омут, никто не найдет. Степка крест с френча открутил, паршивец – трофеем захотел.

– Да и черт с ним, с этим немцем... Я выступаю с первой группой, вы с третьей, Бутаев с пятой. Двигайтесь на Подсвилье, и поосторожнее, когда станете пересекать виленское шоссе – раз объявлена тревога, движение будет и ночью.

– Вы будете учить меня осторожности, товарищ Заславский? – Шмулевич посмотрел на командира поверх очков. – Смею вас уверить, это лишнее.

Мокрый снег продолжал сыпаться с темного неба на жухлую прошлогоднюю траву.

Вадим Шарапов **Помощь**

Маршал Жуков барабанил пальцами по столу и немигающим взглядом серых глаз рассматривал того, кто стоял перед ним.

Хотя стоял ли? Черное облако, вытянутое вокруг вертикальной оси, крутилось под низким потолком командного блиндажа. У облака не было лица. Но почему-то при взгляде на него маршал чувствовал исходящее от вертящегося клуба смущение и растерянность.

– Так. Значит, приказы Ставки побоку? – процедил Жуков и встал. Потянувшись всем крепко сбитым телом, он хрустнул костяшками пальцев и подошел к телефону. Опустил руку на эбонитовую трубку и, не оборачиваясь, сказал:

– Ньярлатотеп, за такие штучки – под трибунал недолго.

Облако зашелестело бесплотным голосом. Маршал Жуков слушал его, багровея шеей. Потом не сдержался – грохнул кулаком по столу и заорал во весь голос, матерно, перекатывая на щеках желваки. После длинного, трехэтажного загиба снова поглядел на Ньярлатотепа.

– А мне плевать на Азатота, слышал?! Где он? Отсиживается там у себя с флейтистами своими? Тварь! Как мирное население уничтожить – он первый! А как в ударной группе – полные штаны навалил?

Маршал рванул трубку телефона и тяжело дыша в нее, не остывая от злобы, бросил:

– Ротмистрова ко мне, быстро!

Швырнув трубку обратно на рычаг, Жуков подошел, почти подбежал к двери командного пункта, настезь распахнул ее и бешено крикнул:

– Альхазредов! Ты где там?

Скрипя сапогами, в помещение вошел маленький, крючконосый человек в гимнастерке без погон, в странной черной шапке, напоминавшей пирамидальную буденовку с опущенными наушниками. Был он тощим и сутулым, но черное облако, словно в страхе, резко отшатнулось от него и вновь зависло в дальнем углу, подергиваясь рябью.

– Я, товарищ маршал Советского Союза, – тихо сказал вошедший.

– Альхазредов! Ты приказ Самого знаешь?! Освободить Орел и Белгород в кратчайшие сроки. В кратчайшие, ты понимаешь?! А эти твои... – Жуков скрипнул зубами, удержал матерное слово, – ...демоны... думают, что к теще на блины попали?

– Виноват, товарищ маршал...

– Да мне плевать, кто виноват! Вызывай этого своего... как его? Который за транспортировку и перемещение отвечает! Ключника!

– Иог-Сотота, – все так же тихо отозвался Альхазредов. Одновременно он уже совершал руками короткие и сложные движения, сплетая невидимую паутину, и шептал непонятные слова.

– Нгах... фхтагн, – доносилось до маршала. – Огт'род аиф... гебл'ихх... – жилы на тощей шее вздулись, человек шептал белыми губами.

* * *

Ньярлатотеп в углу издал короткий, режущий уши визг. Облако засветилось багровым пламенем и погасло. В блиндаж вползал мертвящий холод, захрустела, покрываясь инеем, входная дверь. Жуков стоял, твердо расставив ноги и заложив руки за спину, и только чуть морщился от ледяного ветра.

Посредине комнаты появилось нечто. Больше всего это было похоже на груды мыльных пузырей, переливающихся тошнотворными, немыслимыми для человеческого глаза оттенками цветов, в радуге которых чувствовалась смертельная угроза. Пузыри, угрожая, двинулись к Жукову, но остановились, когда маршал сам шагнул вперед, гневно сведя брови.

– Твою мать! Уклоняться от приказов Верховного Главнокомандования? Уклоняться?

Он замахнулся кулаком, шары задрожали растерянно, выстроились спиралью.

– Вижу, надоело тебе на теплом месте? Облик жмет, хочешь на пару миллионов лет загреметь туда, где ни живой, ни мертвой души нет? Устроим! – Жуков расстегнул кобуру, потом, опомнившись, убрал руку с пистолетной рукоятки. Шары изогнулись наподобие вопросительного знака, и прямо в мозг у командующего загорелись слова.

«ВИНОВАТ. Я. ВИНОВАТ. НЕ НАДО».

– Слушайте вы. Оба, – Жуков говорил спокойно, но в его голосе чувствовалась смерть. – Если к шести ноль-ноль завтрашнего дня Орел и Белгород не будут освобождены от немецких частей – вам конец. И вам, и всем вашим тварям, которых Красная Армия терпит только потому, что они принесли ей вечную присягу. И я знать не хочу, как и с кем вы будете эти города брать, до первой крови или до последней. Завтра в шесть я вот по этому телефону должен услышать доклад об освобождении Орла и Белгорода. Иначе – сказок о вас

не услышат, и песен о вас не споют. Понятно?! – снова крикнул он, дернувшись всем телом вперед.

Шары растаяли в воздухе. Вместо них перед Жуковым выросла туманная человеческая фигура.

– Я могу использовать любые средства? – Иог-Сотот говорил мелодичным голосом, нечеловечески правильно соблюдая интонации. Маршал тяжело взглянул в калейдоскопически меняющееся лицо Ключника.

– Город должен остаться, – процедил он. Потом обернулся. – Это, кстати, и к тебе относится, Ньярлатотеп, понял?

– А жители городов сих? – Ньярлатотеп прошелестел слова алчным, холодным голосом.

В дверь коротко стукнули, вошел командующий Пятой танковой армией генерал Ротмистров. Отшатнулся, страх на лице сменился отвращением.

Жуков уже стоял, склонившись над картой и постукивая карандашом по столу.

– С жителями – как получится, – сказал он, не оборачиваясь. Широкие плечи под кителем закаменели. – А теперь – вон оба.

Алла Гореликова Кто найдет, того и будет

Два года назад – или три? Время спуталось, смешалось, то несется, то тянется, и трудно поверить, что недавно – просто жили...

* * *

Конфетная фольга под зеленым осколком бутылочного стекла.

Зеленые Тонькины глазищи под жидкой белобрысой челкой.

– Вот. Просто ты найти должен. А я – твою.

Игорь вертит в пальцах свой осколок. Коричневый. Долго такой искал: большей частью бесцветные попадают, ну, еще зеленые, пореже. Отмыл – аж сверкает, и так здорово глядеть сквозь него на небо. Станные игры в Тонькином дворе. Глупо верить в такую чушь. Но – пускай. Раз Тонька хочет...

– Ладно. Давай, сделаю.

Тонька достает из кармана аккуратно свернутый фантик. С фольгой.

– Только знаешь, Тонь, – Игорь продирается через кусты сирени в глубину палисадника, сухой веткой рыхлит землю между змеистыми корневищами желтых ирисов. – Если я хочу, чтоб ты нашла, зачем же я от тебя прятать буду?

Фантик, фольгой вверх, аккуратно укладывается в ямку. Игорь, задержав дыхание, колет палец острым краем своего осколка. Капелька крови расплзается по стеклу.

– Что говорить?

Тонька подсказывает скороговоркой:

– Кто найдет, заберет, твое сердце возьмет, навеки спрячет...

Стеклышко вжимает фольгу в землю, ложится плотно – как тут и было, давно, с самого начала Земли. Заблудившийся в сирени ранний солнечный луч дробится карими искорками. Тонька садится на корточки, худые пальцы с обгрызенными ногтями торопливо расширяют ямку рядом с коричневым окошком. Ойкает, добыв капельку крови. Зеленое стеклышко тулится к коричневому. Тоньке хочется прикоснуться к Игорю. Но она, быстро-быстро повторяя затверженный наговор, присыпает тайничок землей, разравнивает, нагребает сверху прошлогодней листвы.

– Помни, это секрет.

Игорь пожимает плечами. Пусть будет секрет, раз Тоньке хочется. Ради того, что считаешь пустяком, не станешь подниматься на рассвете.

* * *

Когда ветер южный, до города долетает канонада. С каждым днем – все громче. Когда ветер северный, канонады почти не слышно, но город затягивается едким дымом: на станции который день догорают склады. Тушить некому. От станции, говорят, остались груды кирпича и месиво железок. Уехать из города теперь нельзя – кто не успел, тот опоздал. Некоторые, правда, уходят пешком. Катят нагруженные пожитками тачки, детские коляски, велосипеды...

Тонькина мать, глядя на беженцев, поджигает губы. Цедит:
– Глупо.

А почему глупо – не объясняет.

Тонька теперь встает до света. У нее расписание: понедельник, среда, пятница – булочник, вторник и суббота – молочник, а четверг – бакалея. Везде очереди. Мать задерживается в госпитале допоздна, а то и на ночь остается. Ей не до магазинов, да и не до Тоньки. Но зато их там кормят, и продукты из материной пайки Тонька складывает про запас. Бабульки в очередях утверждают, что пайку вот-вот урежут.

Иногда Тонька сворачивает в палисадник, разгребает рыхлую землю между корневищами ирисов и всматривается в карие искорки. Совсем как его глаза. Ты живой, я знаю, думает Тонька. Торопливо разравнивает землю над тайничком и бежит дальше.

* * *

Когда мальчишек собирают рыть окопы, это нормально: каждая пара рук пригодится. Но когда потом им раздают винтовки – задумаешься.

И если в мысли твои прокрадется хоть капля оптимизма – все с тобой ясно: в голове или солома, или пропаганда. Оба случая – неизлечимы.

Игорю нет дела до пропаганды. Свои мозги на месте, да и глаза тоже. Видно же, сколько на спешно открытых позициях бойцов, а сколько ополченцев. И – каких ополченцев. Но...

Можно плевать на пропаганду, на ежевечерние политинформации, даже на высокопарное «Долг перед Родиной». И все-таки упереться в этом тесном, тобою же вырытом окопчике, врасти в него, вцепиться в землю – и стрелять, пока остаются патроны. А потом – подняться и пойти вслед за надоевшим до оскомины политруком в безнадежную штыковую. Потому что ты помнишь зеленые Тонькины глазищи под белобрысой челкой, худые пальцы с обгрызенными ногтями, глупую дворовую скороговорку: «Кто найдет-заберет, твое сердце возьмет...»

Смешно верить, но – пусть. Так легче. Два ярких фантика, два стеклышка, две капельки крови. Две души, две жизни. Одна любовь.

Глупо, но – пусть. Пускай будет именно это слово. Любовь. Так легче.

* * *

День выдается безветренный. И – беззвучный. Опустившуюся на город тишину разбивает лишь топот сапог. Тонька смотрит сквозь щелку в шторах на солдат в чужой черной форме, пока мать не оттаскивает от окна силой.

Расписание остается прежним: булочник – молочник – бакалея. Только вместо пайковых карточек – чужие деньги. А откуда они, деньги? Мать в госпиталь не ходит: «из принципа». И Тонька с этим принципом на все сто согласна.

Сначала продали вещи, кроме самых нужных. Потом, подъяв запасы подчистую, пустили квартиранта.

Квартирант работает переводчиком на элеваторе: хлебная должность в самом прямом и

верном смысле. Соседки, Тонька как-то услышала, говорили: «Повезло докторше, теперь не заголодает». Тонька тогда только кулаки стиснула, проскочила мимо. Не видят они, как мать по собственной квартире ходит! – опустив глаза, ссутулясь, тихо, будто призрак.

Квартирант напоминает Тоньке снулую рыбину: блеклый, с пустым взглядом странно прозрачных глаз, ходит, важно выпятив сытый животик, вытирает клетчатым платком пот с лысины. Фыркает:

– Жаркая выдалась осень.

Тонька старается не попадаться лишний раз под взгляд рыбьих глаз.

В теплые дни девчонки тянутся во двор. На виду болтаться страшно. Ленка выносит драное одеяло, расстилает в палисаднике за сиренью, девчонки садятся в кружок и шепчутся. Тонька старается сесть спиной к зарослям ирисов, чтоб не выдать слишком частыми взглядами их с Игорем тайничок.

Такие тайнички здесь есть у всех. Но о них не говорят. Кто захочет разрушить неосторожными словами собственную защиту, крохотный домик, хранящий искорку твоей души? Это – тайна. А для разговоров есть обычные, настоятельные темы:

Вовчика из третьего «А» вчера избил пьяный офицер, в кино крутят хронику, которой очень не хочется верить, а Ленкина мама устроилась посудомойкой и теперь приносит домой поесть, только очень противно.

Иногда Тонька встает пораньше, прокрадывается в палисадник и смотрит на искорки в карем стеклышке. И думает – живой...

* * *

Игоря подобрали деревенские. На нем не было ни царапины, и военная полиция, искавшая раненых бойцов, не обратила внимания на дочерна загорелого паренька, сноровисто и явно привычно копающего огород. Сам Игорь помнил близкий взрыв – и темноту, в которой плавают размытые пятна бутылочно-зеленого цвета. Как Тонькины глаза.

Ох, Тонька...

Глупо, но я верю в сказку твоего двора. Наши жизни, как кощеева смерть – не так просто взять.

Он хотел идти в город. Отговорили. Мол, без пропуска – только зря пропадешь.

Чужие солдаты расхаживали здесь по-хозяйски. Парней возраста Игоря согнали возить на элеватор зерно. Игорь таскал мешки, чихал от терпкого, перенасыщенного пылью и запахом спелой пшеницы воздуха и думал: одной спички хватило бы. Всего одной спички!

У кого-то из ребят спичка нашлась. Вот только виноватого искать не стали. Закопченный, разъяренный потерей провианта черномундирник – в званиях Игорь не разбирался, но кто-то шепнул: капитан, – поставил к стенке всех.

Игорь прислонился затылком к теплему кирпичу. Тонька, я верил в твою сказку. Все это время – верил. Любовь – глупое слово, но пусть лучше оно. Как ты там, Тонька?

Выстрелы – из другого мира. Стон рядом – тоже. В моем мире – твои зеленые глазищи под белобрысой челкой. Два стеклышка, в которых дробится ранний солнечный луч. Глупые девчачьи сказки. Ну и пусть глупые. Плевать. Все равно с ними – легче.

Что-то лает на чужом языке капитан. Выстрелы... кирпичная крошка бьет в лицо, оседает на волосах, на плечах. А небо точь-в-точь такое, каким виделось сквозь коричневый бутылочный осколок. Элеватор догорает. Сухой щелчок осечки. Капитан отшвыривает пистолет, что-то зло цедит сквозь зубы.

– Есть у них такое: трижды чудо – истинное чудо, – объясняет похожий на снулую рыбину переводчик. – Знак. Помилование свыше в твоём случае. Но теперь...

В рыбьих глазах мелькает что-то человеческое, странно похожее на сочувствие.

* * *

Миха из второй квартиры, тот, что до войны работал на автобазе, а теперь служит в полиции, выперся во двор ближе к вечеру. Пьяный и с пистолетом. Ворон пострелять.

Вороны оказались быстрее Михи, и он, прищурясь и закусив губу, стал целиться в дремлющую возле мусорника кошку.

Тонька с Ленкой сидели на лавочке у подъезда – ждали Ленкину маму.

– Промажет, – сказала Тонька. – Руки трясутся. И верно, промазал. Вот только...

Ленка в голос охнула, и Тонька поняла – не почудилось. Короткий взблеск в фонтанчике жухлой травы и сухой земли, кружащийся в воздухе кусочек фольги... бывает же!

– Твой?

– Ага...

– Не бойся... завтра перепрячешь, у меня дома фантики есть, хочешь, пойдем, выберешь? Ничего до завтрашнего утра не случится.

– А Валька?..

На выстрелы во двор забежал патруль. Потолковали о чем-то с Михой, двое таких же шкур продажных, засмеялись. А потом один из них развернулся и вскинул руку.

Два выстрела слились в один. Тонька глядела, как заливает кровь светлую Ленкину кофточку, и казалось – сон. Сон, бред... очнуться бы.

Валька, еще до войны, додумалась сделать тайничок под теплотрассой, и его перемолол бульдозер ремонтников. А Валька попала под машину.

Тонька уже не слышала, как, выходя со двора, стрелявший сказал:

– А по другой-то промазал. Ладно, ее счастье.

* * *

– Вот, парни, – сказал впихнувший его в землянку черномундирник, – счастливчика привел.

– Мелковат для сапера, – буркнул кто-то из темноты.

– Я сказал «сапер»? Просто он впереди пойдет. А вы, олухи – след в след.

– А, смертник, – протянул тот же голос. – Ну-ну...

– Говоришь ты много, – брезгливо выцедил черномундирник. – Был бы чистенький, не здесь бы служил. Завтра велено высоту взять, так что подорвется этот—тебя первым пуцу.

Игоря толкнули в дальний угол. След в след, значит? Ладно. Будет вам, сволочи, след...

* * *

Когда ветер северный, до города долетает канонада. Тихо-тихо, издалека... месяц, другой... к ней привыкаешь, но все равно каждый день вслушиваешься – не ближе ли стала?

Тонька теперь не выходит на улицу. Страшно, да и незачем. Нетронутый снег в палисаднике виден из окна кухни. А продукты уже не продаются.

Квартиранта после пожара на элеваторе перевели не то в полицию, не то в комендатуру. Там, видно, оказалось не хлебно и не сладко: он осунулся, сытый животик истаял, а глаза научились испуганно бегать – став от этого, странно, куда более живыми. Однажды сказал матери:

– Шли бы вы, сударыня, работать. Доктора нужны, паек будет, а девчонка ведь ваша совсем никакая, в чем душа держится.

– Не ходи, – вскинулась Тонька, – еще чего!

Мать промолчала. Но наутро собралась и ушла. Тонька день проревела, вечером отказалась от принесенного матерью хлеба... но материных слез вынести не смогла. Ночь они просидели в обнимку, две женщины, которым было ради кого жить. Плакали. Вспоминали далекое «до войны». Утром мать сказала:

– Пойду. Вернется Игорек, кто, кроме тебя, его встретит? Пожалей парня...

* * *

Город не жалели ни отступавшие, ни освободители. Игорь вспомнил вчерашнюю речь политрука: «Мешает забор – к черту забор, засел на чердаке снайпер – убрать вместе с домом. Здесь укрепрайон, мать вашу, соображайте!»

От города остались развалины. Видеть их оказалось страшнее, чем идти по минному полю, не глядя под ноги. И муторнее, чем доказывать окопавшимся на высоте ребятам, что он – свой. Но кое-где среди развалин копошились уцелевшие жители.

Игорь посмотрел на одолженные политруком часы. Отпустили его неохотно и ненадолго – только узнать про своих. Командир, видно, понимал, что можно думать, глядя на разрушенный город. И надо бы поторопиться, ведь каждая минутка на счету, но – страшно.

Игорь перебрался через груды кирпича на перекрестке и остановился, глядя на Тонькин дом. На единственную уцелевшую стену. На роскошную сирень в палисаднике и желтые ирисы. Господи, Тонька...

И ни уйти, ни во двор шагнуть.

* * *

Она шла навстречу, закусив губу и глядя под ноги, и вода из смятого с одного боку ведра выплескивалась кляксами на жаркий асфальт.

– Господи, Тонька... да от тебя одни глаза остались... Всхлипнув, Тонька поставила ведро. И молча уткнулась Игорю в плечо.

Часы отсчитывали последние минуты увольнительной.

Михаил Шевляков Тринадцать лет или Сибирская пастораль

В железной тишине...

Алексей Сурков

Будь спокойна, моя ясноглазая...

Александр Вертинский

Если спускаться с четвертого этажа во двор по черной лестнице, то нужно пройти семьдесят одну ступеньку. На площадке между третьим и вторым этажами можно поставить ящик с инструментами на подоконник и немного постоять у открытого окна, передохнуть. Передохнуть – потому что Тула, Ишим и Благовещенск дают о себе знать. Но передохнуть так, чтобы никто не заметил, потому что тебе всего тридцать лет.

Но сейчас постоять у окна не получилось – чуть ниже по лестнице, там, где на стене видны две замазанные синей краской пулевые отметины – следы еще с января сорок третьего – на ступеньках сидела Ксеничка, подперев подбородок сжатыми кулачками.

– Ксеничка, если вы не подвинетесь, я могу случайно стукнуть вас своим ящиком. А зип – он тяжелый.

– Ну и стучайте...

Он поставил ящик на ступеньки, поправил норовившие вывалиться пассатижи и уселся рядом с Ксеничкой. Похлопал по карманам старенькой гимнастерки, достал папиросы. Первая попалась высыпавшаяся, но вторая – вполне ничего; обмяв ее, он долго чиркал зажигалкой.

– Я буду в сторонку курить, а то ваша мама будет ругаться. Ксеничка молчала.

– А что, кстати, делает сейчас ваша мама?

– Дядь Мить, – Ксеничка повернулась к нему, глаза были красные и подпухшие, – ну

почему так бывает, что кому-то все и сразу, а кому-то ничего?

Он хмыкнул.

– А кто этот кто-то, которому все? И что все-таки делает ваша мама?

– Мама и Клавдия Сергеевна обсуждают новую маску для омоложения лица и цены на сметану на рынке.

– А этот «кто-то» – это, наверное, тот мальчик, которого папа на прошлой неделе подвозил к нашему дому на эмке, а ты выбегала его встречать?

– Нет, – она вздохнула, – это вовсе не Джеку, это Татке Гуреевой – все и сразу.

– А почему он Джек?

– Ну, вообще-то он Женя, но он с родителями год жил в Америке и теперь он зовется только Джек.

– Надо же – всего год, и уже Джек.

– Да, его только в классном журнале пишут Евгений, и учителя так зовут, а он такой американский! Они столько всего привезли – и радиолу, и пластинки американские. Там такой фокстрот!

– А что же эта Татка Гуреева?

– Да ну ее... А можно мне к вам в гости?

– Ну я, Ксеничка, на самом деле шел во двор – собирался немного покопаться в мотоцикле...

– Ну пожалуйста!

– Ладно, будем считать, что я тебя пригласил пить чай. Все равно с тобой я зажигание толком не налажу. Пошли уж навстречу...

И они пошли вверх: она – то и дело перепрыгивая через ступеньку, а он – стараясь не показать, что хоть и тридцать лет, а и Тула, и Ишим, и Благовещенск...

Придя домой, он в который раз подумал, что главное удобство его комнаты – то, что она находится сразу у двери черного хода. Соседка, Ангелина Львовна, не успела выглянуть в свою вечно приоткрытую дверь – значит, кухонное Информбюро работать не будет, и Ксеничкина мама будет спать спокойно, думая об омолаживающей маске, а не о том, какие нынче пошли люди.

Когда он с чайником пришел с кухни, где Ангелина Львовна вилась вокруг него, сгорая от любопытства, почему он так быстро вернулся, Ксеничка уже залезла коленками на стул и, опершись руками на стол у окна, уткнулась носом в оконное стекло. По двору ходил Фима Кацман по прозвищу «Фикса» в новой кепке.

– Ну что, Ксеничка, будем заваривать чай. Чай у меня хороший, хоть и пайковый, а вот сахара, извиняюсь, нет, – он насыпал по щепоти чая из жестяной банки в стакан и невесть откуда попавшую в его хозяйство чайную чашку с розами.

– А хотите, я домой сбегаю?

– Да ладно тебе. Посмотри, там, на полочке у двери есть стеклянная банка, а в ней подушечки. Будешь с подушечками?

– Буду, спасибо, дядь Мить.

Он сел на кровать. Ужасно хотелось снять сапоги – но чаепитие есть чаепитие. Когда чай заварился, а Ксеничка успела обжечь им язык и съесть четыре подушечки, он спросил:

– Ну так что там эта Татка Гуреева?

– Ну ее... Она дура, и у нее прыщи...

– Хорошо. А этот Джек?

– Ой, знаете, дядя Мить, у него столько журналов американских! Правда, мы ведь в школе немецкий учим – но там такие картинки! Представляете, в Америке все живут в отдельных домах, и в каждом доме есть ванна и гараж для машины! Как я хотела бы, чтобы такой дом, и ванна, и машина!

– А что, это Джек увлекается ваннами?

– Да нет, это папа Джека, Степан Иванович, он инженер, строитель, это его журналы.

– Понятно, значит это был Джек Степанович на папиной эмке... И что же он еще

рассказывал об Америке, кроме фокстрота и ванн? – он чуть усмехнулся. – Ты про чай не забывай...

Ксеничка быстро отхлебнула чаю, подперла щеку рукой и стала рассказывать:

– Ну, Джек, он вообще очень сильно увлекается музыкой, мы слушали радио, и он сказал, что в Америке полно таких радиостанций, что только музыку передают. Он сказал, что если бы у него были деньги, то он и здесь такое радио устроил бы, чтобы только музыка американская и чтобы все слушали.

– А где же он собирается взять деньги?

– Ну, он об этом еще не думал. Но когда мы в понедельник после школы ходили на бульвар, он купил мороженое, и так все это рассказывал – чтобы на доме, где будет радиостудия, лампочки на крыше светились всю ночь и мигали – «Джек Ив Радио». Представляете – как это – всю ночь лампочками надпись светится?! Отовсюду видно, со всего города!

– Наверное, здорово. А что значит «Ив»?

– «Ив» – это сокращенно от Иванченко. Его так в Америке звали – Джек Ив.

– Понятно, – он отпил уже совсем остывший чай из стакана. – А это из-за того мороженого ты три дня кашляла, и мама не пускала тебя в школу?

– Угу, – она сразу погрузилась, – а за три дня Татка сразу устроила вечеринку, и Джек приносил свои пластинки... И теперь они вместе ходят после школы – и на бульвар, и в кино вчера ходили, и Светка мне сказала, что даже видела, как они уже в среду, после вечеринки, целовались – она шмыгнула носом и отвернулась к окну.

– Не возражаешь, если я покурю?

– Курите, конечно! А... мне можно?

– А ты разве куришь?

– Да я уже сто раз курила! У нас в классе и Светка курила, и Татка, и Наташка, и даже Наташка-вторая. А Джек говорит, что в Америке все киноактрисы курят. Такие специальные сигареты с длинными мундштуками. Я и сама в кино видела. Давайте, я покажу как, переседайте сюда, а я туда, – они поменялись местами, она плюхнулась на кровать, сделала смешное выражение лица – видимо, оно должно было быть романтическим, – отставила в сторону левую руку, сложив два пальца под воображаемую сигарету. Он с трудом удержался, чтобы не рассмеяться.

– Правда, красиво, дядь Мить? А длинный мундштук можно из бумаги плотной накрутить.

– Красиво. Только, Ксеничка, я не знаю, как там дальше с красотой, от табака зубы желтыми становятся. У меня товарищ до войны на врача учился.

Ксеничка задумалась, а потом сказала:

– Нет, дядь Мить, если специальные американские сигареты курить, то, наверное, желтеть не будут. У актрис же не желтеют.

– Ну, американских специальных у меня нет, а свои папиросы я тебе, пожалуй, не дам, – он затушил окурок и вновь взял стакан с чаем. – Да и вообще на Америке свет клином не сошелся, да и на Джеке тоже.

Она вновь погрузилась:

– А на ком же?

– Ну, я помню, был такой мальчик Юра...

– А, Юра... Юра – это не то! Вы знаете, какая у него фамилия? Своротных! Ну вы представляете – как это будет звучать – Ксения Своротных!

– Так вы поэтому поссорились? А вот Людмила Георгиевна Серебрянская...

– Это та, крашенная, которая к вам вчера приходила?

– Что?! – он поперхнулся остатком чая. – Да нет, Людмила Георгиевна Серебрянская – жена хозяина магазина на углу Народной и бульвара, у них трое детей. Да, а в замужестве она – Кобыляко. Людмила Георгиевна Кобыляко.

Ксеничка недоверчиво посмотрела на него:

– Да ну, это вы выдумываете!

– Не хочешь – не верь, могу вас познакомить, – он с сожалением посмотрел в пустой стакан, на разбухшую заварку, – А я и не знал, что ты за моими знакомыми наблюдаешь. Еще чайник нагреть?

– Не, мне уже не хочется. Можно, я просто еще подушечек поем?

– Можно, конечно, ешь хоть все.

Ксеничка перетасила банку с подушечками на кровать.

– А я правда не наблюдаю. Ну просто она, ну такая... А вам другая нужна...

Он высоко вскинул брови:

– Это какая же?

– Ну... – она покраснела, потом резко села на кровать и сказала: – Это очень хорошая комната, все под рукой как-то...

– Еще бы не под рукой – меньше шести метров.

– Да. А... а эти три одеяла на стенку набиты, чтобы соседи не слышали, когда... ну когда приходят?

– Э... – он достал папиросу и зачиркал зажигалкой. – Ну, скажем так, стенка действительно тонкая.

Ксеничка хотела еще что-то сказать, но тут через форточку со двора донесся спасительный голос Ксеничкиной мамы: «Ксения, ты где? Иди домой немедленно!» – и он сказал:

– Похоже, Клавдия Сергеевна уже ушла. Значит, будем прорываться через линию фронта.

– Это как?

– Это так. Я выхожу с чайником в коридор и под шумок открываю дверь на лестницу. Дверь в комнату я оставляю открытой, так что с эн-пэ Ангелины Львовны дверь на лестницу будет не видна. Твоя задача – быстро выскочить на лестницу и прикрыть, но не захлопнуть дверь. Приказ понятен?

Она хихикнула и козырнула:

– Приказ понятен, разрешите выполнять?

– Ну давай...

...Вернувшись с чайником с кухни в комнату и беззвучно закрыв на ходу щеколду двери черного хода, он подошел к столу и посмотрел в окно. Посреди двора Ксеничка уверяла маму, что ходила смотреть новые афиши в кинотеатре. Банка с тремя слипшимися подушечками так и лежала на кровати...

* * *

...Этот день пришелся на пятницу, у него как раз закончилось суточное дежурство, и они с майором выпили по маленькой за упокой души, а потом еще по маленькой, и еще раз... Имеем право, думал он, поднимаясь по лестнице, имеем право...

...Имеем право – ведь мы возвратились. Мы возвратились, а они остались там – в чертовой карусели над Бугом и Неманом, над Москвой и Волгой... ребята остались там – в горах Урала, на голой земле между Тоболом и Ишимом. Кто взрывом и дымным столбом, кто – дотянувший – в санбате, а кто и вовсе – без вести... Кто где, кто где – повсюду на той страшной войне, раскrojившей все пополам...

В полутемном коридоре никого не было. На кухне из черной тарелки «Рекорда» пел марш. Их марш, марш, с которого все начиналось тогда, пять лет назад. Достав папиросы и прикурив от соседкиной керосинки, он постоял у окна, выпуская дым в форточку. Тогда тоже все цвело, тоже была весна, только только отгремел праздник – и они были полны радостного счастья – вот! наконец-то! разобьем – и по домам! Да только вместо этого пришлось учиться крови и смерти друзей... Марш все гремел, тот марш... Это было через год после начала войны, в другом страшном мае – в мае сорок второго... Как кричал, как

хрипел по радио этот марш веселый Лешка Шестаков, сгорая в небе над Казанью... Мессера навалились на него, и он горел, горел над Волгой... а мы уходили на восток, разодранные в щепы, в набухших кровью гимнастерках... Вернулись... вернулись три из двенадцати машин, последних двенадцати машин их полка. Три пилота, два штурмана и один стрелок – наверное, родились в рубашках... Садились на брюхо. Все – полка не было, две недели – и полка не было. Но переправы не было тоже...

...Окурочек полетел через форточку. Крохотный красный огонек, как одинокая сигнальная ракета... Ракета взлетала, и мы взлетали—по одному, по двое, без прикрытия – бензина было кот наплакал, но мы все равно летели бомбить. Это снова была осень, но под нами были уже давно не леса Подмосковья. Там, внизу, немецкие танки неслись в прорыв от Орска – второй большой прорыв на юге, фронт сыпался, и Маленков, усевшийся в кресла покойников, уже уехал из Уфы в Омск... Сука Маланья... раньше надо было их вешать, раньше, сразу же, еще в Куйбышеве...

...Не спеша, покачиваясь и нет-нет да и придерживаясь за стенку, прошел в комнату, не раздеваясь, лег на кровать. Ничего не хотелось делать, даже сапоги снимать. Снова закурил. Привычной обрезанной консервной жестянки под рукой не оказалось, он нашарил под кроватью позавчерашнюю газету, оторвал кусок листа и, свернув фунтик, стал сбрасывать пепел в него – как-то не хотелось совсем уж свинячить...

Репродуктор заговорил громче – видно, Ангелина Львовна вышла на кухню и добавила звук. Но марш уже закончился, и молодой диктор с бархатным голосом вновь проклинал и призывал почтить память. Голос у него, конечно, был хорош, но ой как далеко было ему до Левитана – Левитана пропавшего без вести посреди Омска ноябрьской ночью сорок третьего года.

Брюзжишь, – невесело сказал он себе, – стареешь...

А пусть даже и брюзжу – но этому радиодиктору никогда не прочесть сводку так, как это было в те двадцать месяцев – проклятые полтора года – почти ровно шестьсот дней. Тех дней, когда «московское направление» было на Воробьевых горах, куда летали мы на штурмовку немецких позиций... Зимних дней надежды, когда казалось, что уже все, что наша взяла – и не зря вновь горела Москва, что побегут и немцы до Березины... И вновь – летних – отчаяния и стыда... На Волге и за Волгой – аж до Урала и Ишима...

Уже совсем смеркалось, но включать свет не хотелось. Пусть все будет, как тогда... Эх, ребята...

* * *

...Задачник по математике казался ей сегодня просто отвратительным. Все цифры и буквы в домашнем задании, что нужно было сделать на завтра, смешались в сплошную абракадабру, настроение совсем пропало, и хорошо хоть мама не видела, что она с самого утра натянула свое любимое крепдешиновое платье. Скучая и ленись, она выглянула во двор через окошко кухни, у которого устроилась с книжкой и тетрадкой.

Он стоял возле сарайчика, где пылился в ожидании начала месяца и новых талонов на бензин его мотоцикл, и о чем-то разговаривал с дворничихой Стешей. На нем была не привычная старенькая гимнастерка, а новенькая кожанка, из тех, что попали в город с американскими грузовиками и были предметом острой зависти мальчишек в ее школе. Стеша пошла вглубь двора, за флигель, а он еще раз подергал замок на сарайчике, критически осмотрел свои сапоги и поправил фуражку. По всему было видно, что он собирался куда-то идти – и уж точно не в булочную и не за папиросами.

Быстро захлопнув ненавистную математику, она черкнула размашисто наискось на листке «Я к Светке» и выскочила в прихожую. Мельком взглянула в зеркало, набросила на плечи бежевый пыльник и, пританцовывая на одной ноге, натянула непослушную туфлю. Берет она надела совсем уже на бегу, дробно стуча каблучками вниз по лестнице и чуть не поскользнувшись на площадке, да и то еле успела – он уже почти вышел через калитку ворот

на улицу.

– Дядь Мить, – сбившийся от быстрого бега, ее голос гулко раскатился под аркой, – Дядь Мить, подождите меня!

– А, здравствуй, Ксеничка! – весело откликнулся он, – Куда это ты так бежишь?

– К подружке хотела забежать, – неловко соврала она и почувствовала, как у нее загорелись шея и уши. Чтобы как-то скрыть свое смущение, она стала заталкивать выбившуюся прядь волос обратно под фетровый берет. – А вы... вы куда-то тоже идете, да?

– Да вот в гости собрался по поводу воскресного дня.

– Да? А куда, если, конечно, не секрет? – она наконец справилась с прядью и отдышалась.

– Не секрет, – он усмехнулся. – Помнишь, я тебе две недели тому о своих знакомых говорил? Серебрянская, которая Кобыляко? Если бы не к подружке спешить – как раз бы и познакомилась с нею.

– Да ну ее... Я с вами лучше пошла бы – но если можно.

– Конечно, можно, они люди такие, что гостям всегда рады. А подружка твоя как же?

– Да ну ее, – повторила она и снова почувствовала, что краснеет...

...До бульвара было идти совсем недалеко, пока они дошли до угла, она пару раз оглянулась на свои окна – не видит ли ее мама? Как раз в этот момент он спросил, не будут ли за нее волноваться дома, и она с облегчением сказала «нет» подумав, как здорово, что она успела черкнуть записку. Сходя с тротуара, она неловко подвернула ногу, и он крепко взял ее под локоть. Было бы здорово, если бы сейчас ее увидел кто-нибудь из одноклассниц – снова покраснев, подумала она. И все-таки жаль, что он не видел ее в прошлое воскресенье, когда они с Наташкой сделали себе шикарные прически валиком. Да, а потом мама ругалась и заставила ее стереть помаду – вспомнив об этом она нахмурилась.

– Что приуныла?

– Да так, пустяки, – она прижалась к нему и усмехнулась. Его черная куртка нагрелась от майского солнца, и от нее остро пахло кожей...

...Магазин на углу Народной и бульвара она знала, а вот то, что хозяева его живут прямо на втором этаже над магазином – нет. Они прошли во двор и поднялись по скрипучей деревянной лестнице. Дверь им открыла хозяйка – Людмила Георгиевна – в фартуке, видно, только от плиты. Прямо у порога он познакомил их, Ксеничке тут же было велено не смущаться и чувствовать себя как дома. Под вешалкой стояли в беспорядке дотянувшие до тепла детские калоши и Ксеничка подумала, что ее, как всегда, отправят к детям, но Людмила Георгиевна попросила называть ее просто Милой, безо всяких отчеств и церемоний, и, воскликнув – ой, подгорает! – всплеснула руками и убежала к готовке.

– Ого, Дмитро, с какими красавицами ты козакуешь! – снизу, из магазина, отдуваясь на ходу и вытирая шею огромным платком, более похожим на маленькое полотенце, поднялся наконец-то хозяин дома – маленький и лысоватый Кобыляко, особенно маленький рядом с высокой и худощавой женой. У него было смешное имя-отчество – он представился как Петро Прокопович и говорил с теплым и таким же округлым, как и он сам, украинским выговором, мгновенно перекрестив ее из Ксенички в Оксану. – Ну-ка к столу, к столу! Что там моя Милочка сегодня на праздник приготовила! – и пошел в комнату первым. Что-то было странное в его походке, но эта мысль только промелькнула и пропала.

– Дядя Митя, – шепотом спросила она, – а какой сегодня праздник?

– Сегодня Петро с Милой годовщину свадьбы отмечают. Седьмой год, с мая тридцать девятого.

– Ой, а как же, я же не знала... Подарок же какой-то нужно, да?

– Не волнуйся, есть, есть подарки, – он улыбнулся. – Давай-ка мы твое пальто аккуратно сюда, на вешалку пристроим.

Поминутно краснея от смущения, от того, как ухаживал за нею – как за взрослой – дядя Митя, помогая управиться в тесной прихожей с пыльником, от того, что не знала, как называть при Петре Прокоповиче и Людмиле Георгиевне дядю Митю, и чувствуя щеками и

шеей, что краснеет, Ксеничка прошла следом за ним в комнату. Он тоже оставил на вешалке свою куртку и оказался при параде – в новеньком, ни разу не виденном ею кителе, и от этого кителя, успев мельком подумать, как здорово, что надела с самого утра любимое платье, она почему-то смутилась еще больше...

– Минуточку, минуточку! – Людмила Георгиевна вбежала к ним, чудом разминувшись в дверях и балансируя двумя тарелками. – Уже почти все готово, вот только принесу. Ну-ка найдите местечко на столе!

– Ксеничка тебе поможет управиться, – потирая руки и подходя к столу сказал дядя Митя. – Правда, Ксеничка?

– Ага, – еле слышно выговорила она, совсем растерявшись, – А... а что делать?

– Ой, да что вы, сама управлюсь! – Людмила махнула на них полотенцем, – Надо же, привел кавалер свою барышню в гости и работать заставляет!

– Нет, нет, я помогу, – вновь покраснев, она пошла следом за Людмилой на кухню.

...Именно эта просторная кухня – пожалуй, даже попросторнее, чем та комната, в которой накрыт был скатертью праздничный стол – именно кухня, где мгновенно нашелся для нее еще один фартук, незаметно для самой Ксенички сделала так, что она перестала наконец смущаться и почувствовала себя легко. И Людмила Георгиевна стала для нее действительно Милой, когда она, пискнув: «Ой, Милочка!» – чуть не выронила из мокрых рук миску с огурчиками, а потом они, глядя друг на друга, дружно рассмеялись, и даже дядя Митя почти без запинки стал для нее просто Митей в ответе на какой-то пустячный Милин вопрос...

...Наконец после очередного ворчливого вопроса Петра Прокоповича, скоро ли Мила успокоится и присядет вместе с Ксеничкой за стол, они действительно побросали фартуки на кухонный табурет и, абсолютно одинаково заглянув в висевшее в коридоре зеркало, уселись за столом под низкой лампой с цветастым платком вместо абажура.

Под постукивание вилок по налитой рюмочке и веселое Милено «Тихо, тихо!» – дядя Митя поднялся и, прокашлявшись, сказал:

– Дорогой Петро, дорогая Милочка, сегодня семь лет, как вы вместе – несмотря ни на что. Семь лет назад мы сидели не в таком уютном доме за таким роскошным столом, а под натянутым брезентом на волейбольной площадке нашего военного городка. Тогда я был совсем еще зеленым лейтенантом, и, скажу честно, страшно завидовал вам – такие красивые вы были. И сегодня я вижу, как, несмотря на все то, что было за эти годы, вы остались все такими же красивыми – и я вновь вам по-хорошему завидую. И сколько бы времени ни прошло – пусть для вас это будет только счастливое время, – он расстегнул карман кителя и вынул оттуда маленькие дамские часики. – Вот, Милочка, пускай они отмеривают тебе только хорошее время.

– Ото сказав, ото сказав, – Петр Прокопович хохотнул. – А я б покороче – ну-ка выпьем!

– Извини, Петро, чуть не забыл! – дядя Митя быстро вышел в прихожую и тут же вернулся с плоской флягой в руках – видно, она лежала все это время у него во внутреннем кармане куртки. – Вот это тебе персонально. И она уже не пустая! – он хитро подмигнул.

– Ну, давай-ка! – Петр Прокопович поднял рюмку. – Нам беленького, дамам сладенького!

Ксеничка на секунду замешкалась – она сразу и не поняла, что пока они с Милой хлопотали на кухне, хозяин налил и ей тоже – но потом решительно подняла свою рюмку, чокнулась и зажмурив глаза, выпила залпом – и тут же закашлялась. Мила похлопала ее ладонью по спине и придвинула тарелку:

– Кушай, Ксеничка... Вот, салат попробуй.

Стараясь не думать, что будет, если мама услышит от нее запах вина, Ксеничка решительно взяла вилку. Ей казалось так хорошо и уютно, как будто она знала их всех давным-давно...

...Отдуваясь, Петр Прокопович отодвинулся вместе со стулом от стола.

– Ну вот всегда так, как усадит она меня есть, – он расстегнул ворот рубахи, – так я потом и встать не могу. Ты бы, Оксаночка, видела, как она меня после ранения мучила. Пользовалась, что я убежать не мог, – и он усмехнулся.

– Да ладно тебе, – Мила махнула на мужа рукой и снова посмотрела на свои новые часики, поднесла к уху – послушать их тиканье. – Митенька, где ты такую прелесть нашел?

– Ну, – он отчего-то погрузился, – там... За горами, за морями...

Ксеничке очень захотелось спросить, где же это – там, но тут Петр Прокопович решительно подошел к патефону и поставил пластинку.

– Ну что, молодежь, потанцуете? Я-то помню, какой Дмитро мастер танцевать.

– А вы, Петр Прокопович, можно с вами? – она как-то не решалась танцевать с дядей Митей.

– Да знаешь, – он почесал затылок, – я свое оттанцевал в сорок втором, – он похлопал себя по ноге, и только сейчас Ксеничка осознала, что бодрый хозяин застолья все это время крутился по дому на протезе. Поэтому и смущала ее все время его странная, чуть подпрыгивающая походка.

Залившись краской, она прошептала: «Простите, пожалуйста...» – но Петр Прокопович, видно, смутился не меньше, чем она.

– Да что ты, доцю... То ж ничего... – он сел на край диванчика, достал папиросы и закурил. – То ж ничего...

Не зная, куда деться от стыда, она тихонько попятилась к двери и прижалась спиной к стене – ей казалось, что даже спина у нее вся покраснела, но в этот момент Мила решительно отодвинула стулья и взяла дядю Митю за руку – Ну, если все танцевать боятся, то давай-ка мы с тобой потанцуем. Небось меня Петенька за это сегодня ругать не будет.

– Ой, и поругаю, и дубца дам! Ты ж меня знаешь, я ревнучий, – в глазах Петра Прокоповича загорелись веселые живчики. – От, Оксаночка, как вона чоловікам голову дурыть. А як молода була... – но уже было видно, что он шутит, и повисшая в комнате неловкость куда-то ушла.

Мила танцевала очень красиво, она не отворачивала голову в сторону, как это делали на вечеринках в их классе, и Ксеничка подумала, что хорошо бы и ей научиться так танцевать. Когда «Амурские волны» закончилась, и пластинка зашипела, Мила вдруг быстро подвела дядю Митю к ней и, сказав: «Что-то я устала уже», – села рядом с мужем. Дядя Митя щелкнул каблуками и, взяв Ксеничку за руку, повел под похрипывающую «Разбитую жизнь». Она взволнованно оглянулась на Милу, и та, прильнув к мужнину плечу, по-доброму улыбнулась ей.

Роста немного не хватало, рука соскользнула на жесткий бело-зеленый шеврон, но так хотелось, чтобы музыка не заканчивалась.

Подняв к нему лицо, она тихонько спросила:

– Ми... ой, дядя Митя, а где же их дети?

– У соседки под присмотром... – так же негромко ответил он, – так что Мила с Петром отдохнут сегодня, в кои-то веки... – он усмехнулся. – Называй уж меня Митей, я не обижусь...

...Домой они ушли, когда было еще совсем светло – ему еще нужно было на дежурство, а ее на кухонном столе все так же ждал задачник по математике...

* * *

...Первый урок был такой скучотищей – география... До конца четверти оставались считанные дни, и так хотелось прямо через раскрытые окна класса сбежать на бульвар. Хорошо, что старенький Верблюд совсем не обращал на них внимания и что-то рассказывал об Австралии. А здесь, на «камчатке», было много интереснее – вытянув шею, Ксеничка перегнулась через проход на соседний ряд. Наташка приволокла в школу материн журнал – только что оттуда, сказала она с восторгом и заговорщицким блеском в глазах. Они со

Светкой уже пол-урока листали его, то и дело стучаясь головами и восторженно шепча волшебные слова: гипюр... кокилье... найлон... как она такое носит... и более простые – смотри, какие рукавички... а я парашютный шелк на рынке видела... Черную крышку парты они откинули, чтобы никто не видел, что же они там листают, но все девчоночьи головы то и дело с завистью поворачивались от доски к манящей задней парте, и только близорукий Верблюдов, ничего не замечая, бубнил – но что им был его Новый Южный Уэльс...

Хорошо хоть она успела перед самым началом урока договориться с Наташкой, что после перемены они сядут вместе. Можно было бы и не вытягивать сейчас шею, но так хотелось посмотреть хотя бы одним глазком... Да и вторым уроком должен быть немецкий, а эта злобная харбинка Тамара Павловна – «дер-ди-дас» – уж точно не даст им ни минуты покоя...

* * *

...Двухсвечовая лампа тускло освещала сарайчик. По большому счету, конечно, не освещала, а так, разгоняла вечерний сумрак. Ее света было, конечно, маловато, чтобы копаться в карбюраторе, но если идти со всем этим в дом – он представил себе нытье соседки – нет, овчинка выделки не стоит. Лучше уж здесь, на верстаке, на чистой тряпочке... Дверь сарая была открыта, влетевший на свет жук с басовитым гудением крутился вокруг лампочки, ударяясь об нее, вновь и вновь начиная свое кружение, мошка поменьше тоже суежилась вокруг...

Он увидел, как Ксеничка медленно вышла из подъезда во двор. Как-то сразу было видно, что она очень, очень устала. Он помахал ей рукой, она тоже махнула в ответ, тут же спрятала руки за спину и медленно подошла к сарайчику. Пока Ксеничка подходила, он вновь успел склониться над верстаком, а когда распрямил спину, то поразился. Всегда опрятная, сегодня она была мало похожа на себя – прямо посередине лба явно виден след засохшей земли, и на щеке тоже. Бровь его сама собой вскинулась, но он улыбнулся и, обтерев руку о тряпку, протянул ей. Какое-то мгновенное колебание промелькнуло на усталом Ксеничкином лице, но она все же протянула ему руку, а вторая так и осталась спрятанной за спину. Уже начиная догадываться, он легонько взял ее ладонь – и увидел, как она поморщилась, а на глазах блеснули слезы.

– Ну-ка, ну-ка... – он бережно перевернул ее ладошку и увидел свежие кровавые волдыри. – И что это было? – всякие следы его напускной веселости тут же пропали.

– Мы копали, дядь Мить.

– Вот как. И что же вы копали? И так много?

– У нас сегодня в школе уроков не было. Мы учились копать щели-убежища.

– А о санитарах они не подумали?

– Сказали, что на санитарок будут учить завтра, перевязки делать. Тоже уроков не будет...

– Да нет, ты не поняла... – он отпустил ее руку. – Вам что, руки перевязывать не думали в школе?

– Я не знаю. Сказали, домой когда придете – перевяжете.

– Так что ж ты не перевязала?

– Я не умею... у меня не получается... – она шмыгнула носом, – а у мамы с папой гости... Я к Светке собралась, у нее мама в больнице работает, она умеет.

– Я тебя проведу, – он взял замок от сарайчика и застегнул ворот гимнастерки. – Пойдем, где там эта Светка с мамой живет?

– На Северной, дядь Мить... Он присвистнул:

– Нет, в такую даль я тебя волочь не стану. Руки перевязать я тебе и сам смогу. Только... посмотри дома вазелин какой-нибудь или глицерин... у твоей мамы должны быть, для рук. Давай, я сейчас сарайчик закрою и пойду к себе – дверь оставлю открытой, заходи сразу.

Ксеничка посмотрела на него недоверчиво:

– А... а вы умеете, дядь Мить?

– Не бойся, все сделаем в лучшем виде. Уж поверь мне, я знаю, что такое перевязки...

...Он услышал, как Ксеничка постучала в дверь его комнаты, тут же раздалось тихое ойканье – видно она опять сорвала подсохшую корочку.

– Давай заходи, – он открыл ей дверь. – Я же сказал, что будет не заперто. Я теплую воду уже сделал, сейчас мы всю оставшуюся грязь аккуратно смоем...

– Я мамин вазелин принесла... душистый... – она протянула ему баночку, – вот...

Дядя Митя улыбнулся, доставая из шкафа, из картонной коробки, рулончик бинта:

– Душистый – это хорошо, будешь и здоровая, и благоухающая... Да не стой в дверях, проходи, садись...

Ксеничка присела на стул. Прямо перед ней на столе стояла миска с теплой водой. Ей было немного страшно, она всегда боялась докторов и уколов, но сейчас она еще больше боялась показать, что ей страшно.

– Давай свои ладошки, – он положил бинт на стол и улыбнулся. – Да не бойся, не бойся...

– А я и не боюсь, – она решительно вздохнула и опустила правую ладонь в миску с водой. Было и впрямь совсем не больно, от чуть теплой воды было действительно очень хорошо.

– А вторая? Давай и вторую туда же, места хватит, миска большая...

Она опустила в воду и левую ладонь, вода выплеснулась через край, но она не успела даже ойкнуть, как он быстро сказал:

– Не волнуйся, держи ладошки в воде... Платье не намокло?

– Нет... кажется... Я не хотела, честное слово...

– Да не обращай внимания. Вот видишь, я уже все вытер, – он встряхнул полотенцем. – Ты даже лучше руками побултыхай, пусть у тебя вся земля смоеется... Да не спеши ладони тереть, больно же будет.

– Уже... – она шмыгнула носом и улыбнулась, незаметно для самой себя улыбнулась, – уже потеряла...

– Отмокай, отмокай... А кто это вас учил землю копать?

– А на первом еще уроке к нам пришел офицер, харбинец, сказали, что он этот... есаул, кажется. Нас всех вывели во двор, и он сказал, э-э-э... – Ксеничка наморщила лоб, вспоминая, – что именно сейчас, когда над нашей землей снова нависла тевтонская опасность, каждый должен понимать значение противовоздушной обороны. Как его... По... Про... Нет, не помню фамилию...

– Сам он, конечно, лопату в руки не брал.

– Дядь Мить, да вы что! Он же в парадном мундире был... Он по двору ходил и палочкой такой показывал, где копать. Нам там два казака помогали, один такой уже старенький, а другой нет, они целую телегу лопат привезли...

– Ну конечно... Младших-то хоть не гоняли на рытье? Покажи-ка свои ладошки.

– Нет, младшие классы домой сразу отправили, – она опасливо дала ему свои руки, но он удивительно осторожно взял их в свои ладони, промокнул воду полотенцем.

– Отлично, всю грязь ты уже смыла... как тут эта баночка открывается?... так, есть... действительно душистый... Я постараюсь аккуратно, давай правую...

– Я боюсь, дядь Мить...

– Хорошо, попробуй сама... Да смелее, смелее...

– Ага, я ж маме не говорила, что баночку беру, она увидит, что вазелина мало, и ругаться будет...

– Не будет... мажь, мажь... вот так нормально... а теперь я их перевяжу...

Он стал осторожно бинтовать Ксеничкины ладони, но, видно, в какой-то момент придавил их, и Ксеничка вскрикнула, совсем по-детски:

– Ой, мама!

– Тихо, тихо, тихо... – тут же сказал он и легонько подул ей на руки. – Все уже, все. Сейчас я сделаю красивый бантик... и на этой руке тоже... Вот и все, можно вытереть глазки. Ну-ка, где твой платок?

– Я... я не знаю... кажется, я потеряла его сегодня в школе, когда мы копали...

– Ну да это ничего. Обойдемся без платка, мы их вот так, полотенцем... Ну вот ты и опять красавица... – он подмигнул ей, и Ксеничка улыбнулась...

В честь героического лечения они решили выпить чаю. Пока дядя Митя носил жестяной чайник на кухню, пока он закипал, пока заваривался крепкий чай – и даже с сахаром, – Ксеничка все рассматривала свои руки и даже украдкой понюхала, как пахнут они маминым вазелином и каким-то еще тонким острым запахом – видно, от бинта. Держать чашку забинтованными руками было неудобно, но потом она приловчилась. Дядя Митя достал с полочки полотняную торбочку со ржаными сухарями, которые сейчас казались Ксеничке вкуснее любого печенья или даже пирожного...

Когда чайник закипал во второй раз, а он убирал в шкаф бинт, то, наверное, слишком сильно захлопнул дверцу, и с вбитого в торец шкафа гвоздя вдруг сорвалась портупья с кобурой. Она словно в первый раз увидела ее – хотя нет, конечно же, столько раз она видела дядю Митю в форме и с оружием – но именно сейчас, сегодня, ей стало грустно, грустно и страшно.

– Дядь Мить... А правда, что опять война будет?

Он посмотрел на нее, враз погрузневшую и глядящую исподлобья, кашлянул в кулак и ответил:

– Ну что тебе сказать...

– Да, будет, я теперь знаю... Прилетят и всех нас разбомбят... – Ксеничка наклонила голову и закрыла лицо руками, – всех разбомбят... Мама думает, что я была маленькая и ничего не запомнила, а я помню, помню! Дядь Мить, мы ведь раньше в Москве жили... мы летом уехали... сначала в Саратов, а потом сюда... Папа машину прислал, чтобы вещи на вокзал везти... я стояла рядом с машиной и смотрела – соседнего дома нет, и вытаскивают оттуда людей... я подумала, что это мешки, а потом поняла... – плечи ее задрожали, и она всхлипнула.

Встав за спинкой ее стула, он обнял ее за плечи и погладил по волосам – тихо, тихо... – и Ксеничка прижалась щекой к его руке и, не скрывая слез, прошептала: «Митенька»... – он замер и вновь провел ладонью по ее волосам, она прижалась затылком к пряжке ремня и посмотрела на него снизу вверх – только не бросай меня, Митенька...

За окном совсем уже стемнело. Стекло окна казалось лаково-черным, как будто за ним заканчивался весь мир... все было хрупким, словно елочная игрушка. Ксеничка доверчиво прижималась к нему, будто только он один мог прикрыть ее руками от страхов, не дать разбиться всему миру на осколки...

...Осколки, и щебень, и кирпичная пыль, и люди, как мешки... Да, так оно и было. Только это был уже октябрь, и мы летали бомбить нашу Москву. Бомбить их плацдарм в нашей Москве. Где же был ее дом? Кто его разнес – они, убивая нас, или все-таки мы, убивая их? Сразу, еще осенью, или потом, в тот проклятый май, когда они вновь рванулись на восток?

В той, октябрьской Москве взорванные мосты торчали обломками костей, в какой-то день все как заведенные говорили об этих мостах, и какой-то сосед-истребитель (они летали с одного аэродрома) сказал – как в Ленинграде, – и никто не понял, а он объяснил – я оттуда... там еще в сентябре все взорвали...

* * *

...Он шел вдоль длинной очереди. Очередь поворачивала за угол, и он тоже. Многие в очереди, устав от долгого ожидания, стояли, привалившись к дощатому забору, голова ее ныряла в узкие двери карточного продмага. Внезапно от самых дверей раздался истошный

женский визг, и щуплый пацаненок рванулся от очереди прямо на него. Машинально он подсек его, и мальчишка покатился кубарем по мостовой. Подбежавшая от магазина женщина с плачем стала бить сжавшегося на земле мальчишку кошелкой, в которой что-то глухо металлически брякало при каждом ударе, а потом села рядом на землю и, повторяя: «Ирод, ирод, ирод!» – стала дергать его за кургузый обтерханный пиджачок. Все было понятно – кража карточек на рывок – никто в очереди, кроме обокраденной женщины, не покинул своего места, чтобы не потерять его, и лишь разговоры – «Поймали?» – «Поймали» – «Бьют?» – «Да нет уже...» – пошли туда, за угол, к тем, кто не видел сам.

Наклонившись, он выскреб из пацанячьего кулака карточки и ткнул их женщине. Она жадно схватила их и стала заталкивать за пазуху, судорожно обрывая пуговицу у воротника платья, а потом снова молча ударила лежащего мальчишку. Плечи мальчишки дрожали, пиджачишко он пытался натянуть на голову.

Он вдруг вспомнил себя – четырнадцатилетнего в Харькове, Конный базар, – рывком поднял пацаненка на ноги и, ни слова не говоря, повел вперед, в проулочек. Оставшаяся сидеть на земле женщина еще раз попыталась ударить кошелкой, но промахнулась. В проулке, вне глаз очереди, он еще раз встряхнул мальчишку за ворот пиджака – ощущение было как от безвольной тряпичной куклы – и, отвесив леца, толкнул в спину – Вали отсюда, быстро!

Тот побежал по проулку, молча, не оглядываясь.

Остро хотелось закурить, но папиросы он забыл дома, а посмотрев на часы, понял, что еще и опаздывает. Выйдя из проулка и прибавив шаг, он вспомнил вчерашний вечер, Ксеничку, плакавшую и прижимавшуюся губами к его руке. Потом она надолго замолчала, он сделал ей еще чаю, а потом ее вдруг затрясло, как в ознобе, и зубы стучали о край чашки, стискиваемой только-только перебинтованными им руками, он набросил ей на плечи свою шинель и крепко обнял, а Ксеничка срывающимся шепотом сбивчиво рассказала ему, как прошлой зимой у них в школе девочка потеряла карточки на продукты и пыталась отравиться, у них не было денег на коммерческий – и смотрела на него снизу вверх полными слез глазами, так, будто он мог защитить ее от бомб, от всего... Он гладил ее волосы, а она схватила его ладонь и прижалась к ней губами...

Он будто снова почувствовал кожей ее слезы и услышал сбивчивый шепот. Нога разболелась, но, сам того не замечая, он еще прибавил шагу...

* * *

...Экзамены в школе неожиданно отменили, и у всех возникло какое-то непонятное ощущение – еще вчера они тряслись от того, что не знали, как им сдавать немецкий или геометрию, а сегодня вдруг оказалось, что до самой осени они совершенно свободны.

Может, мама просто устала, а может, это у Ксенички без панического ожидания школьных экзаменов прибавилось сил – но чудо случилось, и ей все-таки удалось выпросить у мамы ее жакет, пошитый в прошлом году модисткой, жакет, который она хотела поносить уже давно и который мама еще с осени совсем не надевала. Когда мама, ворча, что ей в этом доме никогда не бывает и минуты покоя, пошла к шифоньеру, достала и отдала ей жакет, Ксеничка едва сдержалась, чтобы не запрыгать от радости. От жакета пахло нафталином, бархат на локтях был уже потерт, но не это было главное. Главное – это был теперь ее собственный модный бархатный жакет, жакет шикарного темно-вишневого цвета. Ну очень, очень похожий был на женщине, выходившей вчера вечером из ресторана «Гардения» на бульваре. Ксеничка представила себя тоже выходящей из этого ресторана, где только что – иначе быть не может – все смотрели только на нее, и для полного счастья не хватало только шикарной-шикарной маленькой бархатной сумочки, которую она видела тогда в руках у той женщины.

Не в силах удержаться, она быстренько надела обновку и стремглав подбежала к зеркалу. Да, это было действительно чудо – и это чудо было ее. Позади словно зажглись невиданные огни в люстре ресторанного зала под высоченным потолком, невиданные,

неслыханные – не такие, как она видела через двери на вокзале, даже не такие, как в не виданном никогда, но обожаемом зале «Гардении», а огни самые лучшие, самые прекрасные. Она даже на мгновение закрыла глаза, представив все это...

Жакет был почти, ну практически совсем впору. Ксеничка покрутилась перед зеркалом, вытягивая шею и кося через плечо, чтобы даже на спину заглянуть. Нет, это действительно было чудо – ее, сейчас, сегодня... Похвастаться хотелось невероятно. Наспех поправив волосы и надев туфли – как всегда они непослушно заваливались набок и не хотели надеваться, заставляя ее крутиться возле них в прихожей на одной ноге – она побежала к Машке из параллельного – та оценит. Дверь еще захлопывалась, когда она уже стучала каблучками вниз по лестнице.

С Машкой они устроились посплетничать на самом удобном месте – на крышке тяжелого сундука, обитого железом с морозными узорами. Крышка была широченная; Машкина семья жила в одной комнате, и на сундуке спал пятилетний Машкин младший брат. Им почему-то очень нравился именно этот сундук, они набросили на него лоскутное одеяло и устроились, скрестив ноги по-турецки. Этой зимой они устраивались так, когда Машка болела – а болела она тогда часто. Тогда сразу после уроков Ксеничка заходила к ней в гости, они болтали дотемна, пока не приходили Машкины родители, и она не спохватывалась, что нужно бегом бежать домой, а мама теперь, наверное, устроит ей головомойку. Обычно младшего брата оставляли в такие дни дома с Машкой, но сегодня он был в детском саду при заводе, и никто не дергал их каждые пять минут и не мешал им.

Машка еще у порога показала свое восхищенное обалдение от жакета, и теперь он висел на спинке стула посредине комнаты.

– Ксенька, нет, ну просто шикарная, шикарнейшая вещь! Я даже не знаю, что сделала бы, чтобы и у меня такой был, – Машка посмотрела на нее искательно. – Ну можно, я померяю? А? Ну разочек?

– Ну, только аккуратно... Там слева подкладка чуть отпорота внизу, ее подшить надо...

Машка мгновенно соскочила с сундука и, замерев на мгновение с жакетом в руках, быстро-быстро стала надевать его.

– Да осторожней ты! Там же подкладка!

– Где? – Машка на секундочку перестала застегивать быстрыми пальцами пуговички и, вывернув полу изнанкой наружу, протараторила: – Это, что ли? Да это мелочь, с этим за минуту управиться можно.

– Да ну, скажешь тоже – за минуту. Там же аккуратно надо, чтобы видно не было...

– Меня мама научила, я умею. Сегодня прямо зашить могу, у нас вроде и нитки такие есть, – она пристроила на подоконник зеркало и, повернувшись боком, одернула жакет сзади.

– Да я и сама умею. Дашь нитки?

– Ладно тебе, у меня ж мама шьет, я лучше умею, – она снова посмотрела на подкладку. – Сейчас, подожди только, я еще посмотрю, как он сидит, – Машка стала поправлять жакет на груди, попробовала пахнуть полы посильнее и, чуть приуныв, сказала: – Жалко-то как, мне свободно вот здесь вот, даже если пуговицы переставить... он на тебе тоже слегка свободно сидит, но не так. Это разве только перешивать, если б это мой жакет был...

– Не, ну тогда наверно, а мне-то он почти совсем впору.

– У тебя фигура такая, ты крупнее меня просто. А если б я его носила, я б его тогда перешила бы. Эх, ну как всегда – школа закончилась как раз, когда есть такая вещь! Ладно, давай я подкладку зашью, что ли... – Машка с неохотой сняла жакет и, положив его на стол, достала с полки коробку с нитками.

Ксеничка все порывалась зашить сама, но Машка не дала ей сделать это, и стала внимательно рассматривать подпортовую подкладку.

– Ой, Ксенька, слушай, тут внутри такой припуск завели! Сантиметра на два, не меньше!

– Ну и что?

– Как что? – Машка сделала большие глаза – Это же целых два сантиметра бархата, понимаешь?

– Ну так и что? Куда эти два сантиметра сгодятся?

– Ксенька! А бархотка? – волшебное слово было сказано, и у Ксенички тоже сразу загорелись глаза.

– А получится? Это ж надо все подпороть.

– Ну и что? Ну и подпорем! Знаешь, Ксенька, это ж можно целых две бархотки сделать – мне и тебе. Ну давай, а? – Машка повернулась на стуле, взгляд ее стал таким просящим.

– А правда получится? – в Ксеничкином голосе было не столько уже опасение за судьбу подкладки, сколько интерес и восторг.

– Да конечно! Давай, ну давай сделаем, а?..

...Где-то через час все уже было сделано, и даже подкладку они зашили, а зеркало переставили на стул, и, сидя на любимом сундуке, вытягивали шеи, чтобы посмотреть, как теперь выглядят – с бархатными ленточками на шеях.

– Машка, ты молодец, просто здорово получилось...

– Ага, прямо как в фильме, помнишь: «Мелани, я страшно устала», – она деланно вздохнула.

– Нет, у нее там такого не было.

– Ну и что? Все равно, как в кино.

– Точно... «А мне все равно!»

Они дружно рассмеялись, а потом сказали одновременно: «А ты?» – и снова рассмеялись.

– Ты говори...

– Нет, ты говори... – хихикая, они стали толкаться, спихивая друг друга с сундука.

– Ой, держи меня! Дура ты, Машка, я чуть на пол не свалилась! Говори давай, что сказать хотела, а то я сама сейчас тебя так пихну!

– Ладно, ладно, скажу, только не толкайся! И не щекотись! Мы завтра в кино собирались идти, пойдешь с нами?

– А билеты откуда?

– Витька из уголовного билет достанет, а потом в начале фильма запасной выход откроет, чтоб мы вошли.

– А у него получится?

– Да он это уже сто раз делал. Ну как, пойдём? И бархотки наденем!

Они снова дружно посмотрели в зеркало и снова весело рассмеялись...

* * *

...Все было в принципе в порядке, но как там со связью, он все же решил еще раз проверить сам. Когда он наконец-то нашел Степаныча, тот безмятежно похрапывал в кузове латаного-перелатаного за три года фордика, подложив, чтоб было помягче, шинельку – английскую, когда-то желто-зеленую, а теперь просто страшно буро-грязную от масляных, бензиновых и керосиновых пятен. Еще две недели назад Степаныч пользовался вместо перины почти новым ватником, но умудрился уснуть на нем в теплом брюхе «утюга». Ребята растолкали его, и он, слегка чумной после крепкого сна, позабыл свою стеганую перину внутри – так и пошла она с машиной на Тагил. Давно уже кто-то в части придумал шутку – дайте Степанычу точку опоры, и он уснет. Соня он был страшный, но спец по связи – точно от бога, если разбудить, конечно...

Но на этот раз побудка оказалась на удивление легкой. После того, как он пару раз потряс Степаныча за плечо, тот открыл глаза и проворчал: «Да я и не спал вовсе, только прилег». Из его шевелюры предательски торчала какая-то солома, и можно было поспорить, что он на ней спал – только неясно, где он умудрился ее здесь найти.

– Как связь?

– Полный порядок, не подведет. Я там половину поменял, после прошлого-то раза. Там же в половину блоков можно было за здорово живешь кулак просунуть. А теперь будете музыку слушать всю дорогу, не заскучаете.

– Да нам и так скучать некогда, а за связь спасибо. Давай, досыпай.

– Ладно, ладно... – Степаныч поправил складку на шинели, видно, мешавшую ему. – Ни пуха...

– К черту, к черту! – он сплюнул и постучал по деревянному борту фордика.

Времени оставалось мало, и ребята, наверное, уже нетерпеливо ждали его...

...Дюраль борта мелко вибрировал, и от этого ли, от того ли что теперь больше не нужно было волноваться – что будет, то и будет – немного клонило в сон. Что ж, по крайней мере, еще полчаса, а то и минут сорок относительного покоя гарантированы... Но вздремнуть не удалось – минут через десять Володя потряс его за плечо. Вот он каждый раз в работе становился эдаким живчиком, все время напевал «Дорогой длиною». Когда их прижимали, он забывал все слова и повторял, как заведенный, лишь припев. Само собой, что сейчас уснуть он не мог, да и другим не давал – не со зла, а по свойству натуры.

– Что скажешь, Дмитрий Иванович? – стараясь перекрыть шум, он улыбнулся широченной белозубой улыбкой, но было видно, как у края глаза мелко-мелко вибрирует жилка.

– А что тут говорить? Вот я спать собирался, а ты, Володя, меня будишь... А ведь мог бы и до первой точки не будить – все равно по дороге ничего интересного.

– Ладно-ладно, Дмитрий Иванович, я все понял, я, как всегда, не прав, а лев, – Володя снова широко улыбнулся. – Про поспать я быстро понимаю... Я про другое не пойму...

Видно было, что это не шутка, и пришлось все же отогнать сон. Машинально он покрутил шеей, пару раз зажмурил и широко открыл глаза.

– Ясно, отдохнуть ты мне не дашь... теперь бы узнать, по какой такой причине.

– Дмитрий Иванович, а вопрос простой: что мы здесь делаем?

– Как что? – он даже удивился – Идем, смотрим, думаем. Или ты задание не смотрел? Так оно то же, что и третьего дня.

– Задание я смотрел, – Володя отмахнулся. В этот момент машину тряхнуло и он, не глядя, ухватился левой рукой за столик. – Я не об этом. Что мы здесь, на юге, делаем? Ведь и ребенку понятно, что самое нам место сейчас на Урале, против немцев, а не здесь, против японцев!

– Ребенку? Ребенку – это верно... Только вот такая штука – два года назад ведь не все за речкой работали. Тогда как раз на Урале меня так же спрашивали – что мы здесь делаем, когда там уже, наверное, Владивосток бомбят?

– Ну так и что?

– А все то же... Идем, смотрим, думаем...

Улыбка совсем пропала с Володиного лица, видно было, что он даже обиделся на такое увиливание от ответа. А что поделать? И в штабе не все понимали, что именно сейчас нужно ходить и слушать именно здесь.

– Ладно, Дмитрий Иванович, я понимаю – даже вы и даже мне не имеете права. Но вот если мы идем на максимальном радиусе и даже краем-краем море видим – мы что, не могли с тем же успехом от Читы ходить? Или даже от Владика?

– А вот это совсем просто. Вот ты, когда к девушке со строгой мамой идешь – ты что, в двери постучишься? Нет, ты через забор полезешь. А то ведь будущая теща и вальком встретить может.

Володя снова заулыбался, почесал шею – видно, представив, а то и вспомнив – но потом улыбка вновь пропала.

– Эх, Дмитрий Иванович, у нас такая теща, что и в начале улицы встретить может. – и совсем уж грустно добавил: – Вчера в столовой кто-то сказал, что вы нефартовый. Два раза ходили – и два раза возвращались с копотью.

– Возвращались, Володя, возвращались. А что с копотью – так это побочное явление,

как врачи говорят... Ладно, раз уж ты меня разбудил, займусь я аппаратурой. Работать уже скоро.

Володя хотел что-то еще сказать, но, видно, передумал и пошел на свое место. Райтовские моторы мерно гудели, навевая спокойствие и уверенность, но заплаты в борту то и дело попадались на глаза...

* * *

За окном уже начинало понемногу смеркаться, когда в двери квартиры несколько раз позвонили, а потом настойчиво забарабанили. Сидевший за кухонным столом папа недовольно выглянул из-за газеты, а мама громко крикнула из комнаты «Ну, кто-нибудь откроет дверь или нет?» – и ясно было, что придется Ксеничке закрыть-таки книжку и идти открывать.

За дверью, к огромному Ксеничкиному удивлению, стояла Наташка. Вид у нее был совершенно запыхавшийся, наверное, она бежала бегом – и по улице, и по лестнице.

– Ксенька, твои родители дома? – спросила она срывающимся громким заговорщическим шепотом.

– Д-дома... – Ксеничка даже опешила. – А что?

– Тут такое дело... – начала чуть отдышавшаяся Наташка, но ее перебил громкий вопрос Ксеничкиной мамы: «Ксения, кто там пришел?» – и Наташка застыла с открытым ртом на полуслове. Ксеничка быстро сказала: «Это ко мне, ко мне, я во двор выйду!» – и, поспешно прикрыв за собой дверь квартиры, зашептала, сгорая от любопытства, так же заговорщически:

– Что случилось? Рассказывай давай!

– Сейчас, погоди только, – Наташка взялась рукой за левый бок, – я так бежала, думала сердце выскочит, ф-фу-у-ух...

– Да ладно, не тяни... рассказывай!..

– Ф-фу-у-ух... Слушай, Ксенька... у Джека день рождения послезавтра.

– Да? И что? Я это когда еще знала...

– Я тоже знала... А вот другое ты точно не знаешь! – голос у Наташки стал восторженно-торжествующий, как всегда, когда она первая узнавала какой-то особый секрет.

– Что, что? Ну, рассказывай скорей!

– Ф-фу-х... – она снова выдохнула, но уже не устало, а просто притворяясь в своей усталости и запыханности. – А ты не перебивай. Вот, слушай, он на дачу едет, и Татка сказала, что он туда приглашает отмечать день рожденья с ночевкой и вечеринку там устроить.

– Как с ночевкой?

– Как-как... обыкновенно. Ты слушай: папа его, ну Джека, и мама, они отправляют туда шофера с работы Джекова папы, чтобы вещи привезти, и домработницу – чтобы там прибраться. – Они ж на той даче не были никогда, им ее только недавно выделили, а сами только на второй день приедут...

– Ну и? Не тяни! – любопытство просто распирало Ксеничку, ей казалось, что еще немного, и она просто лопнет.

– А я и не тяну!.. Джек тоже едет, и еще два его друга какие-то, я их не знаю, а из наших – Татка и я.

– Ну так а я что? Меня ж не отпустят...

– Да ты что – не отпустят? Ксенька, ты пойми, меня ж мама тоже тогда не пустит! Я ж ей сказала, что ты уже едешь, а то она меня отпускать не хотела!

– Ну ты даешь! И что же теперь делать?

– Как что? Надо маму твою уговаривать!

– Да... да, наверное, не получится... – восторг и любопытство в голосе Ксенички совсем сменились разочарованием. – Мою маму уговорить – это, знаешь...

– Ксенька, ну давай попробуем! Ну ведь очень хочется!

– Я не знаю...

– Ксенька! – Наташкин взгляд стал совсем уж умоляющим, и она хотела еще что-то добавить, но тут дверь квартиры открылась, и на площадку выглянула Ксеничкина мама. – Ксения, что это ты тут на лестнице стоишь... Здравствуй, Наташа, что это тебя Ксеничка в дом не пускает?

– Ой, здравствуйте, здравствуйте! – быстро затараторила Наташка – А это у вас халат красивый такой... ой, и идет вам так... А я у вас хотела одну штуку спросить, за Ксению...

– Так заходите в дом, а то что же, так на лестнице и разговаривать будем?

Уговаривать Ксеничкину маму пришлось очень, очень долго. Поначалу она и слышать не хотела ни о каких поездках на дачу, тем более с ночевкой, и заговорщицам показалось даже, что все пропало, и остается только последнее средство – расплакаться, да и тогда их вряд ли отпустили бы. Но помощь пришла оттуда, откуда совсем не ждали. Ксеничкин папа, уставший ждать ужина, пришел к ним в комнату и, после того как ему, уже со слезами в голосе, рассказали о расчудесном дне рождения, и как всем можно, а одной только Ксеничке нельзя, и какие это хорошие люди – Джековы родители, и что там и домработница, и не пешком идти, а на грузовике отвезут, и привезут потом обратно тоже, и вообще бояться, хоть и за городом, нечего – потому что с ними не виданный еще девчонками, но «очень, очень сильный шофер» – после всего этого сбивчивого рассказа Ксеничкин папа погладил свой полный затылок и, не спеша сложив свою газету, сказал:

– А что же? Я думаю – пусть поедут... Мама, широко раскрыв глаза, сказала:

– Да ты что? Да ведь...

– Пойдите-ка, чай, что ли организуйте, а то я вижу, что ужина мне не видать. – сказал папа Ксеничке с Наташей и плотно прикрыл дверь в комнату.

Они сидели на кухне тихо, как мышки, уже и чай был давно готов, а они все ждали, унылые. Ксеничка все открывала и закрывала крышку на стеклянной сахарнице, а Наташка шмыгала носом и вертела чайную ложечку – но тут из комнаты наконец-то вышла мама и строго сказала:

– Вообще-то о таких вещах нужно говорить заранее... Вот я совершенно не представляю, что ты, Ксения, собираешься на эту дачу надевать. – и они бросились ей на шею с радостным визгом, а потом повисли на Ксеничкином папе, и он, деланно сердясь, проворчал:

– Ну-ка, не пищите, а то передумаем – и они тут же отскочили обратно к столу, сделав самый скромнейший и спокойнейший вид...

* * *

...Волосы мама ей накрутила на тряпочки – хотя она сначала хотела, конечно, прическу валиком, но получилось тоже просто здорово. Берет, конечно, тоже пришлось надеть, но для себя Ксеничка решила, что как только они заедут за угол, тут же она его снимет, а то что же получается – зачем она тогда волосы накручивала?

Машину она выглядывала, выбегая во двор и под арку, с самого утра, но все равно прозевала, когда они подъехали, и Наташка снова нетерпеливо позвонила ей в двери, и снова барабанила – чуть ли не ногой. К счастью, у Наташки оказался точно такой же маленький фибровый чемоданчик – а то Ксеничка чуть не расплакалась вечером, когда мама сложила ей туда вещи. Почему-то ей казалось, что она будет выглядеть как дурочка с этим чемоданом, будто не на сутки ехала, а чуть не на год... Пожилой лысоватый шофер в овчинной безрукавке подсаживал их на откинутый задний борт грузовика, а один из Джековых друзей – долговязый, в очках и пиджаке в полоску «с плечами» – подавал им руку и тоже помогал забираться в кузов. Когда подсаживали Наташку, она взвизгнула – ой, только не щекотитесь! – и чуть не свалилась с борта обратно, но ее все же втащили мальчишки – тот худощавый и второй, который был ниже и коренастее. Джекова домработница высунулась из

кабины грузовика на Наташкин визг и заторопила их:

– Поехали уж, хватит баловаться.

Мама помахала Ксеничке рукой, и, едва они с Наташкой успели плюхнуться на стоящую в кузове какую-то обтянутую кожей кушетку, где уже сидела эта вредина Татка, как машина резко тронулась с места.

– Держитесь крепче! – только и воскликнула мама, и они поехали.

Берет был стянут, растрепавшиеся ветром волосы мазнули по лицу сидевшего рядом на плетеном коробе долговязого очкарика, что помогал им забраться в машину – Ксеничка мгновенно смутилась, а у задетого ее волосами мальчишки покраснели уши – он тоже смутился. Но тут Джек представил им своих товарищей – очкарик оказался Валерой, а второй, полный, стриженный под полубокс, Игорем или, как тут же уточнил Джек, «можно просто Вэл и Джо». Машину трясло на ухабах, мальчишки не подавали виду и держались за борта, а они с Таткой и Наташкой то и дело валились друг на друга, хорошо хоть сидеть было мягко. Сидевшей посередине Наташке было совершенно не за что держаться, и она то и дело визжала – ой, держите меня! – и так они и ехали, ойкая и хохоча...

Вернулись они на следующий день, веселые, счастливые, и мама даже не ругалась, что она потеряла платок и на локте у нее была ссадина от борта грузовика...

* * *

...Она проснулась посреди ночи оттого, что папа с мамой опять громко говорили за стенкой. Они старались, конечно, говорить шепотом, но папин шепот звучал, как в бочку – бу-бу-бу... Этот разговор сначала казался ей продолжением сна. Ксеничка не подслушивала, просто сразу уже не засыпалось, а если сейчас попросить папу с мамой не шуметь, то сама же и окажешься виноватой. Слышно было, что папа сильно не в духе. Он говорил о каком-то Матвее Семеновиче, которого называл иногда просто Мотей, и все ругался на какой-то четвертый склад и каких-то железнодорожников... Потом папин и мамин голоса начали вновь сливаться в какое-то убаюкивающее гудение. Уже почти сквозь новый сон, в полудреме, Ксеничке в память врезалась странная папина фраза: «Мотю с братом взяли за их шашни с маньчжурским барахлом, хорошо если контрабанда, а то ведь могут и политику приплести». Мама что-то тоже отвечала, но что – было сквозь сон совсем уже неясно... А утром Ксеничка уже и сама не могла понять, было ли это на самом деле или только приснилось. Родителей уже не было дома, кухня была самая обыкновенная, и на столе, как всегда, стояла ее тарелка с завтраком – омлетом из американского яичного порошка и картошкой...

* * *

...Мама пришла со двора и, немного сердясь, сказала:

– Ксения, к тебе гости.

За ее спиной, на площадке, смущаясь, стоял Валера.

– Здравствуй... те... Ксения. Можно с тобой поговорить?

– Да, конечно, – Ксеничка быстро захлопнула новый Наташкин модный журнал и, как была, в домашнем платье и стоптанных шлепанцах, выскочила мимо мамы на лестницу.

Не прошло и минуты, как она влетела обратно в квартиру и, подбежав к маме, обняла ее за шею:

– Мам, ну мам, пожалуйста, ну на полчасика только! – и не успела мама кивнуть, как она побежала переодеваться. Она уже выбегала на лестницу, когда мама крикнула ей вслед: «Смотри, на полчаса, чтобы к пяти была!» – хотя сейчас было только начало третьего.

Пошли они, естественно, на бульвар. Мороженщика дяди Саши на месте не было, а была вместо него какая-то женщина в клетчатом платке. И мороженое у нее казалось не таким вкусным, как обычно – но Валера взял две порции, и они устроились на скамейке.

Она почти уже доедала свою порцию под Валеркин рассказ о том, что будут формироваться какие-то вспомогательные части, но туда берут только с шестнадцати, а у Валерки не хватает больше года, но вроде бы только начнется война, как начнут брать всех; что Джека родители отправляют к каким-то родственникам чуть ли не в Охотск, и что Джеков папа жалеет, что не продлил командировку. Валерка как раз стал красочно описывать, как они с Игорем-Джо ходили еще и к харбинцам, но тут она заметила буквально в двух шагах от себя двоих – один из них был Витька, тот самый, с которым ее познакомила Машка и который так ловко пропустил их в кинотеатр. Тем вечером, когда Витька провожал их обратно, он, не прячась, курил прямо на улице и все норовил обнять ее за талию, и видно было, что Машка сердится.

Они были словно в форме, Витька и тот второй парень – в тельняшках под пиджаками, с шарфиками-кашне на шеях. Но второй, незнакомый, был постарше и весь какой-то белесый, смазанный. В пальцах он непрерывно что-то вертел, и она никак не могла понять, что – кажется, это была какая-то монета.

Витька приподнял свою кепочку и сказал: «Мое почтение!» – присматриваясь больше к Валере, который, в свою очередь поднялся со скамейки и пристально посмотрел на незнакомцев. Он хотел что-то сказать, но Ксеничка со словами «Здравствуй, Витя» быстро потянула Валеру обратно на скамейку. Витька еще раз приподнял кепочку и пошел с товарищем дальше, и тот, белесый – он ей сразу не понравился – еще обернулся назад каким-то нехорошим взглядом. Видно было, что он что-то спрашивает у Витьки.

– Это кто был? – как бы совсем без интереса спросил Валера, и она стала рассказывать ему, что Витька – знакомый ее школьной подруги, потом начала пересказывать фильм с Хэмфри Богартом, который они тогда смотрели – оказалось, что Валера его еще не видел. Потом как-то разговор перешел на музыку и танцы, а она, болтая о пустяках, вдруг подумала – а что, если бы Валерка или Витька увидели ее, идущую под руку с Митей, дядей Митей, и что она сказала бы тогда...

* * *

...Они уже были почти дома, где-то над Тальцами, когда он вывалился откуда-то из-за облака и сразу же пошел в атаку. Первая очередь прошла мимо, но во втором заходе он влепил им по плоскости. Это был свой, свой же – но, видно, какой-то старательный молокосос, не замечавший бело-зеленые шевроны и делавший заход за заходом. Должно быть, он сдуру принял их за уже напавших немцев. Володя пытался увернуться, прерывая «... да с той старинною...» коротким «М-м-мать!» каждый раз, когда выпущенная почти в упор очередь барабанила по дюралю.

Делать надо было хоть что-то—расшпилив взятый с собой на вынужденной случай «дегтарь» и уперев его на обрез люка, он стал огрызаться. Новая очередь прошла чуть правее и сзади, за спиной гулко хлопнула аппаратура, резко потянуло горелой резиной и эбонитом. Диск быстро опустел, он бросился перезаряжать, и в этот момент очередь прошла сразу несколько блоков их бесценной аппаратуры, осколки ламп брызнули прямо в лицо – он едва успел прикрыть глаза. Утираться было некогда, и он продолжал стрелять сквозь розовую пелену, в лоб, не жалея, пока новый диск тоже не опустел, и только тогда тот чертов истребитель, пытавшийся их завалить, отвернул в сторону, оставляя за собой дымный след.

Но они тоже горели, пламя из-под юбки чихающего левого мотора лизало плоскость. До дома они уже не тянули – сбивая пламя, ребята резко бросили машину вниз и стали выворачивать на пяточок какого-то поля. Левая стойка не выходила, и сколько могли, они бежали на правой, вытягивая до последнего и надеясь, что не попадется рывины. Пламя вроде пропало, но, когда они коснулись законцовкой земли и резко крутанулись влево, калеча машину и загигая лопасти винта, оно снова полыхнуло – мгновенно охватывая все крыло. Как он ни пытался удержаться, его бросило вперед, прямо на углы блоков аппаратуры. Распахнув дверь, он стал срывать и выбрасывать их наружу, надеясь, что все же

хоть часть записей уцелеет, что не зря они ходили, бросая подальше, туда, где их хватали Володя, припадавший на ногу, и Андрей, лицо которого тоже было в крови. Они все кричали ему, чтобы он выбирался наружу, но блоки выдирались туго, с мясом, а пламя билось у самой двери... Когда полыхнуло, толкая его, успевшего, горячей волной в спину, он упал лицом вниз, и ребята поволокли его от жаркого бензинового костра...

* * *

...Как-то так получилось, что весь год они так ждали, когда же кончится учеба, а теперь, когда не нужно было ходить в школу, вдруг оказалось, что чуть не половину Ксеничкиных одноклассников родители отослали кто куда. По городу упорно шли слухи о новой войне, которая вот-вот должна начаться, и детей старались отправить к родне по деревням. Папа все чаще говорил вечером маме, что в газетах нет никакой определенности, а начальство попросту врет, и тогда мама старалась быстро отправить Ксеничку спать, будто она маленькая – но она-то совсем не дурочка...

Сегодня она решила зайти в гости к Наташке-второй, но оказалось, что и ее отправили куда-то из города. Тогда, хоть это было и далеко, она решила пойти к Светке.

Ей открыл сын Светкиной соседки. Видно было, что он только что играл – посреди комнаты между поставленных на попа книжек стояли несколько оловянных солдатиков и, похоже, игрушечный танк из картонной коробки и карандаша. Мальчик посмотрел на Ксеничку через кусок темно-зеленого бутылочного стекла и, сопя носом, сказал:

– А Светки дома нету. Она у мамки на работе.

От такой новости Ксеничка даже расстроилась – получалось, что нужно снова идти чуть не через полгорода; и потом, она немножко боялась больниц. Конечно, Светкина мама была очень добрая, но в больнице, где она работала, Ксеничке всегда становилось боязно...

У самого входа в бело-красный корпус больницы она совершенно неожиданно для себя столкнулась с дядей Митей. Голова у него была обмотана бинтом, и он говорил с маленькой, худенькой медсестрой – ростом та была не выше Ксенички и по виду ненамного старше. Он явно обрадовался ее появлению, улыбнувшись и сказав: «Вот кто меня до дома проведет», – и, разумеется, ни о какой Светке речь уже идти не могла. Одна половина лица у дяди Мити была словно обсыпана маленькими подсохшими ранками. Он по-настоящему – не понарошку – оперся на Ксеничкину руку, и она нерешительно спросила:

– Дядь Мить, а что случилось?

– Да так, пустяки, ножку подломили, – она почему-то с испугом подумала о том неприятном Витькином дружке и посмотрела на ноги дяди Мити, не понимая, шутка это или нет, но ноги были вроде целы – только дядя Митя прихрамывал сильнее обычного.

Совершенно машинально Ксеничка оглянулась. Медсестра сняла свою белую косынку и смотрела им вслед. У нее оказалась короткая стрижка, делавшая ее немного похожей на мальчика, но – показалось – с плохо покрашенной сединой.

– А... а кто это такая?

– Это Ника, медсестра, старая моя знакомая.

– А разве она старая?

– Хорошо – он чуть усмехнулся, – это моя молодая знакомая Ника.

– Чудное имя.

– Почему же чудное? Ника – богиня победы у древних греков. Но вообще-то это просто сокращение от «Вероника». У нее сестра есть – Лика. Ника и Лика. Лика, как и ты, тоже в школе учится, скоро заканчивать будет.

– А откуда вы их знаете?

– У них был еще брат Сережа, мы с ним вместе служили.

– Был?

– Да... – он замолчал, и улыбка мгновенно погасла. – Он сгорел в сорок четвертом под Иманом. Вот... а Ника с медсанбатом не сегодня-завтра поедет на Ишим.

* * *

...Они решили пойти с Машкой в церковь. Ксеничка не знала, можно ли ей туда идти – она была некрещеная. Когда-то давно мама рассказывала, как еще до войны папа был в командировке в Ленинграде на какой-то папиросной фабрике – Ксеничка никак не могла запомнить, имени кого, – а мама тогда приболела, и Ксеничку отвезли к Ксеничкиной бабушке, маминой маме, в Мотовилово, на речку со смешным названием Сережа. Бабушка собралась уже Ксеничку покрестить – она была, по маминым словам сильно верующая. Но тут и мама выздоровела, и папа раньше вернулся – Ксеничку забрали от бабушки, и они втроем поехали в Кисловодск. Кисловодск Ксеничка не помнила совсем, а от бабушкиного дома помнила какой-то темный сруб и злых гусей, которые вытягивали шеи и пытались ее ущипнуть, и которых она ужасно боялась. А потом бабушка умерла, и Ксеничку так и не покрестили.

Но Машка сказала, что это ничего не значит, и нужно обязательно пойти и поставить свечки за здоровье, потому что их пап заберут на войну. Только нужно обязательно повязать в церковь платок на голову. Ксеничка спросила – а можно за двух людей две свечки поставить? – и Машка быстро ответила – конечно, можно. Они немного помолчали, и Машка спросила – а за кого вторую? – и после смущенного Ксеничкиного: «Один... ну, знакомый...» – сказала, совсем даже не смеясь. – Я тоже две поставлю, а то вдруг и его заберут, или еще что...

В церкви на площади было не очень светло, как-то странно пахло, и было от всего этого немножко страшновато. Людей было много, почти все это были женщины – постарше и помоложе, и даже совсем молодые – но было тихо. Машка, наморщив лоб, зажгла свои свечи от уже горевших и, поставив их, перекрестилась. Ксеничка сделала все, как она, и, не зная, можно ли ей или нет, неловко перекрестилась тоже. Рядом с Ксеничкой и Машкой стояла какая-то молодая женщина с совсем маленьким, еще грудным ребенком, который спал у нее на руках. Она беззвучно шевелила губами, и Ксеничка поняла, что она молится, но сама не знала ни одной молитвы и стала просто просить – беззвучно, про себя – чтобы не убило ни папу, ни Митю, никого-никого, ну пожалуйста... Свечек горело очень много, воздух дрожал, волнами наплывало тепло, а желтенькие огоньки, казалось, плыли прямо в лицо. Если бы только у нее было с собой больше денег, она поставила бы десять свечек или даже сто – только бы все были живые...

* * *

...Он чистил свежесваренную картошку в мундирах, подстелив на стол вчерашнюю «Сибирь» и дуя на пальцы. Чесались жирафы пятна синяков и ссадины на ребрах – после посадки «с копытю», – и он чесал их тыльной стороной ладони, чтобы не вымазать майку картошкой. На языке крутилось подхваченное сегодня в штабе у телефонисток «... что вы плачете здесь, одинокая бедная девочка...», а из распахнутого настежь окна слышно было, как где-то играют в футбол. Руки делали все сами, а в голове шла совсем другая работа – он перебирал частоты, позывные, активность станций и видел сейчас вместо окна и темнеющего прямоугольника неба, карту Манчжурии и Монголии, и треугольники флажков на ней – вскрытые штабы дивизий, полков, батальонов, отрядов...

Там, за речкой, солдаты прятались в кишках комарами камышах, сидели до ночи без воды – но он видел их, видел их всех в тоненьком писке их запеленгованных раций, и знал, о чем сейчас думают их командиры...

* * *

Мама послала ее в магазин, идти было недалеко, но дорогу ей преградила военная

колонна. Вообще-то это были еще не солдаты, а только мобилизованные – они шли на вокзал. Те, что постарше, были в старых гимнастерках и пилотках – с прошлой войны...

Она стояла и смотрела на них – как они идут, молодые и старые, один за другим. У них были такие лица, что стыдно было за всех, кто не идет рядом с ними в строю. Рядом с колонной шла какая-то молодая женщина, и по лицу у нее катились крупные слезы, она все смотрела на кого-то в колонне, и шла, и плакала. Ксеничка вспомнила, как уходили колонны два года назад, когда напали японцы, и ей стало стыдно, потому что вот они уходят, туда, на запад, а она здесь, со всякими глупостями в голове...

Вот и вчера, вспомнила она, Машки дома не было, и Ксеничка собралась уже идти обратно домой, но, на беду, ее перехватила Машкина соседка Зинка, которая еще в прошлом году бросила школу и устроилась работать в магазин. У нее сегодня был выходной, и сначала она рассказала, когда, куда и к кому именно Машка с матерью пошли снимать мерки, и когда вернутся – получалось, что уже скоро – а потом и вовсе завела пустой разговор обо всех встречных-поперечных. Ксеничка не знала, как ей отделаться – пришлось усестись рядом с Зинкой на серую каменную приступочку забора. Зинка сняла туфли, выставив босые ноги на тротуар, и, почесывая вымазанную сажей коленку, стала перемывать косточки прохожим. Казалось, она знает полгорода – но обо всех она знала почему-то только гадости. Когда мимо проходила какая-то полная женщина в цветастом платье, у Зинки прямо-таки загорелись глаза, и она, жарко дыша в Ксеничкино ухо, стала рассказывать об этой женщине такое, отчего краснела даже спина. Казалось, что все на улице сейчас слышат то, что шепчет Зинка, и думают, что Ксеничке тоже приятно такое говорить и слушать.

Потупившись, Ксеничка снова увидела выставленные босые Зинкины ноги, увидела, что ногти у нее на ногах тоже, как и на руках, покрашены вишневым лаком. Она подумала, что Зинка, видно, для того и разулась, чтобы всем было видно – и с ехидством подумала, что брови-то у Зинки выщипаны, а одна нарисована чуть наискось – и от этого ей стало как-то легче. Да и ждать пришлось действительно недолго – Машка с ее мамой скоро появились из проулка, и от Зинки все-таки удалось оторваться.

Машкина мама внимательно выслушала переданную Ксеничкиной мамой просьбу – зайти насчет построения нового костюма для Ксеничкиного папы, – но уходить от них не хотелось. Во-первых, дура Зинка могла все еще сидеть на приступочке – да наверняка еще сидела, – а во-вторых, Машка давно уже обещала показать ей совершенно особенный способ вышивания меток, а Ксеничке давно уже хотелось вышить такое «К» с завитушечками на своем платке...

И сейчас, вспомнив все это, и еще ту медсестру Нику, она даже разозлилась на себя, на всех – за завитушки, ногти, брови и костюмы.

А последним в колонне шел папа Юрки Своротных. Он увидел Ксеничку на краю мостовой и махнул ей рукой – и она изо всех сил замахала ему в ответ и побежала следом, не чувствуя, что плачет...

* * *

...Она остановилась на лестнице вытряхнуть туфлю – и так и замерла с туфлей в руке, потому что сверху спускался он, в форме, перетянутой ремнями, с вещмешком за спиной.

Ксеничка вдруг поняла, куда он уходит, и потянулась к нему руками, не замечая, что в одной из них снятая туфля, и стоит она на площадке полубосая...

– На войну, да? – спросила она, и была уже в ее голосе такая слеза, такая дрожь...

– Ну что ты, Ксеничка, – попробовал отшутиться дядя Митя. – Какая война, так, обычная командировка.

Но у него ничего не получилось. Она бросилась ему на шею и, порывисто обняв, прошептала прямо в ухо:

– Только не умирайте там, ну пожалуйста! Я вас ждать буду! – и, залившись краской до корней волос, побежала к себе в квартиру.

Оставшись стоять, он молча поправил фуражку и, найдя папиросы, закурил. Зажигалка, как всегда, заработала только с третьего раза. Покулив у окна на площадке, он оглянулся на Ксеничкину дверь и, подхватив с полу чемоданчик, стал быстро спускаться.

* * *

Светка прибежала к ней с такими глазами, что видно было сразу – она узнала что-то совершенно разтакое и новостью срочно нужно поделиться.

– Ксенька, они точно в городе! Я сама их только что видела!

– Кто? – слегка ошалело спросила Ксеничка.

– Да ты что? Как это кто – американцы, конечно. Летчики. Мой сосед, ну дядя Петя – он же на заводе работает, он еще вчера на кухне говорил, что они приехали... то есть прилетели... – она перевела дух. – А сегодня, представляешь, я прохожу через площадь, а они там заходят. И представляешь – глаза ее стали совсем уж огромные, – у них водитель весь черный.

– Врешь! – восторженно выдохнула Ксеничка – с изрядной долей зависти к Светке, которая сумела первой узнать такую новость. Светка приняла обиженный вид:

– Ничего не вру! А не веришь – пойди сама и посмотри на них.

И они пошли смотреть – на площадь, где возле штаба действительно стоял новенький автомобиль, а в нем действительно сидел водитель-негр. Не решаясь разглядывать его совсем уж внахалку, они пару раз прошли мимо, как бы невзначай. Черный – «ну совершенно», как восторженно прошептала Светка – водитель сидел невозмутимо и, казалось, даже дремал. Но, видно, он их заметил, потому что вдруг подмигнул и улыбнулся – на черном лице улыбка его казалась особенно белой. Они, смутившись и испугавшись, убежали за угол, чтобы смотреть уже оттуда. Какая-то старушка, видно сослепу чуть не налетевшая на американскую машину и внезапно разглядевшая водителя, попятилась назад, уронив свою кошелку, и стала креститься, громко шепча: «Свят-свят-свят»... Ксеничка со Светкой громко захихикали. Остальные прохожие тоже невольно оборачивались на необычного водителя. Где-то через полчаса еще три американца – самых обыкновенных, отличимых от наших только формой – вышли и, усевшись в машину, поехали – наверное, на левый берег. Жалея, что так мало увидели, Ксеничка со Светкой стали спорить, кому из подруг рассказать теперь такую новость...

Пойти они решили сначала к Машке. По дороге Светка восторженно сказала:

– А знаешь, какие у них самолеты? Они, наверное, не то что до Москвы, они до Берлина долетят и все там разобьют!

А Ксеничке вдруг стало страшно. Она вспомнила, как немцы бомбили Москву – когда она была еще маленькой, когда ей было восемь лет. «Здесь же нет метро, – подумала она. – Куда мы будем прятаться?..»

* * *

...Собственно, в Петропавловске его командировка и закончилась. Молниеносные новости перехватили его в штабе фронта, и он даже не понял, какое чувство испытал, прочтя и перечтя их – облегчение? радость? Или просто почувствовал, как наваливается разом усталость последних недель и месяцев? Наверное, все-таки больше всего – усталость, потому что первой мыслью, кажется, было – «Ну все, теперь можно отдохнуть...»

«Завтра, – успел подумать он, прежде чем голова коснулась планшета, положенного вместо подушки на жесткий валик какого-то штабного дивана, и мгновенно навалился сон, – уже завтра все начнется сначала – хотя и мир...»

Сон пришел – такой же, как и во все эти недели – еще не мирный. Ему снилось, что остался только он и дюралево брюхо «дугласа», что мир исчез, оставив от себя только слепок в эфире – позывные, частоты, пеленги. И бесконечным полем разворачивались перед

ним утыканные флажками карты Монголии, Манчжурии, Урала и каких-то неведомых, еще необстрелянных земель, где только предстоит развернуться чьим-то дивизиям и влиться в слепок мира первым выходом штабной рации в эфир...

* * *

Она сидела в углу кухни, а мама с полотенцем и поварешкой в руках куховарила у плиты. Слово «куховарить» Ксеничка подхватила у Милы, Людмилы Георгиевны, и оно ей страшно нравилось. Мама, как всегда, говорила что-то о дороговизне продуктов и как «ничего не достанешь», но Ксеничка слушала в пол-уха – она-то знала, что деньги в доме были, а покупает мама все и так почти только на рынке. Видно, мама заметила, что она смотрит, скучая, в окно, и ворчливо начала:

– Я смотрю, ты меня слушать совсем не хочешь. И вообще... – но закончить не успела, потому что хлопнула входная дверь, и папа не вошел, а скорее вбежал в квартиру и, бросив на стол газету, обнял ее и маму. У него было такое лицо, что мама испуганно прижала к груди руку с полотенцем, а у Ксенички замерло сердце. Ей стало страшно – а вдруг и ее папа тоже уходит на войну, как Юркин папа и Наташкин брат – но папа радостно сказал:

– Все, все, войны не будет!

Огромными буквами на первой странице было написано: «Переговоры в Томске!». Мама повертела в руках свое полотенце, не зная, куда деть, бросила его, не глядя, на стол и обняла папу, а Ксеничка тоненьким голоском закричала: «Ура! Папку не убьют!» – и мама, вытерев глаза, сказала: – Ну что ты, как дурочка... – и папа снова обнял их обеих. Принесенная папой газета свалилась на пол и развернулась посередине. На развороте тоже, наверное, что-то было написано про переговоры и про мир, только что именно, Ксеничке не было видно от слез...

* * *

...Из окна она увидела, как дядя Митя выкатил свой мотоцикл из сарайчика и стал протирать его тряпочкой. Стараясь не шуметь – папа с мамой в комнате обсуждали какие-то свои дела, – Ксеничка выбежала во двор. На нижней площадке она остановилась, чтобы отдышаться и поправить волосы, и подошла к нему, когда он как раз уселся на мотоцикл и пару раз погазовал.

– Дядь Мить, а вы куда собираетесь ехать?

– Да, в общем-то, никуда – вот, проветрю свою лошадку, – он похлопал мотоцикл по баку так, словно он действительно был живой.

– А меня ну хоть разочек покатаете на мотоцикле? – она посмотрела на него искательно.

– Так почему бы и нет? Давай садись!

На всякий случай оглянувшись – не смотрит ли кто на них? – Ксеничка вскарабкалась на заднее сиденье смущенно, не зная, как пристроить задравшийся выше колен подол платья. Ефим Иосифович из второй квартиры не обратил на них никакого внимания – он, блестя лысиной, сидел на пустом фанерном ящике и, глядя на вешавшую белье Стешу, пил из бидончика принесенное с рынка пиво. А больше во дворе никого не было.

Дядя Митя резко дернул с места, так, что она едва не свалилась, и он, повернув голову, быстро сказал: «Хватайся крепче!» – и Ксеничка обняла его обеими руками, прижимаясь вся к его кожаной куртке. Желтые листья поднялись за ними шлейфом, и они вылетели под арку и на улицу. Ехали они очень быстро, ветер рвал и трепал ее платье, а на поворотах дядя Митя так сильно наклонял мотоцикл, что казалось, они вот-вот упадут – но было совсем не страшно, а здорово.

Они выехали на набережную, переехали по мосту на левый берег и, миновав железную дорогу, остановились у излучины, за озером. Дядя Митя заглушил мотор мотоцикла, и они

уселись на берегу. От реки несло прохладой, Ксеничка зябко повела плечами, и он накинул ей на плечи свою кожанку. Говорить ни о чем не хотелось, и они просто сидели рядом, молча, и смотрели на воду. Береза, вся словно осыпанная багрянцем, изредка роняла на них свои листья.

Наверное, надо было о чем-то говорить, в книжках в таких местах обязательно говорили о чем-то таком... Она даже чуточку смутилась и посмотрела на дядю Митю – но он молча курил, пуская дым в сторону и придерживая одной рукой куртку у нее на плечах. Тихонько, как бы невзначай, а может, и впрямь не замечая этого сама, она прижалась к его плечу.

Когда он спросил: «Ну что не замерзла?» – она замотала головой, хотя, конечно, жарко ей вовсе не было. Видно, он понял это, потому что сказал: «Нет, давай все-таки поедem», – и пришлось с сожалением вставать. К подолу пристала пара опавших листьев, и пока она отряхивалась, дядя Митя завел мотоцикл. А потом они снова понеслись, и она крепко держалась за него. Кожаная куртка теперь была на ней, а ветер рвал и трепал его гимнастерку, и Ксеничка с непривычным чувством подумала – не простудился бы...

Когда они выехали к мосту, дядя Митя вдруг остановился и, повернув голову, сказал:

– Давай заедем на Народную к Пете с Милой.

Это было неожиданно, и чуть опешив, Ксеничка спросила:

– А у них сегодня никакого праздника нету? А то я опять не готова буду...

Он усмехнулся.

– Да какой там праздник – обыкновенное воскресенье. Чего ты боишься?

– Я не боюсь, просто...

– Ну раз просто – поехали.

И они снова помчались – по мосту и по бульвару, и какая-то собачонка попыталась их с лаем догнать – но куда там, они ведь мчались как ветер и даже быстрее ветра...

Петр Прокопович сидел на низеньком стульчике возле крылечка, выставив вперед одну ногу – точнее, протез, – и чинил парусиновые туфли. Увидев их, подъезжающих, он обрадовался и громко позвал жену, откладывая в сторону инструмент:

– Милочко, выходи, до нас молодята у гости!

Что такое «молодята», Ксеничка не знала, но догадалась и чуточку покраснела. На крыльцо вышла Людмила, из-за ее юбки, сверкая глазами и сжимая в кулачке понадкусанный кусок хлеба, выглядывала девочка лет трех. Она была похожа на маму – и лицом, и волосами, убранными в косы, и передником с оборками.

Людмила радостно пошла им навстречу, вытирая на ходу руки. Девочка смешно потопала за ней, все так же прячась за юбку, но, увидев, что мама здоровается с незнакомцами, подошла к Ксеничке и, подергав ее за подол, доверчиво сказала:

– Тетя, а у нас котятки родились. Хотите, покажу?..

* * *

...Занятия начались только в середине сентября, учиться в школе было скучно, с самого начала Ксеничка катилась на четверках и троечках, но дома ее не ругали. Папа был весь занят проблемами у себя в снабжении, и по вечерам они с мамой чаще о чем-то напряженно разговаривали на кухне, чем интересовались Ксеничкиными успехами в школе. В классе разговоры были теперь только об американцах – оказалось, что это не «настоящие» летчики, а «аэродромная обслуга», как заявил Сережка, доставший откуда-то – наверное, оттуда же, откуда и столь ценную информацию – американскую пилотку. Учителя требовали, чтобы он ее снимал хотя бы на уроках, и он нехотя подчинялся. Джек, хоть он и просидел лето на даче, говорил теперь, что собирается переходить в кадетский корпус, который собирались открыть в городе харбинцы. Никто пока толком не знал, что это такое, но Джек важно добавлял – «а потом в военное, на летчика». Зная английский, он сразу после школы отправлялся к клубу авиаторов – да, в общем-то, половина класса делала то же самое. А Наташка, собрав вокруг

себя на перемене кружок, в лицах показывала, как ее соседка таскала за косы свою дочь возле клуба, и как они громко ругались прямо посреди улицы.

На бульваре вечером она встретила Машку с Витькой. На Машке была юбка по новой моде – с воланом, такая, что даже коленки было видно, – но это было еще полдела. На Витьке вместо пиджачка поверх тельняшки была американская летчицкая куртка, за скатку засученного рукава была как бы небрежно заткнута пачка сигарет—тоже, наверное, американских, с большим красным кругом на пачке. Даже прическа у него была теперь точь-в-точь как у большинства американских летчиков.

Наверное, в глазах у Ксенички был немой вопрос, потому что гордо державшая Витьку под руку Машка сказала:

– Американцы тоже есть-пить хотят, – а Витька с деланной ленцой достал свои сигареты и, закурив, довольно добавил:

– А то!..

Витьку Ксеничка тоже часто видела возле клуба авиаторов, но, по словам Машки – она все-таки не удержалась и на второй день все рассказала – самая золотая жила была прямо возле казарм, и там – по Машкиным же словам – было Витькино «законное место работы»...

* * *

Те новости, которые сообщили ему сегодня из Омска, напрямую из штаба ВВС, были не просто отличными – они были ошеломительными. Таких возможностей, такого простора для работы ему не давали еще никогда. Жаль только, что теперь, похоже, дело шло к тому, что придется менять насиженное место, а за полтора – да, полтора года он уже успел пустить здесь корни. Он вышел на улицу и стал на ходу раскуривать сигарету. Глубоко затянувшись и оглядевшись по сторонам, он только теперь заметил, что идет дождь, и спрятался под козырек у входа в соседнее здание.

В этом месяце им вместо привычных папирос выдали сигареты – в ярких пачках, но с совершенно отвратительным вкусом. «Как это союзники такую дрянь курят? – подумал он, убирая их в карман шинели, – Или специально для нас такие делают?» Разглядывая сигаретную пачку, он вдруг поймал себя на том, что совершенно по-дурацки улыбается. Остановившаяся рядом с ним под козырьком полная женщина, возившаяся с зонтом, подумала, наверное, что улыбка направлена в ее адрес, и, гневно поджав губы, пошла дальше, все так же пытаясь открыть непослушный зонт.

Он посмотрел ей вслед с прищуром и улыбкой – и, вдруг, повернув голову, увидел Ксеничку. Она шла прямо на него, совершенно не замечая, очень грустная, промокшая, и это было совсем не дело. Он махнул ей рукой и окликнул, и она, наконец-то увидев его, улыбнулась – хотя видно было, что все равно осталась грустной – и быстро подбежала к нему под козырек. Стараясь не подавать виду, он стал расспрашивать ее о каких-то пустяках, чуть ли не об этом самом дожде, и она отвечала – часто невпопад, и было видно, что что-то ее не отпускает...

...Было так здорово, что она его увидела, но она совсем не знала, как сказать то, что очень хотелось. Может быть, он заметил, а может, догадался – потому что вдруг посерьезнел и сказал: «Ну-ка, признавайся...» И она, как на духу, рассказала ему о своем дне рождения, который не состоится, потому что из-за работы папе нужно срочно ехать во Владивосток, и он увозит туда и маму, и ее – как раз именно сейчас. Хотелось еще рассказать о том, что у папы какие-то ужасные проблемы на работе, что мама с папой, все чаще, громко бранясь, обсуждают папины снабженческие дела, что, по папиным словам, мама не знает удержу в тратах, и поэтому они тоже ругаются, и что ей так грустно от всего этого... Но вместо этого, совершенно неожиданно для себя, она вдруг сказала:

– А давайте вы сегодня ко мне в гости придете? Ну, как бы на день рождения?..

Он длинно затянулся сигаретой и, чуть помолчав, спросил:

– А твои мама с папой против не будут?

Ксеничка искательно посмотрела на него снизу вверх и быстро сказала, что мама пошла к подруге гадать на картах и до вечера не вернется, а поздно вечером – точно не придет и будет только с утра. Папа тоже придет со своей работы неизвестно когда, и... – она еще хотела сказать, что ей страшно вечером одной в квартире, и что можно будет взять мамины любимые чашки, а если Митя захочет выпить – папин графинчик и самые красивые рюмочки с золотым ободком – но замерла и просто посмотрела на него, снизу вверх...

...Она так смотрела на него – совсем еще по-детски наивно, и говорить «нет» было нельзя, а сказать «да» нельзя было тем более...

– Знаешь, – он щелчком отбросил подальше, в дождь, окурок, – у меня есть другой вариант... – Молча и с надеждой она смотрела на него. – Может быть нам посидеть с тобой где-нибудь?

– Правда? – она доверчиво глянула на него снизу вверх, изумленно и восторженно распахнув глаза.

– Конечно, правда. Куда ты только захочешь. Извини, я не приготовил подарка, но...

– А... а в «Гардению» можно? – прошептала она чуть слышно, заливаясь краской до ушей.

– Ну конечно! – он чуть усмехнулся. – Только давай зайдем домой, а то я в затрапезе.

– Пойдемте тогда скорее! Видите, дождь уже перестает! – она ухватила за его руку как за спасательный круг, а дождь на самом деле и не думал заканчиваться, но столько счастья было в ее глазах и голосе, что он не стал возражать – и они пошли к дому...

Уговор был, что они переоденутся, и он зайдет за ней через час. Сам-то он только сменил китель на новый, «генеральского прямо сукна», как уверял его тогда старенький портной—правда, с тесноватым воротом, да сырую шинель на кожаный плащ. Хотя он и прибавил еще минут двадцать к запланированному часу, но все равно поспешил, и когда, спустившись, позвонил, то услышал из-за двери быстрый топот босых ног и спешное Ксеничкино «Сейчас, сейчас!» Усмехнувшись, он спустился чуть ниже, приоткрыл окно на площадке – холодные капли барабанили в железо подоконника, брызги летели на площадку – и закурил. Сигарета как раз заканчивалась, когда наверху хлопнула дверь, и раздался негромкий голос: – Я готова, пойдем?..

Да, такой он ее никак не ожидал увидеть. На ней было новое пальто – он знал такие, их шили из верблюжьих английских одеял – и новая шапочка, которая очень ей шла. Она подкрасила губы и стала казаться совсем взрослой и какой-то немного незнакомой.

Волнуясь – он и сам не ожидал от себя этого – он взял ее под руку, и они вышли на вечернюю улицу. Легко, одним движением, она распахнула зонт, и он, поднимая его вверх, подумал, что точно запутался бы в зонте и сумочке – а Ксеничка подумала, что хорошо бы успеть вернуть мамину сумочку на место, да и помаду тоже...

Она совершенно не знала, как вести себя в ресторане, тем более в «Гардении», казавшейся ей каким-то чудом света, и от этого совсем растерялась. А дядя Митя чувствовал себя совершенно спокойно. Как у себя дома, он провел ее к столику, чуть придерживая за локоть – она чувствовала жесткую кожу его ладони и то, что краснеет от этого ощущения, и видела, как из-за соседнего столика молодая женщина в черном платье посмотрела на них – на Митю, – и вдруг почему-то подумала, услышит ли он запах маминых духов, пробкой которых она мазнула себе шею – и покраснела еще сильнее...

* * *

До отъезда в этот уже ненавидимый Ксеничкой Владивосток оставалось совсем мало времени, и мама постоянно твердила, чтобы она «даже не думала простужаться». Сегодня мама велела спать под стеганым одеялом, но в квартире было тепло, а под этим одеялом и вовсе жарко, и Ксеничка, разметавшись, проснулась среди ночи – хотелось пить. Полусонная, не одеваясь, она пошла на кухню, шлепая по полу босыми ногами и натываясь сквозь полусон на углы и двери.

На кухне за столом сидели папа с мамой и снова то ли спорили, то ли ссорились.

– ...Ну как ты не понимаешь! Ну что это такое – просто вынь да положи эти деньги, так что ли? Да как же ты не понимаешь, что сейчас нас трясут, как грушу?! – нервно говорил папа, он сидел спиной к двери и не видел, что вошла Ксеничка. Мама с некрасиво злым лицом схватила его за руку, чтобы он замолчал, и резко сказала Ксеничке:

– Чего ты не спишь? Немедленно отправляйся к себе! И не ходи босиком!

Папа тоже повернулся, и стало видно, что лицо у него все в бисеринках пота:

– Ксения, ну что за привычка такая!..

Воды расхотелось, но она упрямо налила себе в чашку из холодного чайника и стала пить. Все это время папа с мамой молча следили за ней и ждали, когда она пойдет спать и не будет им мешать. Под их сердитыми взглядами она допила свою воду и вышла, плотно прикрыв за собой дверь – и тут же снова начался их спор шепотом, становившимся все громче.

Вернувшись к себе, она посидела на кровати – сон пропал, – а потом, затолкав ненавистное одеяло в изножье, улеглась лицом к стене, обхватив руками поджатые к животу колени и натянув сорочку до самых щиколоток. Очень хотелось поплакать, и чтобы мама пришла, как приходила раньше – но Ксеничка знала, что сейчас мама не придет...

Когда папа ушел утром на свою работу, Ксеничка не слышала, но мама, словно извиняясь, сразу после завтрака потащила ее в магазин на Большую, в заветный кондитерский отдел. Но не хотелось ни леденцов, ни тянучек, ни даже шоколада, а хотелось, чтобы мама просто обняла и посидела рядом – а мама все говорила, говорила без умолку и совала ей в руки бумажные пакеты...

Дома все эти пакеты мама свалила на столе в комнате, стала разворачивать какие-то еще свертки, приговаривая непонятно: «Всей-то нашей радости сейчас – успеть в новом походить», – а ей было просто грустно. Сказав маме «я сейчас приду», она поднялась наверх. Захотелось попрощаться с ним, сказать, что уже завтра она уезжает, что будет скучать и надеется, что ее увозят ненадолго, сказать все – но его не было дома, и злая соседка сказала, что «когда будет – бог весть» и что «черти его носят». Стало совсем грустно. Она спустилась на площадку ниже и стала смотреть во двор, прижавшись к стеклу окна. По ногам тянуло холодом, но она, не замечая этого холода, не замечая, как от ее дыхания мутнеет стекло, тихонько шептала то, что так хотела сказать. Так хотелось, чтобы он сейчас пришел, но его все не было, и слышно было, как мама уже зовет ее через окно во двор...

* * *

Критическим взглядом он осмотрел свою опустевшую комнату, где за последнюю неделю бывал только изредка, а теперь вот и вовсе выходило с нею окончательно попрощаться. После того, как в обед он отправил большую часть своего нехитрого скарба на станцию, осталось упаковать только самую малость из вещей. Жалко было мотоцикла, который никак не увезти с собой. Как всегда, когда все сборы делались загодя, получилось, что осталась уйма времени, и вот теперь он сидел на кровати, понимая, что остается только закрыть полностью собранный чемодан, увязать новенький овчинный полушубок – и все. Откуда-то с кухни, от репродуктора, донеслись сигналы вечерних новостей. Машинально он посмотрел на часы и прикинул, сколько еще до отправления эшелона и что ему лучше сделать – выспаться прямо сейчас за всю эту неделю или оставить сон на дорогу и остаток вечера гульнуть. Но принять решение он не успел – из-за двери донеслись какие-то непонятные звуки, будто кто-то чуть слышно постучался и, кажется, всхлипнул.

Рывком поднявшись, он открыл дверь и замер на пороге – в коридоре стояла Ксеничка.

Она, наверное, как раз собиралась еще раз постучать, потому что так и замерла с поднятой рукой. Видно было, что с ней стряслось что-то страшное – пальто было вымазано сажей и ржавчиной, и на лице тоже была сажа, и на ней дорожки от слез.

– Дядя Митя... – чуть слышно прошептала она. – Митенька... впусти меня,

пожалуйста...

Не говоря ни слова, он втянул ее в комнату и усадил на стул.

Она молча сидела, все так же бездумно, механически запахивая полы пальто с оборванными пуговицами и глядя в окно. Тихонько он взял ее за руку – она дернулась – и, присев перед ней на корточки, негромко сказал: «Рассказывай...» – а она заплакала, громко, не сдерживаясь, вздрагивая всем телом, склонившись, чуть не падая, уткнувшись лицом в его плечо. Пару раз она пыталась начать говорить, но никак не могла и только изо всех сил вцеплялась в его руки.

– Ну-ну-ну... тихо-тихо... – повторял он, а она все плакала и все никак не могла выплакаться, но наконец ее плач стал совсем тихим, и она только дрожала, прижимаясь к нему. Высвободив одну руку, он погладил ее по волосам и еще раз негромко попросил:

– Рассказывай...

И она начала говорить о том, как на станции Могзон в их купе вошли трое, в шинелях, с пистолетами, и сказали папе – вы арестованы. У папы вдруг мелко-мелко задрожали руки, а мама побелела лицом и словно окаменела, и ей сказали – вы тоже... Их вывели на перрон и завели в какой-то дом, там, на станции, а потом прибежали еще двое солдат и стали вытаскивать из вагона их вещи... Она никак не могла понять, что происходит, ей казалось, что это какой-то страшный, страшный сон, но вернувшийся солдат приказал и ей одеться и выходить. Ей велели сесть под стеной, рядом с вещами, а вокруг, казалось, мгновенно стало пусто, и люди обходили ее, не глядя... Их поезд тронулся и поехал без них, вагоны, гремя на стыках, все быстрее пролетали мимо – а она сидела под стеной станции на мамином чемодане и хотела только одного – проснуться. В какой-то момент она вдруг увидела, что рядом никого, и пошла, бежать она не могла, очень хотела – но не могла. Она, наверное, обошла всю станцию кругом, потому что вновь вышла к рельсам, но уже у какой-то маленькой будочки. Какой-то товарный поезд медленно проходил мимо – и она смогла зацепиться и влезть на пустую площадку вагона, она чуть не сорвалась и больно ударилась о ступеньки и поручни, но как-то удержалась – сама не зная как. Было все равно, куда увозит ее этот поезд – хотелось просто уехать, убежать подальше от этой страшной станции. Чудом оказалось, что этот поезд шел обратно, домой. Здесь, в городе, поезд все никак не хотел останавливаться, и ей стало казаться, что он вообще никогда, никогда не остановится, но он все же остановился где-то совсем далеко от вокзала, она не знала, как оттуда выбраться, кругом были сцепленные между собой вагоны, и нужно было лезть под ними, и где-то лаяли собаки и гудел паровоз...

Он молчал, сказать ему было нечего, но она посмотрела на него с такой надеждой и мольбой...

Он еще раз погладил ее волосы и плечи, и негромко сказал – просто чтобы хоть что-то сказать:

– А давай-ка я тебе лицо вытру...

Она замерла, не шевелясь, а он ладонью стал стирать копоть и ржавчину, потом достал из чемодана полотенце и снова стал вытирать ей лоб, и щеки, и шею. Выговорившись, она вновь молчала, и только губы ее дрожали, а на шее билась тоненькая жилка, и он вдруг по-иному увидел ее и понял со всей определенностью, что же он должен сделать.

Он снял с нее, безучастной, пальто и надел ей в рукава свой полушубок. Ксеничка безвольно подчинялась ему, руки ее полностью утонули в длинных рукавах, и он подвернул их:

– Вот так и носи... с обновкой тебя...

– Спасибо, – машинально ответила она, не выходя из оцепенения и не поднимая головы, а он продолжал:

– Я завтра еду в Омск в семь ноль-ноль... – она испуганно посмотрела на него, и он скороговоркой добавил: – И ты едешь со мной.

– А как же... – она вздрогнула и прикрыла ладонью рот.

– Никаких «а как же» не будет. Я знаю, что мы сделаем...

Молодой месяц нехотя освещал проулок с лаявшими из-за высоких заборов собаками.

Обходя подернутые ледком необъятные лужи, они подошли к неприметному дому, и дядя Митя постучал в ставню. На их стук из дверей почти мгновенно, будто ждала, вышла сгорбленная старуха, похожая лицом на печеное яблоко. Видимо, она признала дядю Митю, потому что сразу же открыла калитку,пустила их во двор и в дом. Постучав в низенькие двери комнаты, она молча показала на гостей длинным худым пальцем выглянувшему из дверей невысокому благообразному старичку в вязаном жилете. Видно было, что он удивлен таким гостям, но старается не подать виду.

– А, Дмитрий Иванович, Дмитрий Иванович! Не забываешь-таки старика! И не один пожаловал, а с барышней! – широко улыбаясь золотозубой улыбкой, он пошел им навстречу. – Что же? По делам?

– По делам, Мокей Ильич, по вашей профессии...

– Вот оно как... – улыбка Мокея Ильича не пропала, но в голосе почувствовалась явная настороженность. – Ну пойдемте в мои хоромы, милости прошу... голову, Дмитрий Иванович, осторожненько, не расшибите – у меня здесь низенько, ну так и я невелик...

Он пропустил их в комнату и вошел следом, плотно прикрыв дверь, по-хозяйски уселся за массивный стол, так что пискнул стул под его с виду тщедушным телом, и, потирая руки, посмотрел чуть искоса на гостей, севших на зеленом полосатом диване с зеркалом и слониками. Ксеничке было очень страшно, хотелось сесть поближе к Мите, но для этого нужно было встать – а она боялась даже просто пошевелиться. Между тем старичок-хозяин снова улыбнулся и, как бы непринужденно, спросил:

– Что же за дело у вас ко мне, любезный Дмитрий Иванович?

– Мокей Ильич, нужно быстро сделать временное удостоверение личности этой девочке, – ответил дядя Митя спокойным ровным голосом. От этих слов улыбка старика вдруг перестала отдавать фальшью, стала настоящей:

– Хорошо, Дмитрий Иванович. Завтра с утра на работе все сделаю честь по чести...

– Нет, это нужно уже сегодня, и... – на скуле Мити дернулся желвак, – частным порядком.

Высоко подняв кустистую седую бровь, Мокей Ильич посмотрел на Митю, а потом на Ксеничку:

– Дмитрий Иванович... впрочем. вам виднее. Если так нужно...

– Я знал, что вы меня поймете... Мне это действительно нужно.

Мокей Ильич смешно пошевелил бровями и кожей, и его очки в круглой железной оправе сами съехали со лба на нос. Одновременно он достал из ящика стола желтоватый листок бумаги и карандаш.

– Я весь внимание, Дмитрий Иванович, весь внимание... сейчас набросаем метрику... Как же теперь будут звать вашу красавицу?

– Круглова Ксения Викторовна.

– Круглова?... однако же это ваша фамилия, мон шер Дмитрий Иванович?

– Вот именно, Мокей Ильич. Вы пишите, пишите... Круглова Ксения Викторовна, тридцатого года рождения, октября двадцать третьего, русская, уроженка Москвы... замужем за Кругловым Дмитрием Ивановичем...

Ксеничка испуганно взглянула на него снизу вверх, но он сжал ее руку, которую все это время удерживал своей, и продолжил:

– Замужем за Кругловым Дмитрием Ивановичем, брак оформлен в городе Иркутске, сего, сорок шестого, октября двадцать шестого...

Мокей Ильич машинально взглянул поверх очков на висящий на стене календарь, почесал карандашом за ухом и, чуть усмехнувшись, сказал:

– Це-це-це... Ну-с, пока я буду заниматься своим скучным и неинтересным делом, вы

пока на кухне почаевничайте... Марусенька! Организуй самоварчик! Вам, Дмитрий Иванович, конечно, все и так ведомо, но, знаете ли, не люблю, когда во время работы сидят над душой...

Они вышли на кухню. Ксеничка, словно оцепеневшая, шла следом за Митей, держа его за руку, он сел за стол, на некрашеную лавку, и Ксеничка тоже робко примостилась – но не рядом, а на самом краю. Маруся – открывшая им дверь старуха в черном платке – молча поставила на стол начищенный медный чайник, чашки, деревянный короб с колотым сахаром и так же молча вышла из кухни. Спокойно, будто дело происходило у него дома, дядя Митя налил чаю и пододвинул ей одну из чашек. Ксеничка взяла ее обеими руками и тихонько отпила, даже не замечая, что забыла положить сахар.

Дядя Митя первым нарушил молчание, похлопав рядом с собой по лавке:

– Придвигайся ближе... теперь все уже должно быть хорошо...

– Ми... – она пододвинулась и посмотрела на него. – Митя... а кто этот Мокей Ильич?

– Человек хороший... Главное, что ты с документами теперь будешь. Может, дома расскажу, что да как... Ты пей чай, пей, отогревайся... время у нас есть передохнуть, а времени болеть и простужаться – нету совсем...

Ксеничка вздрогнула – и вспомнив, впрямь почувствовав себя зябко, хоть в доме и было жарко натоплено, и сильнее запахла тулупчик.

Чаевничать им пришлось долго – лишь часа через два Мокей Ильич позвал Ксеничку, чтобы сделать фотокарточку. Молчаливая старуха дала ей щербатый гребень, чтобы поправить спутанные волосы, и чудовищного размера пудреницу. А потом еще пару часов они ждали, когда наконец-то будет готов документ...

Собаки громко лаяли им вслед, но это уже не имело совсем никакого значения. Держа его за руку, она спросила:

– А Мокей Ильич – он кто?

– Мокей Ильич? – Он посмотрел на нее. – Он бывший фальшивомонетчик... а теперь он работает... впрочем, это неважно... Он мне был обязан, а теперь уже нет.

– А он...

– Он человек хороший, – он чуть усмехнулся, непонятно было только – искренне или невесело, – человек хороший...

* * *

Они тихо проскользнули с черной лестницы в комнату. Дядя Митя достал из стоявшего на столе чемоданчика бутылку, хлеб и колбасу, оглянулся по сторонам, поискал взглядом и достал стакан и чашку, почему-то стоявшие на шкафу. Остановившаяся посреди комнаты Ксеничка не знала, что ей делать, но он сказал: «Присаживайся, присаживайся, в ногах правды нет» – и она послушно опустилась на кровать, только теперь заметив, что сетка прикрыта одним только тощим голым матрасом.

Нарезав хлеба и колбасы, дядя Митя налил себе и ей и протянул чашку:

– Вот... осторожно, это коньяк... С днем свадьбы тебя... Ксеничка залпом проглотила коньяк и тут же закашлялась, да так, что из глаз брызнули слезы. Он сел рядом, похлопал ее по спине, обнял.

– Знаешь, не думал, что так получится... но ты со мной, и тебе больше бояться нечего, – он замолчал и посмотрел в черное окно, в котором отражалась желтая лампочка. Ксеничка дотронулась до его плеча и тихо сказала:

– Поцелуйте... поцелуй меня, пожалуйста...

Он помедлил, и она, закрыв глаза, сама потянулась к нему губами...

* * *

Когда он вернулся, она еще не просыпалась. Все в ней, спящей, было совсем еще

детским — и ладошки, сложенные под головой, и тихонькое посапывание, да и сама она, свернувшаяся калачиком. Тулупчик, которым он укрыл ее, когда уходил, почти сполз на пол. Он поставил принесенный с собою чемодан на стол, легонько потормошил ее за плечо, и она тут же проснулась и села на кровати, прижавшись спиной к стене.

— Тихо, тихо... все хорошо, это я. — Он сел на стул. — Вот посмотри, здесь вещи в чемодане... подбери, в чем поедешь.

— А... а откуда все это?

— Помнишь, в госпитале—Ника и Лика? Я сходил к Лике, пока ты спала, разбудил ее. Это Лика собрала тебе вещи из своих и сестры...

Ксеничка машинально огладила на коленях свое мягкое платье, нерешительно посмотрела на чемодан, и Митя поторопил ее:

— У нас маловато времени... лучше будет, если нас увидит как можно меньше народу. Ты переоденься — он махнул рукой, показывая на чемодан, — а я пока на кухне покурю...

Когда минут через двадцать он вернулся, Ксеничка как раз заканчивала застегивать беленькую блузку. Все ей было почти впору и на первое время вполне могло сойти.

— Как приедем на место, обошьем тебя по размеру, — закончил он вслух свою мысль, и Ксеничка с благодарностью улыбнулась ему. Она начала было сворачивать косу в привычную «ракушку» на затылке, стала искать на столе шпильки, но потом, спохватившись, что их нет, так и замерла — видно было, как задрожала ее рука.

— А это все куда? — спросила она негромко и показала на оставшиеся в чемодане вещи. — Это же нужно вернуть...

— Это все уже твое... собирайся и пойдем.

Когда они спускались по лестнице, Ксеничка замерла у двери своей квартиры и сжала Митину руку.

— Ну-ну, пойдем, пойдем... нам нужно спешить. И не нужно плакать, — он вытер ей глаза и прижал к себе, обняв за хрупкие плечи. — Пойдем же... — Он вновь подхватил чемоданы. Ускоряя шаг, они пошли, пошли от двери, двери ее дома, двери, за которой уже никто и никогда не будет ждать ее из школы, двери, за которой никогда не прозвучит столь нелюбимое: «Ну где же тебя носит?» — и любимое мамино: «Доброе утро!»...

Идти им было далеко, на левый берег, на Сортировку. Холодный ветер на мосту силился сбить с ног, но Митя шагал, широко ступая, чуть впереди, прикрывая ее от порывов ветра, а она шла следом и все глядела на спину его перетянутой ремнями шинели. Она шла следом и не замечала даже, что по щекам ее катятся слезы — то ли от ветра, то ли от всего того, что оставалось сейчас позади...

Людмила Белаш Александр Белаш Ночная смена (Киноповесть)

Было прозрачное иссиня-серое осеннее утро. Царила тишь. Только слабо и сипло свистел ветер, поднимая то крутящуюся вихрем, то летящую волнами пыль, затеявая хороводы порывевших, выцветших бумажек и рваных полиэтиленовых пакетов. Сор, палая листва, наносы сухой грязи жались к выщербленным железобетонным поребрикам с торчащими усами тонкой ржавой арматуры. Иссохший бурьян и мертвая, примятая дождем трава заплонили давно неухоженные газоны и клумбы, почти терявшиеся в победившей дикой поросли. Исчахли и обнажились нижние ветви елей у крыльца. Окна административного корпуса посерели от насевшей пыли, кое-где выбитые стекла обнажали неподвижную и непроглядную темноту пустых комнат.

Длинные заводские корпуса вдоль широкого проезда замерли в бездыханном сне. Толстое волнистое стекло громадных, в два этажа, окон тоже стало пепельно-матовым, его пересекали молнии трещин. Местами проемы в стальной обвязке, краска на которой вспузырилась и отошла осыпающейся скорлупой от ржавого металла, были закрыты вместо стекол потемневшими и покособившимися фанерными щитами на болтах-стяжках или же

лоскутами витой железной сетки.

Тишина. Один ветер пел свою заунывную песню, играя мусором и гоняя по захламленному безлюдному пространству вуали летучей пыли. Замки на воротах цехов. Где-то вздрагивал и приподнимался порывами ветра изъеденный коррозией лист жести, беспрерывно и монотонно ударяясь о крышу, и звук этот плыл в мертвом воздухе, заполняя пространство. Бюст мужчины с волевым крепким лицом, стоящий посреди клумбы на квадратном надолбе, был обколот – такие пощечины оставляет разве что лом.

– В Москве семь часов утра, – бодро объявил голос радио в пустоте. За забором, огораживающим пустынный завод, раздалось шарканье шагов и невнятный разговор, в котором среди бормотания прозвучал протяжный зевок, потом долгий вздох и надсадный кашель.

По улице проехал автофургон, затем к дому с почтовым ящиком подрулил пикап с белой полосой наискось на боку и орлом с фельдъегерскими рожками – ПОЧТА РОССИИ – на дверце; мужчина, выметнувшись из-за руля, подsunул свой жесткий парусиновый мешок под ящик. Запоры щелкнули, торба слегка отвисла, приняв небогатый груз почты.

Почтовый пикап встроился в редкий поток машин, взбравшихся на путепровод над громадной канавой, по дну которой натужно дымящий тепловоз волок череду лоснящихся черных цистерн. Городской гул нарастал, движение становилось гуще; на площади, в центре которой высился граненый штык-обелиск, уже вертелась карусель автобусов, грузовиков и легковушек. На зеленый призыв светофора со стоном тронулся и заторопился троллейбус, за ним спешно ринулись «газели», иномарки, лобастая фура с козырьком-обтекателем над кабиной и табличкой «ПУСТОЙ» за ветровым стеклом. Двухсекционный автобус – «папа с мамой» – разинул двери-челюсти и вытошнил на остановку кишачий человеческий обвал с его будничными репликами: «Ты куда прешь?! что, обождать нельзя?!» – «Да сзади толкают, чего вы орете?!»

– Да ладно вам, хорош с утра заводиться, – бросил Вадим, парень в облегающей вязаной шапке, небрежно распахнутой черной куртке на синтепоне и джинсах; сходя с автобусных ступеней слегка приплясывающим шагом, он широко вскидывал колени и пристраивал к уху дутую пуговицу на тонком проводке. Вадим замешкался на пути тех, кто стремился хлынуть в салон. На миг он задержал посадку, за что удостоился криков: «Ты выходишь или нет?! Встал тут!» Кто-то мельком оглянулся, неприязненно поморщившись, когда из наушников Вадима, вывернувшегося между лезущих в автобус людей, ударила лязгающая техномузыка – такое впору танцевать между станков у конвейера.

Вадим, сразу забыв о перепалке в пассажирской толчее, зашагал к зеву подземного перехода, все так же бросая вперед ноги и чуток вихляясь на ходу. Покачивая головой в такт ритму, он делал губами немое «уа-уа»; взгляд его был расплывчат – еще не сошла с глаз пелена недавнего сна – и напоминал о трансе, сомнамбулизме и тому подобных состояниях.

Достав сигаретную пачку, Вадим недовольно убедился, что она пуста. Сняв плотную бумажную коробочку в комок, он поискал глазами подходящую мишень и, сощурился, быстрым движением метнул отслужившую упаковку сквозь разорвавшееся на миг людское скопище в далеко стоящую урну. Толстый краснолицый мужчина хмуро и зорко проследил путь комка от руки до урны и с удивлением покачал головой – надо ж, попал! Вадим, перехватив взгляд, с улыбочкой пожал плечами и развел руками – вот, мол, как ловко!

* * *

В многолюдном тоннеле, разветвленном буквой Y, вдоль стен тянулись слитные ряды ларьков – часть пока закрыта рольставнями, другие распахнуты. За витринами пестрели плотно разложенные товары – шапки, майки, лифчики, трусики, часы, куклы, ламинированные булки и коржики. Отгородив выпяченными задами свое скудное хозяйство от прохожих, грузные тетки с хрустом раскладывали вдоль кафельных стен листы пластика и выставляли из клетчатых сумок кто алебастровые вазочки, кто стопки шерстяных носков;

банки солений, жареный арахис в стаканчиках. Вадим, упоенный музыкой, гибко лавировал между идущими, на ходу приценился к орешкам, засунул голову в табачный киоск и вынырнул с пачкой сигарет, зубами отрывая ленту оболочки. Музыка настойчивым, ударным ритмом прорывалась в его быстрых, но невнимательных взглядах, в слабых рывках головой. Казалось, весь тоннель почти незаметно пританцовывал вместе с Вадимом, и парень даже полуприкрыл глаза от удовольствия, улыбаясь блаженно и криво.

Гул нарастал. Топот десятков, сотен ног приглушил его мелодию в плеере; откуда-то над головами идущих сиропной струйкой полилась другая музыка – старинная, медленно-переливчатая, слитная с певучим и высоким женским голосом.

Быстро, но без спешки, ни с кем не сталкиваясь, некий высокий молодой человек шел сквозь поток пешеходов так размеренно и скромно, словно хотел попасть в резонанс с общим движением и раствориться в нем. Он был в немодной матерчатой кепке, распахнутом длинном пальто с заправленным в карманы и обвисшим сзади широким поясом; под серым пальто виднелся двубортный пиджак стариковского фасона, брюки с подчеркнутыми стрелками лежали на добротных, но давно и топорно сшитых ботинках. Он нес коричневый чемодан с приклепанными накладками на уголках, не иначе как вынутый из-под бабушкиной кровати—такие фибровые уродцы, оклеенные изнутри чем-то вроде блеклых обоев в цветочек, обычно хранят «смертную» одежду пенсионеров, тряпки, собираемые из жалости и жадности, а также целые династии моли.

Музыка, сопровождавшая Вадима, вдруг сбилась, превращаясь в тянущиеся, басовитые обрывки, между ними явственно стало возникать мерное, гулкое маршевое биение, и вот – торжественно и грозно зазвучали трубы. Сталкиваясь с прохожими, Вадим целеустремленно потянулся к одной из витрин – она светила сквозь мельтешащие фигуры, словно покачиваясь в ритме его петляющих шагов. Все ближе. Рядом. Вплотную!

Вадим улыбнулся, медленно двигаясь вдоль полок и неотрывно глядя на яркие коробки, где старинные краснозвездные танки стояли среди иззелена-желтых трав, а командир в шлеме, по пояс поднявшись из открытого люка, зорко высматривал в бинокль – что там дымится в степях у Халхин-Гола?.. А вот экипаж у бронемашин. Орудийные расчеты готовы открыть огонь, и уже вскинута рука, взмах которой означает залп. Ладный «ястребок» косо прорезает белые облака, а вдаль по голубизне падает, растягивая грязный дымный хвост, черный хищник из легиона «Кондор». Фигурки солдат из набора выставлены в ряд – офицер зовет в атаку, подняв свой ТТ, бойцы встали из окопа – иглы штыков нацелены вперед. Вадим заставил себя оторваться от манящей экспозиции и, расставаясь, оглянулся на нее через плечо.

Пока Вадим брезгливо и туманно озирает на ходу бомжа, притулившегося в сыром углу, пытаясь угадать, жив ли тот, человек с чемоданом, оглядевшись коротко и пристально, посмотрел на свои наручные часы. 07:32. По губам его пробежала бледная улыбка нежности – и вновь лицо стало замкнутым и безразличным.

Он остановился закурить, скрыв осторожные глаза под козырьком кепки – распахнув картонную коробку «Герцеговины Флор», выбрал белыми пальцами папиросу, красиво и умело смял мундштук, чиркнул колесиком массивной бензиновой зажигалки и стильно пустил дым, любуясь сизой струей. Чемодан стоял за урной.

Вадим двинулся к выходу из тоннеля; парень в кепке повернул в другую сторону.

Чемодан остался.

Люди шли и шли, ежеминутно меняясь, галдя, покупая. Автобусы прижимались к остановке, вываливая новые людские массы. Ручьи и потоки пешеходов кишели, растекаясь от павильона по тротуарам, замедляясь у ларьков, вливаясь в магазины.

– Клав, это ты, что ли, приволокла? – тетка с полотенцами кивнула на чемодан соседке; та помотала головой, пожав плечами.

Согнувшись у старого, из кладовки вынутого чемодана, тетка с полотенцами потрогала черную ручку, попробовала поднять – о, тяжеловат! – потом пригнулась, приблизив ухо к чемодану.

Внутри отчетливо раздавалось звучное тиканье—тик-так, тик-так.

— А... — обернулась она к соседке с алебастровыми вазочками и амурчиками, но тут тиканье оборвалось щелчком.

Грохот взрыва сдернул с места все, что стояло, лежало, двигалось в тоннеле. Огненная волна прошла стремительно клубящимся палящим поршнем, разбрасывая ключья людей и вещей, срывая с потолка жестяные плафоны люминесцентных ламп. Когда вспышка угасла, в подземном переходе воцарился дымный мрак с лохмотьями мятущегося пламени; вместо недавнего гомона звучал истошный крик, чей-то сбивающийся на всхлипы визг, мычание боли и вопли: «Помогииитеее!..»

Среди пылающего хлама, в который превратилось содержимое витрин, горели изорванные картонные коробки с танками и самолетами, и плавилась, обтекая огнем, черная фигурка офицера, поднимающего в бой солдат.

* * *

Ветер, подметавший территорию безлюдного завода, замер, будто прислушиваясь к далекой пульсации сирены. Взгляд бюста на постаменте был устремлен туда, откуда доносился звук тревоги. Из, казалось бы, навек заглохшей трубы с сипением заструился пар. Что-то неясно загудело в закрытом пустом цехе, словно начало раскручиваться маховое колесо, изнутри по стеклам проползла расплывчатая тень; затем окна озарились шуршащей голубоватой вспышкой, как будто от сварки.

Крыльцо обсажено елями. Почти беззвучный полет вверх по ступеням. Дверь распахнулась. Полутемный коридор побежал навстречу, в унисон торопливым шагам мелькая провалами дверей, где на миг открывались и исчезали кабинеты с бледными квадратами оконного света на пустом запыленном полу. Поворот. Лестница. Где-то в глубине здания ритмично всплескивала дрожь телефонного звонка. Мелькнувший силуэт ворвался в дверь, донесся отрывистый, чуть хриловатый голос:

— Где? Площадь Победы?

Парень в матерчатой кепке, идущий по улочке с густо натыканными магазинчиками, вздрогнул на ходу и резко оглянулся через плечо, как на окрик, прошептав с ухмылкой нескрываемого злорадства:

— Вот так. Тик-так!

* * *

Часы незримо шли сухой дребезжащей поступью дешевого китайского будильника; шаги мерно отсчитывали залитые бестеневым светом проходы среди морозильных ларей, набитых крабовыми палочками, заиндевевшими окорочками и окоченевшей стручковой фасолью. Скользкие плитки проходов уходили в белую даль магазина, в мясной отдел, где за скошенными стеклами витрин громоздились сосиски и колбасы, а поверх них маячили желтые головы продавщиц. Видеокамеры величиной с яйцо глядели вдоль стеллажей на груды пакетных супов и шеренги растворимого кофе. Тик-так, тик-так.

Хладнокровно жующий молодой мужчина с наголо обритым черепом, несгибаемой выправкой киногероя и окаймляющей рот тонкой черной рамочкой стильных усов и бородки остановился в проходе и красиво вскинул руку, чтобы браслет часов выпростался из-под кипенно-белой манжеты. Он с видом наполеоновского маршала, угадывающего момент атаки, покосился на циферблат — темный костюм сидел на нем идеально, а бейдж «ОХРАНА» величиной с ладонь сиял, как ценник на манекене.

— Дмитриевна, запускай, — едва кивнул он сизой головой. Прошаркав к дверям, мелкая согбенная бабулька в синем халате отперла задвижку, и в магазин, озабоченно бормоча, полезли люди с опухшими, щетинистыми лицами, неряшливые и нечистые, кто зажав в руке замусоленные мятые десятки, кто на ходу пересчитывая монеты в ладони, шевеля губами и

тупо хмурясь. Среди них через никелированный турникет в зал протолкался и Вадим, своим свежим видом выделявшийся из похмельной братии. Немного оскалась в нарочито глуповатой улыбке, он наклонил набок голову, криво глянув на бейдж охранника; тот безразлично смерил Вадима скользящим взглядом и, сцепив руки за спиной, установился на расставленных на ширину плеч ногах. Из прохода неспешно выступил второй безлико выглаженный парень с бейджем, и охранники переглянулись, жуя почти в такт, словно говорили на беззвучном языке.

Ханыги отползали от водочного отдела и выстраивались к кассе. Вадим нес бутылку, крепко взяв за горло и с недоверием рассматривая этикетку.

– И пакет, – сказал он кассирше.

На кассе висели пакеты с изображением верблюда на фоне грандиозного завода и надписью: «ТРУД ДЕЛАЕТ ГОРБАТЫМ».

Вадим возился с пакетом, пробуя засунуть в него непослушную бутылку, а синяя бабушка, расталкивая ранних покупателей плещущим ведром и волоча за собой по полу мокрые лохмотья швабры, сварливо приговаривала про себя:

– За вами мыть впяттером не успеешь. Кто будет ноги вытирать? Кому тряпку постелили? Молодой, а с утра водку жрать...

– Иди ты дальше, – беззлобно бросил Вадим, совладав с бутылкой.

– Кончай, Дмитриевна, – проплыл мимо охранник. – Ты чего, не выспалась?

– До кишок достанут, – оживился Вадим на слово поддержки, но секьюрити не удостоил его вниманием, зато синяя бабушка забурчала вслед:

– Поживешь, сколько я – тогда и обзывайся. Чтоб мне тут всякие говорили!.. У меня муж без ног, я сама из детдома.

В сердцах она махнула шваброй. Вадим легко увернулся от шлепнувшей по полу водянистой бороды.

– Из дурдома. Че, был день открытых дверей? И много вас убежало?

Но уборщица удалялась, пугая шваброй посетителей и горячо, но глухо продолжая с болезненной гордостью мученицы рассказывать историю своих мытарств, при этом угрожающе оглядываясь на Вадима:

– Кости варили с картошкой... Поешь косточки-то, поешь!.. Бычий хвост ели...

Вадим немного задержался поглядеть, как охранник непринужденно и сильно, как за дверную ручку, взялся за рукав криворотого дедка:

– Отец, платим за вермишель.

– Где?! – встопорщился дед с возмущением.

– Быстренько платим, не будем смотреть по карманам. Вадим полюбовался, как у парня с бейджем все здорово получается.

На выходе он с удивленным интересом отследил два микроавтобуса «скорой помощи», с воем мчащихся друг за другом. И вообще сирен на улице звучало как-то слишком много.

* * *

На стоянке перед офисом внимание Вадима привлекла редкостная черная автомашина довоенной марки; оглядев ее со всех сторон, Вадим заглянул в офис с опаской, на всякий случай так же придурковато улыбаясь. Здесь охранник был седой, с газетой, в камуфле на широком крепком теле отставника.

– К кому?

Вадим поглядел на стенные часы. Минутная стрелка, щелкнув и дернувшись, перевалила на новую отметку.

– К Брыкину. У меня тут сестра работает.

– Сумочку показываем, паспорт достаем, – сухо и привычно велел охранник, уставясь на Вадима немигающим взглядом питона. – Кто сестра?

– Лида, секретарша.

Лидка скатилась в вестибюль по лестнице – на невообразимых шпильках, с густым слоем оптимизма на лице, в штампованных пластмассовых очочках, зависших на кончике носа, отчего она всегда держала голову вскинутой, как цапля в зоопарке.

– Сергеич, я ж тебе сказала – брат придет!

– А я за так и пушу, что брат, – Сергеич расплылся от удовольствия созерцать гладкую, аппетитную секретульку. – У меня все записаны, – прихлопнул он ладонью по амбарной книге и добавил строже: – Потому что терроризм.

– Ты на Вадьку погляди! – тыкала Лидка наманикюренными перстами. – Где тут терроризм?!.. Ты водку принес? – нахмурилась она.

– Во! – Вадим потрянул сумкой.

– Ну, идем.

Взгляд охранника провожал Лидку с прицелом на арбузы ягодиц, перекатывавшихся из стороны в сторону под дешевым сукном самострочной, в обтяжку, юбки. Тонкие лодыжки, мощные икры с рисунками-цветками на чулках, толстые ляжки – Лидка покоряла вызывающей, дразнящей плотью.

– Вадька, всегда ты опаздываешь, – песочила она братишку. – Я тебе когда велела прийти, а? А сейчас сколько?

– Да я вовремя приехал, – оправдывался он, – но вкругаля идти пришлось, всю площадь обходить. Ты знаешь, что там было? Взрыв в переходе! кто-то бомбу заложил... Все оцепили, кругом менты. А ведь я там шел минут за десять до того! Чуть бы задержался – и готово. Прямо не верится.

– Мастер ты на отговорки; лучше молчи, чем врать-то.

– Кто врать, я?! – вскипятился Вадим. – Ты не слышала, как бахнуло? Новости погляди, там покажут!

– Есть мне время ерундой заниматься, новости смотреть... Я шефу говорила про тебя, – от кипучего характера Лидка обгоняла Вадима в спешной ходьбе по коридору. – Он не против. Сразу ставь на столик. У нас как у людей, все через стакан начинают. Шапку дурацкую – сними. Блин, ну ты постригся!..

– Нормально, – Вадим огладил короткие ершистые волосы, озираясь на девок, проходящих мимо с кипами скоросшивателей; девчонки пошептались и, оказавшись позади, расхохотались.

– Выпрямись, а то как крючок гнутый. Ну-ка, сделай радость на лице! Представь, что миллион выиграл. Нет, два! Ну вот, теперь похож на человека. Пал Андреич, привела! – Лидка втянула Вадима в кабинет.

Лидкин шеф так плотно занимал собой помещение, что входящие невольно плющились по стенке; одна Лидка вела себя тут вольготно, как рыба в аквариуме. Круглоголовый Пал Андреич издал горлом одобрительный звук и сделал толстой пятерней какой-то неопределенный гребущий жест, словно перебирая струны; спохватившись, Вадим выдернул бутылку и водрузил ее на стол.

– А! – кивнула шарообразная голова. – Лидок, дай стакашки. Закусь, чего там?

– Сырок, лучок, балычок.

– Ставь.

Отворив литую дверцу сейфа, Лидка извлекла десертную тарелку с объедками. Шевеля пюзом, Пал Андреич скрутил пробку и набулькал себе граммов сто.

– Ты че, не пьешь?.. Не стой как чужой, наливай. Ну, за поколение «пепси»! – сглотнув дозу, Лидкин шеф захрустел повядшей половинкой луковицы. – Значит, Вадик. Мне Лидунчик про тебя доложила.

Вадиму ни соглашаться, ни даже говорить не требовалось – только слушать.

– Короче, принят. Завтра в ночь приступай. Завод... – шеф, не глядя, ощупал на столе бумаги, вынул лист, заглянул в него и сморщился. – Лидок, найди-ка...

– Вот, – безошибочно выхватив, Лидка подала нужную бумажку.

– Ага, оно. Улица Третья Промышленная, БМЗ, сам найдешь. Дед там в охране сидит,

он все покажет. Завод на слом опечатан, чтоб никто лишний не шлся, ясно? Что пропадет – с тебя вычту. Ты что, немой?

– Так точно! – браво брякнул Вадим, изображая понимающего и надежного служаку.

– Ну, клоун! – укоризненно покачал щеками шеф. – Лид, откуда у тебя такой брательник?

– Он двоюродный.

– А я думал – юродивый. Ни кожи, ни рожи. Только для тебя беру, учти. Мне с улицы никого не надо. Надо с взо, ты понял? «Рогачка», диплом – это все кошка чхнула, нет ничто. Чувствуешь? – рывкнул он и загоготал. Вадим растерялся, на его лице вновь проступила жалкая улыбочка. – Сторож из тебя, как из дерьма пельмень. Иди, работай.

* * *

Вадим красовался у трельяжа в новеньком, корбящемся на плечах мышастом комбинезоне с маскировочными разводьями и почетными нашивками – на груди желтым по черному «ОХРАНА», круглая блямба в виде раскинувшей крылья пучеглазой совы над строкой «СПЕЦИАЛЬНОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ», на плече латунная эмблема в форме щита со звездой и латинскими литерами.

Можно подбочениться, заложить пальцы за ремень и вскинуть голову, железно сомкнув губы и глядя на всех змеиными глазами. А еще лучше надеть темные очки – или зеркальные! Вадим примерил – супермен! Резиновая дубинка воинственно и тяжело висела в петле на поясе – как ее выхватывают? Вот так. И многозначительно похлопывают по левой ладони.

Он описал дубинкой стремительный круг, затем быструю сложную петлю; словно игрок в гольф, перехватил оружие двумя руками и винтом развернулся на месте – о-па! И еще – снизу вверх, и сразу вниз и влево. Вот как мы умеем.

Он не сдержал гордую улыбку, любясь собой в зеркале, потом крутанул дубиной небрежно, как-то очень залихватски – и она, вырвавшись из руки на половине взмаха, полетела в сторону. Вадим резко выбросил руку и поймал ее в полете, но длинная и вредная палка свободным концом звучно брякнула по телефонному столику, свалив баллон дезодоранта, рожок для ботинок, флакон и книжку расчетов за электричество.

– Вадя, ты что там творишь? – в тревоге выглянула с кухни мать. – Ты своим дубьем все переколотишь! Телефон не разбил?!

– Да не, мам, ничего! Это я случайно, – Вадим поспешно восстанавливал порядок, нарушенный резиновой палкой.

– Ты на работе так не развернись случайно. Засветишь в глаз напарнику – по судам затаскают. Климов своим «москвичом» кошке хвост переехал – когда, отец?!

– В прошлом году! – отозвался из комнаты батя.

– ...и до сих пор не расплатился!

– Таких кошек не бывает. Скажи еще – «москвич» продал за ту кошку.

– Не «москвич», зато вторую дачу с машиной навоза и емкостью – продал. И сервант продал, на остановке его объявление висело. Кошка была элитная, породистая... отец, сколько долларов стоила?

– Тысячу! или две!

– Надо было в сейф кошку запереть, а не по улице гулять, – Вадиму представилась кошка персидская в сейфе, как она там ест с тарелки, а Пал Андреич с Лидкой внутрь заглядывают. – Ее чего, с помойными котами скрещиваться выпустили?

– На руках вынесли, воздухом подышать, а она спрыгнула.

– Нарядился? – вышел в прихожую отец. – Дай погляжу, какой ты в форме. «Поворотись-ка, сынку...» А ничего, красиво смотришься. Тебе шлем какой-нибудь дали?

– А как же! – Вадим горделиво нахлобучил кепи на свою купую стрижку.

– Вылитый полицаи.

– Бать, ты иногда скажешь, как гроб закроешь, – скуксился Вадим.

– А уши у нее отстегиваются? а она теплая? – озаботилась мать, подходя ближе и вытирая руки о фартук.

– Ма, я не маленький!

– А голова простынет? Ты о здоровье думай, пока молодой, потом поздно будет. Дядя Витя знаешь почему такой, все лицо набок? это ему в форточку надуло! Возьми свою вязаную шапочку; если станет холодно – надень. И шарф.

– И еще шубу! три штуки, одну на другую!..

Обреченно понимая, что предки не отвяжутся, пока не добьются своего, и комкая во рту новый язвительный ответ, Вадим со стонущим вздохом пронырнул к себе в комнату, схватил и смял шарф, наметился пихнуть его в карман, но воровато оглянувшись и затолкал шарф под подушку.

– Я взял! – выкрикнул он бодрым голосом исполнительного человека.

– Зима придет – тебе должны дать тулуп. Сходи и попроси заранее.

Чтобы не гавкнуть что-нибудь особо едкое и дерзкое, Вадим для успокоения устался на свои полочки. Там красиво стояли модели – танки, броневики, самолеты, шеренгой выстроились стойкие оловянные солдаты, а стена за коллекцией была оклеена советскими рублями.

– Ты слушай, что мать говорит, – назидательно молвил отец. – По КЗОТу спецодежду обеспечивает работодатель.

– Ой, ну достали, сдаюсь! – нервно закрутился Вадим.

– Зря дубинкой не маши. Сейчас такие люди, что убьют не глядя. Вон в переходе чего натворили с бомбой, ужас! еще пятеро в больнице умерли. Где твой свисток? Чуть что – свисти громче и беги от них.

– Чао, я погнал! – еле пробился Вадим к выходу.

– Куда?! еду забыл!

Рыча, Вадим цапнул сумку с «тормозком» и вырвался из квартиры, но, постояв на площадке, пошел не вниз, а вверх. Этажом выше он позвонил в чужую дверь и встал, сделав гримасу, приличествующую безжалостному и сильному стражу порядка, опустив козырек кепи до носа.

– Кто там? – опасливо спросили из-за двери.

– Гражданка Пилишина здесь проживает? – пробасил Вадим измененным голосом. – Откройте, милиция.

– Вадь, это ты?.. – в проем высунулась Иришка, утконосая девушка с мелкими глазками, на тонких ножках, щуплая, чернявая и прилизанная.

– А ты как узнала? – задрав козырек, обиженно спросил Вадим.

– По ушам. Таких ни у кого нет, – мило съязвила Иришка. – Почему в форме?

– Вот, – Вадим встал пофотогеничнее, чтоб все было видно и смотрелось выгодно: и комбез, и дубина, и берцы. – Я теперь служу в охране. Военно-промышленный объект. Спецавтобусом до КПП, система пропусков, потом в бункер, – он понизил голос, – под землю. Сдал отпечатки пальцев и крови пятьдесят кубиков.

– Кровь... а зачем? – заинтригованная Иришка на шаг выступила к нему, пряча свои бледные и неошипанные курьи ножки под полами халатика.

– Чтоб опознать останки в случае чего, по белкам. Про взрыв на площади слыхала? Там все подбирают, будут экспертизу делать – чьи клочки. И у нас на работе...

– Что, в бункере опасно? – тихо спросила Иришка.

– Извини, подписка о неразглашении, – Вадим повыше вздернул голову и выпятил кадык.

– От радиации трусы свинцовые – надел? – спросила соседка совсем уже шепотом и прыснула тонким смешком.

– Иди ты, – расстроился Вадим, увядая; картинная поза его сошла на нет.

– По белкам... – безжалостно хихикала Иришка. – Тебя по желткам опознают!

– Заболтался я, автобус ждет, – Вадим сумел вновь посуроветь. – Бай-бай, пошел

служить Отечеству. Жив буду – зайду.

– Вадя! Ты это... – нахмурилась Иришка, перегнувшись через перила вслед убежавшему, – сперва дезактивируйся! Вам молоко за вредность выдают?

– Оно тебе нужней! – заорал Вадим снизу, издалека. – Выпей литр, заешь крапивой!!

С лязгом тройного замка растворилась железная дверь по следу Вадика, и дряхлая седая голова в очках пронзительно заскрипела, брызгая слюной с синюшных губ:

– Не кричите! Здесь пожилые люди спят!

– В семь вечера спят только на кладбище!! – зычно отбреднувшись, Вадим вылетел из подъезда, грохнув дверью на прощание.

* * *

В автобусе – конечно, в заурядном рейсовом ЛиАЗе – «скотовозе», завывающем и трясущемся всеми сочленениями, – Вадим держался молодцом, на уровне военного курсанта. Садиться не стал, поскольку с дубиной сидеть неудобно. Всех рассматривал свысока и искоса, ожидая, не бросит ли кто вызывающий взгляд. Он был уверен, что все смотрят на него – и точно, кое-кто, кроме кондуктора, обратил на него внимание. Опять девчонки шептались, фыркая и – никаких сомнений! – насмешливо стреляя в его сторону глазами.

На одном из поворотов Вадиму открылась пригородная равнина – над проблеском речной излучины четко чернел сквозной решетчатый пролет железнодорожного моста, а за рекой, над затуманенным полем, играло красными сполохами неясное далекое зарево.

Автобус выгрузил его под путепроводом и, пьяно кренясь, ушел дальше по маршруту. Перед Вадимом простиралась улица с подслеповатыми огнями редких фонарей, скупо освещавших старые трехэтажки с большими мутными окнами. Пешеходов почти не было, машин – и того меньше. Слева в замусоренном скверике, рядом с высохшей чашей фонтана, стоял на тумбе неизвестный цементный мужчина в кителе, коренастый и бравый, покрытый облупившейся бронзовкой. Проверив по табличке, что это 3-я Промышленная ул., Вадим побрел, потерянно поглядывая по сторонам. Наконец навстречу ему попала толстая женщина, охотно и длинно объяснившая здешнюю географию:

– Бэ-эм-зэ? да вы прямо туда идете. Не ошибетесь, там тупик. У ворот пушка стоит. А вправо – медсанчасть, за ней речка-вонючка и железная дорога. Не сворачивайте, БМЗ слева, по пушке увидите. А там никого нет, кого вам надо? Кого ищите, фамилия какая? я всех знаю, я там нормировщицей...

– Я в охране, сторож, – забормотал Вадим, спеша удалиться от слишком любопытной дамы.

– Да-да! Вы следите! – закричала женщина вдогонку. – Оттуда цветмет тащат, станки разбирают! Ворюги проклятые! Нет хозяев, все разграбят!

– Я... – чтоб слова долетели, Вадим взял слишком высокую ноту и сбился на фальцет; пришлось прокашляться. – Я проконтролирую! надежно!

Постояв немного в безмолвии, толстая дама резко развернулась и, сердито ворча, затопала своим путем.

* * *

Завод начался по левую руку тянувшимся до конца улицы глухим высоченным бетонным забором со спиралями ржавой «колючки» поверху. У заглохшей проходной царило мертвое безлюдье и высились траурно-синие ели, как вдоль могил у Кремлевской стены. Рядом с эмалированной табличкой «ПРЕДЪЯВИ ПРОПУСК», висела здоровенная доска из ноздреватого чугунного литья – «ЗДЕСЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОЗДАВАЛОСЬ ОРУЖИЕ ДЛЯ ФРОНТА. СЛАВА ТРУЖЕНИКАМ ТЫЛА!» Каменная мозаика на стене проходной изображала мужика в фартуке, дающего меч солдату в каске и плащ-палатке; над ними как бы развевались слова «МИР ОТСТОЯЛИ – МИР

СОХРАНИМ». Местное пацанье разрисовало ворота по-своему – корявыми названиями поп-групп, которые пересекал поперек размашистый ярко-красный комментарий – «РЭП ЭТО КАЛ. ГОПЫ – ОТСТОЙ».

Кто-то тут явно поживился – на арочной решетчатой дуге над въездом остался лишь крайний правый алюминиевый щит с выпуклой надписью вроде чеканки – «...имени С.М.Кирова».

Вадим рефлекторно подергал дверь проходной, потом заглянул в окно – его силуэт прорисовался черным по синему, а раздраженный голос, чередующийся со стуком по стеклу, быстро глохнул в застоявшейся мгле нежилого помещения:

– Эй! есть тут кто? э, открывайте!

Обиженный полнейшим невниманием к своей персоне, он перешел к воротам и, уже замахнувшись, передумал бить по железу рукой – отступив, достал дубинку и ударил ею по створке. Металл загудел подобно колоколу – вибрирующий звук окутал Вадима и, повторяясь слабеющим эхом, покатился по 3-й Промышленной. Замерев, Вадим осмотрел дубинку, вскинул голову – вот это гонг! И влепил вторично, с картинным замахом – вновь «бум-mmm-mmm-mmm» звучными толчками поплыло в воздухе.

Третьего удара не потребовалось – за воротами лязгнуло и створка, скрипя, поехала на Вадима, заставив его попятиться. Любой бы отступил, когда так наезжает железная стена. В зазор выглянул медлительный старикан с бритым дряблым лицом, как в насмешку обряженный в корябую, великоватую ему серую форму в черных и белесых пятнах и такое же, как у Вадима, кепи.

– Здравствуй, – прожевал он впалым ртом, недоверчиво осматривая гостя. – Ты Калюгин?

– Здорово, папаша, – Вадим перебросил палку из руки в руку и задорно откозырял: – Охранник Калюгин прибыл!

– Отцу своему так честь отдавай, – сморщился старик, втягиваясь обратно в щель между створок, словно улитка в раковину. Он исчез; лишь его сварливый голос звучал за воротами. – Петр Кузьмич меня зовут. Иди, сколько мне дверь настежь держать...

Вадим скользнул внутрь, и створка гроыхнула в третий раз, отрезая завод от города.

* * *

Фонари на территории горели редко, где-то через четыре на пятый; от их бело-синего сияния становилось не светлей, а темней – на фоне угасающего неба размытые круги света обозначали островки ясного виденья, а снаружи от них собиралась, уплотнялась темнота, как синевато-серый газ, скрывающий высокие мрачные корпуса цехов, которые уходили вдаль и терялись там, где последний рассеянный луч заката озарял пустоту провалов между стенами. Вадим на ходу разматывал шнур с наушниками, озираясь и с пятое на десятое ухватывая объяснения Кузьмича:

– Тут никого. А туда не ходи – там котлован не огорожен. Патрулировать будешь вдоль фонарей, не сворачивай – ноги сломаешь. Или шею. Вадим!

– А?! – завертев головой, тот чуть не споткнулся. Стены повернулись и накренились над ним, мелькнув бликом отраженной лампы.

– Гляди под ноги-то, говорю тебе. Ты очки носишь?

– Не, у меня единица зрения. А чего?

– Ничего. Нанимаются все зрячие, а после узнаешь – один глухарь, не докричишься, у второго слепота куриная, а третий ногу волочет.

– Сам-то ты как без очков тут ходишь?

– Привык, – голос Кузьмича шуршал бесчувственной бумагой, то вблизи, то немного в отдалении. – Я завод на слух знаю, где как шаг отдается.

– Ага. Вот забор. Погоди... дежурка наша где?

– Заблудился? – Кузьмич позволил себе незлой, но с ехидцей смешок. – Двигай

вправо... ты, не по газону!

– О чем ты, Кузьмич, какой газон?! тут заросло все...

– Неважно, – брюзгливо скворчал дед. – Не тобой вскопано, насажено, не тебе и топтать.

– Брось, отец, чухня это. Тут воровать-то есть чего? была бы нужна твоя клумба – ковриком свернули бы и вынесли. Поди, тащили что ни попадя.

– Поговори мне еще. Отродясь не крали с бэ-эм-зэ, не те у нас порядки. Начальство было о-го-го какое, крепкое, с традициями...

Голоса потерялись в наступившей тьме, растворились в блеклом свечении дальних фонарей. Вадим запустил плеер – из потемок вырвалась и задергалась механическая музыка.

* * *

Двери тамбура со стуком впустили их в бедную, но уютную комнату, где пламенел намотанной на асбестовую трубу спиралью кривоногий «козел». Обшарпанные табуреты, стол, топчан с ворохом ветхих тканевых покрывал и ржавой от старости подушкой, тумбочка и короб фанерной полки-пенала – все носило следы истребительного времени. Рогатый черный телефон из эбонита – цифры на эмалевом кружке под диском полустерлись. Вадим поднял за шиворот с топчана замасленную до блеска телогрейку – из протершейся на локтях ткани выглядывала потемневшая, сваливавшаяся вата. Кузьмич извлек из пенала жестянку с чаем, щедро засыпал в бурую от бесчисленных заварок литровую банку.

– Густой пьешь?

Вадим блуждал глазами по коллажу на стене. Сплошь вырезки из старых «Работниц» – дама с горностаем, девочка с персиками, монтажники-высотники, «Родина-Мать зовет», спортсменка, выгнувшаяся на бревне со сложным взмахом рук и откинутой назад ногой, с круглым гербом между маленьких литых грудей. Он приглушил и даже выключил плеер.

– У тебя прямо музей, Кузьмич.

– Нравится? – дед понюхал парок над налитой банкой, где наверху желтоватая пена смешалась с чаинками.

Озаренное восторгом лицо гимнастки солнечно улыбалось Вадиму, а седая мать-Родина глядела призывно и горестно. Он покачал головой:

– Да, чудно. Этим картинкам в обед сто лет. Давай и я чего-нибудь приклею. Девочек каких-нибудь.

– Садись. Поесть принес?

– Мамка собрала чего-то.

Едва разложили бутерброды на газете и налили чай в кружки через выпуклое ситечко, как на черном щите у входа замигала одна из ламп, а в коробке над щитом затренькал звонок – бззз, бззз, бззз, как будильник утром, когда самый сон, а надо идти... Вадим подхватился из-за стола, путаясь с длинной дубинкой, метнулся к кепке на вешалке, но Кузьмич остался равнодушен к трезвону.

– Сиди. Чего вскочил?

– Как «что»? Сигнализация! Пошли-ка, взглянем!

Вадим подозрительно выглянул в окно, выходящее на заводской двор. Там, если прильнуть носом к самому стеклу и заслонить свет с боков ладонями, виднелась пустота. Старательно и опасливо всматриваясь, Вадим засек какое-то неотчетливое движение – медленное, будто дверь раскачивалась под ветром. Тем временем старший напарник подошел к щиту и перекинул тумблер; звуки и вспышки прекратились.

– Показалось... – замялся Вадим в нерешительности между окном и дверью.

– Ночь, нет никого, – покивал Кузьмич согласно. – Все старое, то замыкает, то отвалится. Ты не беспокойся. Вон телефон, в случае чего нам позвонить «ноль-два» недолго.

– А-а, – успокаиваясь, Вадим выдал понятливую улыбку. – Твой бы «козел» не перемкнул, а то сгорим. Говорят, он кислород жрет.

– Не первый год обогреваемся, – важно покосился Кузьмич на «козла», – и возгораний не бывало. Грельник надежный, с бэ-эм-зэ. Мехзавод брака не гнал.

– Выйду, прогуляюсь, – спокойствие Кузьмича совершенно уладило боязнь Вадима, он старался выглядеть бывалым парнем и настоящим охранником – даже осанка, совсем недавно настороженная, даже пугливая, исправилась, и плечи стали шире.

– Что там смотреть? пусто и пусто. Простынешь в этой робе.

– Не-а, кровь горячая! – Вадим таки проломился сквозь тамбур и встал на крыльце гордо и грозно. Задор с него как-то неуловимо слинял, глаза забежали. Темный завод громоздился со всех сторон в угрюмом, неподвижном молчании, высясь стенами черного стекла и шершавого бетона. Ветер посвистывал негромко и жалобно, где-то звучал неровный, прерывистый жестяной скрип. Слегка покачивался фонарь в алюминиевом колпаке, вместе с ним колебались тени елей, дрожь на стенах.

За надгробными прямоугольниками корпусов, где-то далеко-далеко рдело, поднимаясь, зарево, и доносился издали рокочущий неровный гул – будто отсвет и отзвук боя, пылающего за горизонтом. Вадим тревожно пригляделся, но дальний гром и зарево постепенно угасли, растворяясь во тьме.

Когда Вадим вернулся, он застал Кузьмича за чтением газеты, в очках, перетянутых на переносице суровой ниткой. Старик был окутан дымом сигареты – вставленная в наборный мундштук из разноцветного плексигласа, та лежала поперек щербатой и грязной стеклянной пепельницы.

– Чай-то остыл. Ну, нашел кого?

– А телефон музейный ничего, работает? – чтобы не отвечать и не показывать, что он ходил наружу ради одной доблести, Вадим поднял тяжелую трубку на гладком толстом шнуре и поднес к уху. Из черной дырчатой чашки шел ровный непрерывный гудок. – Я позвоню.

– Звони, – равнодушный Кузьмич углубился в газету. Диск заклокотал, туго проворачиваясь на упругой пружине.

* * *

У Ирки Пилишиной гремела развеселая гулянка. Стол с питьем, посудой и закусками после нескольких атак обрел тот живописный вид, за которым обыкновенно следует пейзаж из опрокинутых стаканов, винных пятен, окурков в тарелке с костями и следами кетчупа и майонеза, надкусанных кусков хлеба заводской нарезки и выпавших изо рта шпрот. Шамиль и Мурат в самозабвении отплясывали что-то национальное под тягучую и сладкую, как шербет, песню. Окрашенная в розовый с подпалинами цвет Иришкина подруга фыркала и прихохатывала, пока бритый черноглазый атлет нашептывал ей на ухо. Ирка вынеслась из зала в прихожку, подхватила трубку:

– Але?

– С вами говорит рейхсканцелярия, у телефона Борман, – чужим и жестким прибалтийским голосом отчеканил Вадик.

На миг опешив, Иришка изогнулась, подбоченившись:

– Калюгин, ты придурок. Ты больной!

– И-гы-гы, – заржал Вадим. – Не спишь?

– Заснешь тут с вами.

– У тебя танцы? сделай погромче, а?

– Ты это не любишь. Слушай свое техно.

– У, на объекте не положено. Я под землей.

– Я ПОД ЗЕМЛЕЙ, – повторил, словно ревербератор, посторонний голос, и между повторами лился сухой песчаный шорох. – Я ПОД ЗЕМЛЕЙ. Я ПОД ЗЕМЛЕЙ.

– Тебя заело?.. Пошел ты на фиг!

– Ира, кто там? – подошел запыхавшийся, потный Шамиль. – Он тебя обидел?

– Это Борман из Берлина; на, поговори, – сунула ему трубку Ириша.
– Послушай, ты, Борман, если еще раз Ире позвонишь...
– Я ПОД ЗЕМЛЕЙ, – четко и холодно проговорил голос, после чего раздались короткие гудки.
– Шутник! – воззрился на трубку Шамиль. – Ты его знаешь? кто это?
– Нажрут и звонят! – сердито пожала плечами Ириша. – Сколько раз на чужой номер попадают, все им какую-то Зину дай!.. Кофе хочешь?
– По-турецки! – щелкнул пальцами Шамиль.

* * *

– Таки перемкнуло, – трубка клацнула о контакты, Вадим недоуменно уперся взглядом в телефон. – Две линии запараллелились, что ли?.. Кузьмич, а нас не прослушивают?
– Раньше был первый отдел, прослушивал, – глаза деда всплыли над низко сдвинутыми очками. – Болтун – находка для шпиона. И слова всякие...
– Ага, и политические анекдоты.
– Ну, по телефону их рассказывать – дураков не было. А вот за рейхсканцелярию взгребли бы по первое число.
– Это ж анекдот, про Штирлица! чего тут такого?
– Про Штирлица анекдот, а про Бормана – нет, – кустистые брови Кузьмича недобро нависли над глазами. – Нечего врагов вслух поминать, из пекла звать. Вы, нынешние – люди без понятия... Садись-ка за чай, закуси!

* * *

Зябким утром сменщики, принявшие дежурство, с зевотой отправились обходить предназначенное на слом обширное хозяйство. Покидая завод, Вадим оглянулся – запущенная, неухоженная территория выглядела сонно и скучно.

А на воротах, где вчера красовались одни реплики противоборствующих групп молодняка, чернела большая, жирно намалеванная надпись – «ЗИГ ХАЙЛЬ!»

– Ах, погань! – беспомощно всплеснул Кузьмич руками. – И когда успел, сволочуга!.. Погоди, у меня баночка краски есть, замажем.

– Засохла уже, – попробовал Вадим пальцем. – И возиться долго.

– Да... – Кузьмич замер на вдохе, а потом разразился почти криком: – ...да разве можно, чтоб на бэ-эм-зэ это красовалось?! Раньше б за такое безо всяких особистов разыскали! ногтями бы отскребать заставили!

– Ты не кипятись, – Вадим топтался неуверенно. – Ребята дурью маялись, подумаешь...

– Это – дурь?! – тыкал в гнев пальцем Кузьмич. – Мы по две смены за станком стояли, в цеху спали, чтоб этих слов тут – не было! а сколько наших полегло?! Рейхсканцелярия! как у тебя язык-то повернулся?!..

– Ну извини, Кузьмич, – виновато скривив губы, Вадим потупился. – Вылетело не подумавши. С кем не бывает...

– Бывает! если нету совести, – видя раскаяние напарника, Кузьмич немного уgomонился, но оставался строг и насуплен. – Тут один дежурил до тебя – его работа! У, вражина лютая... Пять минут его послушаешь – и не поймешь, в оккупации ты или где. Все книжки про фашистов читал...

– Уговорил, – мотнул головой Вадим. – Где твоя краска? и еще кисть надо.

* * *

– Что, отцову машину красил? – веселым мотыльком порхнула из подъезда Иришка и плюхнулась рядом с Вадимом на скамейку. – Ффу, чем от тебя пахнет?

– Ракетное топливо, – Вадим сжал измазанные пальцы в кулаки. – Очень ядовитое, железо прожигает. Была чрезвычайная ситуация...

– Хорош заливать, космонавт. Я б тебе и керогаз не доверила, а то полдома разорвет. Что ты звонить удумал среди ночи? Ты больше так не делай. Ладно?

– А че, я их спугнул?

– А вот это не твое дело, ты еще сопливый их пугать, – недовольно встала Иришка.

– Ир, прости, я отравился! – завопил Вадим, в раскаянии размахивая руками. – Я этих... паров надыхался! я не соображал!

– Токсикоман, – обронила она милостиво, но сесть обратно не соблаговолила.

– Ирааа, ты королева пятнадцатого дома!!

– Ну, соври еще, у тебя начало получаться.

– Да здравствует Ира Пилишина! Все голосуем за Пилишину!

Дверь балкона открылась, и выглянуло все то же брылястое мучнистое лицо в очках-лупах, с лиловым заскорузлым ртом, словно обсохшим ядовитыми слюнями:

– Сколько можно орать, покоя нет! Я сейчас позвоню! Весь рынок у нас прописался!

– А вас, – возвысила пронзительный голос Ирка, – никто не спрашивал!

– Шалава безродная! – пролаяла голова.

– Сам алкаш! – заводилась воодушевленная Ирка.

– Поживи с мое!

– Спасибо, обойдусь!

Вадим, самозабвенно закинув стриженую башку, заулюлюкал по-индейски, стуча указательным пальцем вверх-вниз по оттопыренным губам, потом вскочил, схватил Иришку за руку и потащил от подъезда. Она не унималась, упиралась и выкрикивала:

– А твоя старуха – ведьма!..

– Кончай. Береги нервные клетки.

– Никаких клеток не хватит, – фыркала Ирка, охорашиваясь и мало-помалу остывая. – Полон дом уродов. Я уеду отсюда! Меня в казино звали. Там такие бабки...

У ларька Вадим затормозил, широким жестом пригласив Иришку выбрать угощение из выставленных за стеклом лакомств. Она задумалась, нахмутив бровки и закусив зубами ноготь, а из остановившейся со скрежетом неопрятной и битой «копейки» с умилением выглянул давешний смуглый качок—громко чмокнув щепотью из толстых маслянистых пальцев, он метнул в Иру воздушный поцелуй и сложил губы куриной гузкой. Сидящий за рулем черныш согнулся и высунул голову на длинной кадыкастой шее, улыбаясь Вадиму обоями белых огромных зубов. Ирка смущенно захихикала и сделала подхвачавшим «привет-привет!» ладошкой, а затем подцепила под локоть сморщившегося Вадима и увлекла его подальше от ларька.

Она очень красиво грызла рожок с мороженым, похожий на факел олимпийского огня в серебристой фольге, облизывалась и хохотала, даже сбиваясь с шага и приседая, пока Вадим захлеб рассказывал о своем секретном объекте – он взмахивал мороженым, изображая то надутого начальника объекта, то как он сам шел по тоннелю с фонариком, напряженно оглядываясь по сторонам, как попал ногами в лужу, как рапортовал и козырял.

И легкая, простая музыка лилась из динамика на ларьке, и юный, ломкий голос пел песню о поп-любви.

Солнце вырвалось из пелены и засияло во всю мощь, улица светилась витринами и улыбками рекламных щитов, и казалось, все глазают на Вадима с Иркой – их провожали и сальные внимательные мужские взгляды из-за отливающих черно-синей тонировкой ветровых стекол, и возмущенные оглядки нравственных тетюшек, и неприязненно-холодные, неподвижные взоры стариков за пыльными окнами, чего-то давно и тщетно выжидающих, как ящеры в засаде.

* * *

Небо вновь начало заволакивать дряблыми, низкими серыми тучами. Дома и улицы покрыло тусклой тенью, как слоем пепла, и даже краски поблекли, будто панораму мира кто-то перевел в черно-белое изображение.

Серый человек в дедовской кепке и старомодном пальто наблюдал за миром спокойно и осторожно – стоя у давно не мытого, треснутого окна, он слегка отодвинул двумя пальцами полуистлевшую гардину и смотрел в захламленный двор-колодец, тщательно ошупывая его углы острым взглядом. Одна фрамуга до половины была заклеена желтой от старости газетой, но Серого не смущала узость поля зрения. Ему хватало и небольшого просвета в окне, чтобы убедиться – двор спокоен, даже мертв. Проржавевший остов легковушки без дверей и стекол, железная бочка с захрясшим гудроном, груда битого кирпича и отколотого вместе с цементом кафеля, расщепленные обломки досок, выброшенные из окон пакеты с мусором – непролазная свалка.

Звуки города доносились сюда глухо и слабо. Подняв глаза к бесцветному небу, натянутому между жестяными желобами по краям крыш, Серый чуть прищурился, вслушиваясь: издали донеслись неровные, протяжные громовые раскаты. Они нравились Серому, он их приветствовал чуть заметной злобной улыбкой.

Когда он отошел от окна, занавеска обвисла, и щель сузилась до минимума. Тот свет, что вяло лился из окна, подчеркивал полную разруху в помещении. Выцветшие обои в нелепых крупных лилиях были ободраны, обнажая подклейку из таких же ржавых старых газет, что на окне; доски пола кое-где выломаны, видны темные брусья поперечного настила. На полу сор и бесполезные вещицы – растрепанные и растоптанные книги, расколотая чашка, облезлая женская шапочка. Диван изорван, как если бы его терзала сотня кошек; торчат пружины.

Взяв древний гнутый стул, Серый старательно утвердил его на дырявом полу у голого стола, где стоял реликтовый приемник с затянутым тканью динамиком, бессмысленно выпученным глазом индикатора и круглой ручкой настройки под полукругом поисковой шкалы.

Серый манипулировал с приемником неторопливо и уверенно. Хотя глаза его оставались пристально-бесчувственными, лицо невольно выдавало нетерпение и даже слабые порывы раздражения. Что-то не поддавалось его усилиям; он снял кепку и пригладил прямые светлые волосы, затем продолжил свою настойчивую возню. Щелчок. В глазах Серого отразился медленно разгоревшийся зеленый огонек индикатора, и прищур век стал довольным. Удалось.

Удача прозвучала скрипом эфира и неразборчивыми голосами, которые пробивались из динамика возгласами, бормотанием, сладким мурлыканьем – но рука поворачивала регулятор, стрелка ползла по облупившейся от древности, едва читаемой шкале, горевшей изнутри беспокойным оранжевым светом. Марш, бряцанье литавр. Затем – голос, без выражения и довольно редко повторяющий вдали одно-единственное слово, как зов маяка, что-то вроде «Контерт... Контерт... Контерт...»

– Да, да, – прошептал Серый, почти прикинув к динамику и облегченно закрыв глаза.

– Гут, – сухо отрезал голос. Затем он принялся с паузами выговаривать числа: «Сем тысяч шестсот сорок два. Тысяча ноль двенадцат. Ноль двести ноль четыре...»

Серый лихорадочно записывал вслед за голосом, иногда морщась от помех, перебивающих неживые слова из динамика.

– Повторите с ноль пятьсот. Да. Понял.

Приемник запел под ретро-музыку женским голосом, соблазнительным и ласковым. Серый что-то быстро вычислял, вычеркивая и дописывая на своей бумажке, затем беззвучно прочитал итог. Лицо его смягчилось и разгладилось, насколько это может сделать презрительная и высокомерная маска. Надев и аккуратно оправив на голове кепку, он встал и спрятал листок в карман пальто, потом огляделся, подыскивая предмет потяжелее. Приемник продолжал петь мяукающим голоском, обещая нечто сказочное. Серый поднял его шнур, дохло свисавший к полу и никак не связанный с розеткой, дернул, потом рванул резко и

сильно – шнур оторвался, но приемник пел и заливался нежным женским смехом.

Комната поплыла по кругу; облезлые лилии, страницы рваных книг, витки пружин настойчиво лезли, выпирали, громоздясь и искажаясь. Глухой неясный голос сильно произнес, подавляя женское пение: «Ты призван, призван. Ты призрак! Приказ... приказ...»

Серый выбрал из кучи обрезок дюймовой водопроводной трубы с коленом, похожий на клюку, замахнулся и обрушил его на лакированный корпус. Приемник крякнул, музыка оборвалась, и дамочка с неженской яростью заголосила: «Швайне! Фер-флюхте швайне!!», но тут новый взмах и треск заставили ее умолкнуть. Весело оскалившись, Серый крушил и крошил приемник, пока не сбросил его дребезги со стола. Откинув трубу и отряхнув руки, Серый коротко и церемонно поклонился на прощание и вышел, со стуком открыв дверь ногой.

Обшарпанный подъезд встретил его уходящими вниз крутыми лестничными маршами; на одной из площадок к нему повернулись, неприятные лица трех курящих парней с банками в руках.

– Уууу. Здорово, мужик.

Лицо Серого осталось вежливым и бесстрастным; он лишь поиграл пальцами правой руки. Слабо, далеко послышалось недавнее пение и женский смех. Последовала вспышка, лестница перевернулась и косо встал потолок.

Серый не спеша спускался дальше по лестнице, а двое парней нагнулись над третьим, с трудом поднимающим от пола разбитое лицо. На ниже лежащей площадке Серый чуть замедлил шаг и полуобернулся:

– Вы что-то хотели сказать? – пальцы разминались, словно сгоняли с себя онемение от тяжелой работы.

– Н-нет, – упавший сплюнул кровью.

– Я так и думал, – Серый исчез за ступенями.

* * *

Это был частный сектор – череда деревянных одноэтажных домов с шиферными крышами уголком, порой с резными наличниками на трех окнах, по-деревенски глядящих на улицу. Через заборы перевешивались облетающие яблони, брела от колонки бабушка с ведром, из квадратного выреза в подворотне выглянула рыжая кудлатая дворняга.

Серый в своем наряде полувековой давности смотрелся здесь вполне уместно, будто вошел в ту часть города, что сохраняли специально для него. Атмосферу нарушал не Серый, а высокий новорусский коттедж с претенциозным забором, вбитый в порядок домов сельского фасона. Вычурные кованые острия по верху забора, спутниковая антенна и иномарка у глухих железных врат, растопырившая во все стороны дверцы и капот с багажником, объемистый хозяин в буром свитере и синем комбезе с помочами, приподнявший арбузно-круглую голову – все это вкупе с блестящей черной псиной выглядело чужим, насильно встроенным в патриархальный быт городских задворков. Холеный пес зарычал, оскалив зубы; его хозяин пошевелил мясистыми ушами и зычно втянул носом.

Серый едва удостоил их взглядом и сделал брезгливое движение губами, издав шипение. Хозяин спрятал голову под капот и зарылся в мотор.

Проулок пригласил свернуть налево. Забор здесь покосился, калитка накренилась. Поворотом кольца подняв щеколду, Серый вошел в сырой дворик с проложенными для прохода досками и штабелем палок, прежде бывших подпорками для помидоров, а теперь накрытых лоскутом рубероида. Выбежал пухлый щенок и тявкнул на Серого, на всякий случай все же виляя хвостом. За щенком появилась недоверчивая и всклокоченная курица. Наконец из двери вылез здешний житель – сутулый старикан с торчащей вперед клокастой бородой, лысоватый и сморщенный.

– Вам что нужно? – старичок пока не решил, следует ему быть гостеприимным или

наоборот, поэтому вел себя нейтрально, не показывая, что визит незнакомца нарушил его любимое одиночество.

– Здравствуй, Поляков, – рассматривая деда как любопытную вещицу, четко и негромко выговорил Серый. – Я должен передать тебе привет, – он подошел ближе и еще тише произнес, – от штурмбаннфюрера Кирша.

Старик отступил на шаг в прихожую и нервно утерся ладонью, словно просыпаясь; рот его приоткрылся с бессмысленным «Э-э-э...», он встряхнул головой, как бы ожидая, что пришелец сгинет.

– Вы... из органов? – Нет.

– Как же... ох, господи... Кирш-то ведь... помер давно! – почти вскрикнул старик.

– Убит. И ты это видел, верно?

– Да... да... при мне было. Он только охнул... и упал. Сразу и скончался, – лепетал дедок, дрожа бородкой.

– Он был храбрый офицер, – наступал Серый, загоня старца все глубже в прихожую, – а ты был хороший полицай, Поляков. Кирш помнит твою службу, он тобой доволен. Кажется, речь шла о том, чтобы представить тебя к награде...

– Так точно... яволь! – заморгав, старик выпрямился с подобострастной улыбочкой.

– Молодец, – прохладно похвалил Серый. – Пора за работу, Поляков. Ты готов?

– Рад стараться! – старикан словно помолодел. – Господи, наконец дождался! Не забыли меня, радость-то какая!.. А я особистов обманул, хе-хе, – задремезжал он хитрым смешком, заискивающе подмигивая Серому, – я партизаном записался! Недаром говорил герр штурмбаннфюрер: «Полякофф, ты хитрая лисица!»

– Хватит болтать, – осек Серый. – Оружие. Взрывчатка. Транспорт. Мне нужно немедленно. Шагом марш!

* * *

– Вот он, вот он, – в гараже дедок сдернул брезент со старинного большого мотоцикла. – Я сейчас не езжу, глаза плохие, но чищу, смазываю. И бензин есть! Я как чувал, что понадобится...

Откинулся железный люк, открывая прямоугольник света, над проемом свесился старик, стоящий на коленях и упершийся в края ладонями, а Серый закурил, лишь слегка опустив взгляд.

– Все туточки. Все целое, исправное. Из схрона, из леса таскал по штучке, тайком. Мало ли зачем пригодится. Рыбу глушить или, в случае чего, себя оборонить...

Кряхтя, взбирался он из погреба по лестнице, выкладывая к ногам Серого увесистые упакованные коробки, нечто угловатое и заботливо обернутое; выложив, отдувался, кашлял и потирал грудь, поглядывая снизу вверх – похвалят ли его за усердие?

– Дряхлый стал... задыхаюсь... Но я еще могу! Что, герр офицер, пришло наше время? Ох, сколько лет я ждал, чтобы их... – он с ненавистью придавил и растер что-то невидимое кулаком в ладони.

– Именно так, – кивнул Серый. – Это все?

– Да, извольте видеть.

– Очень хорошо, Поляков, – Серый поощрил его улыбкой, разворачивая пергаментную обертку пистолета-пулемета МП-40 и вставляя магазин. – Знаешь, что делают с больными собаками?

– А?... – непонимающе и радостно ощерил редкие зубы старик, торча головой и плечами из люка.

– Их милосердно усыпляют, – передернул Серый затвор. – Говоришь, исправное?... – с этими словами Серый пнул старика в лицо. Тот сорвался с лестницы и с отрывистым сдавленным криком рухнул вниз. Из тьмы погреба понеслись надрывные стоны:

– Аааа... Аааа... герр офицер!.. за что?!

Серый дал короткую очередь, и внизу смолкло. Щенок шарахнулся от двери гаража, заскулил, а курица взволнованно заклохотала и заспешила прочь.

– Я же сказал – милосердно, – добавил Серый серьезным тоном, закрывая люк.

* * *

Новый русский вынулся из мотора и удивленно проводил глазами молодого человека на массивном старом мотоцикле – наушники кепки застегнуты под подбородком, на глазах допотопные очки, кожаной окантовкой плотно прилежащие к лицу; за спиной – утянутый эластичными шнурами груз в брезенте.

Черный пес беспокойно поерзал, а потом завыл тоскливо и протяжно.

– Э, Герцог, ты чего? ну-ка, заткнулся!..

А Серый несся по улицам, как властелин; на более свободных участках трассы он буквально царил, попирая асфальт грубыми покрышками, но вот машины сгустились вокруг него, закрыли бортами; автомобильная лавина сгрудилась у светофора – пестрый селевый поток, упершийся в плотину, грызущий ее своими нетерпеливыми звуками, чтобы прорваться, хлынуть в трещины, рассекающие мозаику кварталов. Сигнал! Машины ринулись, их возросший гул смешался с дальним громовым раскатом, и солнце покатилося к горизонту, косо озаряя плоскости крыш и голый лес телевизионных антенн.

* * *

Он был слышен издалека, но почти не виден в заполнивших улицу сумерках, потому что шел с погашенной фарой, а яркие глаза легковушек и грузовиков скрывали его уверенный ход от людей на тротуарах. С рычащим клочкотанием мотора тяжелый байк неожиданно пронесся почти впритирку к бордюру, испугав Иришку и обозлив Вадима – он оглянулся вслед лихачу и гаркнул: «Ты, ур-род!!.. И шею свернешь от коня своего!», – но увидел лишь исчезающий светлый силуэт в седле, с головой, покрытой каким-то блином вместо шлема. Голова в наушниках дернулась, на миг блеснув в пробуждающемся свете уличных фонарей стеклами древних очков – и мотоциклист умчался, пропал из глаз.

– Носятся как бешеные, – пробурчал Вадим, одетый в форму охранника, и попытался обнять Ирку, но между парнем и девушкой глупо замешалась висевшая на плече у Вадима сумка. Ирка вывернулась и со смехом ускользнула, на бегу помахав ему. Недовольно промывчав, Вадим вздохнул с изнеможением и зашагал в другую сторону.

* * *

– Чтой-то ты принес? – с интересом приблизился бочком Кузьмич, пока Вадим прилаживал на стену свой вклад в коллаж. Младший напарник напоследок разгладил наклейку и попятился, любуясь. Это была картинка от коробки с моделью танка – Т-34 мчит по проселку, раздувая пыль, а на поле в стороне горит, опустив пушку, подбитая «Пантера».

– Годится, – удовлетворенно покивал Кузьмич. – Можно и девушек клеить, только хороших. Вон там, ближе к физкультурнице, ей для компании.

– «Как много девушек хороших, как много хитростей у них», – декламируя, Вадим придирчиво глядел на дело рук своих, прикидывая, не нарушил ли он композицию. – Посмотрим... А к чаю у меня печенье есть, будешь?

– Нам тут, Вадим, какие-то шинели выдали; примерь, – показал Кузьмич на обвитые бечевкой рыже-серые скатки, лежащие на топчане. – Где-то они на складе отсырели...

– Не, нормально, – натянув шинель, Вадим подвигался в ней телом, пробуя, удобна ли. – Мы как два партизана.

Щит сигнализации вдруг замигал недобрым огоньком. Кузьмич пощелкал переключателем, но лампочка моргала и моргала.

– Может, позвонить в ментовку? – обеспокоенно спросил Вадим. Он посмотрел на окно так, словно слышал, как уже выносят и через забор валят в кузов дорогой цветмет. – Или куда там звонить надо, Кузьмич?.. Мы раз на это плюнем, два, а там и кража!

– Ничего. Сейчас потухнет. Так всегда, – забормотал дед, выглядывая через мутное стекло наружу. За окном сильно смеркло. Корпуса и похожие на виселицы фонари угольными силуэтами впечатались в темно-синее небо, рдеющее по краю закатным огнем.

– Чего – всегда? – чуть рассерженно спросил Вадим.

– Ну, так, – старик прошаркал к шкафчику, достал кипятильник. – Повечеряем, и на боковую.

– И телефон глючит, – покосился Вадим на аппарат, из-за высоких рычажков-контактов здорово похожий на голову лося. – Отрежет нас, и никуда не пробьемся. А если Брыкин проверит? Скажет – вас там не было, и пинка под зад.

– Брыкин ночью спит, – убедительно, как маленькому, сказал Кузьмич. – А позвонит, так проснемся. Я к телефону корабельную сирену подключил – не захочешь, а вскочишь.

– Не, я все же пойду посмотрю, – Вадим подтянул ремень и потрогал резиновую рукоять дубинки. – Это какой цех сигналист?

– Сиди, не ходи, – поманил к столу дед.

– Ты, Кузьмич, на пенсии, а я на ставке, – сердито разъяснил Вадим. – С тебя спрос, как с покойника, а меня трясти будут.

– Послушай-ка, – тихо сказал старик. – Я тут сорок семь лет, от гудка до гудка проработал, и много чего знаю. Сказано: «Сидеть и караулить» – вот и делай, что велят.

Где-то за стенами дежурки глухо проурчал и стих автомобильный двигатель. Послышался невнятный гомон голосов и стук шагов. Показав прижатым ко рту пальцем «Тсссс!», Вадим на цыпочках прошел сквозь темный тамбур и неслышно приоткрыл дверь во двор.

Но ворота были закрыты, на заводском дворе ни души. Голоса и шаги, затихая, удалялись от дежурки по пустому месту. Ветер свистнул, плечи Вадима потрянуло ознобом – бррр! – и он поспешно затворил дверь.

– Поймал? – с хитрецей спросил Кузьмич, заваривая чай, когда растерянный напарник вернулся из тамбура.

– Там кто-то был, – шепнул Вадим, словно боясь, что его услышат.

– Был, не был, тебе что за беда? – Кузьмич выглядел равнодушным, но при этом как-то прятал взгляд.

И снова снаружи – приглушенный рокот мотора, опять шорох подошв и невнятные разговоры.

– Это ж целая банда! две бригады! – проговорил Вадим панически, не зная, куда кинуться. – Ползавода сопрут, как потом отчитываться будем?!.. Кузьмич, запирай на замок, гаси свет! Отсидимся. Я сейчас позвоню!

Вадим взялся за телефон.

– Алло, милиция? – спросил он, когда после недолгих гудков на том конце сняли трубку. Кузьмич молча усмехался, будто его ничего не касалось, и не ходили по заводу воры.

– Заводоуправление, Мелехов у телефона, – ответил четкий мужской голос. – Говорите.

– Извините, – Вадим бросил трубку и, чертыхаясь, повторил набор, губами проговаривая: «Ноль, два!»

– Алло, это милиция?!

– Прекратите шутить, – отрезал голос. – В военное время за такие шуточки наказывают по всей строгости.

– Это пост охраны! – выкрикнул Вадим. – Дежурный Калюгин! На территорию проникли...

– Плохой вы дежурный, товарищ Калюгин, – в голосе появился оттенок презрения. – Посторонних на заводе нет. Несите службу и не отрывайте от дела занятых людей.

Щелкнул контакт, связь прервалась. Вадим выпучился на Кузьмича:

– Ты... почему не сказал, что завод работает?!

– Кому работает, кому и нет, – уклончиво ответил Кузьмич. – С Мелеховым говорил?

– Кто такой Мелехов?

– Главный инженер. Жесткий мужик; ты в третий раз его не беспокой – костей не соберешь. Он в ночную смену старший.

– Дурь какая-то. Чего-то он мне про военное время понес... Заказ оборонки, что ли? А шеф завод на снос купил.

– Заказ, заказ, – покивал Кузьмич, – большой заказ. Время-то какое, сам знаешь.

– Тогда тем более надо пройти по заводу, – приободрившись, Вадим шагнул к выходу. – Если положено, то надо. Покажем, что мы не чай гоняем.

– А я бы не пошел, – предложил Кузьмич свой вариант. – Если Мелехов на аппарате, значит и смотреть нечего.

Вадим спорить не стал, но поступил по-своему.

* * *

На заводском дворе было не черным-черно, а как-то тускло, словно ночное мерцание города отражалось от низкого облачного покрова, и тот излучал рассеянное серовато-синее свечение, поглощая тени и размывая контуры. В этих расплывчатых потемках шла к цехам очередная группа ночной смены. Матовые стекла некоторых цехов тлели слабым светом, будто в цехах горели свечи, а не лампы – но свет этот был мутно-голубым, газовым. Завод освещался не ярче, чем кухня – одной горелкой на плите. Мимо Вадима протопал, поспешая, какой-то работяга – тень промелькнула, и все. Но, пройдя на несколько метров вперед, человек остановился – зыбкий, теряющийся в тусклом свете окон.

– Браток, закурить не найдется? – голос был шуршащий, глуховатый.

Вадим достал пачку, протянул. Почти невидимая рука метко и беззвучно вытянула сигарету. Чиркнула и зашипела спичка. В быстро погасшем огне на миг проступило серое, высохшее лицо с провалами глазниц.

– Американские, «второй фронт»? – пустив дым, спросил рабочий.

– Коля, опаздываем, – позвали рабочего издали. – Все бы тебе перекур; гляди – бронь снимут.

– Спасибо, друг, – обронил рабочий, уходя. – За мной не пропадет.

* * *

Вадим, изумленно озираясь, шел сквозь сине-серые потемки, ориентируясь по окнам корпусов. Немой и глухой вечером, ночью завод ожил – доносился лязг металла, визг фрезы, уханье пресса, но звуки гасли, как в тумане. Вадим походя заглядывал в открытые ворота цехов – в неярком освещении виднелись тумбы станков, у каждого стоял рабочий. На заводских путях по-великански сипел черный паровоз; безликие фигуры грузчиков перекладывали в вагон с тележки тяжелые ящики.

– Товарищ Калюгин? – раздалось вдруг прямо за спиной. Вадим поспешно обернулся и увидел мужчину в старомодном костюме и темной кепке – «восьмиклинке». Лицо подошедшего почти скрывала тень козырька, но голос звучал твердо, и Вадим узнал человека по голосу.

– Вы – Мелехов?

– Так точно. Николай Матвеевич меня зовут. Продолжайте обход, я пройду с вами.

* * *

– Вижу, вы у нас впервые, – заговорил главный инженер по дороге. – Я нашел вашу фамилию по табелю. Кузьмич ввел вас в курс дела? проинструктировал?

– Ну... да. Показал завод. Но не сказал, что есть ночная смена.
– Он умеет помалкивать. Надежный человек. И превосходный токарь, должен заметить. Когда придет время, возьму его на работу, в третий цех.
– А что, – любопытствовал Вадим, – Кузьмич про заказ толковал? Хозяин, Брыкин, вроде, связан с автобизнесом – не запчасти к легковым клепаете?
– Нет, – просто ответил Мелехов, – мы изготавливаем оружие.
– Ммм, понятно, – после паузы сказал Вадим нарочито безразличным голосом, чтоб не показать испуга. Слова прозвучали так фальшиво, что Вадим испугался еще больше и склонился на Мелехова – не почувал ли тот страха?..
– Не сочтите за громкие слова, товарищ Калюгин, – продолжил главный инженер, – но мы здесь куем оружие победы. Идет война. Враг в нашем доме.
Вдали, за заводским забором, над домами – и даже дальше, за краем земли, – полыхнуло красное зарево и послышался долгий и низкий прерывистый грохот. Сполох выхватил лицо Мелехова из полутьмы – оно словно состояло из костей и кожи, а глаза ввалились, как у того рабочего.
– Здесь мы с вами расстаемся, – остановился Мелехов. – Если что – заходите в заводоуправление, пообщаемся.
И главный инженер растаял в темноте.

* * *

Вадим в глубочайшей задумчивости возвратился к Кузьмичу, в табачном дыму читавшему газеты.
– Как, в порядке? – Кузьмич мельком посмотрел на него поверх очков.
– Нормалек, завод работает, – не по настроению бодро отозвался Вадим. – Чай-то остыл, подогреть бы. Я тут Мелехова встретил, потрепался с ним. Че он такой зачуханный – работает много?
– Он был... – настороженно взглянув на Вадима, Кузьмич замялся, жуя губами, – на пенсии. На отдыхе. Да вот опять понадобился, вызвали.
– Ясно, на пенсию не разгуляешься, – балагурил Вадим, вонзая вилку кипятильника в розетку и заглядывая в почерневшую банку. – Подкалымить – святое дело. Кузьмич, он и тебя запрячь хочет, знаешь?
– Знаю. Настанет день – пойду к нему в токари. Так-то лучше, чем пеньком сидеть и глядеть, как завод разваливается.
– Верно, Кузьмич! Работа – это бабки! – Вадим прищелкнул языком. – Слышь, он вроде не старый, ваш Мелехов – чего на пенсию-то вышел?
– Инфаркт. Он себя не жалел, для людей, для производства старался. Помню, в сорок втором...
– Какой сорок второй, отец?! Это склероз у тебя, таблетки пить надо. Ему от силы пятьдесят с хвостиком.
– Пятьдесят три ему, – вздохнул Кузьмич. – И так всегда. Так всегда. А мне уж восемьдесят два. Да, сынок, склероз—года путаю. Заварка там, в жестянке.

* * *

Под утро, как небо просветлело, вновь заурчали моторы автобусов, и через двор к воротам повалил народ. Вадим поглядел на уходящих мельком; грязное стекло не позволяло ясно видеть – тени, тени, целая толпа теней.
Потянувшись с хрустом и зевнув нараспашку, Вадим вывалился на крыльцо. Рассвет сегодня не удался – облачная хмарь висела сплошным покровом, синевато-серая мгла не рассеивалась, все кругом выглядело померкшим и бесцветным. По пустынному двору ветер гонял бумажки, за колючим забором оживала улица. Завод вновь стал тихим и

безжизненным.

Время дежурства еще не истекло, и Вадим решил прогуляться до заводоуправления, проверить, хорошо ли заперто.

Но там не было заперто вовсе.

Он сперва с недоумением, затем беспокойно шел по запыленным, заброшенным серым коридорам, совался в распахнутые двери кабинетов – мебели нет, там-сям захламлено какими-то обломками, розетки выдраны, провода торчат змеиными языками.

В холле второго этажа его встретил косо висящий на одном гвозде красный стенд с выцветшими фотографиями. «Работники Механического завода имени С. М. Кирова, удостоенные...» – дальше сорвано. Вадим приблизился, пробегая глазами по фото – и замер, встретив очень знакомое лицо.

Правда, здесь лицо было волевым и бодрым, а костюм и галстук – новыми.

– Мелехов Николай Матвеевич, – прочитал Вадим шепотом, – родился в тысяча девятьсот четвертом, умер... умер...

– Я ПОД ЗЕМЛЕЙ, – раздалось за спиной, как раньше в телефоне, и на спину Вадима легла тень подошедшего сзади; готовый закричать, Вадим резко обернулся с ужасом и замер – никого!..

Он мухой вылетел из заводоуправления, споткнувшись, чуть не загремев со ступеней. Вадим дышал, как после кросса, и дыхание заглушало ему все прочие звуки.

* * *

В пасмурной утренней мгле Вадим спешил вдоль заводской стены к остановке, порой затравленно оглядываясь. Он почти бежал, виляя между сгорбленных темных людей, идущих в ту же сторону.

У остановки урчал автобус, поджидая пассажиров. Вадим запрыгнул за мгновение до того, как сомкнулись дверные створки-гармошки, и озираясь, перевел дыхание. Вид салона его не обрадовал. Он даже сделал пугливое движение назад, будто хотел вернуться наружу, на тротуар, но поздно – автобус набирал скорость, за пыльными стеклами все быстрее мелькали голые деревья и тусклые одноцветные дома, на черных окнах которых белели диагональные кресты.

Люди в автобусе сидели и стояли—молча, недвижимо. Лица их были земляного цвета, глаза – запавшие, тусклые и немигающие, одежды – простые, даже бедные. Никто не взглянул на Вадима – он забился в закуток позади задней двери, отделенный поручнем, присел на корточки и опустил лицо, чтоб стать как можно незаметнее, чтоб даже случайно ни с кем не встретиться глазами.

На остановке люди в салоне зашевелились, вставая и двигаясь к дверям—так же безмолвно, как ехали. Оставшись один, Вадим осмелел. Сначала он вскинул голову, затем поднялся и осторожно выглянул. Автобус стоял в сумерках непогоды у ворот кладбища. За железными стержнями забора виднелись кресты и надгробия в оградках. Вышедшие вливались в ворота, расходясь по дорожкам погоста, и один за другим исчезали за облетевшими кустами, в сырости тумана. Вдали, за кладбищем, громыхало, как в грозу. То и дело мгlistая пелена у горизонта озарялась ржаво-красными расплывчатыми зарницами.

– Э, шеф, мы дальше-то поедem? – набравшись храбрости, Вадим прошел вдоль салона к месту водителя. Там никого не было. Пока он размышлял, куда подевался шофер, издали донесся тяжелый, гулкий свист – этот звук приближался со скоростью летящего снаряда. Вадим не успел выскочить – только присел и закрыл голову руками.

Тут оглушительно грохнуло; в окна автобуса, вышибая стекла, ворвался пламенный свет, а следом – черная тьма. Когда Вадим встал среди стеклянных осколков, с разинутым ртом, потряхивая головой, слева над бровью у него наискось алела неглубокая рана, сочащаяся кровью. Дальше он ждать не стал – выскочил из автобуса с выбитыми стеклами, просевшего на спущенных шинах, наскоро осмотрелся и бегом бросился в сторону города,

подальше от гремящего за горизонтом поля битвы.

Позади, на кладбище, дымилась воронка от взрыва. На выброшенной снарядом земле лежала красная звезда, сбитая с надгробия.

* * *

Над площадкой позади разбитого сарая веял мутный пепельный ветер. Лица, фигуры – все выглядело полустертым и неясным, словно в дыму. Серого провожали торопливо, наспех, но не забыли напутствовать как следует. Офицер похлопал его по плечу: «Гут, гут», кто-то из солдат протянул фляжку, подмигнув и пояснив: «Шнапс!», – и Серый, сидя в седле мотоцикла, хорошенько приложился, на закуску утерев губы рукавом. Он свирепо глядел вперед, где за проволочным заграждением мерцал огнем и гремел насквозь простреливаемый мертвый простор. Затем офицер веско промолвил: «Помни, тебе поруссен важный заданий. Бут твердым как сталь» – и отступил, взмахом руки показывая пулеметному расчету, что пора прикрыть парня, отправляемого на ту сторону.

Серый вырулил из-за укрытия и, вскинувшись на бруствер, пролетел на мотоцикле несколько метров по воздуху, а приземлившись, понесся на большой скорости, ловко объезжая воронки и сгоревшие танки. С противоположной стороны поля застрекотали пулеметы; артиллеристы на позициях стали разворачивать орудия, чтобы сосредоточить огонь на выскочившей из-за колючей проволоки цели. Разрывы снарядов заставляли Серого пригибаться к рулю и резко поворачивать, но он упрямо двигался через поле, иступленно крича что-то оскаленным ртом. Его вопли едва пробивались сквозь неровный гром боя – «Сейчас! Сейчас! Я прорвусь! Да! да! Сейчас! Прорвусь!»

Последняя вспышка была особенно яркой, он инстинктивно сжал веки, пытаясь спастись от острого, невыносимого света, застилавшего зрение.

* * *

Улицы были тяжело и пасмурно затоплены серостью и синевой, скрывавшей краски. Вадим шел, видя перед собой плавно расступавшихся прохожих, и тротуар покачивался, колебался в такт его поступи. Воздух, как вода, заглушал уличные шумы – от проходящих слышались обрывки разговоров:

- ...письмо прислал, пишет, что посылку получил...
- ...Варе похоронка пришла, она и слегла...
- ...в сад упала бомба и не разорвалась...
- ...у нее крупа есть, сахар...
- ...швейные иглы привез, хочет на хлеб сменить.

Вадим часто оглядывался. Лица прохожих были серы и суровы, на всех застыли ожидание и озабоченность. По проезжей части с глухим топотом прошагал отряд солдат с винтовками и вещмешками за спиной, уходя в ту сторону, где над горизонтом мерцало зарево. Беспokoйно посматривая по сторонам, Вадим поднялся по ступенькам в магазин; внутри было темно и тесно, нахохленные люди стояли в очереди к прилавку – там, между пустых закругленных витрин, знакомый Вадиму бритоголовый охранник с черным ободком усов и бородки вокруг рта, в фартуке, взвешивал мелкие покупки и сбрасывал их в подставленные мешочки покупателей. Вот у прилавка оказался давешний дедок, которого Вадим видел пойманным на краже пачки вермишели, и продавец высунулся к нему над левой чашкой весов:

- Карточки, гражданин.
- Вы взвешивайте, взвешивайте, – потерянно забормотал дедок, роясь в кармане.
- Покажем карточки, и я отрежу.
- Украли! – ахнув, запричитал дед, суетливо дергаясь на месте. – Ой-йо, ты боже мой!.. Вытащили карточки! ооох, ироды!..

– Тогда не задерживаем, вся очередь ждет.
– И женины тоже вытащили! Я всегда на двоих хлеб беру, вы ж меня помните! Ах, холера, ворюги проклятые!..
– Обращайтесь, гражданин, в милицию. Следующий!
– Пойдите, – дед схватился за прилавок, – какая милиция? а хлеб-то, хлеб? Что я есть буду?!
– Это меня не касается, – бритый помахал ладонью, отгоняя надоедливую, и поманил к весам тетку, замотанную в платок.
– Отпустите, Христа ради! У меня бабка не ходит! – умоляюще вопил дедок.
– Не положено. Идите куда следует, пишите заявление. Я вам что, от себя отрезать должен?..
Очередь взирала на скандал устало и безнадежно; лишь иногда люди перешептывались, вздыхая и сочувственно покачивая головами.
– Хотите, на колени встану?!
– Не загораживайте рабочее место! – повысил голос бритоголовый. – Уходите, гражданин, не мешайте.
– Зачем вы, – прорвало Вадима, – пожилого человека гоните?
– А вы встаньте в очередь, – нехорошо взглянул на него бритоголовый. – И не шумите, вы тут не на улице.
– Морду наел! – отступая, выпалил дедок с бессильной злобой. – На фронт тебя надо! Окопался здесь, крыса!
– Я, гражданин, на инвалидности, – веско заметил бритоголовый и повел богатырскими плечами, чем-то прочно и солидно скрипнув внутри.
– Одноногий, что ли? – сощурившись, Вадим придвинулся к прилавку.
– Сейчас закроюсь на прием товара, – с гнусной усмешкой предостерег бритоголовый, вынув из-за витрины табличку на ножке, – и два часа принимать буду.
Очередь зашикала, замахала на Вадима, загалдела:
– Иди, парень, не ори!
– Из-за тебя стоим не знаю сколько!
– Ты чего пришел?! если за хлебом – тогда стой как все, бери и уходи! не задерживай!
Из подсобки с полным хлеба деревянным подносом вышел тот силач, что посылал Ирке воздушный поцелуй. Лица стоящих с надеждой и радостным шепотом повернулись к нему, а он сдобно улыбнулся Вадиму, отходящему к дверям.

* * *

У дома Вадим покосился на зеркально-черный БМВ и тряхнул головой вместо приветствия холеному шоферу, который курил, сбрасывая пепел за опущенное стекло дверцы. Шофер смерил его пренебрежительным взглядом и сплюнул.

В подъезде было мрачно, все словно в один цвет выкрашено. То же глухое затемнение царило и в квартире. Вадим с тревогой, недоуменно осматривал бедные стены, глубокие пустые комнаты, окна, крест-накрест заклеенные бумажными полосками. Мать, понурая и увядшая, вышла к нему из кухни:

– Вадя, иди кушать. Сегодня у нас вкусное – отец три бычьих хвоста раздобыл, я суп сварила. Ой, что случилось? – заметила она запекшуюся ранку на лбу сына.

– Ерунда, заживет. На что хвосты-то обменял? – спросил Вадим угрюмо, присаживаясь к столу.

– На мыло, – мать подпалила фитили керосинки и привернула винты, чтобы пламя было поменьше, а после потрогала кастрюлю: – Еще теплый, быстро согреется.

– В магазине один кричал, у него карточки украли, – Вадим глядел на кухонную обстановку так, будто не узнавал. – Из кармана вынули.

– Надо во внутренний карман класть, за пазуху, – горячо заговорила мать, – как я тебя

учу. И гляди по сторонам! Прозевал – сам виноват.

– А вор не виноват, что украл? Так, да?! – сердито возразил Вадим.

– Вадя!.. – вспыхнула мать, но отвернулась к кастрюле и звякнула ложкой. – Что отец, что ты, оба на меня рычите. Изю всех сил на вас стараюсь... Ешь и помалкивай! И без вас тошно.

Часы прожужжали и шумно цокнули. Захрипела кукушка, дохло вываливаясь из своего домика на стене, и мать спешно засобиралась в прихожей, сварливо приговаривая:

– Сразу бы шел домой! Где тебя носило? Налъешь себе сам... и не выгребай до дна, на вечер оставь, понял?! Вот опоздаю из-за тебя...

У себя в комнате Вадим возрился на полочку – аляповатые модельки танков, самолеты, выкрашенные серебрянкой, простенькие солдатики. Стена оклеена открытками – «Казак на запад держит путь, казак не хочет отдохнуть», «Отстоим Москву!», «Воин Красной Армии, спаси!» – плоский штык со свастикой на рукояти нацелен в женщину с ребенком.

Вадим оторвался от своих моделек и исподлобья взглянул на потолок—сверху смутно донеслась мелодичная музыка, потом девичий смех и какие-то восторженные мужские возгласы.

Он сосредоточился, посуровел, представив другую музыку, похожую на запись из кузнечного цеха. Поудобней взял дубинку, примерился, глядя на дверь, ведущую в прихожую, и как мечом рассек воздух резиновым стержнем. Вправо, влево, снизу вверх! Еще раз. И еще. Теперь замах – закинутая за голову дубина замерла, потом со всей яростью ударила наотмашь. Вадим представил голову бритого продавца с его издевательской усмешкой, метил по ней, но удар пришелся в пустоту. Сдержав руку, чтоб не разбить полку, Вадим опустил дубину к ноге. Лицо его выглядело окаменевшим от гневной решимости.

* * *

Вновь расхлябанный автобус вез Вадима по привычному пути. Опять показались в отдалении река и решетчатый силуэт железнодорожного моста, но теперь стекла автобуса рдели красными отблесками зарева, полыхавшего совсем рядом, за рекой. Глядя пристально и встревоженно, Вадим видел, что заречное поле освещено кровавым сиянием, над ним стоит дымная пелена, а по глади поля там и сям разбросаны опрокинутые пушки, разбитые танки, земля изрыта траншеями.

Стекла запотели. Вадим протер их ладонью – и видение предстало ярче; он различал даже тела, распростертые на брустверах. То, что раньше казалось дальними зарницами, превратилось в почти явственные вспышки взрывов, и раскаты гулко отдавались в салоне ЛиАЗа. Редкие нахохленные пассажиры, поглядывая в сторону реки, глубже прятали головы в поднятых воротниках.

У ворот завода Вадим оказался среди движущихся теней, которые ручьями стекались к проходной от окатистых, с выступающими капотами автобусов. Он натянул пониже шерстяную шапку, опустил лицо между углами воротника и, застегнувшись, утопил руки в карманах, чтобы стать как можно незаметней и не привлекать внимания. Разговоры рабочих ночной смены слышались как приглушенный слитный гомон. В этом тихом шелесте голосов шепот Вадима выделялся, будто топот среди плеска дождя: «Господи... Господи...»

Он ворвался в дежурку, быстро захлопнул за собой дверь и шумно выдохнул. Здесь свет был нормальным, краски – сочными, а Кузьмич с газетой улыбался приветливо и доброжелательно:

– Не замерз, Вадим?

– А? да, холодно как-то сегодня, – расстегивая шинель, Вадим оглянулся на дверь, с опаской посмотрел в окно. – Автобусы плохо ходят. Чуть не опоздал...

– Ты, Вадя, осторожней сейчас с этим. А то и под статью загреметь недолго. По всей строгости...

– Что же происходит?.. – с тоскою спросил Вадим, устало опускаясь на стул.

– Открытая память, Вадим, – Кузьмич посмотрел прямо и серьезно. – Вот глаза закрою и как наяву вижу: сорок второй год, работаю, а кругом мальчишки – до станка не достают, маленькие еще – не доросли, ящики тарные им подставляли. Стоишь полсуток, спина одеревенела, пальцы не гнутся, а детали плывут, плывут. Быстрее, быстрее, торопись. Ведь там наши бойцы на фронте гибнут. Вот так каждую ночь, каждую ночь. Мне с поста не уйти. Война там, каждую ночь война... Прошлое никуда не делось – мы храним его в душе и в сердце. Есть такие, кто бы хотел изменить историю, но пока мы живы – этому не бывать.

Кузьмич снова поднял газету, и Вадим отчетливо увидел заголовок и год: «октябрь 1942». Радость, проступившая было на лице Вадима, когда он со двора, полного ночных работников, проскочил в уютное тепло дежурки, мигом увяла и пропала:

– Никто не звонил?..

– Мелехов справлялся, как у нас, – обронил Кузьмич, возвращаясь к чтению. – Я доложил, что в порядке.

Вадим поспешил запереть дверь, потянул ручку – надежно ли держит замок, потом взялся за тумбочку, намереваясь забаррикадировать вход.

– Говорил, надо усилить бдительность, – внимательно взглянул Кузьмич над очками. – Нужен глаз да глаз. В общем, ходи и смотри.

– Я попозже, – отпустив в нерешительности тумбочку, Вадим попятился к столу, – после выйду. Как фонари зажгутся. Так видней будет.

Не успел он снять шинель, как в дверь постучали. Вадим заметался, отыскивая, куда бы забиться, но не нашел ни единой лазейки и прижался спиной к стене, распластав руки. Кто-то в тамбуре, кашляя, вытирал ноги о половичок, потом окликнул из-за двери:

– Кузьмич, Калюгин здесь?

– Я сплю! я сплю! – умоляюще зашептал Вадим, делая Кузьмичу руками панические знаки.

– В туалете сидит! – с пониманием взглянув, откликнулся дед.

– На, возьми, я ему должок принес, – дверь скрипнула, и сухая серая рука положила на тумбочку у входа пачку из грубой бумаги.

– Как дела-то, Коля? – Кузьмич выглянул в тамбур, только спина его немного виднелась из-за двери.

– Эшелон почти загружен, скоро отправляем, – деловито ответил нездешний голос. – С фронта торопят, командование велело гнать без задержки. Вот и стараемся!

– Не подкачайте, ребята.

– Бывай здоров!

Затем гость из ночной смены удалился. Вадим стоял, окостенев, только губы немного дрожали.

– К-кто там был? – выдавил Вадим из себя, как из засохшего тюбика.

– Ступин Коля, фрезеровщик. Бери, бери, он от сердца дает. Честный малый, я его знаю.

– Что это? – Вадим осторожно взял бумажную пачку.

– Не пробовал?.. Штучка забористая, продирает как наждак. Раскрой да понюхай.

Вадим расколупал пачку с торца, высыпал на ладонь щепотку изжелта-коричневого порошка, осмотрел с сомнением и втянул ноздрями. Глаза его выкатились, рот округлился, после чего он оглушительно чихнул, сложившись в пояс, потом еще раз, и снова. Кузьмич засмеялся, качая головой.

– Крепковато? Много ты в себя затынул, так до утра не прочихаешься.

– Та... табак, что ли? – моргая, осипший Вадим вытирал слезы.

– Нюхательный, лучшего помола. Теперь такой не делают, а раньше, я слышал, и барышни им баловались. В голове ясность, в глазах чистота – не курево какое-нибудь. Дай-ка и мне понюшку... Смотри, вот как им заряжаются, – Кузьмич отсыпал малую толику в ложбину на тыле кисти, – и понемногу... Глаз не запороши – на полдня окривеешь.

– Во! точно – все мозги проветрило, – пораженный Вадим озирался без страха. – Хм, классно... Пожалуй, я выйду. Если Мелехов сказал – надо охранять.

Заводской двор предстал по-прежнему иссиня-серым, но прозрачнее, чем в прошлый раз; и свет в цехах, оставшись газовым, был поярче. Шум станков звучал громче и отчетливей. К вагонам подкатил реликтовый грузовичок, с него прыгнули грузчики, сразу откидывая борт и принимаясь за ящики.

Заводская симфония ночи походила на любимую Вадимом музыку. Он выпрямился, оглядывая панораму куда смелей, чем раньше, но раскат дальнего грома и вспышка зарева заставили его нахмуриться.

* * *

Вспышка на миг ослепила Серого, и когда он выскочил из белого сияния в обычное раннее утро, то первые несколько секунд не мог сориентироваться и понять, где находится. Пришлось притормозить и вывернуть руль, чтобы не сорваться в кювет. Но Серый быстро овладел собой и ровно вывел свой мотоцикл на шоссе.

Прикинув к рулю, крепко сжимая его рукоятки ладонями в кожаных перчатках, Серый мчал по дороге, поблескивая стеклами очков – «консервов». Полы его пальто трепетали в набегающем потоке воздуха. Землю вдоль трассы заволакивал стелящийся туман, похожий на остывший и осевший дым пожарища; то справа, то слева проступали в тумане руины. В стороне от насыпи промелькнула и исчезла полная муки и надрыва картина – женщины в темном, склонившись, волокли по полю борону.

Сумрак перед ездой мало-помалу рассеивался. Впереди, вдалеке, прогремело, к посветлевшему небу взлетели многокрасочные огненные букеты салюта и нестройное, но громадное и гулкое «Ура!» Губы Серого искривились от ненависти, он прибавил скорости. Навстречу ему показались старые грузовики, выкрашенные в защитные цвета, «эмки», вот пролетела новенькая бежевая «Победа», похожая на панцирного гладкого жука-плавунца.

Серый ворвался в город, но вынужден был круто затормозить, так что мотоцикл развернуло поперек дороги, занесло задним колесом вбок – путь ему преграждала мятущаяся, вопящая и хохочущая толпа мужчин в темных широкоплечих пальто и шляпах, женщин в кокетливых беретах и приталенных нарядах – здесь пели, играли на гармошке, кто-то плясал среди улицы, а двое парней в замшевых куртках, взобравшись на забор, держали над головами самодельный плакат: «ГАГАРИН, КОСМОС, СССР!» Лицо Серого свело желчной гримасой; он бросил вокруг несколько быстрых, нервных взглядов, выискивая брешь в толпе, но общий крик был так силен, что он не посмел наехать на людей и пустился в объезд.

День разгорался, тучи редели, солнце все выше поднималось в яркой голубизне неба. Серый пролетел мимо рабочих, прикреплявших к стене дома великанский щит: «РОДИНЕ – ХЛЕБ ЦЕЛИНЫ!» Город наполнялся светом, цвет хлебного зерна и меда заливал дома и асфальт улиц матовым золотом; строения становились высокими, нарядными.

Без остановки, без остановки, вслед за солнцем. Среди глазастых «Волг» и «Москвичей» стали попадаться блестящие, словно умытые «Жигули»; красные буквы вдоль по карнизу – «СЛАВА НАРОДУ-ПОБЕДИТЕЛЮ!», а ниже, на стене кинотеатра – голубовато-серый лик Фантомаса с желтыми глазами, потом – Ален Делон в маске Зорро... «Даешь БАМ!» – парни с гитарами, в зеленых стройотрядовских куртках, девушки с распущенными волосами и рюкзаками за спиной. СЛАВА, СЛАВА, СЛАВА – проносились яркие призывы, вспыхивали и гасли портреты членов Политбюро, круглый герб Союза и алые контуры страны, звезды и силуэты Кремля в нимбе расходящихся веером лучей зари – и чем пламенней, чем красивей были плакаты, тем сильнее смеркалось небо, тем прямее и уверенней сидел на мотоцикле Серый.

Он больше не останавливался, все уступали ему путь. Панки орали и гримасничали вслед, плевали и швыряли ему в спину пивные банки – а он, мимолетно удостоив их

взглядом через плечо, белозубо хохотал от удовольствия. Наконец, потемки вынудили Серого включить фару.

Улицы были темны, словно покинутые армией траншеи. Что-то шевелилось в темноте на тротуарах; дома, вроде бы целые, выглядели руинами – а на крышах, на фасадах увеселительных заведений переливались огоньки, обрамлявшие порталы и распахнутые, словно акулы пасти, двери. ЛОМБАРД, ЧЕСТНАЯ ИГРА, ВОЗЬМИ МИЛЛИОН, СТРИПТИЗ, НАСЛАДИСЬ, УТОЛИ ЖАЖДУ! На плакатах лоснились нагота и загар, скалились и тарачились рекламные хари, сияли пачки сигарет, бутылки пива; некая расплывшаяся образаина, подобрав щеки, пыталась изобразить мудрый государственный взгляд, полный деловитости и заботы: «ГОЛОСУЙ ЗА КУДЫ...» – угол был оборван, свиной лик кандидата заляпан кляксами грязи. Другую половину щита занимал конопатый тинэйджер в повернутой козырьком назад бейсболке; обнимаясь с явной малолеткой, он протягивал Серому руку с резиновым изделием в конфетной упаковке: «СДЕЛАЙ РАЗУМНЫЙ ВЫБОР!»

– Какой сейчас год? – остановившись и опершись ногой о поребрик, властно спросил Серый у согнутого небритого существа неопределенного возраста. Бессмысленное уличное существо издало некий звук, пьяно, по-коровьи свесив слюни на подбородок.

– Я понял. Время – московское, – довольно кивнул Серый и вновь пришпорил мотоцикл.

* * *

В сером свете кухни, где лампа выглядела едва тлеющей, кукушка со скрежетом выглянула из часов, обозначая движение времени. Напряженным, отчетливым голосом заговорил в комнатах радиоприемник: «От Советского Информбюро. Сегодня... после тяжелых кровопролитных боев наши войска оставили...». Мать сдвигала на окнах тяжелые плотные шторы.

– Вадим, тебе пора, – послышался голос отца.

– Да, пап, уже иду, – приладив дубинку и надев шинель, Вадим обронил в дверях: – Счастливо, до завтра.

На площадке он замешкался, подняв голову, помялся, но потом решился и затопал на этаж выше.

Открыла Иришка – пышно завитая, с высоко открытым лбом. Светлое платье в цветочек стянуто на талии, рукава фонариками, длинная юбка заглажена частой плиссировкой. Из квартиры доносилась нежная музыка.

– А, это ты. Зачем пришел? – сердитая, недовольная этим визитом, она не хотела его впускать.

– Разговор есть. Можно, я войду?

– У меня гости.

– Я на минутку.

– Говори здесь.

– Тут всякие... – Вадим оглянулся. Внизу чья-то дверь приоткрылась, и над цепочкой наполовину показалось дряблое лицо в очках, с лиловыми губами.

– Ладно, – быстро оглянувшись, Иришка отошла и поманила его поспешными движениями кисти. – Давай поскорей. Ну, что? – дверь тупо стукнула, закрываясь.

– Я хотел сказать...

– Ирка! – недовольно гаркнул голос в комнатах. – Кто там?! Давай его сюда!

– Это соседи! – она повысила нарочито беспечный голос.

– Сказал – сюда! Какие у тебя неизвестные соседи шастают...

В комнате над столом, покрытым толстой, тяжело ниспадающей скатертью, светила лампа в бахромчатом абажуре. На столе прозрачно высилась бутылка водки, стояли закуски в тарелочках, а за столом сидел Брыкин, шеф Вадима, в начальственном френче, и резал сало

широким обоюдоострым кинжалом. Рядом слащавым вальсом пел-разливался граммофон.

– А-а, двоюродный. Почему не на работе? – Брыкин сунул в рот кусок сала и принялся смачно жевать. Вадим невольно втянул голову и сгорбился.

– Я сейчас уйду, Пал Андреич.

– Иди, иди, карауль, – Брыкин отложил кинжал. Вадим остолбенело уставился на голубоватый стальной клинок. Навершием эфеса был диск белой эмали с рельефной черной свастикой. Не прожевав сало, Брыкин отправил в пасть вкусно захрустевший соленый огурец.

– Ты смотри у меня, – солидно проронил Брыкин с набитым ртом. – Двигайся! И больше сюда ни ногой.

– До свидания, – процедил Вадим, выпрямившись. Подозрение, смятение – все стерлось с его лица. Теперь он смотрел на Брыкина сурово.

– Бегом, я кому сказал, – Брыкин свирепо, угрожающе набылчился, но Вадим твердо встретил его взгляд, выждал паузу, потом повернулся и неторопливо вышел.

В прихожей он сердито зашипел Иришке:

– Ты с кем связалась? ты что, не видишь, кто он?!..

– Не учи меня жить, – озлобленно заговорила Ирка вполголоса. – Я живу как хочу, получше некоторых. А ты вали на свой завод, работай! вкалывай!

* * *

Пророкотал и стих мотор мотоцикла, затем зазвучали шаги.

– Вадим, ты? – привстал Кузьмич, но в раскрывшуюся дверь вошел Серый с МП-40 в руках.

– Я сменю тебя, – радушно сказал он, вскидывая ствол. – Спокойной ночи, дедушка.

Не раздумывая, Кузьмич кинулся к щиту сигнализации, а может, к телефону, но простучала очередь, и он с хрипом осел на пол, прижимая ладонь к груди. Он еще пытался двигаться на коленях, захлебываясь и опираясь на одну руку. Серый вновь навел МП-40:

– Ах ты, старая сволочь...

Очередь повалила Кузьмича, он застыл, но Серому показалось мало одной расправы – подняв оружие, он с криком торжества и ярости прострочил стену—черные дыры побежали по гимнастке, по Матери-Родине, по танку и девочке с персиками.

* * *

Паровоз пустил пар по земле ватно-белыми усами, колеса сдвинулись с места, и состав пополз к открывающимся воротам.

Серый поспешно соединял провода с уложенными в стопку коробками, эластичным шнуром прихваченными к опоре. Вскочив, он побежал, пригибаясь и разматывая провод с катушки.

Пыхая, паровоз все дальше вытаскивал эшелон из ворот. Машинист высунулся из кабины локомотива и закричал что-то мрачным фигурам, провожавшим поезд, энергично показывая рукой в сторону двора. Кое-кто обернулся к указанному месту – блеклая фигура в длинном пальто торопилась скрыться за строениями. Некоторые из провожающих сорвались с мест и побежали туда, но Серый, добравшись до квадратного ящичка с торчащей вверх ручкой, похожей на штопор, взял ее обеими руками и вдавил.

Рванулись ввысь и в стороны кусты огня, превращаясь в кипящие облака дыма, из которых вылетали темные осколки. Силуэты людей, выступившие на миг черными на грязно-оранжевом фоне пламени, разметало в разные стороны. В клубящемся клокотании оседали и рушились стены корпусов, а огонь пожара вздымался языкастыми лоскутами, освещая ликующее лицо Серого.

* * *

Грохот и вспышка достигли дома № 15. Задрожали стекла, свет пламени отразился в окнах подъезда, а Брыкин, с удовольствием прислушавшись, причмокнул, поднял рюмку и сказал вместо тоста:

– На слом!

– Это на бэ-эм-зэ, – вырвалось у Вадима. Забыв про Иришку, он прыжками понесся вниз по лестнице.

* * *

Соскочив с автобуса, он что есть духу побежал в сторону завода. За забором плясало пламя и валил подсвеченный им вулканический дым; у проходной Вадим притормозил на бегу, заметив одиноко стоящий древний мотоцикл, потом бросился к входной двери...

...Серый, шагом отходя к проходной со стороны двора, небрежно – как бы для порядка – выстрелил несколько раз по скользящим за ним неясным фигурам, убрал пистолет за пояс...

...дверь перед Вадимом раскрылась раньше, чем он прикоснулся к ручке – некто в светлом и длинном пальто, в кепке и мотоциклетных очках ринулся на него, заноса руку. В глазах вспыхнуло, перевернулось, и сверху наискось нависло бледное лицо с застекленными глазами:

– Ты опоздал.

Зарокотал и удалился мотоцикл.

Вадим поднимался с трудом, со стоном, держась за голову, чуть вновь не упал, а когда вскинул глаза, увидел перед собой Мелехова и Кузьмича – только сейчас они выглядели одинаково, как близнецы, оба с серыми, запавшими лицами мумий.

– Кузьмич... – прохрипел Вадим. – Ты...

– Я теперь в ночной смене.

– Что случилось?

– Диверсия, – Кузьмич протянул Вадиму руку, помог встать. Рабочие сгрудились вокруг них, и блики пламени играли на их лицах, как на металле. – Мы успели отправить эшелон, но...

– Диверсант отправился к мосту, – поглядел Мелехов вслед поезду. – Путь на ту сторону реки – только через мост. Если поезд не пройдет, оружие не попадет на фронт. Вы понимаете, чем это грозит?

– Ясно, Николай Матвеевич, – тряхнул головой Вадим. – Машина есть?

– Вот, – Мелехов указал на стоящий во дворе старый грузовик.

– Годится, – решительно кивнул Вадим.

– Сможете вести?

– Я и мертвый доведу, – на разбитом и ожесточенном лице Вадима мелькнул тот же стальной блик, как у рабочих.

– Верю, товарищ Калюгин. В добрый час.

* * *

Паровоз вел состав по заводской ветке между густых лесополос из невысоких и кривеньких, но ветвистых американских кленов. Набирая ход, он часто дышал гордо поднятой трубой, высоко выбрасывая черный султан – вздымаясь, тот потом изгибался и стелился по ветру, который относил его к примолкшим, погасшим домам. Машинист в кабине пристально смотрел вперед, держа руку на длинной рукояти, а кочегар, отрывисто ухая, вбрасывал лопатой уголь в раскрывающееся жерло топки. Поезд проследовал грузовую станцию, миновал позицию зенитчиков – огненный меч прожекторного луча взмахами

рассекал небеса, а охотники за самолетами и стволы зенитки наблюдали, не мелькнет ли среди туч крылатый силуэт. Дальше, дальше! Семафор пропустил разогнавшийся состав, и паровоз ответил коротким гудком.

Серый спешил. Не привязанный к рельсам и проезжим улицам, он взмыл на пригорок и, с треском пробив кустарник, выскочил на дорожку между домами. Сноп света из фары мотоцикла выхватил проезд и замершие фигуры – припозднившиеся люди расплескались с криками кто куда, чтоб не угодить под несущийся двухколесный снаряд. Серый таранил темноту пучком электрического сияния, опасно наклоня машину на поворотах; его стремительный ход сквозь жилой массив походил на скольжение слаломиста – вираж, рывок, куда теперь? Он шел, ориентируясь на гул паровоза, как на запах, он чувствовал ускоряющийся стук колесных пар на стыках рельсов – и торопился обогнать состав. Здесь! Их пути пересеклись – мотоцикл прыжком перескочил насыпь почти перед носом паровоза, и машина с яро гудящей топкой взревела от негодования.

Грузовик проехал над рельсами и полосой отчуждения поверху, по путепроводу – Вадим успел отследить человека на мотоцикле, бликом пролетевшего через рельсы. Перемахнув по мосту над железной дорогой, Вадим бросил автомобиль влево, надеясь поймать диверсанта здесь и сразу, но увидел лишь уносящийся вдаль смазанный силуэт, в конце узкого проезда вильнувший вбок и исчезнувший из вида.

Ругаясь сквозь зубы, Вадим подал грузовик назад, развернулся и погнал к улице.

Серый забрался в темный парк культуры и отдыха и теперь озирался, выискивая дорогу. Карусель с лошадками, качели-лодочки, закрытый ларек газированной воды – как отсюда выбраться? Паровозный гудок помог ему определиться; мотоциклист ринулся на звук – и вот уже видна улица! Там – простор!

Не только простор – преследователь тоже. Фары старинного грузовичка угрожающе близились вместе с надсадным ревом перегруженного мотора.

– Ты попал, – торжествующе прошептал Вадим, с предвкушением перебирая пальцами по «баранке». – Теперь не уйдешь!

Серый застыл на мотоцикле на середине проезжей части, упираясь ботинком в асфальт и хладнокровно наблюдая за грузовиком, водитель которого готовился сбить и уничтожить его. Вместо того, чтобы скорее повернуть обратно, нырнуть в парк или удирать вдоль по улице, он выждал, пока грузовик подойдет почти вплотную, а потом послал мотоцикл навстречу, подняв его на заднее колесо, будто насмехаясь над грузовичком, идущим на таран.

Маневр был безумным – но он удался. Опустив мотоцикл на оба колеса, Серый молниеносно вильнул, на скорости обогнув полуторку, едва не встретившись с ней лоб в лоб. Позади грузовика он свернул влево, пролетел дворик между двухэтажными шлакоблочными домами и, вновь подняв машину на дыбы, обрушил переднее колесо на хлипкую дверь в дощатом заборе. Дверь с треском рухнула, молниями метнулись в стороны кошки, подбросило в воздух клочья и ошметки грязи – мотоцикл, разбросав и смяв мусорные мешки, вырвался на свободу из теснин задворков, а грузовик, сердито рыча, искал в порядке домов подходящий сквозной проезд, чтобы возобновить погоню.

Серый гнал свой ревущий болид по бульвару; устремленная машина с припавшим к ней седоком вспыхивала в свете редких фонарей. Проносясь через бело-желтые пятна под лампами, она опять превращалась в мчащийся огонь – скорее, скорее! Из бульварных шеренг деревьев Серого вынесло на широкую объездную дорогу – тут мотоцикл превзошел сам себя и помчался так, словно хотел разбиться и убить своего всадника.

Вадим, лавируя в тесных улочках, отставал; его извилистый путь по городскому лабиринту еще не кончился, а Серый уже покинул окраину и высматривал вдали решетчатый горб железнодорожного моста.

С размашистым, мощным дыханием шел паровоз; ходуном, как мышцы атлета-великана, ходили блестящие штоки его поршней. Трепеща всем корпусом, рвался в бой ветхий грузовичок, а Вадим понукал его: «Ну, давай!.. ты, рухлядь!», до предела выжимая из

мотора kloкочущую силу внутреннего сгорания. Грузовик кренило на поворотах, Вадима бросало в кабине, но он упрямо вел грузовик туда, где виднелось зарево, такое яркое, что порой начинало слепить. Пел долгую комариную песню мотоцикл, удаляясь по пустому, вольному шоссе.

* * *

Брыкин, тискавший хихикающую Ирку, вдруг оторвался от нее с нахмуренной физиономией, будто прислушиваясь или приняхиваясь. Затем взволнованно засобирался, оставив девушку в недоумении – схватил шляпу, протопал в прихожую и стал, сопя, влезать тучным телом в длинный черный плащ.

– Куда вы, Пал Андреич? – растерянная Иришка шмыгнула за ним и остановилась, сминая в пальцах кружевной платочек.

– Не твое дело. Уезжаю, не видишь разве? Помогай мне! – повернулся он к ней, запутавшись в рукаве.

– Вам не понравилось со мной?.. – Ирка почти всхлипнула, пытаясь ластиться к нему. – А ведь было так хорошо!..

– Дура, – застегнув плащ на брюхе, Брыкин пошлепал ее по щеке толстой ладонью. – Некогда мне. Пора складывать вещички и тю-тю, поняла? Эвакуироваться надо, обстановочка такая. Ну, покедова, лапуля. Ты-то красивая, не пропадешь.

– А я? как же я? – метнулась Ирка следом, но Брыкин, стуча ботинками вниз по ступеням, фыркнул:

– Каждый сматывается как может.

Ирка цокала каблучками за ним и жалобно скулила:

– Не бросайте меня, Пал Андреич! пожалуйста! – она споткнулась. – Ой! я каблук сломала!..

– Да провались ты, шалава! надоела! – Громыхнул Брыкин дверью подъезда.

Когда Ирка выскочила в одних чулках на улицу, он уже садился в БМВ; шофер запустил двигатель. Ирка с отчаянием вцепилась в ручку дверцы, словно надеялась сдержать автомобиль, стала трясти ее:

– Вы меня взять обещали-и-и!!..

– Пошел, – скомандовал Брыкин. Шофер рванул с места. Ирка, не удержавшись на ногах, пролетела, падая, вперед, и ударилась головой о бордюрный камень. Машина умчалась, круто завернув за угол, а Ирка осталась лежать неподвижно – глаза распахнуты, изо рта сбежала по щеке струйка крови.

* * *

Свернув с дороги там, где верх насыпи был почти вровень с полосой отвода, покрытой увядшей травой, Вадим выбросился из кабины грузовичка, перескочил кювет и, временами чуть не падая, побежал навстречу замедлявшему ход поезду, размахивая руками и крича:

– Стойте! стойте!

Заскрипели тормоза, послышался свист сжатого воздуха; из окошка показался машинист:

– Что такое?!

– Рельсы! диверсант! я... – задыхался Вадим, – я сперва проверю путь!

– Давай быстрее, парень! Время в обрез – видишь, что творится? нам надо скорей доехать.

Вадим обернулся к загородному полю – за туманным простором заливного луга, где широкой дугой изгибалась насыпь, вырастая у моста в настоящий вал с крутыми откосами, за черным скелетом моста бушевало и пульсировало железным громом кровавое сияние, то охватывая полнеба, то припадая с рокотом к земле. Горящая багровым светом войны равнина

за рекой была хаотически усеяна смятыми и перевернутыми силуэтами танков, орудий и грузовиков – над ними поднимался где ползучий дым, где тусклое пламя.

– Я сейчас. Я вам просигналю! – успокаивая машиниста жестами, Вадим попятился, а затем, перешагнув через рельс на щебень балласта и оттуда на берму, припустил бегом по насыпи к мосту.

* * *

Серый, ломиком и руками вырыв в щебне ямку под подошвой рельса, заложил в нее подрывной заряд. Пальцы проворно двигались, с усилием притягивая проволокой к рельсу коробку с взрывчаткой. Все внимание Серого сосредоточилось на опасном и ответственном деле – он ввинчивал в запальное гнездо втулку зажигательной трубки. Поднялся, оглядываясь и распрямляя огнепроводный шнур – и только тут увидел подбегавшего Вадима. Лицо Серого стало зловещим; он положил шнур наземь и поудобней взял свой ломик.

– Ты! – на ходу продев кисть в ременную петлю на рукояти и изготовив дубину, выпалил Вадим, когда до Серого осталось всего несколько шагов. – Ты убил Кузьмича?!

– Я многих убил, – надменно ответил Серый, – и тебя убью. Ты готов?

Зарево за рекой полыхнуло с громовым гулом.

Вадим первым нанес удар, но Серый заблокировал его. Ломик Серого был прочней и тяжелей, палка Вадима гнулась при соприкосновении с ним. Вадим бил с бешенством, со всей силой, каждый раз выкрикивая: «На! На! На!» Зарево вспыхивало грохотом вместе с его ударами, озаряя мост, насыпь и бьющихся на ней. Серый держался прямо, уверенно парировал удары. Ловко поворачивая ломик одной рукой, он прыгал, уворачиваясь, со шпалы на шпалу. Он словно танцевал у того места, где стоял заряд и лежал на щебне шнур, кружась и стараясь в драке не подпустить Вадима к взрывчатке. Вадим, быстро нагнувшись, попытался подсесть ему ноги дубинкой, но Серый вовремя подпрыгнул. Оказавшись на ногах, он схватил ломик в обе руки, сделал выпад и с громким криком ударил, целясь Вадиму в голову – тот, еще в неустойчивом равновесии после безуспешной подсежки, метнулся в сторону, оступился и упал на склон балластного слоя. Ломик пронесся мимо, а Серый, поняв, что выгадал несколько секунд, вместо того, чтобы добить лежащего противника, метнулся к заряду, щелкнул колесиком и бережно поднес бензиновый огонек к концу шнура.

Шнур зашипел бледным бегучим пламенем, рассыпая венчиком колкие искры. Радостно осклабившись, Серый выпрямился, вновь поднимая ломик и поворачиваясь к Вадиму...

...но тот встал броском раньше, чем мог ожидать Серый – и уже надвигался, занося дубинку широким размахом вправо. Серый не успел закрыться от удара ломиком – дубина врезалась ему поперек живота, заставив согнуться пополам от боли и выронить ломик. Не давая врагу опомниться, Вадим резким толчком ноги в бок отправил его в темноту кювета. Серый со сдавленным криком кубарем покатился вниз.

Вадим упал на колени у неумолимо шипящего шнура. Искрящий огонь быстро полз к капсулю-детонатору. Вадим порывисто и неуверенно поводил руками, лихорадочно соображая, как быть в таком случае, не решаясь ни за что схватиться. Паровоз вдали закричал, выбросив вверх струю пара—и умолк.

Глубоко вдохнув, Вадим крепко взялся за втулку, затем стал осторожно выкручивать ее из гнезда. Втулка выходила так медленно! а огонь спешил, подбираясь к заряду... наконец, зажигательная трубка отомкнулась от взрывчатки и оказалась у Вадима в руках, как схваченная за горло, но еще опасная ядовитая тварь. Огонь опалил Вадиму запястье – ахнув, он зашвырнул трубку подальше от насыпи. Где-то в темноте с коротким треском блеснула вспышка, словно последний и бесполезный выстрел вслепую.

Дрожа и пошатываясь, Вадим поднялся, сделал шаг, другой; шурша берцами по балласту, встал по другую от заряда сторону пути и замахал рукой поезду:

– Можно ехать! Путь свободен!

Паровоз еще раз дал гудок, а потом, плавно тронувшись с места, поволок к мосту вереницу вагонов. Вадим остался стоять на краю кювета, будто показывая этим, что место – безопасно, что он своей головой отвечает за сохранность поезда. Со счастливой улыбкой слушал он постепенно ускоряющийся колесный перестук состава.

Но его внимание вдруг привлекло что-то движущееся за проходящими мимо вагонами; вмиг утратив улыбку радости, Вадим пригнулся – и заметил Серого, который поднимался по откосу. Колеса то и дело заслоняли врага, но Вадим заметил, как тот подбирает ломик, поспешно обвязывает железный стержень поясом от пальто... потом Серый встал прямо, зашагал вслед движению поезда, побежал – и исчез.

В недоумении и замешательстве, пропустив мимо себя последний вагон, Вадим перебежал рельсы – на насыпи Серого не было!

* * *

Серый карабкался по скобам, ведущим вверх; он, пока скорость невелика, забрался на один из средних вагонов состава.

– Стой!! – закричал Вадим во всю глотку, бросаясь вдогонку. Перед ним маячила, отдаваясь, задняя тормозная площадка. Вадим сбросил мешавшую шинель и что есть сил заработал ногами, словно не было ни стычки у проходной, ни сумасшедшей езды по городу, ни драки на насыпи. Площадка со штурвалом винтового тормоза стала приближаться.

Утвердившись на скобах, Серый впритирку к стенке вагона перебрался на его торец. Выступ вагонной рамы под ногами едва позволял стоять на ней носками ботинок или развернув ступни в одну линию. Внизу, на фоне пробежавших шпал, покачивалась дуга из сомкнутых рукавов пневматической тормозной магистрали, мягко ползгивала зубами автосцепка и вздрагивали расцепные рычаги.

Он стал искать, за что бы уцепиться попрочней, чтобы нагнуться и достать один из рычагов или ударить ломиком по тормозным рукавам. Первая же попытка едва не стоила ему жизни – Серый чуть не рухнул в зазор между вагонами и удержался, лишь упершись ногой в раму по ту сторону маленькой, но смертельной пропасти. Тщательно рассчитанным толчком он вернулся к скобам, вцепился в них. Посмотрел вверх. Да, только вверх. Другого пути нет. Высунулся и посмотрел назад, вперед – ага! Поезд начал вписываться в плавный поворот перед мостом, и предстал Серому как панорама – позади, через два вагона, была тормозная площадка.

Вадим ухватился за поручень площадки, подтянулся и запрыгнул на свисающую вниз ступень. Пользуясь тем же обзором на искривлении пути, что и Серый, осмотрел состав – Серый энергично вскарабкался по скобам и уже залезал на крышу вагона.

– Ах, черт! – выругался машинист, далеко высунувшись в окно; тут и кочегар выглянул в раскрытую дверь кабины. – Взобрался-таки! Если до кондукторской площадки доберется...

– Сможет вагоны расцепить, – чумазый кочегар злобно сплюнул вниз. – Воздушную магистраль порвет, затормозимся наглухо и мы, и хвостовые. Гони, отец! нам только бы мост проскочить!

– Состав тяжелый, сразу не разгонишь, – мрачно буркнул машинист.

Поднялся на крышу и Вадим – ждать и выбирать не приходилось, потому что Серый шатко, с опаской, но без остановки шел по узкой дощатой дорожке, протянувшейся по крыше. Пояс, второпях плохо завязанный на запястье, распустился, а вновь прикрепить ломик к руке было уже некогда. Разрыв. Серый примерился и, оттолкнувшись, припечатался подошвами к крыше следующего вагона. Навстречу ему такой же прыжок совершил Вадим – и перешел на бег, потому что от следующего разрыва и площадки каждого из них отделял всего один вагон. Успеть первым – значит не дать Серому спуститься к рычагам и шлангам.

Тропинка из узких, обветшавших от времени и непогоды досок качалась перед глазами Серого, а по обеим сторонам мрачнела, колыхалась тьма высоких откосов – поезд почти

вплотную подошел к мосту. Охранник на посту у береговых опор, поправив на плече винтовку с примкнутым штыком, широко раскрыл глаза и разинул рот, увидев на вагоне двоих, пригнувшихся и замерших перед схваткой.

Вадим успел перескочить разрыв быстрее, чем Серый подошел к навесу над площадкой. Они стояли лицом к лицу. Мимо поплыли решетчатые подпоры мостовых арок.

– От меня не уйдешь, – свирепо молвил Вадим, нападая. Нанося удары и делая финты, оба они старались как можно тверже стоять на ненадежной дощатой платформе. Вадим смекнул, что опора на крышу—верней. Улучив удобный миг, он длинным выпадом заставил Серого отступить, после чего встал на крышу – и двинулся вперед, нанося удар за ударом. Серый, не успев принять устойчивую позу, сбился с ноги, забалансировал над темнотой, где у «быков» моста пенилась река. Вадим хотел столкнуть его тычком, далеко выбросив руку – но сам едва не свалился. Серый, пользуясь моментом, взмахнул ломиком, чтобы верней направить падение—Вадим еле успел отскочить; тогда Серый, вместо того, чтобы перехватить инициативу и теснить его дальше, к самому краю, вдруг отступил и бросил ломик себе под ноги. Следующим движением он достал пистолет.

– Поиграли – и хватит. Ты безоружен, – проговорил Серый с довольным видом, поводя стволом. – Брось дубину, она не поможет.

Вадим с сожалением спустил ременную петлю с запястья, дубинка тупо стукнула у ног.

– На колени, свинья.

– Не дожدهшься, – выдохнул Вадим, нагло заложив руки в карманы и глядя на врага бесстрашно, прямо.

– Тогда я прострелю ноги. Потом голову. И остановлю поезд. Война закончится по-нашему.

Внезапно выбросив правую руку из кармана, Вадим метнул в лицо Серому что-то маленькое – пачка рассеяла нюхательный табак плотным облачком. Серый, оскалив в вопле рот, зажмурил глаза и стал вслепую нажимать на спуск – выстрел! второй! следом сухой щелчок, магазин пуст – а Вадим, мгновенно пригнувшийся как можно ниже, подхватил дубинку.

– Как тебе русский табачок?! В аду прочихаешься, падаль! – широко развернувшись, он выкрикнул: «Ннна!!» и ударил Серого по уху; голова у того мотнулась, кепка слетела, изо рта выплеснулась кровь. Зависнув на миг и вскинув руки, Серый полетел вниз в развевающемся, как крылья нетопыря, пальто.

* * *

Вадим осел на крышу, уронив дубинку и бессильно свесив голову. Никаких звуков, кроме стука колес на стыках рельсов.

Когда он открыл глаза, небосвод был голубым, а поле за рекой – чистым и безмятежным. Поезд катил по прямой блестящей колее, вскинув свой длинный дымный флаг, а параллельно насыпи по грунтовой дороге уверенно шли советские войска – плотные колонны пехоты в касках и защитного цвета плащах, вереницы грузовиков, а краем дороги, обгоняя пеших и автомобили, пылили танки с красными звездами на броне. Танкист в черном шлеме, по пояс высунувшийся из башенного люка, приветственно помахал Вадиму. По башне шла белая надпись: «НА БЕРЛИН!»

Ширился, разгорался рассвет. Могучее солнце заливало весь мир золотым сиянием. Водная гладь реки вспыхнула слепящим зеркалом, рябь утренних волн заиграла искрящимися, радужными бликами, заставляя смыкаться усталые глаза. И медленно исчезали, удаляясь и растворяясь в торжественном свете, поезд, дорога с идущими по ней войсками, танки... Только глубокая даль, ясный свет, покой и счастье!

* * *

Вадим шел через реку по автомобильному мосту навстречу утреннему солнцу, порой поглядывая на него с прищуром и улыбкой. Машины проносились с шумом, обдавая его быстро тающими струями полупрозрачных газов и легчайшей пыли. Выглядел Вадим не слишком парадно – неровно надетая черная вязаная шапка в серых пятнах пыли, слева над бровью красновато-бурая корка на засохшей ране, ссадина на скуле и коричневатые тени усталости на веках, комбез охранника, дубинка у пояса... Но глаза, когда Вадим не улыбался, смотрели твердо и спокойно, а осанка была ровной и уверенной. Он как будто вырос, стал выше и стройней. По тротуару шагал солдат, вернувшийся домой с победой.

Так же, с гордо вскинутой головой, вошел он на остановке в автобус. Молодая кондукторша с именным бейджем, приглядевшись к нему с опаской, все же подошла и неуверенно сказала:

– Вошедшие, оплачиваем проезд.

Кивнув с довольным лицом, Вадим нашарил в кармане десятку и вложил в ладонь девушки. Вручив ему билет, она участливо спросила:

– Вам помочь? у водителя есть аптечка...

– Не надо, – широким жестом отмахнулся Вадим. – Все в порядке, я вам точно говорю. Враг будет разбит, победа будет за нами. Раз и навсегда.

* * *

В глухой сепиевой дымке по широкой, разбитой дороге, мимо покосившихся телеграфных столбов и воронок, оставшихся после бомбежки, мимо чадающего гарью поля недавнего боя плелась унылая колонна пленных – грязных, оборванных, порой без шапок, иногда в засохших кровью бинтах.

Конвоиры с ППШ и трехлинейками, в пилотках и шинелях, шли по обеим сторонам колонны побежденных, сурово и неприязненно поглядывая на своих подопечных, а те отвечали безжизненными, пустыми взглядами.

Среди бредущих в плен топал, неловко хромая, молодой человек в штатском – запачканное, местами порванное длинное пальто, измятые брюки, взлохмаченные волосы, ободранное и отекающее лицо. Это был Серый. Кутаясь в пальто и потерянно озираясь, он тихо спросил соседа по колонне:

– Какой сейчас год?

– Нихт ферштейн, – огрызнулся тот.

– Год? – не унимаясь, повернулся Серый к другому. – Где мы? Куда нас ведут?

Тот, кого он спрашивал, в отчаянии помотал склоненной головой:

– Энде... энде... этто крах... Гитлер капут...

– Год?! – уже громче, ощерившись, настаивал Серый. Не ответив, пленный скривился и беззвучно заплакал.

– Нет. Нет, – опускаясь на колени и подергивая головой, повторял Серый, потом зажал уши и стал раскачиваться взад-вперед, выкрикивая все громче, переходя на исступленный вопль, а лицо его стало безобразной, злобной гримасой ненависти: – Нет! Не-е-е-ет!!..

Люди в колонне брезгливо отодвигались от кликуши, с перекошенным лицом бьющего поклоны так, словно он хотел разбить лоб о землю.

Рассветный ветер разогнал туман; в просвет среди облачной пелены ворвались косые лучи восходящего солнца.

Визгливый крик Серого становился все мельче, тоньше. Величественная гармония света и звука заглушила и смяла его, как ничтожный писк. Солнце поднималось над полем; колонна выглядела темным штрихом на извилинах дороги, и становились видны силуэты боевых самолетов, клиньями плывущие на запад, вереницы танков и громадные множества людей, ровными порядками движущиеся в одном направлении – к победе.

Владимир Контровский

Всплеск волны

– Кирпич ни с того ни с сего, – внушительно перебил неизвестный, – никому и никогда на голову не свалится.

М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

2 августа 1943 года

«Идти тридцатиузловым ходом в темноте по этим опасным водам – сущее безумие! – думал командир японского эскадренного миноносца «Амагири», напряженно всматриваясь в густую тьму тропической ночи. – Да еще этот ветер—корабль то и дело дергается под ударами волн. Но что поделаешь, война...»

– Неопознанный объект прямо по курсу! – закричал матрос-сигнальщик, но командир и сам уже различил небольшое темное пятно. Здесь действуют катера янки – маленькие, но смертельно опасные кораблики. Это может быть один из них!

Опытный офицер Императорского флота действовал быстро и безошибочно. Эсминец подвернул, добавил ходу – турбины взвыли от нагрузки – и таранил темный силуэт. В момент удара набежавшая волна подбросила нос корабля, и стальной форштевень надвое разрезал торпедный катер «РТ-109», развалив его боевую рубку. При столкновении погибли четыре американских моряка, в том числе командир катера – лейтенант резерва ВМС США Джон Кеннеди.

16 октября 1962 года

– Господин президент, данные аэрофотосъемки неоспоримы: на Кубе находятся русские ракеты среднего радиуса действия, способные нести водородные боеголовки. Правда, на снимках не зафиксированы сами ракеты, однако, судя по тому, что мы обнаружили – подъездные пути, вспомогательное оборудование, стартовые площадки, – они там, господин президент. Вся инфраструктура присутствует – до такой степени не блефуют. Соединенные Штаты Америки находятся перед лицом самой страшной угрозы своему существованию со времен провозглашения Декларации Независимости, господин президент.

Костистое лицо человека по имени Барри Голдуотер медленно наливалось краской.

– Этот неотесанный фермер, – процедил он сквозь зубы, – слишком много себе позволяет. Занимался бы своей кукурузой вместо того, чтобы лезть в большую политику! Он осмеливается грозить своим грязным ботинком первой стране мира!

– У этого ботинка теперь ядерный каблук, господин президент.

– Вот именно! Вы знаете, что было в Хиросиме? Нет? Спросите Пола Тиббетса и тех парней, которые были на борту «Энолы Гей»! А еще лучше посмотрите отчеты наших специалистов, посетивших эти радиоактивные развалины. На мосту Айой остались тени – люди сгорели, не успев упасть! Я не хочу, чтобы такие негативы появились на мостовых Нью-Йорка или Бостона. Предъявим красным ультиматум – пусть немедленно убирают свое ракетное барахло из-под задницы Фиделя! В противном случае... Всем вооруженным силам – полная боевая готовность! И еще: мы объявляем блокаду Кубы – любое судно, следующее на остров, должно быть досмотрено. В случае неподчинения – открыть огонь!

– Но, господин президент, – заметил госсекретарь, – официальное объявление блокады автоматически переводит нас в состояние войны с Советским Союзом! Может, разумнее использовать более осторожное понятие «карантин»?

– Мне плевать на эти юридические тонкости! – Бешеный Барри закусил удила. – Если бы во время войны в Корее мы пустили в ход наше атомное оружие, сегодняшнего позора Америки – русских ракет на Кубе – не было бы! У Эйзенхауэра – тоже мне, боевой генерал, – не хватило решимости, видите ли! А у меня – у меня хватит решимости на все! Да, чуть не забыл: военному флоту необходимо перекрыть русским субмаринам дорогу в Карибское море. Преследовать обнаруженные подводные лодки Советов и не останавливаться перед применением оружия! Хватит болтовни – пора показать им нашу силу!

Человек по имени Барри Голдуотер принадлежал к тем, кого называли «ястребами».

Многие в США с опаской относились к возможности появления такой личности на посту президента ядерной державы, но на выборах 1960 года достойного конкурента кандидату «бешеных» не нашлось, и Голдуотер стал президентом.

27 октября 1962 года, «черная суббота»

События нарастали катящимся снежным комом.

...Расчеты межконтинентальных баллистических ракет «Минитмэн» дежурили на своих постах по боевому расписанию, и сизый дым сигарет казался первым дымом занимавшегося мирового пожара...

...Тяжелые тягачи, утробно рыча, выворачивали вековые деревья в сибирской тайге, волоча туши ракет к заранее выбранным пусковым позициям...

...Стратегические бомбардировщики отрывались от бетонных полос аэродромов, неся под крыльями мегатонные бомбы...

...Авианосцы разворачивались против ветра, лифты-подъем-ники извлекали из ангаров на полетные палубы штурмовики «Виджилент» – носители термоядерного оружия, – и обслуживающие команды подкатывали их к паровым катапультам...

...Командующий группой советских войск на Кубе генерал Исса Плиев с кровожадностью истинного абрека ждал, когда же, наконец, можно будет взмахнуть атомной шашкой: решение о применении тактического ядерного оружия в случае вторжения американских войск на Кубу уже было принято...

...Прямой провод между Кремлем и Белым Домом раскалился от горячей информации, трансформированной в электрические импульсы...

...Подавляющее число обитателей Земли еще ни о чем не знало. В условленных местах в назначенный час встречались влюбленные, матери возились с детьми, люди торопились на работу, строились планы на будущее, мечты становились реальностью, писались стихи (загоралась звезда Владимира Высоцкого) и музыка («Beatles» начинали свое восхождение к мировой славе), снимались кинокартины с Марчелло Мastroяни и Софи Лорен в главных ролях...

А между тем недрожжащие пальцы уже легли на красные пусковые кнопки. Мир повис на тонком-тонком волоске...

Тот же день, Вашингтон, 14:22

– Господин президент, Хрущев согласен на вывод своих ракет с Кубы, но он требует гарантий.

– Каких еще гарантий?! – щеку президента прошел нервный тик. – Он что, вздумал торговаться?

– Гарантий собственной безопасности. Наши ракеты в Турции угрожают России точно так же, как их ракеты на Кубе угрожают нам. Русские требуют их вывода – и это логично, господин президент: никому не хочется жить под прицелом.

И еще они хотят, чтобы мы не трогали Кастро. Вы не желаете переговорить с советским лидером лично?

– Нет. И никаких условий – так ему и передайте! Пусть немедленно убираются с Кубы! А о всяких там гарантиях поговорим после. – Мысль о том, что русские тоже не хотят появления «атомных фотографий» на асфальте Москвы или Ленинграда, в голову человека по имени Барри Голдуотер почему-то не приходила.

– Но, господин президент...

– Все. Выполняйте. Красные понимают только язык силы, и я...

Трель телефонного звонка прервала патетическую речь Голдуотера. Лицо президента США изменилось, когда он выслушал то, что ему сообщили.

– Ну вот, я был прав. Коммунисты считают мягкотелость признаком слабости.

– Что случилось?

– Над Кубой сбит наш разведывательный самолет «У-2» – в соответствии с приказом Фиделя Кастро командующий ПВО группы советских войск на Кубе дал команду на пуск зенитных ракет. Пилот Андерс погиб. И это еще не все: в Карибском море произведен

подводный атомный взрыв – уничтожено несколько наших кораблей. Потери уточняются.

– Но это же... – растерянно произнес министр обороны.

– Да, это война. Ядерный удар по Гаване – немедленно! И по всему острову, по стартовым позициям русских ракет – надо вырвать у змеи ядовитые зубы прежде, чем она укусит! А нашим выполняющим боевое патрулирование стратегическим бомбардировщикам приготовиться к массовой атаке на крупные города и промышленные центры Советского Союза в соответствии с планом «Дропшот».

Тот же день, Карибское море, 13:47

Когда импульсы гидролокатора нащупывают в толще воды затаившуюся подводную лодку, возникает ощущение, что по корпусу субмарины быстро и часто стучат молотком. Моряки «Б-59» слушали эту музыку уже в течение нескольких часов – целая группа корветов и эсминцев неотступно следовала по пятам. Все попытки оторваться не увенчались успехом – противолодочных кораблей было слишком много, и наверняка там, наверху, висят еще и вертолеты, опустившие в море гидроакустические буи. Кольцо неумолимо сжималось...

Подводную лодку сильно тряхнуло – прямо над ней разорвались выпущенные из многоствольных бомбометов реактивные глубинные бомбы. Пугают? Заставляют всплыть? А если нет – бьют на поражение, только чуть ошиблись в прицеливании? Что там, наверху, творится? Может, там уже встают атомные грибы, и весь мир корчится в огне? Связи-то нет – ни со штабом ВМФ, ни с другими находящимися в этом районе лодками 69-й эскадры Северного флота. Что делать, когда не знаешь, что делать?

Командир «Б-59» капитан второго ранга Валентин Савицкий не знал и об отданном президентом США военно-морским силам в Карибском море приказе «не останавливаться перед применением оружия против обнаруженных и упорно не желающих всплыть советских подводных лодок». Этот офицер-подводник многого не знал...

Лодку снова затрясло, на этот раз гораздо сильнее. Погас свет – лопнули от сотрясения лампы, засыпая металл палубного настила мелкой стеклянной крошкой. Загорелось тусклое аварийное освещение, и в его призрачном свете восковые лица подводников стали похожими на лики оживших мертвецов.

– Мы сейчас по ним шархнем! Сами погибнем, их потопим всех, но флот не опозорим!⁶ «Изделие-400» к пуску изготовить! Минер, мать твою...

– Есть! – отозвался командир БЧ-3, минно-торпедной боевой части.

«Изделие-400». Торпеда с АБЗО – атомным боевым зарядным отделением. На борту «Б-59» такая игрушка всего одна, но и одной более чем достаточно, чтобы смести весь преследующий лодку отряд боевых кораблей с поверхности моря одним движением – как хозяйка смахивает тряпкой крошки со стола.

– «Изделие-400» к пуску готово!

Остается только отдать команду (которая *будет* выполнена) – и хищное тело торпеды рванется, вытолкнутое сжатым воздухом из тесной смиренной рубашки трубы торпедного аппарата, нырнет, подчиняясь заложенной программе, на глубину в двести метров и там превратится в огненный шар. На поверхность этот шар, сжатый со всех сторон огромными массами воды, не выскочит, зато выбросит высоко вверх исполинских размеров водяной столб. Снаряды всех линейных кораблей всего мира, выпущенные в ходе всех войн двадцатого века, взорвись они в одной точке одновременно, и то не дали бы такого гигантского всплеска. А *эта* торпеда даст, и вся эта свора наверху мгновенно превратится в мелкие щепки... Люди ждут твоей команды, командир, – но как же тяжелы звезды на твоих погонах...

– Шум винтов торпеды с правого борта! Приближается!

«Вот и все – конец всем вопросам, – отрешенно подумал капитан второго ранга. – Судя

⁶ Эти две фразы – подлинные, произнесенные В. Савицким в октябре 1962 года в Карибском море на борту преследуемой американцами подводной лодки «Б-59».

по всему, они пустили в ход противолодочный комплекс «Саброк-Асрок», и жить нам осталось считанные секунды. Ну что ж...»

– «Изделие-400» – пли!

...Программа стремительно уходящей в глубину «четырёхсотой» еще не отработала до конца, когда сталь прочного корпуса субмарины разворотил взрыв самонаводящейся торпеды. Внутри лодки хлынула вода, вытесняя воздух из тесных отсеков и человеческих легких. Но это уже не имело никакого значения – *спичка успела упасть в кучу сухого хвороста...*

...Поверхность моря вздыбилась чудовищным горбом, из которого выпирало-вырастало гигантское водяное дерево с толстым стволом и кипящей кроной. Скорлупки кораблей исчезли в утробе атомного монстра, а к берегу Мексиканского залива и золотым пляжам Антильских островов покатила впитавшая незримую смерть волна...

Тот же день, 14:53

...Высоко в небе над Гаваной от серебристого тела гигантского восьмимоторного «В-52 Стратофортресс» отделилась водородная бомба и, расталкивая своей уродливой тушей прозрачный тропический воздух, начала падать на обреченный город. Но за две минуты до этого с мобильных пусковых установок советских ракет на Кубе сорвались огнехвостые стрелы с ядерными наконечниками и полетели на северо-запад – система оповещения успела предупредить о начале конца. Атомная шашка со скрежетом выползла из ножен...

2 августа 1943 года

«Нестись тридцатиузловым ходом в темноте по этим опасным водам – сущее безумие! – думал командир японского эскадренного миноносца «Амагири», напряженно всматриваясь в густую тьму тропической ночи. – Но что поделаешь, война... Хорошо еще, что погода тихая – нет ветра и волны.»

– Неопознанный объект прямо по курсу! – закричал матрос-сигнальщик, но командир и сам уже различил небольшое темное пятно. Здесь действуют катера янки – маленькие, но смертельно опасные кораблики. Это может быть один из них!

Опытный офицер императорского флота действовал быстро и безошибочно. Эсминец подвернул, добавил ходу – турбины взвыли от нагрузки – и врезался в темный силуэт. Стальной форштевень надвое разрезал торпедный катер «РТ-109», пройдя перед самой рубкой. При столкновении погибли двое из тринадцати членов экипажа катера, но остальные спаслись благодаря энергичным действиям его командира, лейтенанта резерва ВМС США Джона Кеннеди – будущего американского президента.

Санкт-Петербург, 2005 год

Дмитрий Токарев Первый взмах меча

...Таким образом, видим, что данная теория, не противореча имеющейся на настоящий момент научной картине мира, позволяет теоретически обосновать возможность извлечения внутриатомной энергии путем «лавиной» или «цепной» реакции деления ядер. Техническая реализация данной теории, хоть и будет представлять собой весьма нетривиальную инженерную задачу, тем не менее, может принести огромную пользу как в народном хозяйстве, так и, учитывая непростое международное положение, в военной сфере.

Из докладной записки на имя Сталина, отправленной в июне 1934 года, вернувшимся из научной командировки в Англию профессором Н.

Резолюция на документе:

«Любопытно. Проконсультироваться с учеными, пригласить для беседы. И. С.».

– Таким образом, можно считать, что именно эти операции положившими начало тому, что позже с подачи западных политиков получило название «ядерного меча Советов». Не стоит забывать, однако, что меч этот был обнажен лишь трижды, когда наша страна стояла

на пороге широкомасштабных войн, которые могли бы унести гораздо больше жизней, чем три хирургических ядерных удара. Именно этот меч испепелил Шестую японскую армию, готовую вторгнуться на наш Дальний Восток, именно он подорвал промышленную мощь нацистской Германии, отправив в небытие сначала их план «Барбаросса» а затем и сам нацизм. Как выразился в одном из интервью наш выдающийся физик Андрей Дмитриевич Сахаров: «А незачем кулаками махать – глядишь, на меч и не напорешься!»

Переживая оживленный шум, седовласый, весьма преклонных лет докладчик, чью грудь украшал орден Красной Звезды и две маленькие звездочки Героя, оглядел актовый зал.

Пионеры, собравшиеся на лекцию дважды Героя Советского Союза, профессора, члена-корреспондента Академии Наук и т. д., и т. п. Фролова Ивана Аркадьевича, посвященную пятидесятилетию сил ядерного сдерживания, слушали, затаив дыхание. Несмотря на то, что Дом пионеров и школьников располагался в маленьком таежном городке, слова «изделие», «носитель», «полигон» не были для собравшихся чем-то далеким и непонятным. Наоборот, эти слова зачастую мелькали в разговорах родителей, обсуждавших рабочие проблемы – что неудивительно, поскольку большая часть населения Тулы-36 (почему Тулы—неизвестно, городок находился не то что в другой области, но и в другой части света) работала на двух предприятия, где, выражаясь языком журналистов, «оттачивался ядерный меч нашей страны».

Фамилии, звучавшие в лекции, тоже многое говорили собравшимся. Ведь на заводах города меч скорее «ковался», а «оттачивался» он на другом предприятии. На том, чьи работники, пройдя через проходную, превращались из хорошо знакомых соседей по двору – «дядь Миш» или «Ван-Палычей» – в конструкторов, начальников КБ, профессоров, а то и академиков. Центр экспериментальных физико-химических исследований – крупнейший в мире институт, занимающийся проблемами атомного ядра – тоже располагался в зауральской Туле.

И работающие в Центре ученые, разумеется, предпочитали жить здесь же. Поэтому каждый мальчишка в городе знал, когда лучше лезть за яблоками в «курчатовский садик» и почему на «рогозинские» яблоки можно только облизываться. Ну а рецепт знаменитой прикормки – «академки» от маленького, сухонького любителя посидеть с удочкой на городском пруду вызывал у мальчишек такой же ажиотаж, как у заокеанских разведчиков – другие секреты рыбака-пенсионера. И никто, разумеется, не удивился, когда после смерти этого старичка-рыболова весь город приник к телевизорам, следя за торжественной церемонией захоронения в Кремлевской Стене «видного сына советского народа, основоположника ядерной науки, создателя «ядерного меча», лауреата Ленинской и Сталинской премий, академика...» и т. д.

Докладчик, на чьих глазах прошло строительство и становление этого города, еще раз обвел взглядом актовый зал.

– Теперь можно перейти к вопросам... государственных и военных тайн раскрывать не обещаю, но на что смогу – отвечу.

– Разрешите? – поднявшийся со второго ряда мальчишка, будучи счастливым обладателем очков, явно «косил» под ребячьего кумира последних лет – аккуратно повязанный галстук, очки, комбинезон «летучка» с приборным патронташем – в памяти сразу всплывали кадры из экранизации «Генерального Инспектора» Стругацких с пионером, сумевшим-таки прошмыгнуть мимо Жилина на борт «Тахмасиба».

– У нас, в историко-техническом кружке, при анализе этих событий возникли некоторые вопросы, связанные с техническими деталями операции, – начал он явно заготовленную заранее речь, но, не удержавшись, сменил стиль на более привычный. – В общем, не понимаем мы, как наши летчики сумели так ловко бомбы на японцев положить, а уж про Германию так и вовсе чуть не до драки спорили. Весь информарий в поисках техдоков перерыли. Мы даже доступ к зарубежному сегменту информария заказали для поиска – ну никак не могли наши самолеты туда бомбы доставить. Или по грузоподъемности, или по запасу топлива, или по потолку. Вот пять лет спустя, на

«Туполеве» – пожалуйста, а в сороковом – ну не на чем было!

Тут, спохватившись, что сейчас он не спорит с товарищами по кружку, а излагает вопрос докладчику, мальчишка вновь перешел на заготовленный ранее текст:

– Вы были непосредственным участником как первого случая применения нашими войсками атомного оружия, так и второго. Не могли бы вы более подробно рассказать об этих операциях, сделав упор на их технические особенности?

– Более подробно? – докладчик тяжело вздохнул. Ну не был он талантливым рассказчиком, не был. Впечатлений за прошедшую жизнь накопил – дай (или не дай) бог всякому, а вот рассказывать о них... над книгой мемуаров второй год с помощью литографчика бьется, а тут не мемуары, тут детям рассказывать нужно.... Как описать им насмешливо-недоверчивый блеск в глазах Байдукова во время предполетного инструктажа, который он лично проводил? Разумеется, никаких техников-оружейников для новой бомбы еще не было, и эту работу выполняли они, ее создатели – инженеры и конструкторы. Понятно, что прославленный летчик с недоверием относился к исходящим от «посторонних» техников довольно странным и необычным инструкциям. И если необходимость высотного бомбометания и максимально быстрого ухода с места сброса еще можно было как-то понять, то вот требование сразу после сброса надеть тяжелые черные очки и совершать маневр ухода «вслепую», даже не видя приборов, выглядело не просто странно, а прямо-таки подозрительно.

А те же глаза уже после вылета—красные, слезящиеся, и не поймешь, то ли оттого, что командир АНТ-42 наплевал на черные очки, то ли... Взрывов было два, значит, до цели долетели оба самолета, а вот на вопрос только что севшего Байдукова – «Как Паша?» – никто из встречающих ответить не захотел... или не смог. Как не могут ответить на него до сих пор – после капитуляции остатков Шестой армии район, невзирая на высокую радиоактивность, был буквально прочесан в поисках остатков второго самолета, совершенно напрасно прочесан...

Как объяснить собравшимся здесь, почему прославленный летчик, дважды герой, после возвращения из того полета невзлюбил «Марш авиаторов», и стоило песне дойти до куплета со «взглядом, пронзающим каждый атом» и «воздушным флотом, дающем ответ на любой ультиматум», каменел лицом и либо уходил, либо, если уйти было нельзя, начиная планомерно напиваться?

А как описать свои чувства, когда по радио прозвучало: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик, исчерпав дипломатические методы решения проблемы и не желая развязывать полномасштабные боевые действия, приняло решение о ликвидации Шестой ударной армии под командованием генерала Огису Риппо. Решение приведено в исполнение сегодня, 20 августа 1939 года, в 3 часа 17 минут». И разворот «Правды» со списком награжденных, а в списке, среди прочих летчиков, девять фамилий, совершивших лишь один вылет... и еще девять с пометкой «посмертно».

Его собственной фамилии тогда в газете, разумеется, не оказалось. Не положено было, ведь инженер-конструктор Фролов безвылазно сидел у себя в институте и занимался чем-то нужным и непонятным, а оружейного техника Иванова, пробывшего на войне всего четыре дня и снарядившего лишь два самолета, за что к герою представлять? Нет, не рассказчик он все-таки...

– Что ж, если вы хотите развернутого описания всего, что происходило в то время на Халхин-Голе, с перечнем полков, их комплектацией, техническими и военными подробностями операций, то потерпите еще пару месяцев. Сейчас «Воениздат» заканчивает выпуск трехтомника мемуаров Жукова, посвященных той самой войне. Выход решили приурочить как раз к пятидесятилетию событий, к двадцатому августа. Вот там вторая половина второго тома целиком посвящена столь интересующей вас теме. Если же в двух словах, то надо признать, что операция была задумана крайне рискованно, и если бы не удачное стечение обстоятельств и не тщательная подготовка, вполне могла бы провалиться...

Втянувшись в повествование, Иван Аркадьевич постепенно забыл, какой он «никакой рассказчик».

– Давайте вспомним, что вообще творилось в то время на этом рубеже. В начале июля японские войска переправились на западный берег Халхин-Гола и захватили плоскогорье Баин-Ца-ган. Они рассчитывали тем самым заставить советское командование отвести войска с плацдарма на восточном берегу. Жуков контратаковал силами только что подошедшей 11-й танковой бригады комбрига Яковлева и 24-го мотострелкового полка полковника Федюнинского. К 19 часам 3 июля противник был атакован с трех сторон. Бой продолжался ночью и весь день 4 июля. И в это время Георгий Константинович Жуков был срочно вызван в Москву, где ознакомился с тем, что позже вылилось в операцию «Сухолей». В нашем распоряжении к этому времени уже было два «изделия Д-50.01». Точную мощность мы тогда предсказывать еще не умели, но ориентировочно надеялись на 30–35 килотонн. Результаты единственного испытания на Белоярском полигоне показал, что максимальный ущерб живой силе и технике бомба наносит при взрыве на высоте примерно двухсот метров, при этом радиус полного поражения составляет около пяти километров. С этой точки зрения концентрация японцев в месте прорыва была как нельзя кстати. Штабом был разработан план подготовительных работ, связанных прежде всего с дезинформацией противника и привлечением в район Баин-Ца-ган как можно большего количества вражеских войск. Были отданы приказы о переходе к оборонительной тактике, о подготовке зимних позиций. Приняли даже решение о фиктивном отстранении Жукова от командования, чтобы объяснить японцам столь резкое изменение тактики. По радиосвязи, с использованием раскрытого японцами шифра, передавались запросы на колючую проволоку и деревянные колья для ее установки, советские войска рыли окопы и блиндажи.

Иван Аркадьевич сделал паузу, перевел дыхание.

– Из всего этого только рытье блиндажей было насущной необходимостью. Несмотря на меры, принятые для повышения точности бомбометания, вероятность промаха оставалась, и у закопавшихся в землю войск было больше шансов уцелеть, если бомба упадет на пару-тройку километров ближе к линии фронта. Все же остальное было чистой воды дезинформацией. И японцы на нее купились. В течение двух месяцев японское командование в срочном порядке перебрасывало в район боев новые части и соединения. 10 августа 1939 года из них была сформирована 6-я армия во главе с генералом Огису Риппо. Эта армия, переправившись на левый берег реки Халхин-Гол и расположившись на территории 20 километров по фронту и 8 километров в глубину, имела в своем составе 75 тысяч человек, 500 орудий и 182 танка. Авиация – более трехсот самолетов – к сожалению, располагалась в отдалении от Цаганского плацдарма, но это особой роли не играло. Генеральное наступление по планам японского командования должно было начаться 24 августа. Однако уже к началу августа у нас было все готово для начала «Сухолей». Мало того, мы закончили монтаж третьего «Слоненка», в результате было принято решение сбросить сразу две бомбы, оставив одну про запас, на всякий случай.

Докладчик опять на секунду прервался, чтобы сделать глоток минералки, после чего продолжил:

– Да, извиняюсь—я, увлекшись, назвал нашу первую бомбу, «изделие Д-50.01» – «Слоненком». Это прозвище мы дали нашему детищу за его форму – бочонок, горизонтально стоящий на четырех коротких подставках-опорах. В этих же опорах, как вы, наверное, знаете, находились механизмы крепления, так что в полет «Слоненок» отправлялся подвешенным «за ноги» под брюхо самолета. Прозвище было неофициальное, и поэтому почти не встречается в технической и исторической литературе. Но продолжу. Поскольку бомбометание должно было производиться с максимальной высоты, да еще ночью, перед нами вплотную вставала проблема точного прицеливания. Необходимо было положить бомбы как можно ближе к штабному городку шестой армии и к наиболее крупному из скоплений техники. Общее ориентирование и выход на цель осуществлялся, как вы, наверное, знаете, по звездам и по счислению. В обоих экипажах были очень опытные

штурманы, которые должны были вывести самолеты почти точно на цель. Для более точного прицеливания был задействован целый комплекс как стандартных средств типа костров, так и новинок – радиомаяков.

– Простите, – воспользовавшись новой паузой, перебил выступающего все тот же мальчишка, – а можно об этом поподробнее? Из доступных нам источников мы так и не смогли выяснить, кто и как развел в расположении японцев сигнальные костры, а то, что прямо у них в штабе работал наш радиомаяк и вовсе кажется невероятным.

– Ну, недоумение по первому вопросу я могу с легкостью рассеять – костры горели, разумеется, не на японской территории. Были разложены четыре «огненные стрелы», с таким расчетом, чтобы их продолжения пересеклись аккуратно в расположении японского штаба и мехплощадки. Сами костры располагались на нашей территории, и чтобы летчики их не перепутали, в определенный момент в огонь были добавлены химикаты, окрасившие пламя в яркие, хорошо различимые цвета. Две зеленых линии указывали на штаб шестой армии, а две алых – на скопление техники и горюче-смазочных материалов. Наличие же взрывчаток к этому еще и работающего радиомаяка, по-видимому, навсегда останется загадкой. Подобное задание было дано нашему знаменитому разведчику Рихарду Зорге – он неоднократно посещал штаб генерала Огисы Риппо, писал по этому поводу статьи для японских и немецких газет, а также донесения для советского командования. Однако по поводу радиомаяка в его донесениях говорится только то, что он «предположительно будет работать в ночь с 19 на 20 августа». Где он расположил радиомаяк, как обеспечил его своевременное включение, осталось неизвестным. Арестовавшая его полтора года спустя японская контрразведка не догадывалась о радиомаяке, поэтому даже в протоколах допроса ответ на эту загадку так и не всплыл. Вот такие были предприняты меры по обеспечению точности. И, как выяснилось позже – не напрасно. Обе бомбы взорвались на высоте трехсот метров, первая всего в полукилометре от места расположения штаба шестой ударной армии, вторая – в восьмистах метрах от места концентрации бронетехники и в километре от складов ГСМ. Разумеется, и первая и вторая цель были уничтожены полностью. Кроме того, ударная волна и световой импульс вывели из строя все войска в радиусе пяти километров от эпицентра. Вторичные метеоявления также оказали сильное деморализующее воздействие на уцелевших. Оставшиеся войска, лишившись одномоментно и командования, и техники, и почти семидесяти процентов личного состава, начали массовую сдачу в плен. Ну а что было дальше, вы, наверное, знаете – знаменитое заявление правительства, речь Ворошилова по радио, газеты с перечнями награжденных. Экипаж Байдукова получил звания Героев, их замаскировали среди списка других награжденных летчиков. Второй экипаж получил Героев посмертно. Я, как руководитель техгруппы, тоже получил Героя – но по закрытому списку, без публикации в газете. Такие вот дела...

Докладчик вздохнул, задумался. Потом, припомнив что-то забавное, хмыкнул.

– Зарубежные правительства сначала никак на это не прореагировали – наверное, были в шоке. Зато потом... шпионы в страну посыпались как из рога изобилия, чекисты едва успевали их сортировать – кого сразу арестовывать, а с кем поиграть. У нас в институте даже специальную лабораторию организовали, где разрабатывали фальшивые теории и конструкции для иностранных шпионов. Все на полном серьезе, с математическими расчетами, чертежами, даже кинофильм сняли – якобы отчет об испытании для показа самому Иосифу Виссарионовичу. За «кражу» этого фильма, по слухам, кого-то из английских разведчиков даже к рыцарскому званию представили. Резерфорд только к сорок шестому году начал подозревать, что использование столь ценной информации из Советской России может привести к чему угодно, кроме создания атомной бомбы. Сколько они в тот ториевый реактор денег и времени вбухали – подумать страшно.

Новая пауза – однако на этот раз никто не перебивал, все слушали, затаив дыхание.

– Но это было позже, а тогда перед нами поставили новую задачу – к весне наработать топлива еще на две бомбы. Впереди была операция «Ганнибал». Я не буду останавливаться на ней подробно – все равно лучше, чем Юлиан Семенов в своих книгах «Последние

мгновения весны» и «Бомба для фюрера», рассказать не смогу. Вы все наверняка смотрели фильм, снятый по «Последним мгновениям», помните там фразу – «Служивцы считали, что Штирлицу крупно повезло. Он вернулся из командировки на завод Круппа всего за день до этого жуткого налета». На самом деле поддержку операции, конечно, осуществлял не вымышленный герой Штирлиц, а целая группа под руководством почти столь же легендарного разведчика Николая Кузнецова. Но это, пожалуй, единственная неточность, позволительная художественному произведению. А в остальном все было как в книге: и груз «электрохимического оборудования», отправленный железной дорогой на завод Круппа, и ваш покорный слуга с группой специалистов в роли «сопровождающих», и даже количество фальшивых «химических агрегатов», среди которых были замаскированы оба «Слоненка», у автора указано верно. Подмена документов, согласно которым груз отправился в заранее выбранные точки промышленного гиганта, подготовка устройств к активации и поспешное, но не привлекающее внимания возвращение. Все это проходило на фоне растущего напряжения в советско-германских отношениях. После речи Геббельса и ультиматума Молотова никого не удивило, когда в ночь на последнее весеннее воскресенье посты воздушного наблюдения Германии засекли несколько самолетов, на максимальной высоте пересекающих границу со стороны СССР. Удивило всех то, что произошло после этого. Самолеты, не несущие никакого бомбового груза, смогли с легкостью пройти все системы ПВО, долететь до цели, и... в этот тщательно рассчитанный момент сработал таймер, установленный нами на «Д-50.01». Взрывы произошли на поверхности земли, поэтому радиус поражения был меньше, чем в Монголии, но зато вокруг были промышленные здания, склады, химические и топливные хранилища. То, что не смогла сделать ударная волна, доделали пожары. Дальнейшее, думаю вам хорошо известно. Заявление правительства СССР о пресечении имперских поползновений нацистской Германии, несколько молниеносных войсковых рейдов. И главное – то, что сейчас назвали бы «рекламной компанией» нового оружия – чествование героев-летчиков и авиастроителей, выход на экраны популярных и художественных фильмов, посвященных атомной энергии, книг о ней же. То, что и фильмы, и книги не содержат никакой достоверной информации, понимали мы – те, кто работал в этой области. Весь же остальной советский народ знал, что у СССР теперь есть «ядерный меч», достойный преемник того самого меча, которым грозил захватчикам еще Александр Невский: «Кто к нам с мечом придет – тот от меча и погибнет!». Спустя восемь лет кое у кого возникло желание проверить этот меч на прочность, но наши инженеры и конструкторы – это время тоже не сидели без дела. Третий, и надеюсь, последний взмах меча обеспечил нашей стране почти полвека мира и процветания. Да и не только нашей стране, если приглядеться... прогрохотавшая в начале века Мировая война так и осталась уникальным и уродливым событием в человеческой истории. И очень надеюсь, что спустя много лет она по-прежнему будет оставаться Великой и никогда не станет Первой.

Аплодисменты, которыми провожали сходящего с трибуны докладчика, свидетельствовали, что собравшиеся в зале пионеры искренне разделяют эту надежду и со временем приложат все усилия к тому, чтобы она осуществилась.

Трудовых и научных подвигов хватит и на их долю.

Дмитрий Токарев
Черный метеор
(Первые десять минут)

*Так и не взлетевшей аэрокосмической системе «Спираль»
посвящается*

– Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических республик. Вид наряда – высотное патрулирование, задача –

отслеживание и контроль несанкционированных пролетов космических аппаратов через высотный сектор Государственной границы СССР, форма несения службы – парный наряд, маршрут движения носителей – широтный, запад-восток взаимодействие... связь... доклад... Вопросы есть?

– Вопросы нет, приказ ясен. Есть выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических республик, вид наряда – высотное патрулирование, задача – отслеживание и контроль несанкционированных пролетов космических аппаратов через высотный сектор Государственной границы СССР, форма несения службы – парный наряд, маршрут движения носителей... взаимодействие... связь... доклад...

– Выполняйте приказ!

– Наряд, налево, на охрану Государственной Границы Союза Советских Социалистических республик, по машинам, шагом марш!

* * *

Ритуал заступления на боевое дежурство успел уже стать для Сергея привычным, и теперь он не удивлялся, как было сразу после училища, нелепой на первый взгляд смеси авиационной и сугубо сухопутной, пограничной терминологии.

Вот, например: кого считать заступающими в «парный наряд по охране границы»? Их с Валерой – пилотов – «спиральщиков», которые, может быть, весь полет просидят в своих кабинах, «как у мамки в пузе» (инструктора в училище весьма метко определили позу и главное, свободу движений пилота боевого орбитального самолета), или экипажи гиперзвуковых носителей-разгонщиков общим числом в десяток человек – тоже «парный наряд»? А полсотни техников, готовящих ТУ-102КН к полету? А службы обеспечения полета? Диспетчера? Локаторщики?

Мысли, роившиеся в голове молодого летчика, были далеки от предстоящего вылета. Не имело смысла гадать, как пройдет полет. Скорее всего, придется проскучать все десять часов в «готовности № 2», изредка переговариваясь по бортовой сети с экипажем разгонщика. А может быть, неугомонным амам опять придет в голову запустить свой спутник вплотную к запретному коридору – и тогда придется попрощаться с «извозчиками» и воспарить ТУДА, чтобы сблизиться с бедным нарушителем и рассмотреть его во всех деталях, сравнивая вид в 50-кратный оптический визир (с трех километров на медном пятаке орел от решки отличить можно!) с тем, что предоставили американцы согласно договору. И пусть они там трепещут на своем Канаверале, представляя, как какому-то Ивану не понравится конфигурация антенны, или он решит, что «этот отсек в документации не указан». И в эфире вновь прозвучат роковые слова «...наблюдаю конструктивное несоответствие представленной документации. Модуль DR-16UZ вопреки спецификации снабжен откидной крышкой. Отчетливо наблюдаю теневой след от шарнирных прорезей. Наблюдение зафиксировано на киноплёнку». И когда с Земли подтвердят, что сообщение получено, и дадут «добро» на последующие действия, пилот вновь выполнит то, что предписано уставом – коротко дернется в рамке визира вражеский (ну хорошо, пусть «потенциально враждебный») спутник, удаляясь от орбитального корабля, потом еще раз дернется, когда оружейный отсек за спиной пилота покинет маленькая, юркая ракета класса «космос-космос» (прозванная «кака» как из-за этого обозначения, так и за конструктивные особенности обеспечения запуска). Нет, не та «кака с маком», которая может зажечь в небе звездочку, одновременно разнеся в пыль крупную орбитальную платформу, и которая, согласно инструкции, имеется лишь на корабле ведомого. Обычная, способная всего лишь догнать зловредный спутник на дистанции до сотни километров и настигнуть его тремя килограммами стальных осколков.

* * *

Разумеется, хозяева спутника сразу поднимут крик, утверждая, что с такой дистанции невозможно было разглядеть детали такой величины. И правильно вообще-то утверждая. Да, в визир можно разглядеть детали размером до сантиметра. Да, щель, по которой должен был скользить шарнир откидной крышки, имела ширину всего три миллиметра. Все учли конструкторы спутника-шпиона, все, кроме одного – в тот раз на «Спирали» Сергея проходило испытание «устройство для контрастной подсветки цели» – закрепленный на длинной выдвижной штанге мощный прожектор, при малейшем покачивании которым по освещаемому объекту начинали метаться тени, увеличивающие во много раз любую неровность. Достойный ответ американцам на их циничное предложение проводить осмотр с меньшей дистанции.

И пусть эксперты так и не смогли определить, что произошло пять лет назад с майором Луговым, чей корабль приблизился к американскому спутнику ближе двух километров именно с целью убедиться в наличии нескольких мелких деталей. Его ведомый, находившийся по инструкции на орбите перехвата в 50 километрах от своего ведущего, заметил вспышку, после которой Луговой перестал отвечать на вызовы. Проведенные после этого довольно рискованные маневры по сближению с замолчавшим кораблем и американским спутником, едва не исчерпавшие весь запас топлива, ситуацию не прояснили – установлено было только, что за спиной пилота рванул боезапас, разнеся в клочья кабину.

Американцы предположили, что на русском корабле произошла детонация от пуска ракеты, уничтожившей их спутник – вот только ни один пилот, тем более такой опытный, как майор Луговой, не стал бы пускать ракету, находясь всего в двух километрах от цели. Тем не менее американский спутник взорвался. Советский корабль – тоже. Отчего произошел взрыв, так и осталось загадкой – «Спирали» не предназначены для выхода пилота в открытый космос и взятия образцов, поэтому ведомый Лугового ограничился кинофиксацией разрушений и оставил своего мертвого командира на орбите – ждать возвращения на Землю «Черным метеором».

А спустя полгода командование, вероятно, получившее какую-то информацию иным путем, издало приказ, запрещающий досмотровым судам приближаться к объектам досмотра на дистанцию ближе трех с половиной километров. С такой дистанции действительно крайне трудно разглядеть мелкие детали, а американцы, словно зная об этом (хотя почему «словно»? Знали, точно знали!), резко увеличили количество запусков на «потенциально опасные» орбиты. Два крупных скандала со сбитыми «без явных причин» спутниками тоже не уменьшили нервозность в войсках.

Поэтому-то Сергей и не удивился, когда за удачное испытание «фары» получил «Боевое Красное Знамя» – Космическим Погранвойскам СССР срочно были нужны инструменты, облегчающие визуальный досмотр спутников. И действительно, обстановка на какое то время стабилизировалась, тревожных стартов стало меньше, а вскоре лейтенант-орденоносец и вовсе был отправлен на переподготовку – инженеры довели-таки «до ума» фтороводородный двигатель, и теперь в войска готовилась поступить обновленная «Спираль» с так же модернизированным под новый двигатель носителем.

* * *

Пока в голове Сергея роились эти воспоминания, «парный наряд» в составе двенадцати человек в высотных летных костюмах (костюмы «спиралистов» внешне мало отличались от обычных ВЛК) занял места в вагончике спецметро, который спустя пять минут доставил их к подземному ангару с двумя Ту-102РН «Прометей», покоящимися на своих стартовых тележках.

Здесь пути экипажей расходились: пилоты орбитальных самолетов направились к эстакаде, по которой им предстояло подняться на самый верх, чтобы, пройдя несколько метров по спине лежащего исполина, протиснуться в люк своей пилотной капсулы. Разумеется «по спине» они шагали чисто фигурально—топтать ботинками жаропрочное

кобальт-никелевое покрытие космического корабля никто не собирался, мостки, протянувшиеся вплотную к люку, обшивки не касались.

Экипаж «извозчиков» в эстакаде не нуждался. «Прометеи» лежали на разгонных тележках, те, в свою очередь, находились в стартовом желобе, так что к открытому люку гиперзвукового самолета можно было пройти по обычному мостику.

– Экипажам занять свои места.

Протискиваясь ногами вперед в тесную капсулу, Сергей бросил взгляд на соседнюю машину. Его ведомый уже скрылся внутри, из люка виднелись только руки, придерживающие готовую опуститься крышку. Проконтролировав подчиненного (хотя на самом деле лишний раз полюбовавшись на красавца «Прометея»), Сергей провалился в ложемент. Приглушенно клацнула крышка, отсекая внешние звуки, руки заученно начали проводить предполетную подготовку. Последняя серия разъемов и переключателей, пять секунд на появление зеленого огонька готовности на бортовой панели. Если огонек будет желтым, придется повторить всю процедуру заново – и получить втык после полета. Ну а если, не дай бог, красный, сигнализирующий о технической неисправности – ЧП, срыв боевого задания... Тут уже втык придется получать коллективно. В шлеме зашуршала внутренняя связь:

– Экипаж самолета-носителя бортовой номер 230, позывной – «Пегас-1», места занял, к взлету готов!

– Экипаж самолета-носителя бортовой номер 231, позывной – «Пегас-2», места занял, к взлету готов!

– Пилот орбитального самолета бортовой номер 746, позывной – «Факел-1», место занял, к взлету готов! – отозвался Сергей, устраиваясь в ложементе и готовясь как к десятичасовому ничегонеделанию, так и к внезапному переходу на «готовность 1» и стартовым перегрузкам.

– Пилот орбитального самолета бортовой номер 747 позывной – «Факел-2», место занял, к взлету готов!

Словно дождавшись рапорта ведомого, кресло слегка дрогнуло – значит, эстакада, по которой он поднялся в кабину, уже отошла, и разгонные тележки «Прометеев» тронули с места их шестидесятитонные тела. Кресло ощутимо вдавилось в спину – самолет должен оторваться от земли почти со звуковой скоростью, а длина стартового желоба всего три километра.

Еще один толчок – это тележки поймали в носовой раструб топливный шнур, и теперь их толкает вперед собственная реактивная тяга. Факт, надо сказать, малоприятный, учитывая характер и количество топлива, находящегося на борту самолета-носителя. Но ничего не поделаешь – за скорость надо платить. «И за секретность тоже», – подумал Сергей, представив, что сейчас видят в носовом иллюминаторе пилоты спираленосца... Самолет, разогнавшийся почти до скорости звука, стремительно приближался к тупику подземного коридора. Выходной створ шахты должен был открыться в последнее мгновение, прямо перед его носом... и так же быстро захлопнуться. Хотя космические погранвойска и делали все от них зависящее, чтобы в небе Родины не появился ни один вражеский глаз, но перестраховка в этом деле не помешает.

Момент, когда самолет оторвался от стартовых тележек, можно было определить только по приборам, выдававшим в данный момент Сергею основные параметры полета носителя. Зато включение собственных двигателей «Прометея» не заметить было невозможно. Четыре турбореактивных водородных двигателя, включившись, начали разгонять машину до крейсерских «пяти звуков».

– «Факел», ты там как, спать еще не устроился? – прорезался в шлемофоне голос командира самолета-носителя.

– Уснешь тут... ни ноги вытянуть, ни на бок повернуться, – ответил дежурной шуткой Сергей.

– А мы тут тебя с юбилеем поздравить решили. Сегодня ведь 27 октября.

– Э-э-э, с каким юбилеем? – удивленно перебирая в памяти значимые даты, спросил Сергей. – Хм, склероз подкрался незаметно... что то ничего не припомню.

– Ай-яй-яй, и это отличник боевой и политической подготовки... Ты вчерашнюю «Красную Звезду» читал?

– Э-э... нет. Занят был. – не стал вдаваться в подробности Сергей.

– Ага, занят, – раздался по связи голос штурмана, – и я даже знаю – кем!

– Цыть, молодежь! – шутливо приструнил экипаж командир. – Вчера в газете большая статья была, интервью с первым летчиком-испытателем твоей «птички», Сергей. Больше двадцати лет прошло, гриф с событий сняли, а тут как раз и юбилей подоспел. Цитирую: «27 октября 1977 года самолет-носитель Ту-95К, пилотируемый экипажем во главе с подполковником А. Обеловым, сбросил аналог 105.11, пилотируемый А. Фастовцом, с высоты 5000 метров в створ посадочной глиссады аэродрома. Резво нырнув вниз со скоростью 5070 метров в секунду, «птичка» уверенно совершила несколько маневров и благополучно приземлилась на грунтовую ВПП одного из южных летных полигонов». Так что сегодня у твоей машинки юбилей – четверть века первого полета.

– Ух ты, действительно юбилей! Я раньше знал лишь когда и кто совершил на «Спирали» первый орбитальный полет. Но тут до юбилея еще три года. Да и Игоря Волка почти как Гагарина все знают.

– Я вот только не соображу, как они умудрились «Спираль», пусть даже прототип, на Ту-95-м поднять? – вмешался второй пилот – Понимаю, конечно – машина была легендарная, но все таки взлететь с таким лаптем на горбу...

– Тю, еще один занятой! Газеты свежие надо читать. Там в статье подробно описывалось – и как они бомболук у «тушки» раскурочивали, чтоб «птичку» туда затолкать, и как ВПП арбузами устилали...

– Арбузами-то зачем?

– Для смазки, под лыжи. Полигон-то южный, бахчи, поди, кругом, и время самое то – сезон. Вот они и...

– ВНИМАНИЕ!!! «Пегас-1», «Пегас-2» – ГОТОВНОСТЬ НОМЕР ОДИН!!! – ворвался в наушники голос Центра Управления. – «Факел-1», «Факел-2» – принять данные по объекту досмотра!

– У, черт! «Факел-1» к приему данных готов! – активировав режим «моста» в бортовой ЭВМ, отозвался Сергей. На экранчике замельтешили цифры, отображая ход загрузки. Судя по ним, запущенный к советским орбитам спутник не сопровождался практически никакой техдокументацией со стороны американцев. «Опять будут утверждать, что вышел на нерасчетную орбиту», – хмыкнул про себя Сергей. Досмотр подобных «аварийщиков» был, по сути, чистой формальностью. Кто его знает, что там за люки и объективы виднеются... может, он и в самом деле за облаками и тайфунами должен наблюдать, а может, и за чем другим... А может, и не наблюдать... Заканчивалось все, как правило, кинофиксацией и пуском ракеты.

– «Факел-1», «Факел-2» – данные получили.

До запуска оставалось минуты полторы, и Сергей бегло листал экраны технической информации. Спутник был довольно крупный, почти кубической формы. Никаких спецификаций не было, то есть он действительно не предназначался для пролета вблизи советского сектора, иначе хоть общие сведения американцы бы предоставили. Ткнув пальцем в марку «данные об орбите», Сергей присвистнул – если это «нерасчетная орбита», то «нерасчитывал» ее явно мастер своего дела. Так близко пройти на одном витке и мимо платформы «Интервидео», и мимо «гнезда» ГЛОНАССа, и мимо обоих МИРов... И это только те объекты, к параметрам орбит которых он сам имел доступ. А есть ведь еще и военные спутники, да и «Алмазы» в небе где-то летают. Причем американцы наверняка знают, где – в отличие от простого советского космограничника. В общем, советский сектор космоса был «населен» довольно плотно, и этот сундук перся курсом, проходящим через самые обитаемые его участки. Если он там еще и взорваться надумает, опять орбиты

полгода чистить придется, как после того канадца. И хорошо, если в этот раз без жертв обойдется.

– «Факел-1» «Пегасу-1» – к старту готов!

– «Факел-2» «Пегасу-2» – к старту готов!

– «Пегас-1», «Пегас-2» – скорость, курс расчетные, к отрыву готовы!

– «Факела», не знаю, кто там опять к нам прется, но не посрамите «птичек» в их юбилей, – неуставно завершил предстартовый радиообмен командир «Прометей». И добавил, уже для Земли: – Отрыв пошел!

Звонкие щелчки – кажется, прямо под ногами. Хотя почему кажется? Фиксаторы обтекателей действительно находятся в двадцати сантиметрах от его ступней. Только за обшивкой. Сергей представил себе, как выглядит сейчас со стороны связка «Прометей» – «Спираль». Только что, отброшенные набегавшим воздухом обтекатели освободили нос его космоплана. Атмосфера, спрессованная гиперзвуковой скоростью носителя (6 Махов!!!), ринулась в образовавшийся зазор, стремясь оторвать «Спираль» от ее носителя. Сигара стартового ускорителя медленно выпрямляется под напором встречного воздуха. Более громкое «банг» под ногами – по достижении критической нагрузки лопнули крепежные фиксаторы. В тот же момент «Прометей» нырнул вниз, стремительно уходя из под вот-вот готовых полыхнуть дюз модуля выведения. Предоставив носителю несколько секунд на отход, слетают обтекатели-стекатели, прикрывавшие дюзы во время полета... еще чуть-чуть, и...

Навалившаяся перегрузка стерла воображаемую картину. Почти на 10 минут ракетоплан превратился в обычную ракету, всеми своими четырьмя двигателями стремящуюся в Космос. Где-то рядом, с легким отставанием, так же мчалась ввысь машина ведомого. Когда отработают обе ступени, это отставание трансформируется в разность орбит, которая позволит ведомому перехватить те объекты, которые вдруг решат уйти от досмотра резким маневрированием. Не любой маневр шпиона можно бездумно повторить – ему ведь нет нужды экономить топливо, а пограничнику нужно помнить о возвращении.

– «Факел-2», я «Факел-1». Орбита расчетная, до цели 70 километров, сближение на дистанцию досмотра через три минуты. Валер, смотри повнимательней, топлива в этой дуре может быть уйма, как даст сейчас ускорение, мне за ней на высокую не вскарабкаться...

– Ракета вскарабкается... Но вряд ли она маневрировать будет. Ты смотрел ее орбиту? Чешет ведь, как экскурсионный автобус мимо всех достопримечательностей! Типун мне на язык, конечно – но прикинь, сколько ракет в этом ящике может поместиться...

– Согласен, типун тебе на язык! Два раза! Что они, по-твоему, войну решили начать? Тем более что о досмотрах они знают и вряд ли надеются проскочить мимо нас.

– «Факел-1», «Факел-2», – внезапно вклинилась в их радиообмен Земля. Обычно во время досмотра Центр Управления предоставлял инициативу пограничникам, не вмешиваясь в их, на первый взгляд, бессодержательную болтовню. Нарушалось это правило крайне редко.

– Семь минут назад с акватории Индийского океана зафиксирован парный пуск космических аппаратов типа «DynaSoar». Расчетные параметры орбиты: высота... наклонение... расчетное время до выхода в зону перехвата – полторы минуты. Три минуты назад зафиксировано появление неопознанного объекта с орбитальными параметрами... Установленные характеристики объекта... Предположительный источник – орбитальная станция «Star Fortress». Вход в предположительную зону поражения – две минуты. – В голосе диспетчера явно чувствовалась неловкость за столь большое число «предположительно».

– Что за черт, откуда здесь «динозавры»? И что значит «в зону перехвата» – нам, что, и их досматривать?

– Вряд ли они позволят, Валер. Похоже, нас просто хотят не допустить до этого гребаного спутника. Вот что, «Факел-2» – перешел на официальный тон Сергей, – постарайся проследить за этим НЛО. От «динозавров», по крайней мере, понятно, чего

ждать... Да и радары у тебя для дальнего контроля подхо...

– «Факелы», – вновь вклинился ЦУП. – В связи с создавшейся обстановкой вам приказано задействовать мост в режиме «Радуга». «Факел-1» – при невозможности кинофиксации первоначального объекта-нарушителя принять любые меры к его максимальному разрушению.

Пальцы Сергея, вбивавшие в клавиатуру изображенные на специальном шильдике буквы и цифры (шильдик крепил в кабине перед каждым вылетом дежурный особист, он же следил, чтобы после этого никто, кроме пилота, к кабине не подходил), не дрожали только потому, что он боялся перепутать клавиши. Режим «Радуга»... тот самый план космической обороны, о котором известно только название. Военные спутники, радиолокационные и минные поля, «посты оптического наблюдения за космосом», замаскированные под обсерватории, боевые орбитальные станции (то, что «Алмазов» больше одного, это точно, а вот сколько конкретно...). Связанные в единую сеть лазерной связью, постоянно обменивающиеся шифрованной информацией... Вот примерно все, что знал о «Радуге» Сергей. А еще догадывался, что переход на этот режим, скорее всего, означает начало Третьей мировой – ну или как минимум первой орбитальной войны.

Слегка успокаивало только то, что им приказали лишь активировать мосты в этом режиме. Бортовые ЭВМ, подчинясь введенной последовательности команд, сами направили антенны куда надо, скачали что надо, поменяли режимы и протоколы обмена информацией – в общем, провели интеграцию машин пограничников в боевую навигационную сеть «Радуги».

На экране навигационного вычислителя добавилось пометок. Кроме уже знакомого «сундука», тут были и пара «Dyna Soar», и находящийся пока слишком далеко, нодвигающийся крайне быстро «неопознанный объект», и целая россыпь мирных спутников, орбитальных платформ и станций. Картинка мигнула – и украсилась еще одной россыпью значков. Судя по условным обозначениям, подключилась тактическая программа: на предполагаемых траекториях появились отметки ракетных пусков и высветились оптимальные для них цели. Волосы под шлемом Сергея зашевелились – траектория «сундука» была прямо-таки усеяна отметками пусков, в зоне поражения оказывалась едва ли не половина орбитальной инфраструктуры, причем почти все крупные объекты. И судя по всему тактическая программа была уверена, что такое количество ракет на американском спутнике поместится.

– Ракетносец! – напарник, по-видимому, пришел к аналогичному выводу. – Гаси его нахрен быстрее!

– Спокойно, «Факел-2» – попытался остудить ведомого Сергей, – до входа в зону первого пуска у него еще восемь минут. А мне хотелось бы все-таки его отснять. Ты лучше следи за «НЛО», что-то он прет сюда слишком резво. А я пока займусь «динозаврами». Уж их-то можно не фиксировать – явные нарушители.

– The pilots orbital device DynaSoar, you poached on outer space of the SOVIET UNION. Immediately call on correcting the orbit on landing, or I shall use weapon! Give thirty seconds on decision making.⁷

Вообще, то это заявление наполовину было блефом – поймать в визир оба «динозавра», чтобы передать их параметры ракетам, он бы просто не успел. Хотя... Сергей уловил визиром искорку первого американского истребителя. Для пуска еще далеко, но для проверки идеи... Есть!!! Без всякого его участия на экранчике ЭВМ цели обзавелись пометками «есть захват». Пометки пока были красного цвета, указывая, что объект вне зоны досягаемости ракет, но факт появления пометок свидетельствовал, что «Радуга» сама внесла в головки наведения ракет данные о целях. Теперь угроза применения оружия становилась

⁷ Пилоты орбитальных аппаратов «DynaSoar», вы вторглись в космическое пространство Советского Союза. Немедленно проведите коррекцию орбиты на посадочную, или я буду вынужден применить оружие! Даю тридцать секунд на принятие решения. (англ.)

реальной.

Неожиданно в голову пришли кадры виденного в училище американского фильма о звездных войнах. Красивый и зрелищный фильм о приключениях отважного работника – космического извозчика, противостоящего вместе с друзьями злобным имперским милитаристам, курсанты смотрели с удовольствием – до тех пор, пока дело не дошло до сцены космической битвы. Даже зеленые первокурсники с трудом сдерживали смех, глядя на головокружительные виражи «космических истребителей», уворачивающихся от лазерных импульсов и друг от друга. На самом деле расстояния в космических битвах исчисляются десятками и сотнями километров, и ведутся они примерно вот так – сидишь, уставясь на экран ЭВМ, и только считаешь секунды до «оптимального момента пуска». Конечно, можно (да и нужно) пытаться маневрировать – но что толку, если любая тактическая программа загодя рассчитывает все возможные для тебя орбиты и маневры. Космос, конечно, большой, но вот чтобы убежать в нем куда-то нужны столь же большие запасы топлива. И если тебе вдруг показалось, что ты нашел маневр, стопроцентно уводящий тебя из-под удара, будь уверен, что и от возвращения на Землю он уведет тебя столь же стопроцентно. Разве что потом, через несколько недель, чиркнет по небу падающая звезда, и кто-то загадает желание... А кто-то знающий помянет еще одного космонавта, вернувшегося на Землю «рейсом Черного метеора», или попросту «Черным метеором».

– Twenty seconds!⁸ – задав бортовой ЭВМ автоматический пуск ракет, Сергей уставился на экран. Расклад, по мнению вычислителя, был хреновый – орбиты истребителей пересекались под острым углом, ни один из аппаратов не имел преимущества в скорости, ракеты на них были установлены примерно одинакового класса. И при этом противников было двое – а он один. А если предположить что американский спутник действительно ракетоносец, то становится и вовсе кисло: ведь он, в отличие от орбитальных самолетов «DynaSoar», был как бы гражданским лицом, его сначала осмотреть надо, сфотографировать, потом уже «к стенке» ставить. А то еще заявят потом, что он был пилотируемым... «Эх, не хотелось применять свои тренажерные наработки на практике, но что-то другого выхода не видно!»

– «Факел-2», я «Факел-1», вариант «Рывок», как понял? Ухожу на «Рывок»! Разберись со своим «чемоданом» и подчисти тут за мной, если что...

Пока Сергей выкрикивал эту фразу, автоматика произвела два пуска ракет, по одной на каждую «DynaSoar». Однако, как и предсказывал вычислитель, одновременно с этим произвели пуски и американские машины. Причем к «Спирали» пограничника устремились аж четыре ракеты. Дав задание автомату повторить пуск по выбранным целям и дождавшись схода еще двух ракет, Сергей поймал в визир свою первоначальную цель и занес ее параметры в память оставшейся пары.

Вот теперь можно было осуществлять то, что после долгих отладок на тренажере он назвал «план «Рывок»». Предназначался этот маневр для тех случаев, когда нарушитель пытается уйти от досмотра, развивая большое ускорение, и заключался в том, чтобы самому развить максимальное ускорение, истратив все топливо, сблизиться с нарушителем, в течение нескольких секунд провести наблюдения и кинофиксацию – и, уже удаляясь, запустить ракеты. Тонкость была в расчете траектории новой орбиты таким образом, чтобы прямо из рывка угодить в коридор входа в атмосферу, причем под таким углом и с такой скоростью, чтобы иметь шанс на посадку. На тренажере у него такой фокус несколько раз удавался. На самый крайний случай оставалась отделяемая кабина-капсула, снабженная собственным пороховым двигателем и парашютной системой. Посадка «по-гагарински» – сейчас уж и не вспомнишь, кто последний раз так приземлялся.

Быстро доведя до вычислителя свои планы (ракетам оставалось 50 секунд до входа в зону поражения, еще секунд 20 они будут подходить на дистанцию максимального

⁸ Двадцать секунд! (англ.)

поражения) и получив рекомендации по поводу оптимальных двигательных импульсов – а заодно уведомление, что сход с орбиты «в штатном режиме» после этого маневра становится невозможным, – Сергей дал команду на выполнение инструкций и сконцентрировался на оптическом визире. В его распоряжении было восемь секунд, в течение которых «Спираль» будет находиться на расстоянии чуть меньше трех километров от нарушителя. За это время необходимо будет его осмотреть и заснять на кинолентку – причем желательно так, чтобы потом было понятно, *что* именно ты снял.

Вообще-то уйти от ракет маневрированием было малореально, весь расчет базировался на особенности американских боеприпасов – которые, в отличие от советских, давали не сферический, а конусовидный разлет осколков. Вот проскользнуть между этими конусами Сергей и собирался. Беда была в том, что проделать это с четырьмя ракетами было практически невозможно...

Резкий удар перегрузки впечатал его в спинку кресла, одновременно тело повело вправо – маневр должен был вывести преследующие его ракеты на одну линию. Вновь вдавило в кресло... Сергей принял к наморднику визира, выцеливая стремительно приближающийся спутник. С ракетами он сейчас ничего не мог поделать, поэтому постарался выкинуть их из головы. Поймав наконец в рамку уже вполне различимый силуэт, он отработанным движением включил фиксацию и, слегка поколебавшись – трансляцию. Это, конечно, было нарушением режима секретности – но, по крайней мере, отснятая информация теперь обязательно дойдет до Земли.

Запущенные почти одновременно ракеты взорвались почти в унисон. Одновременно со взрывом (датчик был настроен на яркую вспышку) «Спираль» рванулась вперед, безжалостно выплевывая в дюзы по 12 килограммов топлива в секунду. Такого расточительства могло хватить только на сотню секунд, но зато оно позволяло вывернуться из трех сходящихся потоков осколков и почти миновать четвертый.

По спутнику, к которому были прикованы глаза пилота и объективы кинофиксатора, скользнул блик – источником вспышки мог быть только взрыв чего-то более мощного, чем ракета. Однако оставшиеся позади «динозавры» сейчас были не важны. Важен был стремительно растущий в перекрестье нитей борт чужого аппарата. Уже можно было разглядеть общую конструкцию, которая сразу не понравилась Сергею. Ячеистая фактура борта будила ассоциацию с многоствольным минометом – или с пчелиными сотами, тщательно прикрытыми крышечками. Блоки маневровых двигателей на вершинах могли с легкостью вращать спутник по всем трем осям. Антенна, чересчур похожая на радарную, тоже была мирному спутнику совершенно ни к чему.

Внезапно возле маневровых двигателей спутника появился парок – то ли близкий взрыв активировал в нем какой-то механизм, то ли просто поступила команда от хозяев, но Сергей с ужасом увидел, как сначала одна, потом вторая, третья крышка, расположенная на видимой плоскости, отлетают в сопровождении облачков конденсата. «Ракеты!» – пронеслось в мозгу, и руки автоматически передернули тумблер пуска. Отходить на безопасное расстояние было уже некогда – из открывшихся трех, нет уже четырех шахт американца показались хищные даже на вид головки слежения и наведения. Запущенные пограничником ракеты начали сближаться с целью, Сергей попытался с помощью двигателей ориентации развернуть «Спираль» днищем к предполагаемому взрыву (три километра, при разлете осколков до пяти – вся надежда на чешую силового теплозащитного экрана). И в этот момент аппарат чуть заметно тряхнуло, потом он дернулся сильнее, потом еще, и рывком наступила невесомость.

«Прилетел, – глядя на быстро краснеющую схему на экране БЭВМ, почти спокойно подумал Сергей. – Сейчас еще рванет «сундук», и станет совсем хорошо. Черт, и посмотреть на него напоследок нельзя. Успел-таки я брюхо подставить».

Судя по показаниям датчиков, поток осколков от взрыва запущенных «динозаврами» ракет все-таки нагнал его, изрешетив всю заднюю часть корабля. По крайней мере, датчики показывали нулевое давление как в топливных баках, так и (о, как вовремя он избавился от своих ракет!) в оружейном отсеке. Двигатель не взорвался – наверное лишь потому, что

почти исчерпал к тому времени горючее. А взаимная скорость корабля и осколков, а также несущие конструкции и стенки отсеков уберегли кабину пилота.

Еще, по утверждению ЭВМ, он остался без связи. Причем антенный модуль, если верить той же ЭВМ, не пострадал, а вот приемопередатчик на запросы не откликался. Сергей начал лихорадочно вводить в БЭВМ кодограмму предстоящих действий. Надо было задействовать датчики ускорений, чтобы при первом же ударе в днище произошел отстрел спасательной капсулы – так, чтобы между ней и фронтом осколков оказалась и без того мертвая «Спираль». Но закончить ввод он не успел дернул рукоять катапульты, едва почувствовав, как содрогнулся корабль.

Видимо, направляющие катапульты были повреждены, потому что капсула покинула корабль с ясно слышимым скрежетом и вдобавок яростно вращаясь. И тем не менее автоматика в ней продолжала работать. Тремя немилосердными рывками, от которых пилот «плыл», как от нокаутов, система ориентации остановила вращение, а после короткой паузы дала заключительный, еще более мощный пинок, который отправил капсулу вглубь атмосферы.

Едва придя в себя от работы аварийных систем и убедившись, что все еще жив, Сергей принял к наморднику, пытаясь увидеть результаты проведенного им боя. Американский спутник он нашел почти сразу. Когда в космических аппаратах происходит неконтролируемая реакция между топливом и окислителем, зрелище получается феноменальное – тут американские киношники угадали верно. Не предвидели они только одного – любые более-менее тугоплавкие конструкции, оказавшиеся в эпицентре взрыва, очень быстро нагреваются, а потом о-о-о-очень медленно остывают. Вот и искорежено-перекрученные балки, составлявшие силовой каркас американского спутника, в настоящий момент ярко пылали, пытаясь вернуть космосу не принадлежащий им жар. «Да, с полсотни ракет в этом сундуке имелось, – подумал Сергей. – Достаточно было одной сдетонировать от осколков, как полыхнули все. Эх, фермы аж добела раскалило! Птичку мою на этом фоне и не видать совсем». Наведя визир в точки, где должны были находиться «DynaSoar», он смог заметить только две ярких звездочки. Одна из них была гораздо ярче другой; припомнив вспышку, осветившую борт ракетноносца перед самым началом всей этой кутерьмы, Сергей предположил, что и этот американец в настоящее время тоже «светится», медленно отдавая вакууму жар взорвавшегося топлива.

– Предупреждал ведь, что буду стрелять, – пробормотал себе под нос пограничник, пытаясь выцелить визиром корабль напарника. Но тот, по-видимому, за истекшие минуты успел сманеврировать, и теперь без радиолокатора или данных о новой орбите искать его не имело смысла. Зато загадочное НЛО, запущенное с американской «Звездной Крепости», менять орбиту и не думало. «И какого лешего он сюда прет? Сундук ведь побольше моего ракетноносца будет. Правда, в нем и топлива, судя по скорости, уйма. А у Валерки ведь всего три ракеты, причем одна – «кака с маком», и активировать ее без моей команды он не сможет. А вторую, дальнобойную, он уже наверняка запустил. А там еще и уцелевший динозавр где-то может крутиться...»

Медленно наваливающаяся перегрузка свидетельствовала, что капсула входит в плотные слои атмосферы – пора прекращать пялиться в космос и надо занимать «позу оптимального противодействия перегрузкам», да и вообще вспоминать все об аварийном способе посадки. С тех пор, как космопланы полностью вытеснили «салютовские» спускаемые капсулы, подобный способ посадки оставался только аварийным вариантом и изучался исключительно на тренажерах. Восьмая Лунная, с ее печально известным аварийным стартом с Луны и столь же аварийной посадкой на Землю двенадцать лет назад, была, пожалуй, последней, применившей этот метод на практике.

«Теперь вот новый прецедент для истории космонавтики, – невесело подумал Сергей, стараясь устроиться поудобней и припомнить все, что говорили им в училище о посадочных перегрузках. Вроде трясти должно? Леонов, кажется, в мемуарах писал. Вот весело будет, если и я, как они, в тайгу ухнусь. Одна радость, что не зима».

По кабине пробежали переливчатые отсветы, тормозящая в атмосфере капсула укутывалась плазмой, чей пока еще бледный свет проникал внутрь через объективы визиров. Перегрузка росла. Действительно начинало потряхивать.

Неожиданно в голову пришло соображение, что если Валерка остался подключенным к «Радуге», то он вполне мог получить санкцию на применение ракеты с ядерным зарядом и без помощи командира.

– Вы сами вынудили нас, – с трудом прошептал непослушными от перегрузки губами Сергей. – Не мы первые...

Последняя мысль меркнувшего от непривычных перегрузок сознания была: «Что я услышу в момент касания – визг сминаемой гармошки амортизатора или хруст своих ребер?»

* * *

– «Орлан -1», «Орлан-2». ГОТОВНОСТЬ ОДИН!!!

– «Альбатрос-1», «Альбатрос-2». ГОТОВНОСТЬ ОДИН!!!

– «Буревестник-1», «Буревестник-2». ГОТОВНОСТЬ ОДИН!!!

– Четыре минуты назад в космическое пространство Советского Союза совершено вторжение аэрокосмических сил Соединенных Штатов Америки. Была предпринята попытка массовой атаки мирной спутниковой группировки нашей страны. В ходе боестолкновения с диверсионным спутником и вылетевшими на его поддержку аппаратами класса «Дина-Соар» спутник и один из истребителей поддержки уничтожен. Второй истребитель и одна из машин погранслужбы продолжают маневрировать. Ваша задача – выход на ударные позиции с параметрами: высота... наклонение... Развертывание систем радиолокационного наведения над акваторией Индийского океана с координатами: ...южной широты и ...западной долготы, и нанесение загоризонтного ракетно-ядерного удара по целям в составе авианосных соединений... При маневрировании в районе низких орбит принимать во внимание наличие средств противокосмической обороны противника.

ПКО у противника действительно имелась, поэтому число получивших приказ ударных орбитальных самолетов в три раза превышало количество предполагаемых авианосных групп.

* * *

Сергею Боярову оставалось до Земли сорок восемь секунд. Валерию Пономареву оставалось девяносто три секунды до получения приказа на активацию спец-БЧ. До полномасштабного развертывания плана «Радуга» оставалось два с половиной часа.

«Черный метеор» готовился открыть регулярное сообщение по маршруту орбита-Земля...

Сергей Анисимов **Простое воскресное утро**

Я, как начальник Генштаба, не вижу вероятного противника в лице конкретного государства. Мы давно перестали готовиться к масштабным ядерным и обычным войнам.

Генерал-полковник Юрий Балуевский, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил России, декабрь 2005 г.

Майор Сивый проснулся от острого ощущения опасности. Острейшего. Проснулся он в собственной постели, с подсунутой под щеку подушкой в розовой наволочке. Не открывая глаз и стараясь унять бьющееся сердце, через чуть разведенные ресницы правого глаза майор оглядел то, что попадало в поле зрения. Комната была та же, родная. Обои в ровную полоску, книжные полки, угол недорогого телевизора, придвинутого ближе к кровати, –

вчера смотрели на ночь. Жены рядом не было, хотя час оказался ранний, не более половины восьмого. Судя по доносящимся из кухни звукам, она только-только ставила варить картошку – то есть поднялась не более двадцати минут назад. Тоже не спится почему-то...

Не спалось и сыну – из соседней комнаты доносилось ритмичное хэканье и повторяющееся через равные промежутки времени пощелкивание: тот работал с гирей. Развлекался с утра пораньше. Двигаясь очень осторожно, майор повернул голову, чтобы получить возможность видеть обоими глазами. Проморгался, вытянув руку из-под одеяла, выковырял из углов глаз комочки скопившейся там за ночь сохшейся слизи. Сердце не успокаивалось. Дрянь дело.

За окном были сумерки – как раз такие, какие и должны быть в середине марта, если живешь в Балтийске, а не в Монтевидео. Свет проникал в комнату и через неплотно прикрытую женой дверь, и через щель между наполовину разведенными шторами. Судя по лениво плавающим теням от уличного фонаря, ветер снаружи был не слишком сильным. На наручных часах обнаружили цифры 7:23 – тоже примерно соответствующие тому, что он понимал под понятием «норма». Но ощущение было слишком знакомым, чтобы игнорировать его, какой бы глупостью это не казалось.

Стараясь не издать ни звука, и все равно скрипнув кроватью, охнувшей под его тяжелым телом, майор соскользнул на пол и встал, покачиваясь, посреди комнаты. Сын в своей комнате негромко звякнул и так же негромко чертыхнулся. Жена на кухне стукнула ножом. Секундная стрелка настенных часов, уже не электронных, а обычных механических, с крупным циферблатом, сдвинулась на очередное деление – четверть секунды. Смерть была совсем уже рядом. Обругав себя, но не потеряв ни мгновения, майор скользнул к стене. Кобура висела на стуле, под ворохом остальной одежды, в котором преобладали вещи жены – проснувшись, она отправилась к своей готовке запросто, в теплом зимнем халате поверх белья.

«Стечкин» привычно лег в руку. Потратив еще полсекунды на то, чтобы в очередной раз прислушаться к происходящему в квартире и на улице, майор аккуратно и уже чуть более спокойно дослал патрон в патронник. Подумав, он оставил переводчик предохранителя на стрельбе одиночными, но затем, задержавшись еще на четверть секунды, все же перевел его в положение автоматического огня. Из квартиры он никуда не собирался уходить, а размеры его комнат и коридора предполагали самую близкую дистанцию. Меткость здесь могла стать менее важной, чем скорострельность.

– А чего, отец встал уже?

Голос сына донесся из кухни как через вату, жена ответила что-то совсем уж неразборчиво. Снизу, в подъезде, глухо стукнуло чем-то металлическим: почтальон опустил газету в ящик.

«Твою мать!» – сказал Сивый почти вслух, вытянув вперед руки и короткими движениями прощелкивая малые суставы. Воскресенье, половина восьмого утра. Какая газета?

Шаги поднимались по лестнице. Трое. Потом он понял, что ошибся – двое.

– Бать, ты чего?

Аккуратно заглянувший в комнату сын оторопел от дикого зрелища: отец стоял посреди спальни на присогнутых ногах, торчащих из разношенных «семеек». Молчаливый, страшный, глядящий куда-то внутрь себя, со «вторым служебным» пистолетом в вытянутых и положенных одна на другую руках.

– Рома, убери мать... Быстро.

Слова были тихими, а голос отца не допускал никаких вопросов: парень исчез беззвучно и мгновенно. Через секунду на кухне негромко звякнуло – жена то ли уронила, то ли бросила нож. Почти одновременно с этим двое пришедших остановились перед его дверью. Подниматься им было невысоко – Балтийск город старый, и дома в нем редко имеют более трех этажей.

В дверь стукнули – сначала ровно и спокойно, двойным стуком, потом забарабанили

уже всерьез.

– Витя, что там?

В голосе жены был уже настоящий испуг: то ли что-то поняла из сказанного сыном, то ли почувствовала его эмоции через тонкую стену, то ли даже уловила что-то сама.

– Майор Сивый, – колотили в дверь. – Товарищ майор, проснитесь, тревога!

Двумя короткими жестами майор показал сыну, что делать. Тот скользнул под дверь, сжимая в руке нож. Второй нож был в другой ладони, отведенной за голову и вверх – модная сейчас стойка, то ли из капоэйры, то ли из чего-то в этом роде. Рома был молодец – что ж, на это можно было надеяться. Парень был делан отнюдь не пальцем и учился последние три года отнюдь не ботанике. Оружие он выбрал не по длине лезвия, а по качеству стали.

Взволнованный голос за дверью был вовсе не восемнадцати– или двадцатилетний. Здесь они прокололись. Впрочем, заспанному человеку такие детали без разницы.

– Иду, иду!..

Майор пошлепал по полу ногами, одновременно разворачиваясь к двери правым боком, чтобы пропустить поднимающиеся от пола диссектриссы как можно дальше от своего тела. Жена на кухне легла – это хорошо. Плохо было то, что дверь у них хлипкая – в этом городе семье «того самого» Сивого было нечего и некого бояться. Сын скребуще провел по двери ногтями, как бы нащупывая замок. Ну вот...

Свет на кухне уже не горел, а «прихожей» у них сроду не было – не те масштабы у квартиры, на которую может рассчитывать командир батальона. Поэтому у стоявших на темной площадке не оказалось той форы, на которую они надеялись. Но огонь они открыли сразу, как только дверь приоткрылась так, чтобы внутри можно было увидеть силуэт человека. То, что этого силуэта не было, они осознать не успели, – слишком уж были готовы к тому, что он должен там быть. Человеческий мозг – штука интереснейшая и не во всем понятная даже ученым: при желании он достраивает картины сам, без участия зрения.

Выстрел выглядел сдвоенным, но таковым не был – это были два одиночных, прозвучавших практически слитно. В то же мгновение двое пришедших за майором Сивым ворвались в квартиру – рядом, плечом к плечу. Подразумевалось, что они переступили через рухнувшее в прихожей тело и теперь у них было время, чтобы развернуться и переместиться в комнаты или на ту же кухню – туда, откуда пахло теплом остальных обитателей квартиры.

У быстро и увереннодвигающихся, хорошо подготовленных людей такое действие, как перемещение через дверной проем и разворот на новую цель, может занять четверть или треть секунды. Но за этот промежуток времени взревевший в автоматическом режиме «стечкин» вставшего на одно колено майора успел прожевать столько патронов, сколько ему было нужно, чтобы упростить ситуацию хотя бы на ближайший момент. Двое рухнули так же синхронно, как рванулись внутрь. Инерция их движения была настолько велика, что ее не пересилила даже энергия попавших в цель пуль. «Три и две» – машинально определил майор про себя, перекатываясь вбок, под противоположный косяк собственной двери. Правки не потребовалось – но сыну этого видно не было, и он вынырнул из-под защиты стены, нагнувшись над ближайшим к себе телом, хрипящим и дергающимся, как обезглавленный петух в руках крестьянина.

– Дурак!..

Майор все же успел выстрелить в мелькнувшее в находящемся теперь прямо перед ним проеме лицо – но в этот раз он попал уже совсем чудом. Тот, третий, тоже успел выстрелить, однако пуля ушла высоко вверх: прожав спуск до конца, стреляющий был уже мертв. Его тело ударилось затылком о вытертый кафель темной лестничной площадки – и этот тошнотворный звук стал окончательной точкой в событиях нескольких последних минут. Не ошибся, значит. Третий все-таки был...

– Ма-атка... – прохрипел левый из сумевших пройти через его дверь. – Ма-а...

На всех наречиях, кроме разве что грузинского, это слово звучало похоже. Но все же оно звучало по-разному.

– Свет!

Сын бросился к выключателю, и когда стало светло, майор с удовлетворением впитал то выражение, которое находилось на его лице. Ни на секунду не испуг – только хладнокровие. Как будто не третьекурсник, а боец после первой стажировки... а то и после второй. Парень слишком быстро вырос: командировки отца этому, конечно, поспособствовали. Ну и наследственность тоже.

– Ма-а-тка... Ля-ярва...

Правый перестал дергаться – но это все равно были уже просто мышечные судороги, они не значили ничего. В отношении второго майор сначала решил, что он может еще, наверное, выжить.

– Шею!

Из шеи раненого текло не густо: пуля едва прошла под кожей, не тронув ни один из крупнейших сосудов: в противном случае он давно ничего не говорил бы. Рана в груди была гораздо серьезнее – с каждым толчком сердца кровь выпихивала наружу булькающие пузыри. Такие же пузыри капали и с его губ. Пачкали они только свитер, курток на вошедших не было – ни на одном, ни на другом. Сбросили в подъезде?

Ромка зажал рану на шее комом содранной с себя майки, и глаза раненого на какое-то мгновение приняли более осмысленное выражение. Потом он охнул, снова сказал несколько слов и забился под их руками. Несколько секунд ярко-алые брызги летели с его губ в разные стороны, – захлебываясь, он пытался пробить пузырями воздуха заливавшую бронхи кровь.

– Ма-атка... – снова произнес он каким-то удивленно-разочарованным голосом. Это было уже последнее слово: выдавший такое не раз майор даже не стал дожидаться, пока умирающий перестанет сучить ногами.

– Третьего.

Ему снова не пришлось ни повышать голос, ни объяснять – сын втащил третьего убитого в квартиру. В подъезде стояла мертвая тишина – соседи не пикнули, прислушиваясь. Так же не пикнула и жена, сжавшаяся на кухне в комок в ожидании того момента, когда он разрешит ей выйти. Это тоже был правильный поступок. За все время лопухнулся только сын, не вовремя сунувшийся вперед, но это, пожалуй, и все. И то обошлось. Живы.

Три паспорта по карманам брюк – хотя на третьем была и куртка, стандартный серый синтепоновый пуховик со сдвоенной зелено-оранжевой полосой по канту рукава. В отношении возможного четвертого майор почему-то не беспокоился ни на грош – того не было ни внизу, ни вообще; страховкой был именно третий.

– Русский, русский, русский.

Роман проглядел паспорта так же быстро, как и он сам. Те были не новые, но слишком чистые для людей, таскающих их в карманах каждый день. Ивановский, Ковалев, Семенов. Сергей Денисович, Сергей Алексеевич, Дмитрий Константинович. Места рождения – г. Балтийск Калининградской области, пос. Домново Калининградской области, г. Калининград. Регистрация – погранзона: Балтийск, Балтийск, Балтийск. Но при этом «лярва». И «матка». И «чтоб вы сдохли, суки», произнесенное на отчетливом польском. Как большинство жителей Калининградской области, и уж тем более подавляющее большинство офицеров 336-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты, польский язык майор Сивый понимал как минимум неплохо.

– Бля, – сказал он, на этот раз уже полностью вслух, не стесняясь, полным голосом. – Бля! Рома, что у нас по радио?

Тот вскочил на ноги и бросился к радиоточке, не потратив ни мгновения на то, чтобы вытереть руку от густеющей, темневшей на глазах крови убитых. Майор был уже почти готов к тому, что услышит музыку или статику, но радио было совершенно обычным. Как бывает по утрам в воскресенье, когда не спится в основном пенсионерам и молодоженам, там толкали рекламу лекарств: бархатный голос диктора сообщал о том, что уже через три недели после начала курса лечения у него совершенно исчезли все симптомы заболевания. Какого именно – майор разбирать не стал, было не до того.

Из трех снятых с тел пистолетов он оставил себе оба «Глока», а дешевую «Чешку

Зброевку-110» кинул сыну: обойдется и этим. Теперь кухня. Не обратив никакого внимания на сжавшуюся под стеной фигуру жены, взблеснувшую зажатым в руке тесаком, он выдернул из моргающего зеленым зарядного устройства оставленный там на ночь телефон. Цифры были набиты в памяти аппарата, – тратить на них время не пришлось. Было 7:29, или что-то вроде того.

– Давай, давай, ублюдок...

Стоя на одном колене, чтобы не подставиться на фоне окна, если с другой стороны их узкой улицы на них смотрят, майор передергивал мышцами спины от холода и нетерпения, как торопящийся в туалет первоклассник. Трубку взяли на пятом звонке.

– Старый, – громко и отчетливо произнес он в светящийся экранчик, когда услышал шум дыхания: взявший не успел даже сказать «алло». – Это Седой. Слушай меня внимательно...

– Да погоди ты, – сонно произнесла трубка. – Сейчас. Как с цепи все... Зоя, кто там?

– Старый! – заорал майор уже в полный голос. – Не открывай дверь! Не открывай никому!..

Поздно. В трубке звонко хлопнуло, оборвав едва возникший женский визг, через секунду ее бросили на пол, прозвучало одно, четко и точно охарактеризовавшее ситуацию слово – и потом было еще несколько громких хлопков подряд. Стреляли явно без глушителей, как и у него самого. Майор ждал, слушая. Контрольных выстрелов было не три, как он ожидал, а два: дочку начальника штаба его батальона, старательную третьеклассницу с обычным в этих краях именем Полина, то ли не стали трогать, то ли просто не нашли. Почему-то на это хотелось надеяться.

По-прежнему не отрывая глаз от пригасшего экранчика, майор с силой укусил себя за губу – так, что в ноздри шибануло соленым, перекрыв запах из прихожей. 7:30 или 7:31. Больше ни одного слова в трубке не прозвучало. Он позвонил на домашний номер – пока не пойдут гудки разорванного соединения, оставалась вероятность, что «мертвая» темная трубка не привлечет к себе внимания. АОНа на домашнем аппарате «Старого», капитана Панченко, до сегодняшнего дня бывшего начальником штаба его батальона, тоже не имелось. Значит, еще одной долей шанса больше, что какое-то время произошедшее в его собственной квартире на улице Красных Зорь будет достоянием только его самого и его семьи. Но в трубке были слышны только шаги – уверенные, приглушаемые паласом, но все равно четко различимые, – а потом громко стукнула дверь. Все.

Майор укусил себя за губу еще раз, с той же силой, и поймал взгляд сына, блеснувшего в полумраке глазами, тоже удивительным образом похожими на тесак.

– Все, – сказал он вслух. – Панченко и Зоя.

Жена ахнула и тут же смолкла, сжавшись еще больше. Звать милицию она не предложила – и это тоже характеризовало ее как понятливую женщину. Впрочем, может быть, она поняла произошедшее иначе.

– Бать, – негромко позвал сын.

– Минуту.

Только теперь майор сделал то, что должен был сделать еще до звонка другу: вбил в телефон не слушающимися пальцами еще один номер. Только бы успеть...

Там отозвались почти сразу, на втором звонке.

– Дежурный, старший матрос Аланов.

– Майор Сивый. 879-й мне.

Снова пауза – это матрос на коммутаторе соединял его с батальоном.

– Дежурный, лейтенант Зябрев.

– Майор Сивый, – снова назвался он, торопясь так, что чуть не клацал зубами. – Боевая тревога.

– Това...

– Молчать!

Взрывкнул майор так, что припавшие к дверям соседи наверняка вздрогнули. Где-то

ниже этажом стукнуло дверью, и чужой, прерывающийся женский голос забубнил что-то умоляющее, а мужской отчетливо послал кого-то по матери. Ромка вскинулся и исчез в темноте коридора.

– Вопросы потом! Батальону боевая тревога! Отпереть оружейную комнату, раздать личному составу оружие и боеприпасы. Быть готовыми к отражению вооруженного нападения. Караулу «в ружье!» Время пошло!

– Бать, – снова сказали из коридора таким же почти спокойным голосом. Напряжение в нем было, но только внутри. – Это свой.

Майор уперся в выглянувшего из-за изгиба стены прицелом «стечкина», и только достоверно опознав его, поднял ствол выше. Это был прапорщик с первого этажа, не его, чужой человек – но все равно свой. И не побоявшийся прийти.

– Что здесь, товарищ майор?

– Погодь...

Сивый оскалился на прапорщика так же, как минутой раньше на собственного сына: времени было все равно мало. «Това...», – снова сказали в трубку. Кричать и командовать там уже перестали – теперь был слышен только топот. Батальон рвался к оружию.

– Это не учебная тревога, – сказал он в выложенную из точек розетку микрофона на сотовом, когда дежурный доложил исполнение. – Повторяю, не учебная. Теперь – дублирую меня. Тревогу по бригаде, по всей. План «Синий». Тревогу по ВМБ.

– Товарищ майор, – чуть растерянно произнес голос лейтенанта. – Я не могу...

– Сейчас 7:33. Через 7 минут хоть кто-нибудь в бригаде должна быть готов начать стрелять в тех, кто выбьет ваши ворота. Как ты это сможешь – меня не волнует. Тревога не учебная. Посыльных по домам к офицерам отправлять запрещаю: все только телефонами. И...

Майор посмотрел в бледные в свете раскачивающегося все сильнее уличного фонаря лица людей – сына, жены, прапорщика-тыловика снизу.

– И осторожнее сам, – закончил он. – Только что убита семья Панченко. Я отбилс чудом. Есть мнение, что это «Бранденбург». Ждите.

Лейтенант, при всей его зелености, дураком не был. Не был дураком, слава богу, и Ромка, ни сказавший не слова. Жена и прапорщик не поняли – ну и хрен с ними. Была надежда, что он все-таки мог успеть. Лейтенанту не нужно было подтверждений, чтобы начать исполнять команду: за последние 15 лет офицеры морской пехоты России должны были привыкнуть к тому, что такая команда может прозвучать. Если бы позвонивший воскресным утром командир 879-го десантно-штурмового батальона приказал дежурному выдвигаться на Кремль или хотя бы на мэрию – дело было бы иначе. Но он не приказал. Прикладной реализм тоже пока что никто не отменил.

В трубке грохотало звуком топочущих ног, повелительно орало на разные голоса и звякало железом. Лейтенант снова выдавал одну команду за другой – этот парень знал, что делать. Других майор, впрочем, у себя не держал.

– Ствол.

Сын без колебаний протянул ему легкую «Зброевку» рукоятью вперед и получил в обмен «Глок». «Зброевку» майор отдал прапору – теперь обойдется он. Ну что, еще минута?

– Исполнено, – доложил лейтенант.

– Молодцом.

– Бать, – снова сказал сын сбоку. – Сеть. Майор вскинул голову, не поняв.

– Городская сеть – до кучи...

Сын протянул телефонную трубку – обычную, соединенную с аппаратом вечно заплетающимся в колечки витым проводом. Трубка была еще теплой от его последнего выдоха, но ни одного звука в ней не было. Не было даже треска статики – только мертвая тишина. Ощущение опасности, чуть схлынувшее, как и положено, после результативной стрельбы на поражение и нормального голоса в радиоточке, подступило снова. Подошедшее к самым губам, оно мешало даже просто нормально дышать. Каждый вдох приходилось

загонять в себя с силой – как тому поляку, умершему на пороге его дома.

– Дежурный, старший матрос Аланов.

Голос у матроса был уже другим: до него начинало доходить происходящее.

– Бригаду.

Эта связь еще была жива с «обоих концов», то есть и со стороны сотового ретранслятора, и на уровне проводных телефонных сетей, связывающих отдельные подразделения бригады. Кто бы ни пришел в их город, сделать все и сразу он не мог. Кроме того, как ни отгоняй эту мысль, она появлялась опять: было просто странно, что в качестве очередной мишени выбрали именно Балтийск.

– Майор Сивый, – снова представился он, когда дежурный штабной офицер отозвался напряженным, полностью боеготовым голосом. – Да, я приказал. Ответственность беру на себя. Бригаду – всю. С техникой. Да, отвечаю... Жду.

Ткнув в светящуюся красной пиктограммой клавишу сотового телефона, майор отключился. Теперь у него снова была минута, чтобы оглядеть своих.

Приказав поднимать бригаду по тревоге через голову ее непосредственного командира, комбат-879 вполне понимал, что очень здорово рискует. Но риск неполучения второй звездочки на погоны (а то и лишения первой) – он есть всегда. Если его решение будет признано неверным или даже прямо преступным – это будет печальный итог полутора десятков лет службы. В этой бригаде он командовал ротой, и в ней же, когда она была еще полком, воевал его дед. Но если есть хоть какая-то вероятность того, что Балтийск может разделить судьбу Буденновска, Кизляра или даже Нальчика, где ветераны Чечни сумели отбиться, то размышлять о таком бессмысленно. В этом случае принятое им решение являлось единственно верным. Но все равно – странно... Почему поляк?

– Прапор, – сказал Сивый, едва справившись с забившей рот слюной. – Ты как стреляешь?

– Ну... – начал было тот, но увидев в чуточку посветлевшем уже луче из окна глаза майора, осекся и закончил честно: – Паршиво, чего уж там...

– Тогда тебе за руль. Мать, – он повернулся к жене. – У тебя три минуты, пока мне не перезвонят. В сумку – документы, теплую одежду, деньги. Прапор, ты бездетный, вроде?

– Дочка в Калининграде учится. В общежитии там живет...

– Тебе тоже три минуты. Встречаемся в подъезде. Бери свою бабу – и не давай ей орать. Если мы не встречаемся внизу – вы не едете. Тогда запирай ее и старайся добраться до своей части сам. Короткими перебежками. Пошел.

– А...

– Туповат ты, прапорщик.

Майор перекосясь, сморщившись, как от зубной боли. Прав он все-таки или нет? Телефон молчал. На снова пригасшем экранчике было 7:42.

– В городе убивают старших офицеров. Подготовленные группы. Послушай вон туда вот...

Он указал за посеревшее окно, и все повернулись к нему, как по команде, – даже уже вернувшаяся с первой сумкой жена. За окном выло сиреной, где-то далеко, за многими кварталами. «Скорая помощь» узнавалась безошибочно – для нее мэр уже купил корейские машины, и звук их сирен был для Балтийска уникальным. Может, совпадение – а может, и симптомчик, вроде умершей городской телефонной сети.

Именно на этой мысли сотовый, сжатый в правой руке Сивого, затрясся и выдал трель культовой мелодии:

Ноль шесть ноль семнадцать – Так будем мы теперь называться...⁹

– Да!

⁹ Достаточно известная песня. «06017» – номер в/ч, принадлежащий 336-й отдельной бригаде морской пехоты Балтийского флота.

– Сумеешь добраться до площади Балтийской Славы? – без всякого предисловия спросил тот же дежурный офицер, который говорил с ним несколько минут назад.

– Нет. Лучше на выходе к Комсигалу.

– Тогда 20 минут.

– Принял.

Он поднял голову, но рядом не было уже никого. За окном – звучный, уверенный хлопок одиночного выстрела. Тоже далеко, минимум квартал. Бред...

Сам сорвавшись с места, майор выскочил в перевернутую вверх дном спальню и начал торопливо одеваться. Разумеется, в подобных обстоятельствах его прибытие в бригаду в семейных трусах не удивит никого – а может быть, даже окажется полезным по дороге. Если по улицам пока не ходят цепями с ранцевыми огнеметами, а берут людей выборочно, полуодетого человека могут проигнорировать. Но без формы он чувствовал бы себя почти таким же голым, как без оружия в руке.

– Все? – спросил он вставшего на пороге сына. Тот тоже был уже в форме – черная шинель флотского курсанта блестела отдраенными пуговицами.

– Пистолет?

Ромка молча хлопнул себя по оттопыренному карману. Еще раз молодец. Справится, почти наверняка.

– Пошли. Саня, за мной. Рома – замыкающий.

Ухватив сумку, выставленную женой на относительно чистое место между валяющимися телами и вытекшей из них кровью, майор Сивый, держа собственный бушлат распахнутым, начал спускаться по лестнице. Погончики были полевые: издали не разглядеть, старший ты лейтенант или, скажем, полковник. Это тоже доля шанса в плюс, пусть и микроскопическая. Жена задержалась позади на секунду (закрыть дверь – совершенно четко понял он), но справилась с собой и пошла дальше не останавливаясь. Дверь подъезда была приоткрыта, в нее задувало. Другого выхода из дома не имелось – может быть, поэтому «парадными» подъезды здесь называли только пизоны. Прапорщика не было, но за одной из дверей визгливо орали. Вероятно, заткнуть свою жену либо просто заставить ее понять серьезность происходящего, завскладом ушанок и гюйсов так и не сумел.

– За мной!

На улице не было никого – и вообще там тоже было «нормально» и спокойно. Это позволило майору, так же не выпускающему «стечкина» из руки, открыть машину самому. Сына он посадил за руль, жену сзади – и туда же кинул сумки, взяв вторую у по-прежнему молчащей жены, а третью у мрачно оглядывающего окна сына. Прапору он разрешил взять всего одну – но тот не сумел и этого. Его проблема: свою жену каждый выбирает и воспитывает сам.

Слишком многие окна домов на его улице светились. Паршиво и нехорошо. Воскресенье все-таки... Как в 1904-м. Или в 1941-м... Он все-таки вздрогнул снова. В сорок первом «Бранденбург» начал работать примерно за сутки до собственно начала. Теперь, в конце первого десятилетия следующего века, темпы были вроде бы другими – но люди остались те же: быстрее, чем бегали тогда, сейчас бегают только какие-нибудь олимпийцы. Лучше, чем стреляли тогда, тоже мало кто стреляет. Хотя, с другой стороны, вот мобильные телефоны появились. И личные автомобили у командиров батальонов.

Правда, батальонов теперь во много раз меньше... Господи, пусть это будет новый Буденновск, пусть даже Беслан—только бы не «Барбаросса»...

– Мотор не грей. Вперед. Не быстро, но и не медленно.

Сын не ответил, хотя было ясно видно, что именно ему хотелось сказать. Постеснялся матери, вероятно. Они свернули за один угол, потом за другой. Майор кинул очередной взгляд на часы, хотя по ощущениям выходило, что они успевают.

– Стой здесь.

Под козырьком ярко светилась зеленая эмблема Сбербанка; тоскливо ощущая незащищенность собственной спины, майор заскочил под него. Уже в движении, на ходу он

впихнул в щель приемника карточку. Как бы все не обернулось, деньги жене были необходимы – с ними у нее будет хоть какой-то выбор на ближайшую неделю. Разумеется, он стал бы гораздо шире, если бы с ней уехал он – но об этом речь не идет, как не может идти и о том, чтобы взять ее с собой. Снова практический реализм, будь он неладен... И долг.

– Держи, – уже снова тронувшись с места, он просунул назад нетолстую стопочку купюр. – Больше нет, сама знаешь. Теперь слушайте: ты едешь к тетке, куда обычно. Рома тебя везет, смотрит вокруг и возвращается ко мне. Ты сидишь как мышь и внимательно смотришь телевизор. Когда все закончится, я за тобой приеду. Поняла?

Любимая жена, мать его сына, женщина, слаще которой он не встречал в жизни, только кивнула – по-прежнему молча. Вот это был уже перебор, это майору не понравилось. Вариантов, впрочем, не было: приходилось удовлетвориться и этим. Рома тоже ничего не сказал, хотя Сивый-старший был на все сто уверен: тот упомянет, что ему нужно в училище. Ничего, переживет училище без него. Если это крупная операция боевиков, каким-то чудом добравшихся в набитый военными закрытый город, то курсантов все равно поднимут по тревоге – формировать какое-нибудь оцепление... Черт, но почему тогда поляки? Почему, мать их?..

Нервы плясали как бечевы, на которых в полном составе прыгало население ущелья Цовкра – мировой столицы вырождающегося искусства ходить по канатам. Оборваться они могли, по ощущениям, в любой момент: несмотря на весь свой немалый опыт, внутри майор был все же сделан не из стали, а из тех же осклизлых внутренностей, что и все остальные люди. Внимательно глядя на раздвигающееся по мере их движения пространство, он пытался найти для себя хотя бы приблизительно подходящую мишень. Возможно, тогда ему стало бы полегче. Но мишени в виде увенчанного зеленой банданой бородача с пулеметом в руках не было – вокруг вообще было пустынно. Может быть, именно поэтому никто не выстрелил ему в спину, пока он маячил, вытаскивая деньги из ящика уличного банкомата. Скорее всего, групп в городе сейчас не так уж много: на всех майоров и тем более капитанов их не напасешься. Логично предположить, что в выборку попали лишь командиры полков, старшие специалисты систем связи, избранные старшие офицеры из служащих на действительно ключевых должностях. Как начштаба 879-го одшб «Старый», его капитан Панченко, прошедший взводным весь 95-й, с января по июль, причем без единой царапины. Таких людей действительно гораздо безопаснее убивать дома, в теплых постелях: в противном случае это может дорого обойтись...

Вылетев на Т-образный перекресток, майор хлопнул по рулю, и сын резко осадил машину. Средней степени ухоженности «девятка», известная среди членов его небольшой семьи и самых близких друзей как «Цыпа», жалобно взвизгнула тормозами. На перекрестке, названном им догадавшемся обеспечить его прикрытие штабисту было так же пусто, как и везде, хотя время уже почти подошло. Это, впрочем, не значило ничего.

– Рома, все понял?

– Понял, пап.

Майор только моргнул, ободряюще стукнув сына в плечо. «Парень молодец, – еще раз сказал себе он. – Может, и выкарабкается». Жена наконец-то очнулась и теперь выглядела так, что уже не вызвала желания заорать и плеснуть ей в лицо добытую откуда-нибудь пригоршню воды.

– Все, родная. Мне пора. Вам дальше, Рома отвезет.

– Береги себя, – хрипло отозвалась она. Короткий поцелуй – все равно чуть более длинный, чем позволяло время. Сколько раз он уходил? Да, к сорока годам можно сказать, что много, но все равно – ни разу вот так. Ладно, неважно...

Машина исчезла в сером блеклом пространстве, оставив позади клуб пара. Подразумевались кружащиеся снежинки – но снега не было уже недели полторы, и с дороги все давно снесло ветром либо растерло об асфальт непрерывным движением: днем на этом перекрестке было не протолкнуться. Оглядевшись, майор отбежал в сторону, косым

прыжком перемахнул до сих пор затянутую ледяной коркой канаву и присел на корточки за группой кустов, сплошь увешанных буро-черными прошлогодними листьями.

Ждать ему пришлось минуты четыре. Потом в нужной стороне начало рычать, а еще через пару минут на дорогу выскочил бронетранспортер. Бортовой номер выдавал его принадлежность к 878-му обмп – значит, соседи. Но при этом майор не заметил изображений орденов бригады, обычно вырисовываемых на корпусе рядом с номером к июльскому параду и в виде блеклых пятен сохраняющихся до весны. Вывод – машина была из «второй очереди», из тех, двигатели которых для экономии ресурса и топлива заводят максимум раз в неделю, в «парковый день». Значит, к его требованию выводить технику отнеслись действительно серьезно. Черт знает, какие для этого могли на самом деле быть причины. Если он не прав – Гущин перекусит его пополам. А если прав...

Майор перепрыгнул канаву в обратном направлении и с удовлетворением отметил, что бойцы на броне встретили его появление разворотом стволов. Бригада морской пехоты Балтийского флота, спящая по казармам – это просто сборище изготовленных к употреблению в качестве мишеней кусков мяса. Та же бригада с личным стрелковым оружием и носимым запасом боеприпасов – это уже что-то большее. Наличие же двух с лишним десятков пусть и изношенных, но исправных танков, такого же числа самоходок и до сих пор способных передвигаться БТР-80 и МТ-ЛБ дает им «скелет», опору для боя. Это неопределимо вне зависимости от того, где будет проходить этот бой – на пляжах, в городе или на пустошах между Балтийском и Калининградом.

Двадцать лет назад в «эм-пы» запрещалось брать людей с ростом менее 180 сантиметров. Сейчас в ней полно хлятиков, но все равно до рукопашной российскую морскую пехоту допускает только тот из врагов, кто является полным идиотом. Проводимый историей естественный отбор постепенно привел к тому, что таковые исчезли – и значит, добраться до оружия бригаде было тем более необходимо. Два, а теперь вообще полтора года службы по призыву – не самый большой срок. Да, за это время вполне можно обучить бойцов владеть даже личным стрелковым оружием в мере, достаточной для современной войны. Но насколько бы это было легче, если бы к оружию, к уважению к нему и его возможностям допризывников приучали многими годами – дома, в общедоступных тирах, в школах. Почему государство не желает осознавать того простого, примитивного факта, что для массовой армии это является совершенно необходимым, не понимал почти никто из профессиональных военных. Но факт оставался фактом: из старших классов школ давно исчез такой предмет, как «начальная военная подготовка», с улиц – многочисленные еще в конце 80-х тир, а «Закон об оружии» оставался пугалом для Думы и отечественной либеральной интеллигенции.

В результате в армию шли призывники, в жизни не державшие в руках ничего хотя бы отдаленно похожего на то оружие, от которого начинала зависеть их жизнь, когда их бросали в бой. Но Чечня многому научила офицеров среднего звена: теперь в частях ребят чуть больше учили стрелять, и чуть меньше – маршировать. В свое время таким же уроком стала катастрофа русско-японской. Потерявшая в Чечне только убитыми 46 человек Белостокская бригада, больше известная как «Балтийская», исключением не стала – скорее наоборот. И хотя техники в морской пехоте российской армии, как и во всей армии вместе взятой, становилось с каждым годом все меньше и меньше, стрелять она все же потихоньку научилась. Так что в своих ребятах майор был уверен – пусть они были даже не «его», а из соседнего батальона (считавшегося, кстати, слабейшим в бригаде по боевой подготовке). Вид настороженно-веселых бойцов и ощущение мощи двигателя, подрагивающего глубоко в корме бронетранспортера, несколько успокаивали. Как и в прошлые разы.

– Цель!

Высокий, скуластый боец-азиат вытянул вперед руку, указывая направление, и тут же поднял развернутую вперед ладонь вверх, давая отбой. Майор, сконцентрировавший внимание на «своем» секторе, успел увидеть только машущую рукой фигуру, зацепился взглядом за автомат на груди бросившегося к ним, увидел лежащее на тротуаре тело – но

ревуший БТР уже пронесло мимо.

– Стой!

Ухвативший его команду южанин заколотил в броню прикладом своего автомата – и через секунду БТР уже встал, как вкопанный, а бойцы попрыгали с брони.

– Хороший водила, – не удержался и отметил майор, но командующий отделением, мордатый парень с лычками старшины 2-й статьи, даже не обратил на похвалу внимания, полностью занятый обменом ругательствами с таким же мордатым и вообще здорово на него похожим фигурой мужиком в имеющем ярко-синюю крышку бронежилете поверх серого бушлата.

– Товарищ офицер!

Милиционер даже не пытался дотронуться до своего укороченного «калашникова»: полуотделение развернулось «к досмотру», как офицеры бригады научились делать там, и теперь на него смотрело ствола четыре. Остальные присели под колеса или вжались в тень дома, готовые при необходимости перекрыть огнем пространство вокруг. Работа отделения, в жизни не бывавшего в Чечне, показалась Сивому настолько слаженной, что он с удовлетворением подумал о преувеличении критики в адрес 878-го батальона. Это был первый приятный момент с самого утра – или второй, если учесть то, как вел себя его подросший потихоньку сын.

Не ответив стоящему на месте и изо всех сил старающемуся казаться «своим» постовому, майор Сивый нагнулся над телом. Это был еще один милиционер, в звании рядового: молодые глаза неподвижно смотрели куда-то в пространство. Второе тело обнаружилось метрах в пяти, – и это тоже был убитый милиционер.

– Товарищ офицер!

Майор разогнулся, смерив милиционера взглядом. По лицу мужика текли крупные слезы, и только это удержало комбата-879 от того, чтобы отдать приказ продолжать движение. Минуты утекали, а до батальона он еще не добрался. Черт знает, кто им сейчас командует: возможно, что тот же лейтенант Зябрев.

– Мы преследовали... Они открыли огонь, мотор машины заклинило, шину пробило... Нам ответили, что помощи не будет, все заняты, и тогда лейтенант приказал продолжать преследование пешим порядком... Мы метров 50 и пробежали всего, тут нас второй раз обстреляли – и вот...

Майор кивнул: дело было понятное. То, что примерно такие картины происходят сейчас по всему их не слишком-то крупному городу, он сообразил еще до того, как вывел своих из дома.

– Попали в кого-нибудь?

Пленный недобиток был бы полезен: Сивый знал, что может развязать язык любому последователю ваххабизма секунд за тридцать. Сдираешь с человека обувь и по одному отстреливаешь ему из автомата пальцы ног: примерно после третьего начинают «колоться» даже люди с природно высоким болевым порогом. Исключений майор до сих пор не видел, хотя и предполагал, что редкие герои или мазохисты могут найтись. И совесть его тоже не мучила ни капли. Правозащитники от такого зрелища еще на октаву повысили бы регистр своей перманентной истерики – но это они не видали ситуаций, когда информация нужна именно сейчас, немедленно, иначе погибнут десятки твоих собственных товарищей. Сейчас была именно такая. Но милиционер помотал головой, и тогда он разогнулся, поднимая с собой куцую «сучку», ублюдка в семье «калашниковых». Второй автомат, повинувшись его жесту, снял с убитого лейтенанта один из морпехов. Нашедшиеся у погибших запасные магазины они оба рассовали по нагрудным карманам, промокшие же кровью едва ли не насквозь бронежилеты трогать не стал ни один, ни другой.

– Мне сказали ждать! – дрогнувшим голосом сказал выживший.

– Нет, – резко ответил майор. – Я снимаю вас с поста. На броню!

– Товарищ...

– Молчать! Подчиняться приказу! Считай себя временно мобилизованным! На броню, я

сказал!

БТР-80 взревел дизелем, из под кормы вышвырнуло густой клуб сизого дыма. Одновременно с этим кто-то в десантном отсеке покачал выдвинутым через амбразуру стволом, и это добило милиционера: проявив приличную сноровку, он забрался на тушу сразу двинувшегося с места бронетранспортера, не отстав от остальных. Всех качнуло назад – водитель сразу разогнал машину до скорости, которую в мирной обстановке сочли бы не просто небезопасной, а убийственной. В любой момент под передние колеса многотонной машины могла сунуться какая-нибудь ржавая драндулетина мирного обывателя – а то и старушка с артритичным пуделем. Но время было уже другое.

Вцепившись одной рукой в скобу, а другой в оружие, майор поймал себя на том, что поглядывает не только в соседние от «своего» сектора наблюдения, но и вверх. Задумавшись на секунду, он сообразил, в чем дело, и это напугало его еще сильнее.

Ассоциация была простая: процедура снятия милиционера с поста была почти прямой цитатой из «Живых и мертвых» Симонова. В соответствующем месте книги и фильма следующим эпизодом шел расстрел «мессершмитами» тихоходных бомбардировщиков, возвращающихся с бомбежки переправ через Буг – кажется, так.

Он снова посмотрел в небо, исчерканное проводами уличной электросети – но там, конечно, не было ничего, кроме облаков. Последние старые самолеты ВВС Балтфлота, винтовые «Барракуды» Бериева, известные по справочникам как Бе-12, были списаны по сокращению уже многие годы назад. Был полк Су-24 – но этих машин и не увидишь, покуда они не всадят тебе что-нибудь в затылок. Так что можно расслабиться. Вроде бы...

Рядом по броне цвякнуло – именно такой звук издает пуля, имеющая сравнительно невысокую скорость. Или пистолет, или пистолет-пулемет одиночным – майор даже не понял, с какой стороны стреляли: БТР продолжал нестись мимо просыпающихся домов. Могли и попасть – и как это обычно бывает в городе, было неизвестно, куда вести ответный огонь. Сложенную в один кирпич стену пуля из КПВТ могла, при определенной доле везения, пробить и насквозь: а за стенами жили мирные, ни в чем не виноватые люди.

На часах майора было 8:25. Из всех сил он щурил глаза, чтобы хоть как-то глядеть в нужный сектор, но десятые доли положенной единицы зрения выдувало из них набегающим ветром. Он ощущал, что они опаздывают – что бы ни происходило в городе на самом деле. Нужна была связь – но на БТРах «второй очереди» раций не стояло уже лет пятнадцать, машины доукомплектовывали только перед «большими», то есть бригадными, флотскими или окружными учениями. Либо перед отправкой на войну – как было в 95-м.

Ходу до бригады им оставалось минут пять максимум, но Гущин, если он уже распоряжается, не оставит ее в городке ни на одну секунду. Максимум одну роту плюс комендантские службы – охранять классы и пустой мехпарк. Тяжелую технику он наверняка выведет из города и рассредоточит, а основные силы батальонов бросит в город, сформировав взводные поисково-ударные группы и приказав им не церемониться с чужаками. Так поступил бы сам майор Сивый – а у него имелась некоторая надежда, что гвардии полковник превосходит его интеллектом не со слишком большим отрывом. Вопрос – сколько техники сумеет выйти из боксов? У бригады 26 танков, 46 самоходных артустановок, более полутора сотен бронетранспортеров и тягачей. Даже просто завести те из боевых машин, которые исправны, укомплектованы, заправлены горючим и снаряжены – это многие десятки минут.

Можно только представить, что сейчас творится в расположении бригады... Но хотя бы десяток боеготовых БТРов может быть уже выведен в город просто для того, чтобы освободить место другим. Значит, теоретически, можно сразу корректировать курс, выходя к любому из ключевых объектов города, способных стать основными мишенями диверсантов: насосной станции, хладокомбинату, грузовому порту. Или сразу к военному порту.

Далеко впереди сверкнуло – как будто в сумерках на мгновение вспыхнул и пошел искрами гигантский сварочный электрод. Потом, через секунду, сверкнуло так, что Сивый чуть было не свалился с брони мотнувшегося вбок бронетранспортера, потому что

непроизвольно дернулся прикрыть глаза рукой. Той самой, которая была свободна от оружия, которой он до этой самой последней секунды держался за скобу.

– С брони! Все с брони! – орал командир отделения, но его команда была уже бесполезна: не дожидаясь, пока притертый водителем к самой стене двухэтажного жилого дома БТР остановится, с него попрыгали все. Ревущий дизельный двигатель рывком сбавил обороты, и лишь тогда в уши вбилося то, что до этого момента ощущалось только давлением на кожу. Земля под ногами дрожала странными скачками, как будто под слоем асфальта и спрессованного гравия один за другим проносились вагоны какой-то невиданной гигантской электрички. Один из морских пехотинцев упал на четвереньки, потом из распахнувшегося люка БТРа вывалился еще один. Этот остался лежать, выкрикивая что-то прямо в мерзлый асфальт. Майор сам ощущал, что его подташнивает, но это было, скорее всего, не от тошнотворного колебания мира под ногами, а от шока. Сверкать продолжало – все там же, впереди. Грохот при этом, казалось, усилился еще больше – и вокруг начали сыпаться стекла.

– Ребята! – услышал он чей-то стонущий голос за плечом. – Там же ребята! Да что же это?..

– Не понимаешь – что?

Выкрик получился правильный – сильный и властный. Собственный голос, удивительно точно поймавший нужную интонацию, частично позволил майору прийти в себя.

– Отделение! – взревел он.

По ногам ударило так, что несколько человек растопырили колени в полуприседе – только так они сумели сохранить равновесие. Такое показалось бы карикатурой, не будь майору так страшно. Вокруг кричали. Кричали люди в домах, кричали и были несколько выбежавших из подъездов мужчин разной степени одетости. На втором этаже прямо над ними распахнулось уже разбившееся окно, осыпав всех остатками осколков. Молодой парень в тельнике высунулся из него по пояс, пытаясь изогнуться, заглянуть вверх. Это у него не вышло: дома загораживали обзор, и начавшие наконец-то утихать вспышки доходили до расположенной поперек нужного направления улицы только в виде сполохов.

– Братцы! – проорал парень, увидев застывшую тушу БТРа всего в нескольких метрах от себя. – Братцы, что там?

Майор едва не подавился воздухом, набранным в легкие для того, чтобы подать команду. Что именно командовать, он так и не знал, но был полностью убежден, что язык скажет все нужные слова сам и сказанное окажется абсолютно верным.

– Ваши склады рванули?

– Болван! – прорычал майор. – Это 155-миллиметровки! В часть беги! Это война!

– Бля!

Парень даже не переспросил, не шутит ли мужик средних лет, направивший зачем-то в его сторону автомат. Он исчез разом, за секунду – как будто его вдернули внутрь за ноги.

– Граждане! – майор обернулся к тем, кто смотрел на него. Их оказалось человек пятнадцать: треть рядом, глаза в глаза, остальные в окнах. – Военнослужащим и резервистам немедленно прибыть в свои части! Сборы запрещают: брать только теплую одежду и средства связи! Отделение!..

Он уже почти не надрывал голос – визг падающих снарядов и глухой рев сотрясающих дома разрывов разом утих. Свет остался – и становился все ярче: все, что оставалось от жилого и учебного городка 336-й гвардейской Белостокской орденов Суворова и Александра Невского отдельной бригады морской пехоты пылало сейчас сверху донизу. Матросы присланного за ним отделения выстроились короткой шеренгой: лица у них были бледные и осунувшиеся. Наверное, именно так выглядели уходящие в свой первый бой морские пехотинцы Балтики ровно две трети века назад. Рядом, на правом фланге, встал милиционер с АКСУ. Выглядел он не хуже других.

– Смирно! Слушай боевую задачу!..

Майор не смог, не сумел сказать всю фразу целиком, – просто не хватило воздуха. Набрать его заняло полсекунды – и все это время матросы ждали. Кто-то глядел с ужасом, кто-то с растерянностью, остальные – с удивившей бы его, будь он кем-то другим, уверенностью в лицах.

– У меня нет никаких сомнений, что началась война. Кое-кто из вас никогда не верил, что это может случиться, кто-то понимал, что это дело одного-двух лет. Но она началась сейчас. Мы оторваны от Родины, мы находимся в кольце враждебных государств, но это наша земля!!!

Последнюю фразу майор проревел, надсаживаясь: так ему стало хотя бы чуточку легче перебороть ту животную боль, которая перла сейчас из глубины его памяти, даже не принадлежавшей ему самому.

– Там, впереди, на западе, юге и востоке от нас, сейчас умирают наши пограничники. Я уверен, что то, как мы будем исполнять свой долг, не опозорит ни их, ни бригаду, ни память наших дедов, могилы которых вокруг нас! Отделение!.. – он снова хлебнул воздуха, ощущая, как кипящие пузыри рвутся по его жилам, наполняя тело дикой, безумной невесомостью. – К бою!!! На броню! Марш!..

С нечленораздельным ревом матросы полезли на тело БТР – и через три секунды, которые потребовались водиле, чтобы добраться до управления, тот рывком оторвался от насиженного за несколько минут места. Стекланные полоски посыпались на землю с ледяным звоном – но майор этого уже не слышал. Протиснувшись на сиденье командира машины, он приник к залитой прозрачной броней обрешиненной щели. Козырек кепи мешал, и он перекрутил его назад, прикрыв облитую потом шею. Ну да, снята радиостанция с блоком питания, снят рентгенометр. Можно предположить, что дело этим не ограничивается. Обычная для российской армии XXI века практика. Но двигаться, во всяком случае, БТР еще может. Причем быстро: строили его на совесть.

– Гони!

Водитель гнал, выжимая из воющего в полном восторге двигателя каждую лошадиную силу, еще остающуюся в его изношенных цилиндрах и клапанах. Мимо мелькали бегущие люди, пронеслись сначала уже полностью освещенные, а потом неожиданно, сразу и целиком темные дома. Наверняка или полетела из-за многочисленных коротких замыканий сеть, или одна из батарей или даже отдельных машин ударила по городской подстанции. Майор не сомневался, что опознал звук точно. Именно так звучали разрывы снарядов стандартного для армий государств НАТО калибра в тот единственный раз, когда он их слышал. 2006-й год, учения «Снежинка» в Дании: туда, помимо мотопехотной роты из входящей в состав Ленинградского военного округа дивизии, было направлено и человек десять офицеров батальонного звена – «россыпью», из разных частей. Но на учениях экономные датчане потратили два раза по 10 снарядов – а здесь огневой налет проводился минимум двумя-тремя дивизионами.

Калининградская область Российской Федерации граничила с Польшей и Литвой. Ни у тех, ни у других, насколько было известно, в настоящее время не имелось 155-миллиметровых пушек. Причем ни в каком виде: ни самоходных, ни буксируемых. Поляки который год копили деньги на новый 52-калиберный «Краб», но заказы не должны были пойти им в войска раньше 2009, а то и 2010 года и то, если они справятся со своей продолжающей «плыть» экономикой. Максимум, что у них было – это оставшиеся в качестве наследства от «кровавых оккупантов», точнее, от почившей Организации Варшавского Договора, 122-миллиметровые самоходные «Гвоздики» советского производства. Эти до Балтийска не дотянутся ни под каким видом. Но 155-миллиметровки есть у Германии, Италии, Голландии, Греции, Испании, а также у Турции, Словакии и Франции. Скорее всего, это или немцы, или голландцы – а значит, это новейшие PzH-2000. Впрочем, о последнем можно было догадаться и так: судя по тому, как ходила под ногами земля, в пределах одной цели одновременно рвались десятки тяжелых снарядов. Самоходная PzH выдает 10 выстрелов в минуту в полностью автоматическом режиме, а возимый боекомплект у нее 60

снарядов. На дистанции в 40 километров современная 155-миллиметровка даже с активным снарядом кладет свой боекомплект в эллипс шириной в 30 и длиной в 150 метров. На дистанции 35, если самоходки подвели к самой границе, их разброс будет еще меньшим. Значит именно так: полтысячи снарядов не оставляли бригаде никаких шансов... И почему 8:25 или 8:26 – тоже понятно. Сейчас воскресенье, к 8:30 на плацу строятся те, кто отправляется в увольнение. Должны строиться. Только бы Гущин успел увести бригаду. Только бы Зябрев успел вывести батальон...

– Цель справа тридцать!!!

Невидимый за бронебойной перегородкой позади, матрос с пулеметом качнулся в сторону, развернувшись вместе со своим подвесным сиденьем. В борт БТРа гулко заколотило, глухо вмянули сразу несколько пробитых пулями шин, и тут же взревели и забились КПВТ и ПКТ в башне. К этому времени вой исторгающих длинные очереди «калашниковых» был уже непрерывным: майор еще не успел обнаружить цель сам, а все уже почти кончилось. В чреве бронетранспортера стояла вонь от килограммов сгоревшего за секунды пороха и острый запах металлической пыли. Из чего бы по ним ни стреляли, отлетающая с внутренней стороны брони окалина была вредна максимум для легких. Впрочем, теперь майор уже не сомневался, что до рака легких он не доживет.

Пулеметы и автоматный огонь стихли, через секунду водила остановил БТР, и находящиеся в десантном отсеке бойцы рванули наружу.

– Белый, Фима, держите угол!

Старшина 2-й статьи распоряжался так уверенно и толково, что майору даже не понадобилось что-то говорить. Так, конечно, и должно быть: его собственный уровень – это десантно-штурмовой батальон. Отделением он в последний раз командовал в срочную, взводом – через шесть лет после выпуска и первой двойной звездочки лейтенантского звания. Не хотелось бы начинать все заново – хотя и такое тоже могло случиться, слови пулю и старшина, и его заместитель.

Двое парней, прыгая через стекла покрывающие землю уже почти сплошным ровным слоем, умчались к углу дома. Остальные к этому времени уже ворочали тела сраженных их огнем. Таковых нашлось четверо: трое валялись прямо под истерзанной выбоинами стеной, один же был явно шустрее своих товарищей, и пули вошли ему уже в спину. Все были в гражданском – в разнокалиберных куртках – «шоферках», приобретших теперь одинаковый иссиня-бордовый цвет. Рожи – у троих самые обычные, славянские, а у одного не разобрать – от его головы не осталось почти ничего. Оружие в руках (точнее – его измятые остатки) оказалось внушительнее того, с чем приходили утром за ним: германские пистолеты-пулеметы. Глупо из таких палить в БТР, даже в устаревший БТР-80, но диверсанты наверняка решили, что у них нет выбора. У них была какая-то своя задача, судя по оснащению, не рядовая – и вдруг на них вылетает ревущий бронетранспортер, обвешанный морскими пехотинцами. Понятно, они сообразили, что вляпались, и открыли огонь первыми. Хочется надеяться, что они не успели сделать то, ради чего напялили на себя гражданскую одежду и маску мирных обывателей. Впрочем, они могли уже отходить после ее успешного выполнения...

– Старшина, потери?

– Нету, товарищ майор!

Комотделения был так возбужден, что едва не захлебывался слюнями. Похожий на него, как близнец, милиционер выглядел теперь гораздо более взрослым, чем этот парень. Так, наверное, и должно было быть.

– Продолжать движение! Направление – военный порт, причалы катеров и малых кораблей.

– Есть... Белый, Фима, Антон – ко мне!

Значит, обошлось без потерь. Повезло – первые очереди «Хеклер-Кохов» вполне могли кого-нибудь снять. Бронежилет из всех них был только у выжившего мента, а на 30 метрах «Хеклер-Кох» вполне действенен. Конечно, еще не вполне рассвело. И руки, наверное,

тряслись. Но все равно повезло. Майор не сомневался, что убитые принадлежали к какому-нибудь современному аналогу «Бранденбурга» – его самая первая догадка таким образом оказалась совершенно верной. Но все равно – не укладывалось это в голове. Совсем... На дворе не 40-е годы XX века, на дворе цивилизованный 2008-й. Да, за последнее десятилетие по миру прокатилось больше войн, чем за период с 1950-го по 1995-й включительно, и многим неглупым людям уже после Ирака стало ясно, куда все это катится, но...

Да, лучше, чем «но все равно» и не скажешь, как ни старайся... Дождались, значит, возможности. Их тоже можно понять, конечно. В определенной степени это как стратегическая компьютерная игрушка. Если у тебя государство с высочайшим промышленным потенциалом и готовые к бою армады танков на границе – ты не будешь слишком долго торговаться с соседями из-за цен на нефть. Особенно если у них нет флота, нет авиации – да и армии тоже практически уже нет. Так, несколько боеготовых бригад и сводных полков на технике производства начала-середины 80-х... «Мушкетеры», говоря тем же языком компьютерных игрушек. А дипломатические загогулины либо игры в демократию и всеобщее равенство рас и религий – это так, запудрить мозги, выгадать время, пока аэродромы строятся вплотную к чужим границам.

Зачем строятся? Глупый и даже провокационный вопрос, который игнорировался все последние годы. Дабы сэкономить топливо и силы экипажей – и, соответственно, увеличить количество вылетов и полезную нагрузку после того, как будут окончательно сведены к нулю возможности контратаки очередного противника. Которые и так-то почти номинальны. Которые номинальны всегда: с иными противниками НАТО не воевало никогда – слишком уж дорого стоит сейчас в цивилизованных странах человеческая жизнь. Ни разу с момента Вьетнама ни одна из вбомбленных в пыль стран не пыталась контратаковать своих могучих противников. Выйти за пределы «разрешенных» им мер сопротивления на своей сжимаемой территории, ударить, уколоть хотя бы ближайших, слабейших соседей, набрасывающихся на избиваемых с радостью дизентерийных шакалов. Ни разу...

Бронетранспортер вылетел на перекресток, и водитель ударил по тормозам так, что тот пошел юзом. Система регулирования давления паршиво справлялась с пробоями колес на правой стороне, БТР повело в сторону – но скорость была сброшена так резко, что полноценного заноса не получилось. Они были на месте.

– Товарищ майор!

Лицо подбежавшего к выпрыгнувшему из машины Сивому старшего лейтенанта было знакомым, но фамилии его ком-бат-879 не помнил. Значит, снова не свой, не из его батальона.

– Старшина, – майор повернулся к мордатоному командиру отделения, дышавшему так, будто ему пришлось собственными руками толкать «броник» половину дороги. – Людей тройками по фронту. БТР вправо, готовность простреливать улицу – секундная. Старший лейтенант, докладывайте обстановку.

– Согласно приказанию командира бригады осуществляю охрану причала ракетных катеров. Задача выполняется силами находящейся под моим командованием боевой группы в составе 2-го взвода 3-й роты 877-го обмп, с одним приданным БТР-80.

– Молодец.

Из краткого доклада явно бывалого старшего лейтенанта комбат выхватил сразу несколько ключевых деталей. Во-первых, Гущин действительно успел добраться до бригады до того, как ее начали давить всерьез. Во-вторых, он действительно разогнал мобильные боевые группы по важнейшим точкам. Малые корабли, в первую очередь ракетные катера, буквально напрашивались в качестве мишени для удара: из всего Балтийского флота к 2008-му году лишь базирующийся на ВМБ Балтийск дивизион еще представлял из себя хоть какую-то реальную силу.

– Сколько успели вывести? Главное – сколько техники?

– Не знаю, товарищ майор. Мы были одними из первых, а потом...

– Что потом – я знаю, – коротко отозвался майор, не собираясь делиться тем, что

увидел сам. – Связь есть?

– Так точно. Батальон принял начштаба, командир не отвечал – а потом и связи с городом уже не было.

– И это я знаю тоже... – машинально сказал он опять, внимательно оглядывая ближайшие корабли. Там уже кипела жизнь: матросы то появлялись на виду, то вновь исчезали в надстройках. С удовлетворением майор отметил и то, что гнездо шестиствольной 30-миллиметровой установки уже занято расчетом. Этот дивизион действительно был боеготов и боеспособен – и именно поэтому за него было страшно. Ударят с моря противокорабельными ракетами? Нет, вряд ли, – а если и ударят, то, скорее всего, не попадут. Рядом гораздо более крупные корабли и суда. И рядом же, почти вплотную к причалу – многочисленные здания высотой до 4 этажей: большая часть ракет наведется или на первые, или на вторые.

– Передайте в бригаду, что я здесь. Спросите, где 879-й. Поняли?

– Так точно...

Комвзвода исчез, и майор снова задумался. Что началась война – это понятно. Что Балтийск в первый ее час более важен, чем даже Калининград – тоже. Тогда почему их до сих пор не утюжат авиацией? Почему ствольная или ракетная артиллерия не бьет по гавани? Загружает боезапас? Если да, то это считанные десятки минут, – на новых самоходках все автоматизировано. Возможно, движение вперед они сочли более важным. Тогда что, обстреляют корабельной артиллерией? Это сработало бы – но артиллерийские корабли с серьезным калибром остались к 2008 году только у каких-нибудь южноамериканцев, которые вряд ли станут лезть в Россию. А быстроходным катерам противника для того, чтобы выйти на дистанцию действительного для их калибров огня, нужно будет проходить через морские ворота – иначе причалы прикроет Балтийская коса. Внутри же гавани дистанция уже почти нулевая: от 600 до 1000 метров: на такой вполне можно нарваться самому. Тем более в море уже пошел какой-то сторожевой катер: может быть, даже не вояка, а пограничник. Он сможет составить хоть какой-то дозор. Позорище, Балтийский флот – и ни одного корабля ДРЛО в дозоре, ни одного крупного сторожевика на боевом дежурстве. И у бонового заграждения, разумеется, конь не валялся.

Итак, топить катера будут или авиацией, или диверсантами. И если было выбрано последнее, то у моряков есть хоть какой-то шанс – потому что здесь он, командир 879-го одшб, единственного в бригаде, имеющего статус «батальона постоянной готовности». И старший лейтенант из 877-го обмп, со своим взводом. И старшина 2-й статьи со своим отделением – из 878-го. Почти бригада, в общем.

Разумеется, диверсантам вовсе не надо лезть на четыре его пулемета: они вполне могли пройти в гавань под водой. Но балтийская вода в марте – это не сахар даже для самого закаленного «тюленя», а до польских террвод все же немного далековато. В такую ветреную погоду на малых высадочных средствах они будут чапать до Балтийска минимум час – а за этот час в море может случиться все, что угодно. Так что нет, вряд ли...

– Старлей, – позвал майор вновь появившегося в поле зрения командира группы, потому что пришедший ему в голову вопрос показался интересным. – А что, матросы здесь уже были, когда ты с ребятами прибыл? Это же только-только вроде?

– Прибежали толпой во главе с офицером. Рыжим таким, лохматым. Мы только минуту как подошли – и тут они. Человека три еще вразбивку прибежало, все трое офицеры.

– Соображает народ.

– Так точно, – снова ответил тот, не собираясь переходить на менее официальный тон. – Товарищ майор, товарищ гвардии полковник потребовал передать вам свою благодарность. Он сказал – уцелела почти треть...

– Понятно, – кивнул Сивый, с секунду помолчав. Треть – это значит, бригада уже потеряла около семисот человек. Или чуть меньше, если не считать дислоцирующийся отдельно 724-й одрб. Если полковник имел в виду технику – разница невелика: без техники боеспособность батальонов в любом случае уменьшается в разы. И все равно – Гущин

выразил благодарность. Одно это характеризует ситуацию вполне однозначно.

– Что еще он сказал?

– 879-й выдвигается к Приморску, 877-й ушел на Светлый. Техника бригады, за исключением нескольких машин, оставленных нам, поделена между ними, но большая часть уцелевших танков – с 877-м. Вам приказано нагонять своих и принимать командование батальоном...

Старший лейтенант сделал паузу, то ли подбирая слова, то ли пытаясь точнее передать интонации.

– Товарищ гвардии полковник передал также, чтобы вы держались, сколько можете: помощи нет и не будет. Мой батальон он оставляет прикрывать город, и раздвигать его не станет ни при каких обстоятельствах. Он сказал, что сформировав ротные боевые группы из тыловиков, сможет продержаться часа четыре точно... Я слышал, что звучали названия Ладушкин и Нивенское, но кто из соседей идет туда, я не в курсе. – Мечниковцы?

Парень покачал головой – этого он не знал точно. Майор на секунду задумался. Приказ был четким – а это всегда хорошо. Значит, какая-то часть штаба уцелела, и кто-то сейчас командует. Можно догадаться, что происходит сейчас на дорогах – и не только на них. Отголоски канонады доносились со всех сторон, кроме разве что северо-запада: там было море, и целей для противника там просто не было. В небе (майор поднял голову и в очередной раз внимательно осмотрелся) было чисто – ни авиации, ни инверсионных следов. Калининградская область – одна из последних по-настоящему эффективных зон ПВО в современной России. Вероятно, вторая после Подмосковья. Истребителей здесь осталось – кот наплакал, максимум пара сводных эскадрилий, но «Буки», «Эсы», «Тунгуски» и старые «Кубы» в несколько эшелонов, под отлаженным управлением... Все это будет работать, и потери у атакующей авиации НАТО будут такими, что участвующие в покорении варваров государства быстренько вспомнят, когда несли такие в последний раз. В 1941-м, когда же еще... С моря – тоже не вполне прокатит, потому что хотя морем НАТО владеет последние десять лет уже безраздельно, береговой противокорабельный оперативно-тактический ракетный комплекс «Редут» под договор по сокращению вооружений в Европе все-таки каким-то чудом не попал – и не учитывать это они не могут. Каждую батарею им придется уничтожать отдельно, комбинированными усилиями родов войск – а это время. Так что гораздо эффективнее будет давить системы ПВО и береговой обороны не бомбежкой, а траками танков и огнем артиллерии... В конце концов, танки на вражеском аэродроме – это самое лучшее средство противовоздушной обороны, как сказал Говоров. Или Гречко. Или еще кто-то из наших маршалов того, настоящего поколения. Неважно в конце концов, кто именно. Сказано было в любом случае верно.

БТР уже мчался вперед по улицам Балтийска, заставляя оглядываться и махать руками десятки бегущих в разных направлениях людей. В этот раз майор уступил командирское сиденье старшине, сам снова усевшись на броню. Мысль о том, чтобы обменяться машинами со старшим лейтенантом, он отменил, хотя выглядела она соблазнительно. Целые колеса, радиостанция—это было бы, конечно, полезно. Но радио нужно будет и самому старлею, а до Приморска он как-нибудь дотянет. Вторую мысль, о том, что попавшее под его командование отделение принадлежит другому батальону, он отменил тоже. Это был уже инстинкт: мнение самого старшины его в этом отношении не волновало ни на грош.

Итак. План развертывания бригады подразумевал действия всех четырех ее батальонов. План развертывания сил флота и округа – то, что они будут, эти силы. На 1991 год одни только сухопутные силы в Калининградской области насчитывали 5 полнокровных дивизий, включая 2 танковые – с усилением любого возможного рода. На 2000-й год в результате их последовательного «сворачивания» дивизий осталось две, с суммарным личным составом в 13 000 человек. И хотя серьезному наступлению противника эти силы на один зуб, следовало признать, что тогда они тоже были серьезными. Сейчас на дворе стоял 2008-й—черт знает какой по счету год позорной «военной реформы». От сухопутных сил в российском анклаве осталась одна 1-я дивизия – Пролетарская Московско-Минская ордена Ленина дважды

Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова гвардейская мотострелковая. Остальное превратилось в БХВТ – базы хранения военной техники с выставленными на колодки законсервированными машинами, потихоньку разуклопываемыми для поддержания в относительно исправном состоянии техники, имеющейся в еще не «свернутых» частях. Да и разуклопываемыми тоже...

Большая часть тонюсенького ручейка новой техники и вооружения текла на Кавказ – а списание имеющейся шло все это время полным ходом. «Создание сбалансированных Вооруженных Сил» по мнению Генштаба и Правительства России заключалось в том, чтобы сократить их как можно скорее, как бесполезные и даже мешающие в освоении средств, выделяемых им же каждый год. Нелогично? А это как посмотреть... Вот 11-я гвардейская общевойсковая армия с пятью или даже двумя дивизиями, из однозначно лучших – это было, конечно, «несбалансированно». А сейчас, когда от армии остался один полностью развернутый полк и один десантно-штурмовой батальон, – вот это уже гораздо «сбалансированнее», теперь уж точно бояться нечего: супостаты прямо заранее скопом обгадятся от потрясения при виде их боевой мощи...

Додумать майор не успел: БТР вылетел на крупный перекресток и с размаху ударил в крыло громадный черный автомобиль, сияющий на утреннем солнце шикарной полировкой. БТР-80 весит более 13 тонн: несущийся под 90 километров в час джип швырнуло в сторону, как игрушечный. Стальную скобу вырвало из руки Сивого, и следующее, что он увидел, была мелькнувшая в каком-то сумасшедшем кульбите земля. Сгруппироваться он все-таки успел – в этом отношении везением оказалось то, что на груди у него висел не нормальный АКМ, а радикально укороченный АКСУ. Как-то смягчил удар и бушлат – поэтому уцелели даже ребра, хотя цвет кожи под тельником наверняка будет куриным: судя по ощущениям, синяк там был сплошной. Кряхтя и отплеываясь, майор поднялся, после чего помог подняться оптимистично матерящемуся парню, которому здорово ссадило кожу на правой половине лица.

– Живы, товарищ майор?

Старшину наверняка приложило о броню, но насколько Сивый понимал, на командирском сиденье было особо не о что биться – так что и у этого тоже обошлось. Водителю и пассажирам джипа повезло меньше – невооруженным глазом было видно, что, несмотря на все подушки безопасности и прочие навороты дорогой современной машины, уцелели только трое сидевших позади: стонущая от боли девочка-подросток, крепкий мужик в блекло-коричневом пальто (без видимых ран, но вырубившийся), и визжащая девка лет тридцати.

– Да вы что? – захлебывалась она криком. – Да вы что думаете, уроды, гавнюки?! Да вы знаете, кто мы такие, скоты вонючие?... Да вас завтра же!.. Сегодня!..

Переставший обращать на нее внимание майор разогнулся и встретился глазами с перекошенным старшиной. Завтра их всех могло уже не быть в живых – а скорее всего уже сегодня: в этом отношении девка была совершенно права. Полковник Гушин отдал абсолютно верный приказ: 879-й одшб имеет шанс некоторое время удерживать шоссе, ведущее к Калининграду с запада. Там есть подготовленные позиции, в том числе и для танков. Но если давить береговые ракетные батареи агрессор начал с задержкой хотя бы на полчаса относительно первого удара по бригаде и остальным, то к этому времени тактический десант может их уже обгонять. А рассеченное шоссе означало то, что все находящиеся в Балтийске части будут отрезаны и размяты просто одной концентрацией артиллерии, а через полдня – и авиации. Часов для того, чтобы получить возможность умереть в настоящем, дающем какое-то удовлетворение бою, становилось таким образом все меньше – а это значило, что надо было продолжать двигаться.

– Уходим. Время...

Старшина, не тратя слов, полез в БТР – и тут же тот подпрыгнул снова: в его корму вцепилась очередная, на этот раз покрытая грязью сверху донизу, легковая машина.

– Твою мать! Боец, на броню! Не тормозить!

Замешкавшийся парень, в оцепенении глядящий на разбитые автомобили и стонущих и орущих людей, будто очнулся. Только тогда майор понял, что это тот же милиционер из порубленной группы, которого он «мобилизовал» с час назад. Ну, это понятно: у него рефлекс. Но ВАИ не прибудет, можно не надеяться. Да и «скорая» вряд ли. А вот лишний ствол в составе отделения – это важно.

– Эй! – позвал он, сообразив, что понятия не имеет, как зовут мента. – Эй, ты!

Время торопило, церемониться было некогда. Майор перевел предохранитель «сучки» в положение, соответствующее стрельбе одиночными, не глядя направил ствол вверх и нажал на спуск. Несмотря на то, что за горизонтом продолжало ощущаться, хотя и глухо грохотать, звук выстрела был настолько резок, что страдающий некоторым избытком веса и недостатком реакции младший сержант очнулся. Побочным эффектом выстрела стало и то, что большая часть из сбегавшихся к ним людей резко развернулись и побежали по более неотложным делам. Таковых, видимо, хватало. Глупо осуждать гражданских за панику – но это была именно она. Народ драпал. Заткнулась на самой высокой ноте и визжавшая без перерыва стерва в машине.

– Я все понимаю. Но здесь ты ничего не сделаешь – разве что окажешь какую-то медпомощь. А там мы будем драться.

– У меня семья здесь, – тихо ответил милиционер. – Но я пойду...

Майор не ответил. Даже не пожал плечами. Он уже карабкался на броню БТР – сидящий на вершине знакомый уже матрос-азиат с глубокой царапиной поперек лба протянул ему руку, чтобы помочь. Дизель взревел, и БТР, отпихивая бронированным носом останки джипа с трупами на передних сиденьях, начал снова разгоняться вперед. Сзади снова принялись визжать и орать люди, которые либо искренне не понимали происходящего, либо не желали понимать, поскольку это не укладывалось в их представление о том, что когда-либо может с ними случиться.

Сжав зубы, майор Сивый продолжал додумывать ту мысль, которую оборвал удар. 609-й учебный мотострелковый полк дислоцировался в Гвардейске: это значило, что у него был некоторый шанс не попасть под артоналет из-за за госграницы – все же батареи оттуда ведут огонь на пределе дальности. Но к текущей, скачущей сейчас минуте, пограничников уже почти наверняка нет в живых: в современной войне пограничные войска – это ничто. Значит, самоходки могли уже пойти вперед, за танками и мотопехотой, давящими все на дорогах забитых машинами самых сообразительных беженцев. Натовская PzH-2000 способна держать на шоссе 65 км/ч, а чтобы изготавиться к стрельбе, ей нужны полторы минуты. Отсюда – рывком сократив дистанцию, примерно сейчас они уже снова готовы открыть огонь. А судя по звукам – может быть, именно они его уже и ведут... И даже если учебный полк поднялся по тревоге и оседлал шоссе Нестеров—Гусев—Черняховск—Гвардейск—Калининград, продержится он недолго. На то он и учебный. Остается 1-я ГВМСД, полки и отдельные батальоны и дивизионы которой ровным слоем размазаны между Калининградом и тем же Черняховском. Три мотострелковых и один танковый полк, один самоходно-артиллерийский и два зенитных ракетных полка дивизии – официально это мощная сила. Но только если забыть об одной простой вещи: 280-й гвардейский мотострелковый уже к 2000-му году стал единственным полком их единственной дивизии, развернутым в полный штат. Ни один другой полк дивизии не насчитывал сейчас и пятисот человек.

Кто остается еще? 46-й отдельный понтонно-мостовой полк в Городково – тот самый, где под командой майора служат 140 человек? 561-й Отдельный морской разведпункт в Парусном? Отдельные «полки», «бригады» и «батальоны» с оставшимися в наследство от великой империи многозначными порядковыми номерами – большими, чем количество в них солдат и матросов? Предполагалось, что в «угрожающий период», упрощенно именуемый предвоенным, их технику примут рекой текущие в кадрированные части резервисты. Где оно было, понимание того, что угрожающий период начался в середине 90-х, когда в мире впервые прозвучал ликующий крик: «Бейте их! Нам за это ничего не будет – они русские!» Где они, эти резервисты? А вот, прямо под носом...

Несущийся по более-менее расчистившейся дороге бронетранспортер вильнул в сторону, уходя от удара сдуру прыгнувшей на него легковушки.

– Идиот! – проорал майор все равно не слышащему его водителю. – Дави их к такой-то матери! Гони!

По шоссе БТР-80 мог выдать 80 км/ч, но мотор был изношен, а система регулирования давления воздуха в шинах «плыла», так что они вряд ли держали больше 70. Понятно, что обгонял их почти любой. Отдельные машины (в стеклах мелькали перекошенные страхом лица) обходили их по широкой дуге. Столкновение с прущей по шоссе большой железной дурой грозило им не имеющим проблематичный исход разбирательством с ВАИ и затем судом – а тем, что они останутся здесь, под колесами и траками «освободителей». Тех самых, кто уже давно привык сначала стрелять, а потом, при необходимости, выражать сожаление. Хотя куда бежать, зачем? В деревни разве что – подальше от городов. С севера и востока Калининградскую область прижимает к морю Литва: можно себе представить, с чем там будут ждать русских беженцев, пытающихся ускользнуть от «справедливой кары за годы кровавой оккупации». Почти наверняка прибалты своего случая не упустят: тактические удары куда-нибудь от Шилуте на Мысовку и с Таураге-Пагегяй на Советск и Неман будут потом красиво смотреться во вклеенных в их учебники истории картах...

Идут железные роты литовской мотопехоты, Тогда войне придет конец, когда прибалт возьмет, возьмет...

Черт его знает, что он возьмет – в оригинале, в посвященной Армии Обороны Израиля песне, значился Суэц. Впрочем, может быть, и нет. Могучие армии гордых прибалтийских государств будут использованы скорее для полицейских и карательных операций. Для борьбы с партизанами и Соппротивлением – в общем, как и в прошлый раз...

Ветер бил майора в лицо, и только поэтому он не пытался утереть слезы. Россия, бедная, несчастная Россия, как же часто тебе везет на предателей и просто дураков, стоящих у власти... Как часто сопливые восемнадцатилетние пацаны и давно осознавшие себя отцы и кормильцы многолюдных семейств должны расплачиваться за чужую глупость, с матерными воплями кидаясь в безнадёжные контратаки на накатывающийся вал очередного нашествия. С самодельными сулицами и дроворубными топорами, с фузеями, с трехлинейками образца 1890-го и 1890/ 30-го, с ПППШ и модернизированными «калашниковыми». Да сколько ж можно?

Майор Сивый, командир 879-го отдельного десантно-штурмового батальона морской пехоты, над фамилией которого ни один человек в здравом уме не посмел бы усмехнуться, плакал. Ветер вырывал его слезы из глазниц, вбивая их под полы до сих пор каким-то чудом держащегося на голове кепи, все так же повернутого козырьком назад. Грохот и рев впереди стоял такой, что плохо было слышно даже 260-сильный дизель бронетранспортера, надрывающийся в попытках выдавить из себя еще хотя бы один километр скорости. Его батальон, до которого оставались уже считанные километры, давили, давили, давили артиллерией, вбивая в землю. Значит, 6610-я база в Мамоново уже все... Значит, закончив с ними, самоходки уже начали или вот-вот начнут обстреливать Светлый, Калининград, еще Калининград, и снова Балтийск... Интересно, сумели ли выйти в море ракетные катера? Живы ли еще их экипажи, жив ли тот старший лейтенант на причале, готовый со своими людьми драться – но настолько спокойный, что это было даже страшнее, чем сам предстоящий бой... Интересно, успел ли Ромка довести мать до мирного деревенского дома, в котором живет ее сестра, в котором они все проводили почти каждое лето последний десяток лет, пока старшим офицерам не начали снова давать путевки на юг. И еще интересно – вернется ли он к нему, чтобы попытаться сделать то, что должен сделать каждый нормальный мужик, когда к порогу его дома приходят враги... Старый дом, стоящий на окраине микроскопического поселка в полтора десятка дворов: ни асфальта, ни телефона. Это хорошо – кроме карателей и официальных делегатов «нового порядка», туда никто и не сунется, а значит, у Саши есть шанс...

БТР уже врывался в жилые кварталы Приморска, но дойти до разветвления шоссе они

не успели. Сектор обзора майора лежал впереди и справа – и вверх он не смотрел, как не смотрел туда никто. Хотя какая разница... Система наведения шедшей почти точно по оси шоссе оперативно-тактической ракеты MGM-140 «АТАСМС» засекала движущуюся быстроходную цель, параметры отраженного и излучаемого сигнала которой соответствовали бронетехнике. Одиночный БТР не заставил бы сработать дорогостоящий боеприпас, но в пределах нескольких сотен метров от него находились десятки прочих машин, от легковушек и автобусов до грузовиков – а помехи от еще действующей городской электросети и засветки от зданий примерно соответствовали мерам РЭБ, ожидаемым от колонны бронетехники на марше.

Спикировавшая на шоссе ракета была снаряжена в варианте «Блок-2» – то есть как раз в таком, какой требовался для поражения бронетехники или пусковых установок ракет. Она шла к батальону, уцелевшая к этому моменту техника которого еще занимала подготовленные для отражения высадки десанта позиции в нескольких километрах впереди. Но эта цель тоже устроила ее блок управления.

За неизмеримые обычными часами доли секунды вышибные заряды ракеты выбросили из ее тела 13 суббоеприпасов «ВАТ», оснащенных индивидуальными системами наведения, похожих на растопыривших в прыжке лапы пауков. Самой дальней пораженной целью стала расположенная почти в 800 метрах от шоссе крупная коммерческая палатка «24/7», сделанная из гофрированного железа крыша которой бликовала в ультразвуковом диапазоне, как настоящий Т-80. Два боевых элемента навелись на почти неподвижный, если сравнивать его скорость с их собственной, бронетранспортер БТР-80. Защищающий десантное отделение броневой лист имел в толщину всего 9 миллиметров – и у находящихся в бронетранспортере и на его броне людей не было ни малейшего шанса.

Расплескивая остатки невыработанного топлива, корпус выполнившей свое предназначение ракеты вбил в ухнувшую от удара крышу двухэтажного дома, попавшегося ему на пути. К этому моменту выпустившая его с находящейся чуть южнее польских Млынар огневой позиции установка М270 уже находилась в десятке миль от Бранево. Отстрелявшийся дивизион втянулся в хвост колонны 35-й пехотной (механизированной) дивизии, с 2006 года входящей в состав армии США в Европе. Находящаяся по плану операции «Свобода России» в первом эшелоне и организационно подчиненная Объединенному штабу НАТО, 35-я пехотная пересекла государственную границу Польской Республики и Российской Федерации в 10 часов 12 минут утра. По головному дозору ее 66-й бригадной боевой группы не было сделано ни одного выстрела – к этому времени сопротивление русских пограничников и располагающихся в пограничной зоне армейских подразделений было подавлено уже полностью.

Андрей Уланов **Бесшумный звонок**

– Ну и о чем ты думал, когда составлял эту писульку? Или ты вообще не думал?

Голос начальства был почти ласков. Начальство не гневалось – злиться на этого конкретного подчиненного полковник ФСБ Михайленко, во-первых, устал, а во-вторых, давно выяснил чрезвычайно низкий КПД этого занятия. Как обычно говорится в подобных случаях: злости на тебя уже не хватает.

Впрочем, было еще и в-третьих – на Руси не принято злиться на убогих, а с точки зрения Михайленко капитан Балашов вполне попадал в данную категорию. Даже внешне – мятый костюм, под глазами синюшные мешки, щетина. Видок тот еще, словно капитан дня три бухал не просыхая. Только запаха дешевой сивухи не хватает для полноты образа, с раздражением подумал полковник. Тоже мне, алкоголик, тьфу, трудоголик хренов. Загнать его, что ли, в медчасть? Пусть полечат недельку-другую от... да хотя бы от интернет-зависимости!

– Никак нет, думал.

– Вот скажи мне, Александр Николаевич, – полковник щелкнул зажигалкой и чуть подтолкнул пепельницу в сторону собеседника. Тот качнул головой.

– Ах, ну да, ты ж у нас к трубке пристрастился, – вспомнил Михайленко. – Так вот... скажи мне, пожалуйста, Александр Николаевич, будь так любезен: тебе не надоело еще фигней маяться? Твоя параноидальная идея у меня уже во где! – полковник косо провел ребром ладони по шее. – По самые гланды! Год уже я от тебя эту песню слышу, год! Ну какого, спрашивается, моржового органа?! Ты молодой, перспективный офицер, академия с отличием за плечами, в Душанбе себя отлично проявил... к внеочередному представлен... был.

– Я просто делаю свою работу, товарищ полковник.

– Не-е-ет! – Михайленко покачал сигаретой. – Ты у нас кто? Аналитик! Вот и анализируй себе! А теорию заговора изобретать... всемирного... и без тебя найдутся люди с хорошим воображением. С фактами надо работать, капитан, с фактами! Уяснил?

– Факты изложены в моем докладе, товарищ полковник.

– А ты у нас, Александр Николаевич, упрямый, – вздохнул Михайленко. – Я бы даже сказал – упертый. Могу еще с одним известным фольклорным животным сравнить. Доклад же твой, – полковник искоса глянул на монитор, – факты в нем, разумеется, есть, как же без них. И нового ничего такого уж в них, Александр Николаевич, нет. Ровно те же самые факты мне твои коллеги из соседних кабинетов в клювиках приносят. А знаешь, в чем разница? Они эти факты анализируют, а ты, Александр Николаевич, их интерпретируешь! Подгоняя под свою любимую теорию, а там, где не подгоняется, сапогом упихать пытаешься!

Капитан молчал.

– Значит, вот что, – так и не дождавшись от подчиненного реакции, полковник зло крутанул окурок, словно хотел просверлить им зубастую ухмылку Микки-Мауса на дне пепельницы. – В понедельник я жду твой доклад. Нормальный. И если он таким не будет, соответственно и разговор с тобой пройдет совсем в ином ключе. Все, свободен, и чтобы до утра понедельника я тебя не видел.

Вернувшись в свой кабинет, Балашов некоторое время просто сидел, тупо глядя на экран монитора. В верхней трети десктопа еще висело открытым сообщение, которое и стало последней каплей, заставившей его сесть и написать этот злосчастный доклад. Букровки остались совершенно теми же, что и два часа назад, смысл их также не изменился: пост мичмана Вильсона с крейсера УРО СГ-62 «Чанселлорвилль», тихо-мирно позавидовавшего своему приятелю из эскадрильи морской пехоты. Приятель, по мнению мичмана, скоро получит возможность вдоволь налюбоваться старинной немецкой архитектурой за счет казны, тогда как бедняге Вильсону в качестве пейзажа еще долго предстоит «наслаждаться» волнами Атлантики.

Можно, конечно, сказать, что нет ничего необычного в том, что эскадрилья морского базирования решила разок-другой слетать с суши. И уж только параноик вроде него может предположить, что самолеты Атлантического флота перелетают на опустевшие аэродромы Западной Европы – потому что «приписанные» к ним эскадрильи 5-й ОТАК давно уже перебазировались восточнее... поближе к цели. В Бяла-Подляска, всего в 30 километрах от Бреста, на базу в Минске-Мазовецком или в Повидз.

Последняя пешка встала на доску, фигуры расставлены и ждут. Тик-так-тик-так-тик-так.

Он вдруг явственно услышал это быстрое, лихорадочное тиканье, хотя совершенно точно знал: никаких механических часов поблизости не имелось. Это было жутко, и вдвойне – потому что обычные часы звучат иначе... разве что часовые бомбы в дешевых боевиках отщелкивают похожие тики-таки. Стрелка бежит – и замирает в последний момент, когда израненный в решающей схватке с главзлодеем герой последним усилием вырывает из адской машинки красный провод.

Тик-так-тик-так... кажется, перестук ускорялся, сливаясь в писк – и, утончившись до комариного гудения, сошел на нет почти так же внезапно, как и начался.

Черт...

Разжав ладонь, Балашов недоуменно уставился на зеленый кругляш. Ну да, пуговица... от воротника рубашки. Надо же – рванул в запале так, что «с мясом» вырвалось. Сколько ж это наваждение длилось-то? Десять минут... или больше? Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша...

Нет, нафиг такие глюки – на трезвую-то голову. Тем более, что на дворе вечер пятницы, непосредственное командование вполне недвусмысленно скомандовало: исчезни с глаз долой. И гори оно тут все синим ядерным огнем!

Аккуратно спрятав пуговицу в карман – больше по привычке, дыра такая, что проще новую рубашку купить, – он подвинулся вплотную к столу. Проверил почту: глухо. Последняя стадия одиночества, даже спамеры не пишут – и, усмехнувшись, вызвал Карту.

Эту программу Балашов написал сам, еще в позапрошлом году – когда первые тревожные звончки начали сливаться в непрерывную трель наподобие той, что приглючилась ему минуту назад. Конечно, настоящий программист, увидев ее, наверняка бы выкатил вагон и маленькую тележку замечаний: код не оптимизирован, графический интерфейс откровенно убог, да и вообще... но капитана Карта вполне устраивала и в нынешнем виде. Не до жиру, как говорится, быть бы живу...

Подцепив стрелкой темно-синий силуэт «Джорджа Вашингтона», Балашов правой клавишей «выкликнул» из него состав авиагруппы. Нужная эскадрилья была второй в списке. Теперь тащим... или нет, лучше ждем на клавишу «G» и сообщаем, куда именно полетят наши самолетики. И – любимся на результат. Ну чем не «Цивилизация-2008»? Ах да, еще красным тебя пометить...

Красного на карте было много. Корабли, военные базы, аэродромы, дивизии – как находящиеся в своих новых местах постоянной дислокации, так и «забежавшие на покурить». То есть, выражаясь военно-дипломатическим языком, «принять участие в учениях «Весенний ветер», проводимых в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира»». Вполне обычное дело – просто захотели в очередной раз поугадать не додавленные пока очажки мирового терроризма бряцаньем военной мощи. Ну а то, что в этот раз учения проходят вдоль границ России – не более чем совпадение. Ведь нам же надо активнее вовлекать новых членов Альянса в общечеловеческо-полезную деятельность. Или кто-то считает иначе?

«Те же самые факты твои коллеги мне приносят», – сказал шеф. Интересно, как это выглядит в их изложении?

«В этой стихии лжи тонули и здравый смысл, и военный опыт, и робкие попытки посмотреть правде в глаза, и все это отражалось на карте, лежавшей перед Камацубарой. Все отрезанные сопки и барханы с их по большей части погибшими гарнизонами обозначались как еще занятые японскими войсками. Самые неблагоприятные донесения трактовались в радужном духе. Большая ложь складывалась из множества мелких и мельчайших обманов. Карта выглядела так, словно все старались уверить друг друга, что ничего не произошло, преуменьшая истинные размеры опасности из боязни заслужить упрек в недостатке самурайского духа».¹⁰

Что ж, на его карте тоже можно заметно уменьшить число красных отметок. Было бы желание. А когда руководство твердо «намекает», что не следует раздувать панические настроения...

«Против твоей «теории», Александр Николаевич, – вспомнил капитан, – есть два, так сказать, кита... контраргумента. Во-первых, и тебе, и мне прекрасно известно, что янки до сих пор по уши сидят в Ираке и Афгане. А второй кит, пожирнее первого, заключается в том, что Западу попросту невыгодно воевать с нами».

И – все. Стена непонимания, стучаться в которую бесполезно. Даже будь ты

¹⁰ Константин Симонов, «Товарищи по оружию».

воспитанный дятлами Маугли с перфоратором вместо носа. Это не камень, брат, это железобетон, тут и не таким умникам носы вместе с рогами обламывали.

В какой-то миг ему нестерпимо захотелось ударить по дисплею, так, чтобы эти жидкие, японя их мать, кристаллы разбрызгались по всему кабинету. Один удар – и проклятая картинка исчезнет.

Но та, другая – останется.

Балашов никогда не видел ее, он мог лишь догадываться. Наверняка та, вторая Карта была оформлена куда красочнее, три-дэ и все такое прочее. Но главным отличием было вовсе не это. Его программа фиксировала уже случившееся – а Игроки были там.

А еще – и в этом капитан был почти уверен – у той Карты где-то в углу сейчас помигивал алым таймер, неторопливо перещелкивающийся в обратном порядке. 9... 8... 7... 6...

* * *

Второй раз его достало уже в метро. Покачнувшись, он глянул вдоль вагона и с ужасом осознал, что все пассажиры, кроме него – прозрачные, блеклые. словно в малобюджетной рекламе: один живой, настоящий человек – пользователь рекламируемого мега-продукта, – а вокруг него призрачные контуры неосчастливленных пока что потенциальных покупателей.

Это было настолько жутко, что Балашов едва не заорал. К счастью, поезд как раз подошел к станции, двери открылись, и капитан что было сил рванул к ним, наперерез вливавшемуся потоку. Вырвался, прислонился затылком к холодному мрамору облицовки, глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Он стоял так почти три минуты, но когда открыл глаза и вновь огляделся, вокруг были все те же блеклые призраки. Сотни, тысячи привидений, мельтешащих, торопящихся по своим делам и ничуть не подозревающих, что все уже решено, и на стене напротив должно сверкать не название станции, а три ветхозаветных слова...

Такого с ним еще не бывало. Точнее, было, но с обратным знаком: после второй командировки «на юга», когда в их группе из восьми человек назад вернулось лишь двое, да и то – чудом. Тогда молодому лейтенанту казался нереальным он сам – осунувшийся небритый мертвец, по чьему-то недосмотру сумевший попасть обратно в мир живых людей. Мир, где люди улыбаются и даже смеются, мир, где жизнь – это нечто большее, чем пять минут рвущего жилы бега по камням, последняя растяжка и два наполовину пустых магазина в разгрузе.

Тогда было наоборот – люди вокруг были живыми, яркими, они видели огни реклам, пестроту глянцевого обложки... а у него перед глазами все вставал белый снег, черные ветки деревьев и чужое серое небо. Это небо предало их – они ждали метель, а пришла оттепель, каждый шаг по талому снегу давался с трудом, а отпечаток был виден за сотню метров. И шестеро так и остались там, под этим небом, а двое отчего-то вернулись к солнцу и синеве.

Подошел следующий поезд, и капитан шагнул вперед. В дверях, конечно же, была давка, но Балашов не чувствовал привычных касаний, пинков, запаха пота, духов, дешевых и дорогих, но вылитых сверх меры... Он ехал в переполненном призраками вагоне, впереди еще три станции, потом пересадка и еще пять. Ничего, бывает... надо просто доехать. Тут сделать уже ничего нельзя... как нельзя было днем 21 июня 1941 стать посреди улицы и заорать: ЗАВТРА ВОИНА! Уже завтра на рассвете с этого безоблачного неба упадут первые бомбы! Ежу понятно, куда бы отвели такого пророка. «Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах», – всплыли в памяти строчки песни. Ничего нельзя сделать, всем не поможешь, и остается просто стиснуть зубы и следовать своим курсом – человеку среди призраков.

Он доехал. Наверху стало легче, хотя силуэты вокруг так и не обрели красок и четкости. Маршрутка, на удивление пустая, улица, подъезд, лифт...

Выходя из лифта, капитан услышал справа тихий лязг и на автомате развернулся,

одновременно кидая ладонь к рукояти под пиджаком... затем с опозданием включившийся мозг опознал стоящего спиной мужчину – и Балашов с трудом удержался от приступа истерического смеха.

– О, Саша, привет! – сосед по лестничной клетке разогнулся, утирая потный лоб рукавом футболки. – Вовремя ты подвалил. Глянь, что за фигня с замком? Пять минут уже ковыряюсь, а все без толку.

– А чего своим не позвонил?

Капитан произнес эти слова почти с радостью – Сергей Петренко, писатель-фантаст из тех, что принято именовать «вторым эшелон» – звезд с неба и премий не хватает, но пишет прилично, помаленьку набирая в тиражах и популярности – выглядел нормальным, цветным, объемным... живым, а значит, чертово наваждение кончилось.

– Так жена как раз детей к теще повезла. А я, блин, гляжу – чай кончился! – выскочил в «пятерочку», а назад прихожу, дерг-дерг... хренушки. Прямо как у Бендера, только что без мыла и одетый.

– Да уж, – наклоняясь к скважине, хмыкнул Балашов. – Долго бы ты в мыле не простоял. Николаевна бы живо вызвонила и ментов, и службу спасения... на водах.

Замок поддался минуты полторы спустя.

– Ну спасибо, Саш, выручил так выручил... – сосед разве что не подпрыгивал от радости. – С меня пиво. Упаковка Гиннеса, без базара.

– Да ладно, – отмахнулся капитан. – Всего-то...

– Слушай, а, может, завтра с нами на шашлыки, а? – вдруг предложил сосед. – На то же озерко, что в октябре, помнишь? Маринка, к слову, подругу с работы хотела позвать...

Петренко не договорил, слова застряли у него в горле, когда он увидел, как смотрит на него капитан.

– Ты вот что, – тихо, почти шепотом произнес Балашов. – Когда твоя Марина вернется... хватай ее, детей... документы с деньгами... набей свой сундук на колесах всем, чем... одежда, еда... и за продуктами еще одну езду сделаешь, в круглосуточный какой-нибудь. Валите на дачу и сидите там как мыши... пока...

Он едва не сказал «пока не кончится», но это бы звучало глупо – то, что должно было вот-вот начаться, не могло кончиться быстро. Да и вообще, чем бы оно все не закончилось, возврата к прежней, довоенной жизни уже не будет ни для кого. Но по крайней мере, сосед и его семья получит шанс.

– Что, – севшим от волнения голосом спросил Петренко, – теракт... ждете?

– Теракт, – криво усмехнулся капитан. – Если бы...

Последняя фраза неожиданно для Балашова оказала на соседа воздействие, строго противоположное ожидаемому – писатель отклеился от косяка и даже начал улыбаться.

– Фу-у-ты-ну-ты, – облегченно выдохнул он. – Ну ты, Саш, в самом деле... я уж решил – впрямь чего серьезное готовится, а это снова твои эти... фантазии. Блин, у меня аж сердце екнуло.

Капитан промолчал, стискивая зубы – орать было глупо, да и бесполезно. Не понял. Так и не понял.

Этой зимой они с Петренко не один раз уже обсуждали будущий сценарий – потребность выговорится со способным хотя бы выслушать тебя собеседником никто не отменял. Тем паче, что фактически ничего секретного разболтать по теме Балашов не мог, а Сергей был достаточно умным – да и чего скрывать, лично же капитаном в личном порядке проверенным – человеком, чтобы не давать хода любому содержанию их полуночно-кухонных дискуссий.

В какой-то момент Балашову даже показалось, что у него получилось убедить. По крайней мере, фраза «старик, ну ты заразил меня своей паранойей» прозвучала... впустую, выходит, прозвучала. Ничего нельзя сделать – и тут тоже!

Он даже не злился, оставаясь ровно-спокойным – уже не хотелось доказывать кому-то, кричать, убеждать, умолять. Да катись оно все к чертям, устало подумал капитан, я ведь

сделал все, что мог, осталось разве что пистолет на этого дурака наставить.

– Сдается мне, Саш, ты просто уработался до синих чертиков, вернее, натовцев, – тон соседа уже приобрел сочувственнопокровительственные нотки. – А потому, как бывший доктор, от лица всей медицины искренне советую: пойдем-ка, тяпнем вискаря, пока мои не вернулись. Тут как раз один знакомый нуль семь «Лафройга» притаранил, сам понимаешь, в одно горло такое пить, во-первых, совесть не позволяет, а во-вторых, – сосед хохотнул, – печенка. Давай, давай, проходи...

Балашов с трудом различал его голос – будто Петренко не стоял рядом с ним, а говорил откуда-то издалека, причем сквозь подушку. Бу-бу-бу-бу, едва-едва складывающееся в членораздельную речь. Впрочем, суть капитан все же уловил и, пару секунд поколебавшись, решил – а почему бы и нет?

Перешагнув через порог, он скинул туфли, даже не пытаясь нагнуться за шлепанцами, прошел в комнату и буквально рухнул в кресло у столика. Мышцы ныли, голова гудела, короче говоря, остро чувствовалось, что скопившаяся за день – черт, за какой день... неделю! Месяц! – усталость собралась наконец-то предъявить счет к оплате.

Капитан откинулся на спину и зажмурился. Да-а... лежать и ни о чем ни думать. Это и есть самый большой на свете кайф – когда не надо думать.

– Закусывать будешь? – сосед хрустально звякнул чем-то в баре. – Рыбка красная имеется, колбасное чего-то... еще лайм, но это уже, конечно, изврат полнейший.

– Изврат – это закусывать виски, – не открывая глаз, сказал Балашов. – И льда тоже не надо... нефиг хороший напиток водой портить.

– Ну как скажешь... – протянул Сергей.

– Разливай давай...

– На, держи... твоё здоровье!

Вкус торфа и вкус моря... эти упрямые шотландцы с острова Айл рубят фишку в хороших напитках. Когда еще выпадет посидеть так вот спокойно... и выпадет ли вообще? Счет уже пошел на дни, если не на часы...

Ему вдруг до боли захотелось снова увидеть седые валы, услышать крики чаек, хруст песка под ногами. Может, и в самом деле плюнуть на все, и в ночной поезд, утром уже в Питере, а там – дачный поселок, глушь, с точки зрения любого нормального захватчика не стоящая бензина на дорогу к ней.

– Давай еще...

– Что, вошел во вкус? – хохотнул Петренко. – Между первой и второй, как известно... ну, будем.

– А насчет войны, старик, – слегка заплетающимся уже языком произнес он, ставя на стол опустевший стакан, – чес-пионерское, ну забей ты. Или к врачу сходи, если сам не можешь. У тебя ж фобия в чистом виде, клинический случай, прям в учебники вставляй.

– Клинический... – повторил капитан.

– Во-во...

Эк его развезло, подумал Балашов. На пустой желудок или еще раньше успел остограмниться?

– Старик... – проникновенно начал сосед, – пойми ты, наконец, одну простую вещь! Никто не будет нас воевать, ик, по одной-единственной причине. Очень простой. Мы – вся наша великая и могучая гребаная страна – нахрен никому не сдались! Кроме самых нас, хотя глядя в дуроскоп, начинаешь понимать, что и девяноста процентам населения эрэф – тоже. Одни мечтают свалить куда подальше, другие... другим вообще все пох! Татарский воин такая скотина, – пропел он фальцетом, – все, кроме конины, ему по фуям!

– Серег, – мягко сказал капитан, – по-моему, ты нажрался.

– Ага, – неожиданно легко согласился Петренко. – А ты – накурился. Блин, Николаич, ты ж умный мужик, не зря ж тебя в аналитиках держат. Ну подумай сам... отключись на минуту от этих своих новопостроенных баз по периметру, от маневров под видом учений и прочей этой генеральской хрени. Настоящие Решения – их ведь не вояки принимают, по

крайней мере, не те вояки, что в погонах. А политики... бред... тьфу, предварительно прокон-суль-ти-ро-вав-шись, – по слогам выговорил сосед, – с бизнесменами... благодаря которым сели в свои теплые кресла. И первый вопрос, который при этом звучит: «Ребе, таки шо мы с этого будем иметь?!».

– По-твоему, значит, ничего?

– Таки да, старик. Ничего такого, чтобы окупить широкомасштабную войну. Старик, подумай сам – если они даже во вшивом Ираке, где нефть – лопатой ткни, море рядом, залил в танкер и потащил на ридну нью-йоркшину... если они даже там не могут выйти на окупаемость, что уж про нас говорить! При том, что мы сами продаем им ну все, все, что только попросят. А если заартачимся – блин, так вашингтонскому обкому достаточно разок нахмуриться, и наша элита со своими забугорными счетами будет преданно ждать команды «Jump»! Все! Что, не так? Сдать Сербию – да пожалуйста! Бабло Стабфонда в юсовскую экономику – нате!

– Все то же, что и тогда, – устало сказал Балашов.

– В смысле? – разливавший очередные «стописят» Сергей удивленно посмотрел на него. – Что когда?

– Тогда, в сорок первом, – капитан глядел на стену перед собой, и писатель отчетливо понял – видит он там сейчас отнюдь не рисунок новой обои.

– Они тоже не верили. Никто. Начиная от пацана с танцплощадки... до верхушки. Потому что нельзя было поверить. В бред. Серег, ты хоть помнишь, что считается официальной причиной «Барбароссы»?

– Ну, если не рассматривать вариант с превентивным ударом... – начал Сергей. – Ладно-ладно, – поправился он, увидев, как перекосилось лицо капитана, – Резуном тебя сейчас грузить не буду. По фициальной версии шли они за землями на востоке, жизненное пространство и все такое... Лебенсраум, во! – выговорил он уже слегка заплетающимся от виски языком и торжествующе улыбнулся.

– Ни хрена не помнишь! – тоскливо констатировал Балашов. – Или знал, но забыл, что в данной ситуации одно и то же... короче говоря, официально зафиксированный повод к «Барбароссе» – желание Гитлера, цитирую: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду!». Дескать, бритты не хотят заключать мир только потому, что надеются на Россию – а вот когда России не станет, сразу пойдут на мировую.

– Шо, серьезно?

– Я за последнее время разучился шутить.

– Слушай, ну это ж бред, – неуверенно сказал Петренко. – Не, я щас вспоминаю, слышал краем уха чего-то такое... ну это ж и в самом деле бред почище нелюбимого тобой Резуна. Лезть воевать с СССР, чтобы добиться мира с Англией...

– Бред, – согласно кивнул капитан. – С обывательской точки зрения. СССР в тот момент был для рейха почти союзником. Надежный тыл, поставки всяко-разного добра, что в условиях блокады дороже золота. Пшеницу эшелонами гнали, нефть... даже крейсер ихний по Севморпути провели. Ляхов, опять же, вместе поделили в полном согласии. Черт, да просто на карту посмотреть, – Балашов махнул рукой на дальнюю стену, где матово отблескивала «Детская карта мира», – великий и могучий Союз и крохотная козявка Великобритания, разве можно их вообще сравнивать?

– Не, ну совсем уж за дурака меня не держи, – вяло возмутился писатель. – Понятно, что тогда у бриттов еще колонии были, Индия... ну и Австралия с Канадой туда же. Но все равно... если Адольфычу бритты поперек горла стояли, строил бы флот, с воздуха бы их утюжил... но, блин, идти со Сталиным воевать—это какая-то полная фигня. При чем вообще тут дядя Джо – вроде ж они с Черчиллем до войны были в полном раздрае? И Уинстон, насколько я помню, с США тогда уже всю дружил.

– Открой дневник Гальдера за июль сорокового, – посоветовал капитан. – Там все это изложено по-немецки четко и ясно.

– Ну блин... не, должны ж были быть у Алоизыча основания какие-то, а?

– Должны были, – вновь кивнул Балашов. – И были. У Гитлера и для Гитлера. А так... столик у нас есть – давай вызовем с того света дух бесноватого фюрера и спросим: а чего ж это, герр Гитлер, вам в сороковом за моча в голову стукнула? На какой делянке вы себе траву забористую вырастили?

– Блин, ну если оно так и было... – Петренко вздохнул. – А еще говорят, это я фантастику пишу.

Он заглянул в свой стакан, залпом опрокинул в рот остатки «Лафройга» и скривился.

– При таком-то раскладе понятно, чего Сталин до последней минуты не верил. Еще бы... где уж нормальному человеку логику идиота понять.

– Идиоты рейхсканцлерами не становятся, – сказал капитан. – Как и президентами. Просто у каждого человека своя логика. Мужская, женская, русская, американская, китайская... какое хочешь различие назови.

– Ну хорошо... – писатель замолчал, уставившись на ковер. В какой-то момент капитан решил, что соседа сейчас попросту стошнит, но когда тот поднял голову, особой бледности в лице не было заметно. Значит, пытался справиться с мыслями – в его состоянии тоже процесс отнюдь не из легких.

– Сейчас вот... – Петренко взмахнул рукой, словно прогоняя надоедливую муху, при этом стукнулся костяшками о стол и снова перекривился. – Ты говоришь... НАТО на нас поперет. Ладно... я – обыватель, вошь серая, по дуроскопу только рекламу вижу... но ты-то! Ты же аналитик, мля! Что, скажешь, тоже не понимаешь этой ихней натовской логики? Что ни ты и никто другой в вашей конторе не можете понять, за каким хреном они к нам полезут?!

– Если бы я мог влезть в голову президента США, – медленно произнес Балашов, – то не сидел бы сейчас перед тобой.

Помноженный на усталость алкоголь все-таки чувствовался – голова стала тяжелой... настолько, что удержать ее без помощи рук у капитана уже не получалось. Но речь пока еще была более-менее внятной.

– Но я не могу, и задачу такую мне никто не ставил. Я всего лишь могу сказать, что сейчас НАТО сосредоточило на границах с Россией мощнейшую за последние сорок лет группировку. И что когда... если в ближайшие часы они получают приказ «вперед», никаких технических проблем с его выполнением у них не возникнет.

– Да уж, – зло выдохнул сосед. – Это точно. Ту горстку, что после всех сокращательских реформ осталась, прихлопнут походя, как тараканов.

– Ну а ты? – подняв голову, Балашов не без труда сфокусировал взгляд на собеседнике... – фисатель-понтаст... отмеченный народной любовью и всяко-разными премиями. Завтра война... ты пойдешь на фронт... в партизаны?

– Ты, наверное, забыл, у меня ж справка...

– Да сожри нахрен свою справку! Руки есть, ноги на месте, автомат поднять можешь... какого рожна тебе надо?! Родина в опасности! Твоя Родина! Или у тебя еще три в запасе?! Ну, чего молчишь?!

– Были бы три в запасе, – после долгой паузы произнес Сергей, – я бы тут с тобой не сидел.

– Вот как... раньше ты другие песни пел.

– Раньше... ты мне вот чего скажи... капитан. Ну, кину я справку свою в мусорку, пойду я добровольцем. Получу ржавый «калаш», – это если успеют выдать, – и сдохну от какой-нибудь сволочной вакуумной или кассетной бомбы, так и не увидев ни одного живого натовца. А кто семью мою кормить будет, а? Партизаны твои?

– А в полицаи пойдешь? – в тон ему задал встречный вопрос Балашов. – Чтобы семью кормить... уж им-то пайку обеспечат.

– В полицаи меня не возьмут, – уверенно сказал Петренко. – Со справкой... или без. Там и без меня очередь выстроится... конкурс по сто человек на место. Блин...

Он встал, пошатываясь, дошел до балкона, распахнул настежь створку. Оглянувшись

назад, в комнату... и громко всхлипнул.

– Ну почему все так, а?! Только-только жить нормально начали... е-мать...

Капитан промолчал. Писатель же, так и не дождавшись ответа, вернулся к бару, из которого извлек хрустально сверкнувшую бутылку водки.

– Ы?

– Нет, и тебе не советую.

– Ну и зря... – буркнул Петренко, заливая свой стакан почти до краев. – А я щас как надерусь...

– Тебе сегодня еще за руль, – напомнил Балашов.

– Какой, нафиг, руль? – с недоумением глянул на него сосед поверх недонесенного ко рту стакана. – Ах, да... не, своих я сегодня никуда не повезу. Завтра... с утра... может быть. Утро вечера вечерее... или как там?

– Завтра утром уже может быть поздно, – вставая, сказал капитан.

Петренко тоже поднялся. Они были почти одного роста, но сейчас Балашову казалось, что сосед похож на сдутый воздушный шарик – со своим пивным брюшком, маячившим сквозь расстегнутую гавайку, зачесанной лысиной и разом набрякшим лицом.

– Сегодня никуда я не потащусь, – упрямо повторил сосед. – А завтра утром... слышь, старик, если завтра утром у меня под окнами натовцев не будет... я тебе морду бить пойду. За дезинт... дезер... короче, за дезу и моральный ущерб, вот!

– Завтра утром, – спокойно сказал Балашов, – меня не будет.

* * *

Делай, что должен, и будь, что будет. Он повторял эти слова, будто мантру, снова и снова. Но легче не становилось. Делай, что должен...

Капитан вполне четко представлял, что ему надо сделать. Сейчас – раствориться, исчезнуть, затаиться, чтобы не попасть под шальную пулю в первые недели неразберихи. А затем начать потихоньку сколачивать группу, потому как один в поле не воин, даже на войне, что ведется в городе из-за угла. Собрать людей, оружие и снарягу, поставить дело – и земля вспыхнет, и будет полыхать до тех пор, пока последний человек во вражеской форме не найдет здесь свою могилу... или не уберется прочь.

Делай, что должен...

Он с трудом оторвал взгляд от асфальта – и увидел, как на перекресток выезжает приземистая машина грязно-желтого цвета. Лобовое забрано сеткой, фары не горят... НММWV M1025, в русском просторечии «хаммер», до боли знакомый по фотографиям из какого-нибудь Ирака, неторопливо катился по московской улице, и едва видимый за бронешитком пулеметчик уже развернул черный хоботок в его сторону.

Если он проедет мимо... просто проедет мимо...

Капитан так и не успел додумать эту мысль до конца. «Хаммер» повернул, и Балашов, глубоко вздохнув, вышел на середину не по-московски пустой дороги и поднял руки.

«Хаммер» ехал прямо на него, и ствол пулемета тоже был направлен ему в лицо. Стоит янки слегка прижать гашетку... или просто чуть прибавить скорости – и удар многотонной машины превратит нехстати вылезшего русского в мешок переломанных костей. Это был самый вероятный исход подобной глупости – но Балашов об этом не думал.

– Стойте. У меня важные сведения для вашего начальства.

Происходи все это на улицах Багдада, исход был бы однозначен – идущий навстречу американскому броневнику штатский с вероятностью 99 % был бы сочтен очередным шахидом, для которого «хаммер» и его экипаж являются желанным пропуском в рай. Но вокруг были московские многоэтажки, а сидящие в машине янки еще не научились рефлекторно воспринимать человека европейской внешности как угрозу. Наличие же впереди собственных агентов ими предполагалось...

– Срочно свяжите меня с вашим командиром. Вам нужно изменить маршрут.

- Что этот придурок орет? – спросил командир экипажа у пулеметчика.
- Требуется, чтобы мы остановились, – отозвались сверху. – И связь с командованием.
- Шит...
- Мне тормозить, сарж?
- Да, – сквозь зубы процедил сержант.
- Пароль: три звезды! Скажите им—три звезды, – крикнул Балашов.

Разумеется, это было чистой воды бредом – но какой-то пароль для «своих» американцы обязаны были предусмотреть. И какой-нибудь сержант или капрал, максимум лейтенант – более крупная птица навряд ли окажется в передовой машине, которой при любой заварушке достается первая же очередь или граната – не может быть уверен, что знает все такие пароли.

- Шит... – повторил сержант Рамирес. – Дерьмо. Фрэнк, на каком канале ротный?
- На пятом...

– Шит... – гарнитура в ухе выдавала только треск помех, хотя только что связь со второй машиной работала безупречно. И что делать? Валишь придурка? Но если это и впрямь один из этих долбанных цэрэушников?

Тот уже был совсем рядом с машиной. Словно услышав мысли сержанта, он опустил руки, взявшись за лацканы легкого пиджака, и белозубо улыбаясь, приподнял их, демонстрируя обтягивающую торс футболку. Мол, никакого «жилета камикадзе», никакой взрывчатки – я чист, парни, я – свой!

Пожалуй, именно его улыбка подействовала на Рамиреса больше всех прочих деталей. Смертники, одноразовое пушечное мясо, расходный материал войны, так не улыбаются. Похоже, это действительно свой...

Но, разумеется, сержант был профессионалом и, выбираясь из машины, все время держал незнакомца на прицеле.

На плече вылезавшего натовца Балашов заметил нашивку – две буквы «А» в голубом круге. 82-я воздушно-десантная дивизия, All American, всплыло в памяти откуда-то издалека, из прошлой жизни – и тут же забылось за полной ненужностью здесь и сейчас.

Американец был на голову выше капитана, а с учетом бронежилета, набитого магазинами разгрузки, каски и прочего барахла – раза в полтора толще. Свой автомат он держал одной рукой, второй придерживая дверцу «хаммера».

- Какого хрена тебе нужно, приятель?

Балашов широко улыбнулся... и, продолжая улыбаться, резко вскинул правую руку и дважды выстрелил в лицо десантника. Пробитые тактические очки разом стали багровыми, американец начал заваливаться назад. Рванувшись вперед, капитан отшвырнул труп от двери, распахнул, послал две пули в сидевшего за рулем, повернул пистолет – з-зара-за, сидевший на заднем сиденье уже успел выскочить, ладно, потом разберемся – и отскочил назад, вскидывая пистолет. Тот, наверху, тоже был парень не промах и не стал ворочать свою бандуру, а попытался выдернуть из кобуры пистолет, но второпях зацепился, а чертов русский уже целится в него... а-а-а-а!

Упав на асфальт, Балашов перекатился влево, ловя на мушку песочного цвета ботинки на той стороне машины. Сверху коротко простучала очередь, но «хаммер», как тот крокодил из мультика, был большой, но плоский, и сейчас это играло на капитана – последний оставшийся в живых из экипажа попросту не видел его за широким корпусом...

...и не ждал, что русский вдруг появится сбоку от него.

Только теперь Балашов позволил себе короткий взгляд на второй «хаммер». Тот по-прежнему стоял на перекрестке, и рядом с ним уже маячили фигуры – но все произошло слишком быстро, и те, во второй машине, пока еще не успели понять, осознать, что едва различимые хлопки пистолетных выстрелов поставили точку на первом экипаже. Это не может длиться долго, боевого опыта 82-й не занимать. Сейчас они опомнятся и начнут...

Капитан вскочил на капот, оскальзываясь второпях, подобрался к крыше и, схватившись за край бронешитка, развернул турель. При этом убитый янки сполз вниз – тем

лучше, ты, приятель, был здесь уже совсем лишний...

Он успел вовремя – первые пули тонко взвизгнули, выбив из брони снопы искр. Но это пока была всего лишь М-16, а самым опасным сейчас был тот, кто согнулся за таким же... н-на, н-на, получи!

Наверное, он опередил американца на долю секунды, крохотный миг – но на войне именно такие временные отрезки чаще всего решают, кому из двоих жить, а кому...

Две сотни метров – не расстояние для пуль крупнокалиберного «браунинга», очередь которого в самом прямом смысле смела с крыши «хаммера» турель вместе со стрелком. Вернее, с его верхней половиной – увидев, что свалилось к нему вниз, водитель, дико заорав, вдавил педаль газа, одновременно перекинув ручку на «задний ход». Но пули были быстрее, следующая очередь заставила лобовое бронестекло разом покрыться паутиной трещин, а затем лопнуть... и пошла дальше, с почти одинаковой легкостью протыкая пластины жилета, мясо, кости и снова пластину карбида бора, спинку сиденья и металл днища.

Капитан опустил гашетку, увидев, как из развороченного пулями капота выплонуло черно-красный клуб дыма. С этим броневином было уже все, и стоило побережь патроны для следующей цели, которая наверняка вот-вот появится из-за поворота – но сначала надо было разобраться с оставшимися янки. Они уже успели – профессионалы, как-никак – попрятаться за машинами, но это их не спасет, на такой дистанции пятидесятый калибр разнесет любую легковушку... где же они, черт... разбегались каждый в свою сторону... вправо-влево... ага, вот!

Десантник слева начал стрелять первым, короткая очередь прошла над плечом капитана. Чуть-чуть в сторону – и было бы все, но пока обошлось. Балашов развернул пулемет, нажал гашетку – серенькая машинка буквально взорвалась облаком искр и стеклянных осколков, позади нее мелькнуло что-то темное. Готов? Капитан приподнялся над щитком, и почти сразу же что-то ударило его в грудь, ниже шеи. Вроде бы и несильно, но почему же так подгибаются ноги? Справа, выстрел был справа, развернуть, достать...

Ствол пулемета задрался вверх, затем – когда быстро коченеющие пальцы разжались – вновь опустился в горизонталь. Но тело капитана осталось на капоте, и хотя мастер-сержант Харпер был уверен, что поразил цель, он продолжал удерживать пулеметную турель в прицеле, пока проехавшие по соседней улице джи-ай из второго взвода не объявили – все чисто, кончен ваш бой, парни. Только тогда он рискнул опустить свою снайперку.

Этот короткий бой на шесть минут нарушил график выдвижения 5-й батальонной группы 82-й ВДД и обошелся ей в пятерых KIA и один подлежащий разборке на запчасти легкий броневик. Потери, по мнению командования дивизии, более чем приемлемые – большинство разработанных штабом «реалистичных» сценариев предусматривало для противника «зачатки организованного сопротивления» в виде баррикад из автомашин и метания «молотов-коктейлей» из окон. Поскольку ничего похожего на пути к своим целям десантники этим утром не встретили, первый этап был сочтен «сверхудачно завершенным».

Почти одновременно с Харпером, но тремя этажами выше позиции снайпера другой человек опустил старенькую цифромыльницу – шесть минут видеозаписи полностью забили флешку. Еще через полчаса ролик с последним боем капитана Балашова был выложен сразу на нескольких сайтах. И хотя в этот день хватало куда более «горячих» сюжетов, именно эта, неважного, а точнее, откровенно дрянного по нынешним временам, качества запись уже к вечеру уверенно входила в топ-10. На западных сайтах – под названиями «Crazy Russian» или «Russian kamikaze». А в доменной зоне. ru название ролика чаще всего звучало почти как звание, к которому Балашова представляли два раза – и оба раза отзывали представление.

Герой России.

Виктор Точимое **Красный планетолет «Наркомвоенмор товарищ Троцкий»**

В России истина почти всегда имеет характер

Вспомнилась мне одна старая история...

История совершенно реальная, но при том – абсолютно фантастическая. Случается с делами минувших дней такое – разумом понимаешь: да, да, было, и документы в архивах остались, и свидетельства очевидцев, и статьи на пожелтевших, хрупких страницах старых газет... И все равно – фантастика. Не бывает.

Вот и эта история – самая настоящая НФ. Твердая. Твердокаменная, как большевик старой ленинской гвардии. Сравнение не случайное – как раз с пламенной речи большевика-ленинца все и началось.

Звали пламенного партийца Николаем Ивановичем Бухариным. Фигура широко известная и масштабная: член ЦК, человек из ближайшего окружения Ленина, главный редактор «Правды» – газеты номер один на шестой части суши. «Любимец партии», – так характеризовал его Владимир Ильич. «Бухарчик», – ласково вторил Иосиф Виссарионович.

При всей своей твердокаменности был Николай Иванович весьма увлекающимся человеком. С богатой фантазией. И порой его заносило далеко в сторону от генерального партийного курса. Кончилось это в конце концов плачевно... Но не будем забегать вперед – весной 1923 года любимец партии находился на вершине власти и в зените славы: портреты висели повсюду, школы, улицы и пароходы называли его именем, и даже, по слухам, собирались переименовать в честь Бухарина город Ростов – не тот, что на Дону, а тот, что Великий...

Свою знаменитую речь Бухарин произнес на всесоюзном расширенном совещании партийного актива. Выступали там и другие вожди, но те больше про мировую революцию: глава Коминтерна Зиновьев доложил про революционную ситуацию в Англии, нарком Троцкий вновь поклялся омыть копыта красных коней в водах Атлантики... А Бухарчик о нашем, о родном: о промышленности и сельском хозяйстве.

Помните, у Ильфа и Петрова: «Стальной конь придет на смену крестьянской лошадке!» – оттуда, из той речи, долго гуляла по стране крылатая фраза, в тридцатые став анонимной – поминать вслух имя ее автора стало небезопасно. Очень увлекла в то время Николая Ивановича проблема тракторостроения... И явно был он в тот вечер в ударе. Перспективы нарисовал фантастичнейшие: сто тысяч железных коней пахут бескрайние поля (ну и боронят, сеют, жнут, разумеется, – при помощи соответствующего навесного и прицепного оборудования). А трудовое крестьянство, освободившись от изнуряющего труда, обогащается и материально, и духовно – знаниями, культурой, передовыми идеями марксизма, – и становится вровень с самым развитым классом, с пролетариями. Идиллия, одним словом. Четвертый сон Веры Павловны.

Не знаю уж, присутствовал ли первый секретарь Кичкасского уездкома ВКП(б) Титов на расширенном совещании – как раз таких и собирали, районного уровня партбоссов, но всех, естественно, в один зал вместить не смогли. Может, и не присутствовал, а прочел бухаринскую речь в «Правде». Но так или иначе с ней ознакомился. И воспринял фантазии любимца партии как руководство к действиям. Немедленным и активным. Последствия оказались самые фантастические...

А теперь отвлечемся на время от больших и малых партийцев. Поговорим о ней, о любимой нашей фантастике.

Недаром говорится, что хорошая литература – всегда о людях. Фантастика не исключение, даже самая ортодоксально-научная. О людях – не о технике, раздвигающей горизонты до галактических пределов. Причина проста: в основе любого сюжета лежит конфликт (неважно, внешний или внутренний, имеющий место лишь в душе персонажа). А из столкновения научных и технических идей много сюжетов не начерпаешь. Например, Жюль Верн, патриарх НФ, выжал-таки один роман – «Робур-Завоеватель» – из многолетней распри сторонников двух технических концепций, двух подходов к завоеванию воздушного

океана: на аппаратах легче или тяжелее воздуха надлежит это делать? Один роман. На большее плодотворной идеи не хватило... Для сравнения: сюжеты скольких книг основаны на конфликте поколений? Или на конфликте мужчины и женщины?

Однако в правилах случаются исключения – некий технический конфликт служил и исправно служит писателям-фантастам, и даже целых два направления в фантастике произрастают из него... Ну, может и не конфликт, но весьма серьезное противоречие.

Противоречие между научной идеей или техническим изобретением – и материальной базой для их воплощения.

Помните бесподобный эпизод у Гаррисона?

«Кто-то вошел в дверь, и я сжался, приготовившись к схватке. Это оказался всего лишь робот, но производивший такой лязг и грохот, что впору было испугаться. Князь приказал этому чудищу принести выпивку, и, когда тот повернулся, я увидел, что сзади у него торчит труба. В воздухе явственно чувствовался резкий запах угольного дыма.

– Этот робот что, работает на угле? – хихикнул я.

– Да, – сказал князь.

Я вытаращил глаза на извергаемые клубы дыма и следы ржавчины и угольной пыли на корпусе...»

По-моему, из этого гаррисоновского робота-парохода и выросло такое направление в современной фантастике, как паропанк (или стимпанк, если англоманам так удобнее его называть): все эти паровые автомобили, паровые дирижабли и паровые самолеты, и даже чудовищный шагающий паровой монстр из «Дикого, дикого Запада».

Дизель-панк основан на том же противоречии, лишь материальная база чуть более развита...

Обыгрывать подобное допущение можно как угодно. Изобрести, например, планету, где нет нефти – лишь уголь, не повезло бедолагам... А цивилизация развивается, а прогресс идет – все как у нас, только нишу, занятую двигателями внутреннего сгорания, там занимают паровые, все более совершенные и экономичные.

Можно взять да и втащить этот прием в антураж фэнтезийного романа; и вот уже средневековые оружейники у Бушкова вручную тачают пулеметы и патроны к ним – работа медленная, штучная, кропотливая, готовый продукт на вес алмазов ценится... Зато как весело: из пулемета-то да по рыцарской коннице! Да пулями-то бронебойными со стальными сердечниками! Дилетант марк-твенковский янки со своим кольцом...

Но, естественно, допускать подобные противоречия можно лишь при столкновении двух цивилизаций – разделенных как минимум парой уровней технического развития. Не обязательно они должны развиваться на разных планетах – роль барьера вполне успешно может играть океан. Или малозаселенный континент – тайга, болота, пустыни не хуже Большой Воды изолируют цивилизации...

Сколько анекдотов ходило в свое время про китайцев: запустили, дескать, первый спутник, потери полмиллиона человек, не успели вовремя отпустить резинку, ха-ха-ха...

Досмеялись. Китайцы бурно развивают свою пилотируемую космонавтику, причем начали с наших же древних наработок, с «Союза» цельностыренного. А мы... А мы на МКС, с американцами под ручку – не то партнеры, не то халевщики. Но под присмотром Большого Бледнолицего Брата.

Те анекдотики... Не бывает дыма без огня, а анекдотов без причины. Много веков Поднебесная поглядывала на Европу свысока. Очень издали, но свысока: у нас, мол, древняя культура, а вы длинноносые западные варвары... Длинноносые варвары о таком отношении не подозревали и развивали свою культуру, делая куда больший упор на технику и прикладную науку. И, естественно, считали варварами китайцев. На одной планете, даже на одном материке – два совершенно разных типа цивилизации. Можно на живом примере изучать излюбленную фантастами тему контакта...

Контакт «инопланетян», прямое и плотное столкновение, произошло в девятнадцатом веке и стало для китайцев шоком. Военное столкновение, естественно – и тогда, и сейчас

техническое превосходство надежнее всего доказывается при помощи оружия. Попробуйте-ка убедить человека, готовящего пищу на живом огне, что вытасченный из микроволновки гамбургер куда прогрессивнее...

А началось все с невинного напитка. С чая. Англичане в девятнадцатом веке «плотно подсели» на чай, выражаясь современным сленгом. Он стал чуть ли не национальным напитком – массово и ежедневно употребляемым, и, соответственно, требовавшимся в огромных количествах.

Одна беда – на Британских островах чай не рос. И в колониях английских не рос – плантации в Индии появились позже. Эксклюзивным мировым производителем и поставщиком чая был Китай.

Но, удивительное дело, странные узкоглазые люди отчего-то хотели получать за свой товар деньги. Никак не соглашались на бартер, столь излюбленный колониальными торговцами: не интересовали их ни стеклянные бусы, ни ярко окрашенные ситцы. И стальные ножи, и даже огненная водане находили спроса. У самих, дескать, есть не хуже, платите серебром, глупые длинноносые варвары.

Ах, так? Не хотите приобщаться к прогрессу? Ну, тогда у нас найдется еще кое-что... Не откажетесь. Не сможете отказаться.

И хлынул из Британской Индии в Китай поток опиума. Действительно, отказаться трудно... Разок-другой попробовав – трудно.

Нынешние наркodelьцы и мечтать не могут о тех оборотах. Еще бы, под патронажем такого государства... Плантации мака в Бенгалии росли и ширились – самый выгодный бизнес. Из Китая в Европу неслись на всех парусах прославленные чайные клиперы – рассекая океаны все быстрее и быстрее, устанавливая рекорд за рекордом. А из Индии в Китай – другие клиперы, опиумные. Такие же белопарусные красавцы, и рекорды тоже были, но о них не вспоминают – после того, как наркобумеранг описал круг и полетел обратно в Европу, не с руки как-то стало...

Китайский император и его чиновники не пришли в восторг, когда обнаружили, что подведомственная нация стремительно превращается в огромное скопище наркоманов. И прикрыли порты для опиумных клиперов. И преследовали разгружавшихся вне портов контрабандистов...

Святое право на свободу торговли Великобритания утвердила силой оружия.¹¹ Три «опиумных» войны. Армия девятнадцатого века против феодальных ополчений. Нарезные штуцера против фитильных мушкетов. Дальнобойные пушки против медных бомбард, не имевших каких-либо прицельных приспособлений.

Потери в боях и сражениях обычно соотносились как один к тысяче, к двум тысячам, к трем... Пушки колесных пароходов издалека, с безопасного расстояния, топили военные джонки китайцев, громили береговые батареи и укрепления. Высаженные десанты подавляли уже остаточное сопротивление – тоже издалека, не давая приблизиться на расстояние выстрела из лука или примитивного мушкета.

Естественно, что китайцы были в шоке.

Но любой шок достаточно быстро проходит, а если чересчур затягивается, то носит другое название. На смену первому потрясению пришло страстное желание: хотим такое же!

Но...

Но можно захватить в бою нарезной казнозарядный штуцер. Можно купить новейшую пушку у сребролюбивого офицера, случались подобные сделки. Даже севшие на мель пароходы пару раз попадали к китайцам. Они, надо полагать, разбирали трофеи по винтику и вполне способны были сообразить, что и как работает—нация дотошная и сметливая. А вот скопировать... Тут, извините, материальная база нужна. Самые разные технологии, много

¹¹ Позже к англичанам присоединилась Франция и корпус американских «добровольцев» – на деле криминального сброда.

лет постепенно совершенствовавшиеся. Станки, оборудование. Персонал, много чего знающий и умеющий.

Поэтому легко понять, как изумился командовавший английской эскадрой адмирал Паркер, когда 16 июня 1842 года в одном из очередных морских «сражений» (по правде говоря – избиений) навстречу выплыли колесные военные джонки. Адмирал протер глаза, протер подозрную трубу... Мираж не рассеялся. Здоровенные гребные колеса у бортов, точь-в-точь как на британских пароходах. Только труб отчего-то не видно.

Шокированные моряки Его Величества не стали топить одну джонку, взяли на abordаж. И обнаружили внутри...

Уже догадались? Уже смеетесь? Ну да, именно так. Спутник, запущенный в космос из большой рогатки...

Внутри сидели китайцы, много китайцев. И приводили гребные колеса в движение. Вручную.

Встреча двух цивилизаций... Сюжет для фантаста. Для Гаррисона – ну чем хуже его парового робота?

Однако вернемся в Советский Союз двадцатых годов прошлого века – его цивилизация, надо сказать, тоже весьма отличалась от всех остальных, уцелевших к тому времени на третьей планете Солнечной системы.

Отличалась, кроме прочего, безграничной уверенностью в собственных силах: нет такой крепости, которую не могут взять большевики! И ведь брали, что удивительно... Крепость могла выглядеть по-разному. Как укрепления Перекопа, например. Или как техническая проблема, при заданном уровне техники не решаемая даже в принципе...

Вдохновленный речью товарища Бухарина, уездный партийный босс товарищ Титов пригласил к себе в кабинет руководство завода «Красный прогресс» – крупнейшего промышленного предприятия в Кичкасском уезде Запорожской губернии.

Пригласил и поставил задачу: стране нужны тракторы. Много. Необходимо наладить производство в самые сжатые сроки.

А сейчас надо оговориться: старой, дореволюционной технической интеллигенции в руководстве завода не осталось. Ее вообще на заводе не осталось. Революции и гражданские войны даром не проходят... Кто-то из «бывших» угодил в заложники и в расстрельный подвал, кто-то эмигрировал от греха подальше, кого-то кровавый вихрь гражданской занес на другой конец страны... В общем, ни одного старорежимного инженера. «Красный директор» Ремпель – на партийной работе после четырех классов реального училища и в чертежах не силен. Главный инженер – бывший цеховой мастер, опыт большой, образования никакого. Начальники цехов – тоже из работяг...

Однако – нужны трактора! Идите и работайте! О результатах докладывать еженедельно!

Работяги поскребли в затылках. И осторожно поинтересовались: а что это такое, трактор? Как примерно выглядит и для чего предназначен?

Ну да... Не производились в царской России трактора в таких количествах, чтобы быть известными всем и каждому, – единичные, опытные экземпляры. Конского поголовья хватало. И закупались за границей считанные единицы – ни одна из тех единиц до Кичкасса не доехала.

Заводик (не так давно именовавшийся «Южным заводом общества А. Копп») после военной разрухи только-только задышал, спасибо нэпу – и сложнее корпусов для керосиновых ламп и станин для швейных машинок пока что ничего не производил. А тут сразу трактор...

Товарищ Титов в вопросах тракторостроения был более подкован – он трактор, по крайней мере, видел. Один раз. Мельком. В кинохронике. Объяснил, как умел, словами и жестами.

Понятно, покивали работяги. Сделаем.

Проект, чертежи, расчеты? Ах, оставьте! Нам, как говаривал лесковский Левша,

мелкоскопы ни к чему, у нас глаз пристрелямшись...

И они сделали! Без чертежей и мелкоскопов!

За две недели до назначенного срока на заводском дворе стоял трактор, получивший гордое имя «Запорожец». Опытный экземпляр – концепт, как принято ныне говорить.

Вид концепт имел самый фантастичный. И не менее фантастично был устроен... Хотя к стимпанку отношения не имел: двигатель стоял все-таки не паровой, – внутреннего сгорания. Но и в дизель-панк никак не вписывалась чудо-машина – про детище Рудольфа Дизеля товарищ Титов ничего не рассказывал запорожским левшам. А то бы они сделали, не сомневаюсь...

Как известно, двигатели внутреннего сгорания делятся на два класса: карбюраторные и дизельные. Ни к той, ни к другой категории стальное сердце «Запорожца» не относилось. Как так? А вот так. Ноу-хау. Уникальная разработка. Прототипом послужил сломанный одноцилиндровый двигатель «Триумф», десять лет ржавевший на заводском дворе и лишившийся многих деталей. Изобретать утерянное заново кичкассцы не стали, упростив конструкцию до предела.

Не дизель – там воздушно-топливная смесь воспламеняется сама, от сжатия, здесь же имело место внешнее воспламенение (каким именно способом – отдельная песня). Но и не карбюраторный – карбюратор как таковой напрочь отсутствовал. И топливного насоса не было – горючее самотеком поступало из высоко расположенного бака и смешивалось с воздухом прямо в цилиндре.

Какое именно горючее? А вот попробуйте угадать.

Керосин? Мимо...

Дизельное топливо, в просторечии солярка? А что это такое, спросили бы левши, слухом не слыхавшие о Рудольфе Дизеле.

Мазут? Не то, но уже теплее... Кто сказал «Аи-92»? Двойка!

«Запорожец» работал на нефти. На сырой. Ни крекинга, ни очистки – что из скважины течет, то и в бак. Дешево и сердито.

Про дизайн кабины рассказать? Не стану. Кабины не было. Кабина, по большому счету, излишество, никто еще от дождя не растаял. Жесткое металлическое сиденье под открытым небом, вынесенное далеко назад, тракторист сидел на нем, как птичка на жердочке, – ничего, работать можно. Ни одной педали – ни газа, ни сцепления, ни тормоза, – штурвал, и все.

Все-таки недаром говорили древние, что имя – знак судьбы. Автомобиль «Запорожец», созданный десятилетия спустя, спартанской простотой и презрением к комфорту очень напоминал тезку-трактор. Нет, я понимаю, что названия многим автомобилям в советские годы давали по месторасположению автозаводов: «Волга», «Москвич», «Жигули»... Все так, но некая мистическая связь имен и судеб все же имеется.

Однако склепать механического уродца, ничего не смысля в технических дисциплинах – лишь начало. Но попробуйте-ка заставить заработать свое детище – поехать, поплыть, полететь.

Так вот – ЭТО работало! ЭТО вполне бодро ездило – и ездило, и ездило, и ездило, и ездило... Потому что остановиться не могло. Никакого намека на коробку передач и на сцепление – вал двигателя наглухо соединен с колесами, вернее, с одним ведущим задним колесом, ибо «Запорожец» был трехколесным. Хочешь остановиться – перекрой топливный кран и заглуши мотор, других штатных способов нет. Но завестись будет ох как непросто... Зато удобно—заправка на ходу, и трактористы-сменщики на ходу сменяют друг друга, благо скорость всегда одна и та же – чуть меньше четырех километров в час. Для того и сидение вынесено назад, за пределы трактора, – чтобы, сменяясь, не угодить невзначай под колесо. И никаких простоев техники.

Вечно пашущий трактор – с одного поля на другое, третье, четвертое, а там уж и плуг пора менять на борону, затем на сеялку... Почти вечный двигатель.

Как завестись, если вдруг заглохнет? Да, это непросто... Стартера с аккумулятором нет, понятное дело; вообще нет никакой электрики (фары – на основе керосиновых ламп). Но и

заводную ручку придется крутить не сразу. Если трактор хоть чуть-чуть постоял, и двигатель немного остыл, надо разводить костерок и докрасна раскалять на нем запальную головку (обычный болт). Раскалить – и быстро-быстро ввинтить в цилиндр, а уж затем вращать ручку. Так что без крайней необходимости лучше не останавливаться.

Фантастика... Бластер, скованный феодальными оружейниками. Глайдер, выпорхнувший из стен каретной мастерской.

А ведь среди них был гений – там, на Кичкасском заводе. Гений, имя которого мы никогда не узнаем...

Потому что у гениев есть – среди прочего – две особенности: невероятная, прямо-таки мистическая интуиция и не менее мистическая удачливость.

Дедал и его полет... Миф или отголосок реального события? Примитивный планер или дельтаплан вполне можно было построить в средние века, и даже раньше, в античности, – материальная база позволяла. И строили, и прыгали с обрывов и колоколен, и ломали ноги, и разбивались насмерть... Успешно полетел Лилиенталь – понятия не имея об аэродинамике и множестве других необходимых для полета дисциплин. Интуиция и удачливость. Гениальность...

Был гений и на «Красном прогрессе», иначе не выкатился бы «Запорожец» с заводского двора. Даже с места бы не тронулся.

На испытаниях новорожденный трактор показал тягу на крюке аж в шесть с половиной лошадиных сил.

И не надо смеяться – в сравнении с надрывающейся на пахоте клячей уже неплохо. К тому же цифра условная, полученная в результате примитивного перетягивания каната: шесть лошадок «Запорожец» осилил, добавили седьмую – пополз назад.

Но известно, что даже средних кондиций лошадь, как ни странно, развивает тягу в полторы-две лошадиные силы. А элитные першероны-тяжеловозы – и в четыре... Не знаю уж, какую лошадь приняли за эталон, разрабатывая эту внесистемную единицу измерения. Шотландского пони, наверное.

Так что реально трактор был мощнее. Товарища Титова, по крайней мере, он вполне удовлетворил. И поступил новый партийный приказ: запускаем в серию!

Это тоже фантастика... Какие только странные устройства не породила за века человеческая фантазия. Однако – на бумаге, в чертежах. В лучшем случае – пара опытных экземпляров. Но чтобы десятками, сотнями... Не бывает. Фантастика.

Но запустили! И наклепали за три года несколько сотен!

Более того – не разорились, невзирая на весь волюнтаризм затеи! Продукция исправно находила сбыт, спрос даже превышал предложение – как-никак «Красный прогресс» стал всесоюзным монополистом. И сельхозартели, и товарищества по совместной обработке земли, и сельские коммуны (колхозов еще не было) желали приобрести чудо-технику. И даже зажиточные крестьяне, проще говоря, кулаки, наивно надеялись, что бухаринский призыв «Обогащайтесь!» относится к ним тоже – и записывались в очередь на приобретение заветного трактора.

Не думаю, что покупка кого-либо разочаровала. Во-первых, сравнивать было не с чем. Во-вторых, управиться с «Запорожцем» было лишь чуть сложнее, чем с кувалдой: полчасовой предпродажный инструктаж – и рули, пока нефти хватит. Наконец, исключительная надежность – при отсутствии сервисных мастерских и магазинов запчастей качество весьма важное. А поломки, которые все же случались, мог устранить любой сельский кузнец. Нынешние автомобилисты, морально и материально измученные автосервисом, хорошо могут представить, каково ездить на машине, где сломаться ПРОСТО НЕЧЕМУ Мечта...

И вот ситуация: в стране идет подготовка коллективизации и индустриализации, Госплан верстает планы первой пятилетки. В числе первоочередных задач не забыта механизация сельского хозяйства. Идут переговоры с лидерами американского тракторостроения, компаниями «Форд» и «Катерпиллер», закуплены опытные образцы—

технические специалисты (настоящие, высокого уровня) их вдумчиво изучают, проводят полевые испытания, прикидывают, лицензию на производство каких машин купить для Краснопутиловского завода в Ленинграде. Все обстоятельно, все по плану.

А тут весть из глухой провинции, из задрипанного Мухосранска: а мы трактора вовсю уже делаем! И по всей стране продаем!

Технические специалисты и причастные к делу ответственные товарищи из Тракторной комиссии ВСНХ, мягко говоря, удивились. Не поверили, но весть подтвердилась. Отправили гонца на «Красный прогресс»: ну-ка, товарищи прогрессивные новаторы, что вы тут наизобретали? Может, ну их, капиталистов-кровососов, обойдемся своими силами?

Так вот же он, трактор, по двору катается! Гонец впал в легкий ступор, не поверил: трехколесное ЭТО – трактор?! Трактор. Пашет, сеет, жнет. Покупать будете? Да нет, нам бы пакет технической документации для изучения... Ась? Что за пакет? Зачем он нам? Мы по первому образцу все делаем, размеры – вот они, измеряйте, записывайте...

(На самом деле серию лепили не по первому образцу, а по второму. Первый торжественно отправили в подарок Ильичу, в Горки. Неизвестно, дошел ли дар по назначению, не до тракторов тогда было умирающему вождю.)

Легкий ступор гонца сменился глубоким шоком...

Хотите верьте, хотите нет: никакой проектной документации после двух лет производства НЕ БЫЛО! Даже минимального комплекта чертежей – не было!

В архивах сохранился письменный запрос краснопутиловцев, не поверивших гонцу. (Да и как в такое поверить?! Запил в провинции по-черному, не иначе...) Пришлите, дескать, товарищи, чертежи для изучения. И гордый ответ «Красного прогресса»: нам чертежи с мелкоскопами ни к чему, у нас глаз пристрелямшись...

Что было потом? Потом ответственные товарищи из Тракторной комиссии остановили свой выбор на тракторе «Фордзон», купили за немалые деньги лицензию и наладили производство. Потом – пятилетки, конец нэпа и относительно свободного рынка: выпуск «Запорожца» свернули волевым начальственным решением. В планах нет, так и нечего тут...

Потом были вновь построенные или перепрофилированные тракторные гиганты – Сталинградский завод, Челябинский, Харьковский... Была плеяда отечественных, оригинальных тракторов, переплюнувших западные аналоги. А трудяги – «Запорожцы» так и пыхтели на своей сырой нефти до самой войны, а кое-где и после нее – чему ломаться, если ломаться нечему? – но в конце концов все попали в переплавку. Ни одного экземпляра для музея не осталось...

Осталась легенда. Несколько сотен машин на огромную страну – капля в море. Мало кто видел первый советский трактор воочию, мало кто на нем работал. И рассказы про вечно пашущий трактор со сменяющимися на ходу трактористами передавались из уст в уста, обрастая самыми фантастическими подробностями...

Даже другой легендарный трактор – ХТЗ-Т2Г, детище пятилетки – не породил столько слухов, хотя тоже был машиной фантастической, воплощенной небывальщиной...

Пожалуй, лишь один-единственный проект за всю историю советской техники побил рекорды трактора «Запорожец» в качестве объекта народного фольклора, но это совсем другая история, и не о ней речь...

Нет!!

Нет, делайте что хотите, но я все же помяну ту историю, очень уж фантастична. А пока я ее перескажу, точнее, лишь обозначу, коротко, конспективно, – загадка для знатоков, играющих в «Что-Где-Когда». Вот какая: харьковский трактор ХТЗ-Т2Г был безотказной рабочей лошадкой, с его помощью пахали, бороили, сеяли, косили, возили тяжело груженные прицепы... Но жатку к нему никто и никогда не прицеплял. Хозяйства, владевшие лишь этим трактором, убирали хлеб по старинке – жаткой на конной тяге, а то и вручную, серпами. Вопрос: почему?

«...Представьте себе сбитый из неструганных реек и обтянутый грязным брезентом дельтаплан, дико завывающую бензопилу «Дружба», которая стреляет дымом и плюется

маслом, Быкова и Юрковского в драных ватниках, героически пролетающих над вышками и вертухаями...»¹²

Хоть автор приведенной цитаты и фантаст, но авторская его фантазия здесь отсутствует. Персонажи – братьев Стругацких, а ситуация... Описанная ситуация – то, что принято именовать «бродячим сюжетом».

Бродил он по стране много лет в самых разных ипостасях. Дельтаплан превращался в вертолет, вертолет – в фантастический ранцевый аппарат, менялись обстоятельства и место действия: Сибирь, Коми, Мордовия, Урал... Неизменным оставалось одно: пила и побег. Бензопила «Дружба» и побег с ее помощью из зоны – вернее, побег с помощью летательного аппарата, приводимого в движение двигателем бензопилы.

Рассказывалось все как быль, как реальный случай... Но милицейские чины—уже во времена гласности, естественно – в один голос твердили: не было, не было такого за всю историю ГУЛАГ/ГУИН. Инженеры подтверждали: не бывает, фантастика. Слишком слабый движок – не поднимет с земли ни мотодельтаплан, ни вертолет с пассажиром, не говоря уж о полетах на манер Карлсона – с чем-то ранцевым на спине.

Много лет меня интересовала эта загадка. Какой случай дал толчок для создания легенды? Неужели нашелся новый Левша, непризнанный гений—и совершил-таки невозможное? Или дым без огня? Мечта о свободе, претворившаяся в красивую сказку?

Ответ мелькнул неожиданно – фотография в старом техническом журнале, небольшая статья... Был, был летательный аппарат с двигателем от «Дружбы»! Правда, не с одним – сразу с шестью. «Летающая платформа», некая разновидность вертолета, созданная не профессиональными авиаконструкторами (те бы уж подыскали более подходящий мотор), но школьниками, в кружке при Доме пионеров.

Оригинальная конструкция попала в Москву, на ВДНХ – и красовалась в павильоне два года, 1974-й и 1975-й...

Наверняка среди многочисленных посетителей ВДНХ нашлись люди, побывавшие на зоне, на лесоповале. Наверняка опознали хорошо знакомую «Дружбу» и вздохнули: эх, вот нам бы... Отсюда до зарождения легенды – полшажка.

Впрочем, всего лишь версия... Не настаиваю.

Ну что, господа эрудиты, разгадали загадку про трактор ХТЗ-Т2Г?

Ладно, не надо терзать энциклопедии и поисковые системы Интернета. Все очень просто: на жатве вокруг много сухой соломы. Одна искра – и заполыхает. А этот трактор искр разбрасывал вокруг очень много, ибо работал... на дровах! Именно так. Проектировался он для северных губерний, где леса много, а до бакинской нефти далеко (другой у нас в те годы не было). Охалку полешек в топку – поехали! Стимпанк, говорите? Ну-ну...

А напоследок позвольте дать волю фантазии. Устал от сухих исторических фактов... Фантаст я или нет, черт возьми?

Потому что не дает мне покоя одна фантастическая идея, один несбывшийся, но возможный поворот рассказанной истории...

Представьте себе: что, если бы увлекающегося товарища Бухарина занесло в той речи чуть в другую сторону? Например, прочитал бы он накануне роман Толстого «Аэлита» – по срокам и датам вполне возможная вещь. Прочитал бы, и впечатлился, и вспомнил бы другой роман старого партийного товарища Богданова – «Красную звезду», и сказал бы с высокой трибуны о космических полетах, и о необозримых межпланетных и галактических перспективах победившего пролетариата...

И товарищ Титов, как и в истории с тракторами, принял бы фантастические перспективы, нарисованные любимцем партии, за конкретное руководство к действию...

И кичкаские работяги, скребя затылки, поинтересовались бы: а что это такое,

¹² Э. Геворкян, «Вежливый отказ», сборник «Время учеников-2»

планетолет? Как примерно выглядит и для чего предназначен? И товарищ Титов объяснил бы, помогая себе жестами и поминутно сверяясь с романом «Аэлита».

И, знаете – верю! После трактора «Запорожец» – верю! Сделали бы! Смогли бы! Эти – смогли бы! А может...

Может, правы те, кто утверждает – Вселенная так велика, так необъятна, что где-то и когда-то непременно осуществилось или осуществится все, что мы, фантасты, ни придумаем?

Тогда... Тогда где-то и когда-то на заводском дворе стояла (или будет стоять?) не странная трехколесная конструкция, отдаленно напоминающая трактор, но еще более странный аппарат: выкрашенный революционной красной краской планетолет с надписью не «Запорожец», а, например, «Наркомвоенмор товарищ Троцкий»... И поднимутся (поднялись?) по трапу отважные советские межпланетные путешественники во главе с товарищем Титовым, и взвоят невиданные, запорожскими левшами изобретенные и сработанные двигатели, и устремится «Наркомвоенмор товарищ Троцкий» к Марсу или к другой, очень похожей на него загадочной красной планете.

А с другой стороны – из иного мира, из иной несбывшейся для нас вероятности – подлетит к загадочной планете интерпланетонеф «Святой равноапостольный князь Владимир» под командой лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитана Гагарина, тоже князя.

И встретятся они, князь и партийный работник, – там, среди древних каналов и разрушенных городов, и вместе сядут у слабо тлеющего костерка, и будут слушать напевный рассказ Аэлиты о нашествии свирепых магацитлов...